

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 1
Проблемы образования,
науки и культуры

2021. Т. 27

№ 4

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 1
Issues in Education,
Science and Culture

2021. Vol. 27

№ 4

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- Т. Е. Автухович**, д-р филол. наук, проф.
(Республика Беларусь, Гродно,
Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы)
- А. Е. Аникин**, д-р филол. наук, акад. РАН
(Россия, Новосибирск, Институт
филологии СО РАН)
- Дж. Боулт**, PhD (Art Studies), проф.
(США, Лос-Анджелес, Университет
Южной Калифорнии)
- А. В. Головнев**, д-р ист. наук, чл.-корр.
РАН (Россия, Санкт-Петербург, Музей
антропологии и этнографии (Кунсткамера)
РАН)
- В. Л. Иваницкий**, д-р филол. наук, проф.
(Россия, Москва, Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова)
- С. Г. Корконосенко**, д-р полит. наук,
проф. (Россия, Санкт-Петербург,
Санкт-Петербургский государственный
университет)
- К. Кроо**, д-р филол. наук, проф.
(Венгрия, Будапешт, Университет
Лоранда Этвеша)
- Дж. Майклсон**, PhD (Philology), проф.
(США, Лоренс, Канзасский университет)
- А. Мустайоки**, PhD (Philology), проф.
(Финляндия, Хельсинки, Хельсинкский
университет)
- Б. Ю. Норман**, д-р филол. наук, проф.
(Республика Беларусь, Минск, Белорусский
государственный университет)
- Г. Саймонс (Greg Simons)**, PhD, проф.
(Швеция, Уппсала, Уппсальский
университет)
- Э. Э. Сыманюк**, д-р психол. наук, проф.
(Россия, Екатеринбург, Уральский
федеральный университет)
- А. Федотов**, д-р филол. наук, проф.
(Болгария, София, Софийский
университет Св. Климента Охридского)
- Г. Г. Щепилова**, д-р филол. наук, проф.
(Россия, Москва, Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

- В. М. Амиров**, д-р филол. наук, доц.
(Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный
университет)
- Ю. М. Ершов**, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Севастополь, Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова
в городе Севастополе)
- Т. А. Снигирева**, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- Л. П. Быков**, д-р филол. наук, проф. (Россия, Екате-
ринбург, Уральский федеральный университет)
- Ю. В. Матвеева**, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- Б. Н. Лозовский**, д-р филол. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- М. А. Мясникова**, д-р филол. наук, канд. искусство-
ведения, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский
федеральный университет)
- Э. В. Чепкина**, д-р филол. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- А. П. Чудинов**, д-р филол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский государственный
педагогический университет)
- О. Л. Девятова**, д-р культурологии, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- Н. Б. Кириллова**, д-р культурологии, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- И. Я. Мурзина**, д-р культурологии, проф. (Россия,
Екатеринбург, Институт образовательных стратегий)
- Г. А. Глотова**, д-р психол. наук, проф. (Россия,
Москва, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова)
- Н. С. Глуханюк**, д-р психол. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- И. А. Ершова**, канд. психол. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- С. А. Минорова**, д-р психол. наук, проф.
(Россия, Екатеринбург, Уральский государственный
педагогический университет)
- Т. Ю. Быстрова**, д-р филос. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Екатеринбургская академия
современного искусства)
- Г. Е. Зборовский**, д-р филос. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- И. В. Зиновьев**, д-р филос. наук, доц. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- В. Ф. Олешко**, д-р филос. наук, проф. (Россия,
Екатеринбург, Уральский федеральный университет)
- Р. Коул (Richard Cole)**, PhD, проф. (США,
Чапел Хилл, Университет Северной Каролины)

Ответственный секретарь

Л. А. Хухарева

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА

И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

- Олешко В. Ф., Мухина О. С.* Роль новых медиа в установлении повестки дня (на примере темы коронавируса) 5
- Глебович Т. А., Новопашина С. С.* Малое СМИ в Instagram: формы продвижения и взаимодействия с аудиторией (опыт районной газеты «Родники ирбитские») 13
- Пономарева А. Н.* Коммуникационная деятельность банка «Тинькофф» в социальных сетях 28
- Распопова С. С.* Фактчекинг как формат саморегулирования медиасообщества 36
- Конкина К. М.* Контексты освещения темы коронавируса в повестке телевизионных новостей после объявления чрезвычайной ситуации 42
- Сабирова Л. Р.* Речевые особенности жанра интервью в современной татароязычной журналистике 52
- Попович Д. А., Боцегова Н. Н.* Актуальные концепты латиноамериканских СМИ (на примере аргентинского «Clarín», венесуэльского «El Nacional» и чилийского «La Tercera» за 14–15 мая 2021 г.) 60
- Антошин А. В.* Периодическая печать Британской Западной Африки на заключительном этапе колониальной эпохи 66

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Попова М. Ю., Ермоленко С. И.* «Чуткие выразители эпохи»: творчество писательниц 1850-х гг. 72
- Трахтенберг Л. А.* Басни Н. В. Леонтьева на сюжеты Ж. Лафонтена 81

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Кириллова Н. Б.* Коммуникационные технологии медиасферы как основа развития правовой медиакультуры 90
- Капкан М. В., Лихачева Л. С.* Праздничные демонстрации в советской культуре: к проблеме типологии технологий, методов и инструментов формирования гражданственности 98
- Николаев Р. М., Попов Е. А.* Литературные юбилеи в СССР и практики коммеморации в сталинской культуре 106

- Быстрова Т. Ю., Певная М. В., Асоян Л. А.* Место молодежных инициатив в культурном ландшафте Гюмри 115
- Девятова О. Л.* Польская музыкальная культура в жизни и творчестве композитора Сергея Слонимского 129
- Щербакова Т. Л.* Новации в орнаментальной культуре как процесс утраты сакрального (на примере русского текстильного орнамента XVIII — начала XX в.) 139

ПСИХОЛОГИЯ

- Зиннатова М. В., Глушкова М. С.* Психологические особенности тревожности и мотивации среднего медицинского персонала в период пандемии COVID-19 149
- Токарская Л. В., Черемных М. Н.* Сравнительный анализ личностных особенностей подростков с нарушением слуха и подростков, не имеющих ограниченных возможностей здоровья 157
- Леонова И. Е., Ершова И. А.* Личностные характеристики родителей с разной самооценкой адаптации к условиям дистанционного обучения детей 166

ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

- Зборовский Г. Е.* Удовлетворенность студентов колледжей и вузов образованием: сравнительный анализ 177
- Амбарова П. А., Стафеева А. Д.* Как создать атлас «серебряных» профессий: к вопросу о будущем «серебряного» образования и «серебряного» рынка труда 193
- Мальцев А. В., Касьянова Т. И., Закревская О. В.* Профорентация в современной школе: взгляд учителя 206

В ЛАБОРАТОРИИ УЧЕНОГО

- Керимов А. А.* Образовательный потенциал социальных медиа в контексте формирования правовой культуры в современной России 219
- Сайко Е. А., Шлыкова О. В.* Медиапотребление культурно-образовательного контента: современные реалии 229
- Баканов Р. П.* Репрезентация проблем в сфере образования в современной медийной повестке дня Республики Татарстан 238
- S u m m a r y 248

DOI 10.15826/izv1.2021.27.4.067
УДК 070.1:004.77 + 004.774.6:654.173 +
+ 578.834.1 SARS-Cov-2 + 616.9 COVID

В. Ф. Олешко
О. С. Мухина

РОЛЬ НОВЫХ МЕДИА В УСТАНОВЛЕНИИ ПОВЕСТКИ ДНЯ (НА ПРИМЕРЕ ТЕМЫ КОРОНАВИРУСА)*

Сложно представить более актуальную тему во всех мировых СМИ в последние два года, чем коронавирусная пандемия. Очередной виток в ее развитии — вопрос о вакцинации от COVID-19. Пользователи новых медиа ведут активные дискуссии, оказывая непосредственное влияние на повестку дня, в том числе с применением манипулятивных приемов. При помощи контент-анализа и онлайн-опроса авторы исследуют методы, используемые обеими сторонами полемики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: COVID-19; вакцинация; манипуляции; социальные сети; мессенджеры; новые медиа

Пандемия коронавируса, охватившая весь мир в начале 2020 г., стала триггером потоков публикаций не только в традиционных средствах массовой информации, но и в новых медиа. Как профессиональные журналисты, так и гражданские журналисты, блогеры, а также простые пользователи интернета начинают активное обсуждение каждого нового витка этой проблемы. Роль последних в формировании и развитии данного рода дискуссионных спиралей, как свидетельствуют данные ВЦИОМ, до сих пор остается малоизученной [Сеть как спасение].

* Статья выполнена при поддержке гранта РНФ № 19-18-00264 в рамках научного проекта «Цифровизация коммуникативно-культурной памяти и проблемы ее межпоколенческой трансляции».

ОЛЕШКО Владимир Федорович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой периодической печати и сетевых изданий Уральского федерального университета (e-mail: vladimir.oleshko@urfu.ru). ORCID: 0000-0003-3001-7391

МУХИНА Ольга Сергеевна — аспирант, ассистент кафедры периодической печати и сетевых изданий Уральского федерального университета (e-mail: olga.mukhina@urfu.ru). ORCID: 0000-0001-8791-6086

© Олешко В. Ф., Мухина О. С., 2021

Термин «новые медиа», как известно, появился в конце XX в., что было связано со стремительным развитием цифровых и сетевых технологий и коммуникаций. Одна из главных черт новых медиа — интерактивность в отношениях с аудиторией [Бирюкова, Новгородова, Кичкина]. Как отмечают исследователи, пандемия COVID-19 в каком-то смысле стала новым явлением, поскольку настигла человечество в период развитых технологий, в том числе коммуникационных. Поэтому сопровождается такими особенностями, как «инфодемия» и «датадемия» — переизбыток информации и данных [Коломийцева].

Очередным поворотом в онлайн-дискуссиях стала борьба за массовую вакцинацию, развернувшаяся в 2021 г. Индивидуумы, мгновенно разделенные на «привитых» и «антипрививочников», организуют эмоциональные диспуты на форумах, в чатах, социальных сетях и мессенджерах. Говоря об актуальности проблемы, добавим, что 1 октября 2021 г. она получила дополнительный повод для дискуссий в повседневной коммуникации населения. В Свердловской области принято Постановление № 05-21/1 главного санитарного врача об обязательной вакцинации работников, оказывающих услуги населению, в том числе сотрудников сферы образования [В Свердловской области...].

В результате пользователи Сети начинают эмоциональные споры, далеко не всегда корректные, зачастую с использованием манипулятивных методов воздействия и приемов пропаганды. Надо отметить, что изначально понятие «пропаганда» не имело негативного окраса, а означало просто распространение знаний, сведений, идей. Например, и вышеупомянутое постановление в п. 6 прямо указывает, что необходимо организовать работу со СМИ по пропаганде иммунопрофилактики против COVID-19. Однако сегодня данный термин все чаще воспринимается как синоним обмана и манипуляций [Быков; Jowett, O'Donnell]. Это скрытое психологическое воздействие [Фролова, Шапошникова], такие приемы глубже воздействуют на сознание и психику [Бредихин, Удальцов] и заставляют людей принять информацию на веру, как религиозные постулаты [Шарикова], без приведения аргументов, как это принято в честной дискуссии.

Относительно новой тенденцией является то, что в цифровую эпоху не просто каналом, а постоянно существующей платформой для подобного воздействия чаще всего становятся именно новые медиа. Выросло поколение, сформировавшееся в неразрывной связи с этими технологиями. В результате цифровая среда становится значимым полем для воздействия и пропаганды [Соловей]. Младшие («цифровые») поколения и даже некоторые представители старшего («аналогового») зачастую не представляют социальной жизни без гаджетов [Гокунь].

В этих условиях мы определили в качестве одной из приоритетных задач анализ контента, представленного на одном из подобных чатов, на предмет выявления манипулятивных интенций представителей конфликтующих сторон. А тема вакцинации от коронавирусной инфекции является очень показательной в этом смысле по той причине, что волнует подавляющее большинство разновозрастной массовой аудитории. Далеко не всегда это можно сказать о какой-то другой современной тематике. Прагматический аспект проблематики предопределяет в этом смысле результативность новых медиа.

Для системного анализа был выбран Telegram-чат Уральского федерального университета (УрФУ), привязанный к официальному каналу по адресу https://t.me/urfu_ru. Пользователями чата являются не только студенты, но и преподаватели, другие сотрудники, а также выпускники. На 1 октября 2021 г. подписчиков чата было 498 человек (в целом на канале — 9262).

Мы проанализировали сообщения канала и чата за период с 17 июня по 10 июля 2021 г. Именно в это время в Telegram-чате УрФУ имела место яростная дискуссия на тему вакцинации. Она была инициирована официальным сообщением о том, что в общежития университета будут селить в первую очередь привитых и переболевших студентов (из числа совершеннолетних, не имеющих противопоказаний к прививке).

Первым использованным в исследовании методом был контент-анализ. Мы отбирали, во-первых, только сообщения на тему вакцинации, во-вторых, только те, в которых можно было обнаружить, как мы уже отмечали, элементы манипулятивных интенций [Казаков] субъектов информационной деятельности. Исключались из эмпирической базы сообщения на другие темы, а также реплики, имеющие нейтральный оттенок. При этом мы учитывали всю совокупность высказываний как сторонников, так и противников вакцинации. Отдельно были проанализированы сообщения с канала УрФУ, поскольку это официальная позиция университета. Кроме того, учитывался и тот факт, что сообщения с канала автоматически копировались в чат и становились чаще всего темой для новых дискуссий пользователей.

Поскольку исследователи выделяют множество различных приемов манипулирования и пропаганды [Пейчева; Коваленко], то мы отмечали в качестве таковых лишь те из них, которые были представлены в фактических репликах пользователей в конкретном чате. Важно было также выяснить: обнаружили ли сами пользователи данные приемы манипуляций? С какой стороны конфликта? Чтобы ответить на данные вопросы, мы дополнительно инициировали опрос, в котором приняли участие 92 человека. Выборка относительно небольшая, но она изначально была узкой, поскольку нас как исследователей интересовали только подписчики конкретного Telegram-чата. Опрос был создан через Google-формы, а ссылка размещена в чате УрФУ. Участникам были заданы три вопроса:

1. Использовались ли, на ваш взгляд, приемы манипулирования, пропаганды на тему вакцинации в чате УрФУ? Если респондент отвечал на данный вопрос положительно, то должен был также указать, с чьей стороны, по его мнению, были использованы данные технологии.

2. Оказали ли влияние сообщения в чате на ваше решение привиться или отказаться от вакцинирования?

3. Как бы вы оценили итог пропагандистской кампании по вакцинации на уровне УрФУ (если она была реализована, по мнению респондента): достижение цели в виде большого количества вакцинировавшихся или, напротив, отторжение?

Мы добавили также необязательный блок, в котором участники могли поделиться своими комментариями по данной теме.

Итак, если обратиться к официальным сообщениям с канала университета, то за проанализированный период было опубликовано 74 сообщения. Из них мы выявили 16, в которых можно было обнаружить приемы манипулирования с целью убедить пользователей в полезности и необходимости вакцинации. В числе приемов, использованных на канале, выделим следующие:

- разоблачение фейков, разъяснения по поводу полезности вакцины;
- нагнетающие истории о заболевших и умерших от коронавируса;
- негативная статистика (*«На этой неделе в УрФУ зафиксировано 26 лабораторно подтвержденных случаев заражения COVID-19»*);
- указание на реальную перспективу лишения значимых благ для непривитых (*«В Москве и Подмосковье хотят пойти дальше и не допускать до очных занятий тех студентов, кто не прошел вакцинацию или не имеет антител к коронавирусу»*).

Однако должны добавить, что официальные сообщения на канале отличались прямотой: позиция университета не вуалировалась. Редкие сообщения можно считать более тонкой манипуляцией.

Отметим, что каждый пятый респондент нашего опроса (19,6 %) не заметил пропаганды вакцинации со стороны университета. Среди остальных большинство (68,5 %) отметило негативное воздействие таких манипуляций. Хотя их эффективность даже этими респондентами оценивается по-разному, вплоть до полного успеха. Оставшиеся 10,9 % указали, что кампания по продвижению вакцинации успешна, и не отмечали негатива, связанного с методами этого процесса.

Переходя к приемам манипуляций со стороны пользователей чата, отметим интересную тенденцию в восприятии: в нашем опросе большинство респондентов (30,4 %) указали на равную пропаганду с обеих сторон конфликта, были и те, кто настаивал на отсутствии манипуляций и пропаганды (15,2 %), но если участник выделял одну из сторон как более активного манипулятора, то чаще в пропаганде обвиняли сторонников вакцинации (41,3 %) — только их или преимущественно их. Еще 13 % респондентов указали, что пропаганда имела место в основном со стороны противников вакцинации, и ни один участник не отметил вариант, что манипулировали только «антиваксеры» (в последнее время в традиционных и новых медиа появился и такой термин).

Но если исходить из фактических данных, то картина прямо противоположная. Мы обнаружили 71 сообщение от сторонников вакцинации и 131 — от противников. Оговоримся, что не все реплики имеют однозначный смысл, поэтому цифры можно скорректировать, но несущественно. Добавим, что не все сообщения на тему вакцинации мы включили в анализ: мы учитывали только те, где обнаружили манипулятивные приемы.

Как отмечают исследователи, подавляющее большинство людей — конформисты. Они стараются не противоречить массе. Поэтому один из приемов манипулирования — создать впечатление массового мнения, значительного количества сторонников [Соловей]. Рискнем предположить, что именно этим объясняется ошибка в восприятии нашей аудиторией: дело в том, что именно к моменту опроса активировались по большей части сторонники вакцинации. Они создали впечатление масс: их просто было много в конкретный момент.

Среди сторонников вакцинации наиболее популярным стал прием неаргументированного объявления противоположной стороны глупцами — в том или ином варианте. Так, например, «привитые» приписывали «антипрививочникам» так называемые «мракобесные» теории («*Вы адепт вышек 5G и чипирования?*»), хотя к чести аудитории надо сказать, что в анализируемом чате сторонники подобных теорий не высказывались. Противоположное мнение объявлялось спамом, дискуссия с противниками — бесполезной («*диалоги с антипрививочниками веселые, но бесполезные*»), а сами «антиваксеры» — банальными любителями поспорить на все темы подряд («*Да это из породы протестантов, какая разница против чего, лишь бы был шум*») или просто глупыми («*антипрививочники все недалеко ума*»).

С другой стороны, собственная точка зрения неаргументированно объявлялась фактом, а предлагаемая информация — доказанной («*Эффективность спутника уже доказана*»), в том числе и совершенно неправдоподобная («*А какие “адекватные” аргументы могут быть против нескольких десятков лет мировых исследований?*») и с предъяснением ничем не подтвержденной статистики («*В случае со штаммом дельта эффективность правда снижается, но на 10–20 % максимум*»). Встречались и ссылки на авторитеты («*Ольга Матвеева вчера давала хорошее интервью*»; «*центр Гамалеи — вполне авторитетный производитель вакцин*»).

Отметим и совсем неэтичные приемы: такие, как переход на личности («*не надо равнять лучшие умы России по себе*») и перекладывание моральной ответственности за смертность от коронавируса на «антиваксеров» («*Антипрививочники осознают ответственность, что по их вине люди умирают настоящие?*»). Были и реплики в более творческих жанрах: от антиутопий («*Не думаю, что вашим бабушкам и дедушкам понравилось бы вымирание страны, а все к этому идет*») до сарказма («*Умер? А с прививкой было б хуже!*»).

Добавим, что только от сторонников вакцинации поступали сообщения с предложением заблокировать представителей другой стороны диспута («*можно было просто ее заблокировать*»). Вместе с тем, разумеется, и «антипрививочники» активно участвовали в дискуссии, в том числе с применением манипуляций. Реплики противников вакцинации мы разделили на две категории: против собственно вакцины и против принудительной вакцинации.

В плане первого пункта пользователи отмечали, в частности, потенциальные осложнения («*Дайте нормальную вакцину, а не спутник этот <...> после которого чувствуешь себя хуже, чем когда короной заболеваешь*»), а саму прививку объявляли заражением («*вакцина — это заражение, и не все легко его переносят*»). Встречались негативные примеры («*После вакцины на мне вчера можно было жарить яичницу*») и ссылки на историю, когда человечество как-то «выжило без укольчиков». Аналогично действиям противоположной стороны «антиваксеры» объявляли «привитых» глупцами: сравнивали с сектантами и солдатами, проникшимися «*духом послушания*». Встречались ничем не подтвержденные цифры («*3–5 лет уходит на создание вакцины, тут сделали за 3 мес.*») и отсылки к авторитетам («*Посмотрите интервью с Кириличевой, она работала в центре Гамалеи*»).

Однако наибольшее число реплик касалось принуждения к вакцинации. Использовался, к примеру, такой прием, как аналогия, когда эмоции с другой ситуации переносятся на обсуждаемую проблему («*это чистой воды фашизм и сегрегация людей*»). Вакцина объявлялась экспериментом и тестом («*добровольно-принудительные опыты на нас*»).

Противники вакцинации использовали и такие приемы, как перефразирование, искажение реплик противоположной стороны, в том числе с доведением до абсурда («*Погибнет 70 % подопытных в процессе проверки вакцины — ну и Бог с ними*»), а также взаимно складывали ответственность за возможные последствия вакцинации на ее сторонников («*А если здоровый человек поставит прививку и умрет, за это кого-то хотя бы премии лишат?*»). Отдельно нужно выделить тот факт, что только противники вакцинации использовали и такой метод, как намек на потенциальный бунт («*Так до митингов и одиночных пикетов ведь доведут*»).

Подводя итоги проведенного исследования, можно констатировать, что обе стороны дискуссии активно использовали манипулятивные приемы, продвигая всеми возможными способами свою точку зрения или индивидуально выраженное мнение. Недаром многие участники проведенного опроса отмечали, что видят «*только оскорбления друг друга*» и в целом складывается «*ощущение, что все что-то недоговаривают*».

В качестве дополнения, для формирования более широкой картины по поводу обсуждаемой тематики, мы провели еще одно исследование при помощи приложения «*Mediatoolkit*». При его посредстве можно искать и автоматически анализировать сообщения в интернете, в том числе в социальных сетях, на выбранную тему. Мы установили в поиске только одно ключевое слово «*вакцинация*», а также установили срок для поиска с 1 июля до 1 октября 2021 г., поскольку система позволяет осуществлять поиск только за 3 месяца.

Программа обнаружила 5873 сообщения, в том числе 2 358 (40,1 %) в Twitter, 1084 (18,5 %) на YouTube, 958 (16,3 %) в Instagram, 823 (14 %) в Facebook, 690 (11 %) на различных сайтах, в комментариях и на форумах. При этом, судя по графику, идет постепенное увеличение количества сообщений на данную тему. Большинство сообщений система оценила как позитивные (2416, т. е. 41,2 %) или нейтральные (2322, т. е. 39,6 %). Негативными она сочла 1119 сообщений (19,1 %). При этом в большинстве источников преобладали позитивные сообщения (кроме Twitter и Facebook, где преобладают нейтральные).

Добавим, что в научных публикациях, анализирующих роль массмедиа в освещении темы коронавирусной пандемии, акцент делается либо на контент, подготовленный профессионалами, либо на отдельно выраженные мнения, к примеру, блогеров [Пестова, Сафонов]. Однако новые информационные технологии дают возможность расширить именно дискуссионный потенциал медиа. Обсуждение при этом происходит не всегда в корректной форме, не может радовать и язык при прямом цитировании, зачастую участниками спора допускаются отнюдь не парламентские выражения. Но лишь таким образом можно дать возможность людям взглянуть на себя со стороны, убедить, что использование манипулятивных технологий в споре непозволительно ни одной из сторон. Что же касается

самой актуальной темы последних двух лет — темы коронавируса, а затем и вакцинации от различных штаммов COVID-19, то, конечно же, экспертами при этом могут быть только медики. А именно они отмечают, что отказ отдельных индивидов от вакцинации чаще всего был связан с низким уровнем доверия к власти и системе здравоохранения, в том числе в связи с короткими сроками создания вакцин [Орлова и др.]. Однако эти же исследователи считают разумной только позицию сторонников вакцинации, противоположная вызывает, по их мнению, недоумение. Другие авторы среди аргументов «антиваксеров» приводят только «мракобесные» (чипирование, стерилизация и пр.), называя эту позицию ущербной [Glasper]. Поэтому отсутствие равного и уважительного отношения друг к другу в дискуссии в студенческом Telegram-чате можно объяснить только тем, что нет его и в научном сообществе. Есть исследователи, предлагающие жестче наказывать за антипрививочную пропаганду [Гунай; Day], на этом фоне призывы привитых студентов заблокировать «антиваксеров» также не удивительны.

В заключение добавим, что 89,1 % участников нашего опроса отметили, что их позиция относительно вакцинации не изменилась в результате дискуссии в чате. Это, конечно, вполне закономерный и предсказуемый результат, поскольку немногие способны признать, что третьи лица влияют на их мнение. Вопрос вакцинации от коронавируса слишком насущный и значимый. Его невозможно игнорировать или просто заблокировать высказывания одной из сторон. Подобные тенденции вызовут лишь негатив и отторжение, что и показало наше исследование на примере конкретной группы. Как верно отмечали эксперты-медики, необходимо доверие к власти и системе здравоохранения. Но чтобы такое доверие сформировать, нужна стопроцентная открытость: ни один вопрос, в том числе (и особенно) острый и дискуссионный, не должен остаться без ответа. Если «антипрививочников» будут воспринимать исключительно как сторонников теорий чипирования, то равной и уважительной дискуссии не получится. Так что открытый диалог на тему вакцинирования или принятия каких-либо других мер, которые позволят преодолеть период пандемии, в данном случае — источник самой жизни в прямом смысле этого слова.

Бирюкова Ю. В., Новгородова Э. А., Кичкина Е. Г. Новые медиа как современная коммуникационная среда для взаимодействия СМИ и аудитории // Международный науч.-исслед. журн. 2021. № 2–2 (104). С. 137–140. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.103.2.057>

Бредихин А. Л., Удальцов А. А. Пропаганда как средство осуществления идеологической функции государства // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2020. № 3 (87). С. 10–14. DOI: <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2020-3-10-14>

Быков И. А. PR и пропаганда как инструменты политической мобилизации: актуальные подходы // Российская пиарология: тренды и драйверы : сб. науч. тр. в честь проф. В. А. Ачкасовой / под ред. А. Д. Кривоносова. СПб., 2021. С. 30–34.

В Свердловской области ввели обязательную вакцинацию отдельных категорий граждан // ТАСС. 2021. 1 окт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12555883> (дата обращения: 01.10.2021).

Токунь Ю. С. Политическая пропаганда в социальных сетях как деструктивное явление современности // Вестн. Белого генерала. 2021. № 7. С. 11–19.

Гунай А. Ч. К вопросу об ответственности за пропаганду отказа от вакцинации // Эпомен. 2019. № 31. С. 14–22.

Казаков А. А. Манипулятивный потенциал поляризованного политического медиатекста: вариант измерения // Вестн. МГУ. Сер. 10 : Журналистика. 2018. № 6. С. 75–93.

Коваленко А. А. Манипулирование общественным сознанием: теория вопроса // Актуальные проблемы гуманитарных наук : Всерос. науч.-практ. конф. Нижневартовск, 2021. С. 443–447.

Коломийцева Е. Ю. Новые медиа в пандемию: пути трансформации // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. 2021. Т. 1, № 1 (34). С. 144–152. DOI: https://doi.org/10.51965/2076-7919_2021_1_1_144

Орлова Н. В. и др. Влияние средств массовой информации и социальных сетей на формирование общественного мнения о вакцинации // Педиатрия. Consilium Medicum. 2020. № 4. С. 17–24. DOI: <https://doi.org/10.26442/26586630.2020.4.200531>

Пейчева А. А. Пропаганда и фейковые новости // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 4 (130). С. 116–120.

Пестова М. Е., Сафонов Е. А. Пандемия нового десятилетия: освещение темы коронавируса в СМИ // Медиасреда. 2020. № 17. С. 166–172. DOI: <https://doi.org/10.24411/2070-0717-2020-10136>

Сеть как спасение. Самоизоляция стимулирует россиян пользоваться ресурсами Всемирной сети // ВЦИОМ. 2020. 7 апр. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/set-kak-spasenie> (дата обращения: 01.10.2021).

Соловей В. Д. Особенности политической пропаганды в цифровой среде // Гуманитарные науки. Вестн. Финанс. ун-та. 2018. Т. 8, № 1 (31). С. 81–87.

Фролова Н. А., Шапошникова И. А. Виртуальные опасности интернет-коммуникаций // Национальная безопасность и молодежная политика: киберсоциализация и трансформация ценностей в vca-мире : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2021. С. 395–399.

Шарикова Г. В. Психологические эффекты пропаганды // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2020. Т. 5, № 1. С. 157–200.

Day M. Covid-19: Italian doctors are disciplined for anti-vaccination propaganda // The BMJ. 2020. 371. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmj.m4962>

Glasper E. A. Reducing the Impact of Anti-Vaccine Propaganda on Family Health // Comprehensive Child and Adolescent Nursing. 2021. Vol. 44, iss. 2. P. 79–85. DOI: <https://doi.org/10.1080/24694193.2021.1912988>

Jowett G. S., O'Donnell V. Propaganda and Persuasion. 5th ed. Los Angeles ; London ; New Delhi ; Singapore ; Washington DC, 2012.

Статья поступила в редакцию 04.10.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.4.068

УДК 004.032.6:070.1 + 070.23:316.77 + 070.1 + 316.774

Т. А. Глебович
С. С. Новопашина

МАЛОЕ СМИ В INSTAGRAM: ФОРМЫ ПРОДВИЖЕНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С АУДИТОРИЕЙ (ОПЫТ РАЙОННОЙ ГАЗЕТЫ «РОДНИКИ ИРБИТСКИЕ»)

В статье рассмотрен практический опыт апгрейда Instagram аккаунта районной газеты: представлены результаты работы SMM-специалиста, исследована применимость инструментов SMM-продвижения в масштабе малого СМИ, сформирован алгоритм работы с учетом специфики платформы и формата издания. Кроме того, проанализированы сетевые потребности и предпочтения аудитории издания, выявлены наиболее вероятные точки эмоционального взаимодействия и активного сотрудничества.

К л ю ч е в ы е с л о в а: районная газета; SMM; продвижение; аккаунт; Instagram

Введение

Современное информационное пространство стало преимущественно виртуальным, это обусловлено рядом причин — от технических возможностей до скорости и комфорта потребления информации. Крупные федеральные, областные и городские СМИ уже давно завоевали доверие своей аудитории и сформировали свой онлайн-сегмент, в том числе сетевой. В то же время районные издания, даже имеющие свой сайт, зачастую еще только наращивают возможности сетевого взаимодействия с аудиторией и увеличивают ее лояльность.

Организация успешного диалога с аудиторией обуславливает имиджевую и экономическую продуктивность современного СМИ, актуальным направлением подобного взаимодействия становится продвижение контента в социальных сетях [Бейнсенсон; Вырощева, Мохвин].

Теоретические исследования по сетевому взаимодействию с аудиторией разнообразны, учитывают различные аспекты и прикладные возможности сетевой коммуникации. Из общего объема работ следует выделить исследования В. Бейнсенсон, Е. Немчиновой, И. Топчий, В. Устинова, Д. Халилова [Бейнсенсон; Немчинова; Топчий; Устинов; Халилов]. Необходимо отметить, что в меньшей степени изучено продвижение средства массовой информации именно в Instagram. Работы, посвященные данной платформе, сосредоточены в основном на развитии бизнес-аккаунтов, а также на обучении базовым принципам взаимодействия в названной социальной сети.

ГЛЕБОВИЧ Татьяна Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати и сетевых изданий Уральского федерального университета (e-mail: tatanova11@gmail.com). ORCID: 0000-0002-5965-0126

НОВОПАШИНА Софья Сергеевна — студент департамента «Факультет журналистики» Уральского федерального университета (novopashina.s@mail.ru).

© Глебович Т. А., Новопашина С. С., 2021

Social Media Marketing (SMM) появился в медийной практике достаточно давно, о нем «заговорили еще в 70-х годах 20-го века» [Устинов, с. 250]. В современных реалиях SMM подразумевает продвижение различных информационных продуктов в социальных сетях. Это может быть как создание, ведение и раскрутка коммерческого аккаунта или группы, так и размещение рекламных объявлений внутри площадки. Все названные формы подобного рода виртуальной активности возможны благодаря непосредственному контакту с целевой аудиторией.

В свою очередь, целевая аудитория (target audience) понимается в работах как группа людей, «на которую в первую очередь целевым образом направлена маркетинговая коммуникация» [Мингазов, Макашова, с. 306].

К основным задачам SMM следует отнести повышение вовлеченности и охвата целевой аудитории, укрепление корпоративных связей, создание благоприятного имиджа издания, освещение новостей, событий, в целом значимой информации, завоевание и развитие интереса к информационному продукту [Крамаренко]. В настоящий момент сформирован значительный инструментарий SMM-продвижения, адаптированный под различные цели и потребности [Ольшевский].

Исследователи отмечают, что успех SMM-продвижения обусловлен активной ролью потребителя, который «сам инициирует контакт с информационным сообщением» [Устинов, с. 250], а также распространением информации представителями аудитории и горизонтом сетевого ожидания, построенном на готовности сконцентрировать внимание и транслировать наиболее привлекательный контент [Там же].

Для SMM-специалиста, который работает в малом СМИ, важно представлять особенности каждой социальной сети и правильно выбрать платформы для продвижения. Также необходимо выстраивать сетевые взаимодействия с аудиторией в русле редакционной политики. Все материалы в социальных сетях должны соответствовать имиджу, который создает средство массовой информации, и подчиняться законам, которые относятся к СМИ. Любой аккаунт в социальной сети, зарегистрированный от определенного издания, связан с ним (изданием) как юридически и концептуально, так и на уровне ассоциаций [Митрошина].

Среди площадок сетевого продвижения наибольшей популярностью пользуются Facebook, «ВКонтакте», Instagram, Twitter, «Одноклассники», Telegram. Исследователи подчеркивают, что «в зону действия SMM помимо социальных сетей входят сетевые сообщества, форумы, блоги и иные ресурсы, рассчитанные на активное коммуницирование аудитории» [Молчанова, с. 78].

Что касается современных инструментов SMM-продвижения, то к ним относятся контент-маркетинг, написание уникальных текстов, оформление и продвижение блогов, групп и сообществ, публикация разнообразного видеоконтента, работа в тематических сообществах, прямая реклама, оптимизация сайта под соцсети, аналитика с использованием инструментов Google Analytics и «Яндекс.Метрика». Цель их использования — повышение «качества присутствия в соц-сетях» [Коломийцева, с. 122].

Специалисты, предлагающие практические решения и кейсы по продвижению, подчеркивают, что аудиторию социальных сетей сложно ввести в заблуждение.

Моментальный обмен информацией и обсуждения способствуют выработке точки зрения и критической оценки. Сообщение, вызвавшее негативную реакцию или активную критику, очень быстро оставит информационный след в самых разных сетевых локациях [Digital-стратегии...].

Следует назвать традиционно выделяемые в работах сильные стороны сетевого продвижения СМИ. К ним в первую очередь относится возможность взаимодействовать с аудиторией в онлайн-режиме. Любая социальная сеть поддерживает комментирование публикаций, а также общение через личные сообщения в случае, когда человек не хочет задавать вопрос публично [Афанасьева]. Особую значимость виртуальное взаимодействие приобретает для аудитории районного СМИ, поскольку у жителей малых населенных пунктов всегда есть острые проблемы, требующие разрешения, и традиция обращаться в районную газету в сложных ситуациях, о чем свидетельствуют письма в редакцию.

Также сильной стороной является привлечение новой аудитории и появление подписчиков не только в социальных сетях: «...чаще пользователь попадает на сайт того или иного издания благодаря перепостам “френдов”, и знакомство с журналистским материалом часто предворяется чтением комментария “френда”» [Петрова, с. 129].

В социальных сетях можно максимально сфокусировать компанию по продвижению малого СМИ на конкретном сегменте целевой аудитории, поскольку пользователи уже зарегистрированы и сообщили о себе максимум сведений. Также есть возможность бесплатно привлекать аудиторию за счет упоминания в историях крупных аккаунтов со схожей тематикой или городских пабликах (если такие имеются), на страницах партнеров издания, увеличивать количество читателей благодаря интересному, полезному и вовлекающему контенту. Печатное СМИ зачастую ограничено в использовании игровых форм подачи информации, тогда как в социальных сетях это допустимо. Непосредственно игры, конкурсы, викторины, квизы вовлекают людей в контент издания, формируют ядро аудитории.

На сетевой платформе журналист может вести трансляцию с места события в режиме реального времени и сразу получать обратную реакцию от читателей и комментарии от экспертов. Такое взаимодействие дает возможность журналисту также в онлайн-формате опубликовать новость с учетом реакции на событие.

Хорошо выстроенная работа с социальными сетями решает сразу несколько принципиально важных для любого (в том числе малого) СМИ задач: расширяет охват аудитории, работает на узнаваемость издания, формирует и увеличивает лояльность аудитории, управляет интересом аудитории к контенту, обеспечивает обратную реакцию, создает дополнительные возможности для рекламодателей, позволяет сформировать и постоянно актуализировать представления о составе аудитории (благодаря сетевой статистике), увеличивает трафик на сайте [Digital-стратегии...]. «Кроме того, социальные сети формируют ядро пользовательской аудитории, которое впоследствии начинает пользоваться только этим ресурсом, принося рейтинг изданию» [Музыкант, Куценко, с. 136].

К слабым сторонам SMM-продвижения малого СМИ относятся необходимость трансформации материала для сетевой публикации, невысокая вероятность

того, что новость прочитают в ленте, отсутствие регистрации в социальных сетях и соответствующих гаджетов у читателей газеты, ограниченность СМИ форматом и редакционной политикой, отсутствие специалистов по каждой блог-платформе [SMM-маркетинг в социальных сетях].

Особую роль в процессе продвижения СМИ исследователи отводят площадке размещения и выделяют несколько подходов к ее выбору в зависимости от целей, которые ставит перед собой издание, и привычных локаций аудитории [Устинов].

Специалисты установили, что для привлечения трафика на сайт лучше всего подходят Facebook, «ВКонтакте» и Twitter. Эти платформы хорошо адаптированы для автоматического встраивания активных гиперссылок в текст: их не нужно оформлять каким-то особым образом, система делает это сама. Для внешней ссылки, которая была добавлена в текст первой, создается предпросмотр фрагмента по указанному адресу. В случае, если основной целью продвижения является реклама, то выбор площадки обуславливается такими показателями, как формат СМИ, доход, образование и возраст ядерной аудитории. При необходимости увеличить лояльность аудитории, создать ощущение постоянного «присутствия» СМИ аккаунт должен быть размещен на максимально возможном (физически и материально) количестве площадок. При этом «для каждой сети с учетом ее специфики должна выстраиваться отдельная модель» [Пустовалов, Ишматов, с. 238].

«Родники ирбитские» как объект продвижения инструментами SMM

Районная общественно-политической газета «Родники ирбитские» была создана в 2006 г., 3 ноября 2015 г. был получен паспорт — свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ТУ 66-01511. Сегодня тираж издания составляет 5 тыс. экземпляров, газета выходит два раза в неделю: во вторник и в четверг.

За годы своего существования газета смогла стать не только популярной среди жителей, но и приобрела своего постоянного читателя, которого привлекают на ее страницах официальные документы местного значения, новости сельского хозяйства, значимые ситуации, прославившие земляков, материалы о насущных социальных проблемах района, локальные культурные события, а также сведения о трудовых достижениях. Потребности аудитории определяют содержание районной газеты «Родники ирбитские», что отражено в предлагаемых рубриках («Актуально», «Экологический день», «АПК», «Спорт», «Земство», «Культура», «Образование», «Под острым углом»).

Одной из основных тем, которые постоянно представлены на страницах издания, является тема сельского хозяйства. Районное издание освещает также и социальные аспекты сельской жизни — сферу здравоохранения, культуры, образования, благоустройства, популярной стала духовно-просветительская страница газеты «Православное село».

Язык материалов отличается доступностью, что является одной из характерных черт районной газеты, адресованной простому читателю. Героями публикаций становятся знакомые многим люди, живущие в районе и получившие известность за свои

трудовые заслуги, человеческие качества, достижения. В зависимости от содержания публикуемого материала, а также его объема используются информационные, аналитические художественно-публицистические жанры. Районная газета была и останется весьма значимым средством массовой информации для конкретной территории, так как ориентируется на местного жителя и его местные интересы.

Что касается социальных сетей, то у газеты есть аккаунты во «ВКонтакте», Instagram, «Одноклассниках». Работа ведется в режиме «событие — газета — социальная сеть», из-за чего многие новости устаревают и не попадают в ленты подписчиков.

Мы побеседовали с редактором издания Аленой Михайловной Дудиной о том, как ведется работа над продвижением газеты в социальных сетях. Наша собеседница подробно остановилась на разных этапах сетевой работы редакции и выделила два основных момента:

Чтобы оставаться нужным читателю, традиционное средство массовой информации, в нашем случае — газета, должно через социальные сети, через сайт поддерживать к себе интерес. Например, в группах анонсировать самые важные, самые интересные, самые-самые яркие материалы очередного номера.

Должно быть так: для целевой аудитории каждой социальной сети создается свой контент, который бы провоцировал полную информацию получить из газеты, попросту говоря, заставляя ее прочесть. Для разных социальных сетей нужен разный контент, аудитория должна вовлекаться в обсуждение, в формирование информационной повестки номера газеты, участвовать в различных конкурсах, розыгрышах, лотереях и т. д. Иными словами, необходима мощная обратная связь, отраженная на страницах газеты [https://vkr.urfu.ru/index.php/42_03_02/sectionEditor/submission/59111 (дата обращения: 09.07.2021)].

На основании интервью мы разработали критерии анализа страницы газеты в Instagram и концепцию вносимых в работу изменений, направленных на привлечение и удержание внимания аудитории. Следует отметить, что в процессе практической деятельности мы также изучали и деятельность других районных изданий, связанную с продвижением СМИ, общались с коллегами из «районков» («Ревдинский рабочий», «Нейва», «Карпинский рабочий»), перенимали опыт. Проведенный (в тандеме с редактором и с опорой на опыт других журналистов) анализ страниц «Родников ирбитских» во «ВКонтакте» и «Одноклассниках» дал возможность привести на сайт издания аудиторию и из названных сетей. Вместе с тем отметим, что цель и объем статьи не позволяют нам остановиться подробно на всех направлениях сетевого апгрейда рассматриваемого издания.

Анализ Instagram-аккаунта районной газеты «Родники ирбитские»

Аккаунт издания [https://www.instagram.com/rodniki.irbitskie/ (дата обращения: 31.05.2021)] был создан 27 ноября 2018 г. В шапке профиля содержится достаточно информации о СМИ, также есть ссылка на сайт редакции, где публикуются свежие новости. Что касается оформления раздела «Актуальное», то можно выделить следующие особенности: присутствует единый стиль, есть несколько сохраненных

моментов с мероприятий, нет информации про редакцию, нет информации про график выходов газеты и эфиров, отсутствуют анонсы.

В самом начале существования аккаунта ежедневно публиковались фото и видео с мероприятий, которые проходили в Ирбитском районе. Аудитория активно взаимодействовала с газетой: ставила лайки и просматривала видео. Преобладали новостные материалы про сельское хозяйство и детское творчество.

С 12 февраля 2019 г. стали выходить сюжеты эфирных новостей в формате IGTV, которые касались важнейших проблем и событий района. Спустя несколько месяцев у публикаций появились репосты и сохранения, что привлекало новых подписчиков и увеличивало просмотры. Отметим, что постинг новостей с начала июня по конец ноября 2019 г. стал нерегулярным, затем с 30 января 2020 г. работа возобновилась.

В период карантина в аккаунте публиковались важные новости из больниц и госучреждений, которые мгновенно разлетались на репосты. Не осталось без внимания голосование по поправкам в Конституцию, когда редакция опубликовала серию видеообращений земляков, которые высказывали свое мнение. Они также набирали большое количество просмотров и репостов.

До начала анализа и апгрейда работа в аккаунте велась в штатном режиме: редакция рассказывала своей аудитории о самых интересных и важных событиях в постах, публиковала фото или видеосюжеты с кратким описанием. При этом наше внимание привлекли следующие отрицательные стороны работы: отсутствие единого стиля, рекламы аккаунта в сетях (только упоминание в «шапках»), удобной навигации по странице, когда каждый материал подписан и его легко найти; отсутствие навигации по хештегам, которая бы облегчила поиск по темам, историй с мест событий, анонсов на посты с сюжетами и новостями, а также информационного контекста, публикация устаревших, неактуальных материалов, поверхностное или нулевое взаимодействие с аудиторией.

Для продвижения страницы были предложены Instagram Stories, прямые эфиры, викторины/квизы, регулярный постинг, фотоконтент, видеоконтент. Выбор был обоснован тем, что в бюджет редакции не заложены затраты на рекламу и другие платные способы раскрутки, а перечисленные инструменты относятся к бесплатным формам продвижения.

Цели продвижения

Перед началом продвижения газеты в Instagram мы совместно с главным редактором определили цели, обязательные к достижению за время работы:

1. Возобновить регулярный постинг основных новостей. Только в этом случае на нашей страничке появится активность, и читатели будут знать, что происходит в Ирбитском муниципальном образовании (МО).

2. Увеличить численность «живой» аудитории. Заинтересованные подписчики автоматически становятся нашими потенциальными читателями. Кто-то предпочитает быть постоянным посетителем и комментатором, кто-то приходит реже и смотрит только тот контент, который уже получил одобрение у других пользователей.

3. Повысить показатели активности в профиле. Это жизненно необходимо для нормального существования аккаунтов сегодня, так как Instagram заменил хронологическую ленту (от новых постов к старым) на ранжированную, где посты появляются по принципу «интересности». Сейчас публикация поста не означает, что подписчики его увидят. Instagram сообщил [<https://www.instagram.com/> (дата обращения: 21.04.)], что посты тех аккаунтов, которые пользователь лайкает и комментирует чаще остальных, будут появляться в его ленте выше других публикаций, а посты аккаунтов, где пользователь почти не проявляет активности, будут в его ленте ниже. Кроме того, платформа «запоминает», кто и сколько комментировал и лайкал посты. Для определения вовлеченности используются системные возможности, соответственно новый пост показывается определенному числу подписчиков.

4. Увеличить количество подписчиков, используя бесплатные методы продвижения, поскольку на данный момент редакция не имеет возможности тратить средства на рекламу и другие коммерческие решения.

5. Удерживать внимание на постах. Как и активность в виде лайков и комментариев, продолжительность просмотров постов учитывается при ранжировании в ленте и попадании в раздел «Интересное». Так, красивая картинка, которую человек быстро просматривает и лайкает, будет показываться в лентах подписчиков реже, чем посты, на которых аудитория задерживает свое внимание.

6. Развивать взаимодействие с аудиторией. Instagram — отличная платформа для открытого диалога двух сторон. Выразить точку зрения можно в комментариях или сообщениях в Direct. Часто люди задают в личных посланиях вопросы, ответы на которые не смогли найти в интернете. Таким образом, повышается лояльность к изданию, люди чувствуют свою причастность к обсуждаемой проблеме. В результате увеличивается вовлеченность подписчиков аккаунта, так как при ранжировании ленты Instagram учитывает, как часто происходит общение с конкретным участником коммуникации. Даже небольшой диалог становится гарантией, что посты будут долго отображаться в персональной ленте на первых местах.

Примечательно, что через Instagram в основном приходят очень заинтересованные пользователи, которые готовы потратить свое время на полное прочтение материалов сайта. Это не случайные читатели, которые наткнулись на сайт через поисковой запрос, это аудитория, которая знает свое СМИ и следит за публикациями каждый день.

Возобновление активности аккаунта

Первого марта нам передали аккаунт газеты в Instagram. В этот же день был опубликован пост — поздравление подписчиков с началом весны. Это позволило убедиться, что аудитория активная и с ней можно взаимодействовать посредством имеющихся касаний в Stories.

Четвертого марта (четверг) у газеты по плану был выход нового номера. Заранее вместе с редакцией мы решили, что каждую неделю будем публиковать анонсы самых интересных новостей из свежего выпуска, чтобы привлекать внимание читателей и стимулировать интерес к прочтению материала в полном объеме,

а для того чтобы «прогреть аудиторию» и подготовить ее к информационному посту, мы опубликовали в Stories короткое видео о верстке и распечатке номера. Спросили, ждут ли подписчики свежий номер, и получили 51 положительный ответ. Сразу за первым видео последовали репосты, люди охотно делились тем, что появилось впервые. Кроме того, эмоционально и искренно откликнулась девушка — героиня одного из материалов номера. Ее сообщение («Маков цвет уже ждеет!!!») [<https://www.instagram.com/rodniki.irbitskie/>] (дата обращения: 31.05.2021) стало хорошим стимулом для продолжения работы.

Учитывая особенности аудитории, которая заинтересована в историях о людях разных профессий, мы в этот же день опубликовали краткий анонс материала «Нежное производство» и несколько видеосторий. Таким образом, мы подготовили аудиторию к публикациям следующего дня и показали, что происходит в Ирбитском МО здесь и сейчас.

В день выхода газеты корреспонденты сняли ролик, как распаковывают свежие, только полученные из типографии номера, а затем листают страницы и кратко анонсируют самые интересные материалы. Главной идеей такой подачи выпуска был показ деятельности редакции. Возможность включиться в работу, к которой традиционно нет доступа, понравилась подписчикам, соответственно, появилось много репостов.

Помимо новостного контента, мы решили опробовать развлекательно-познавательный. Выбрали для этого выходной день и опубликовали квиз «Что скрывается за красивым сюжетом и газетными страницами?», где попросили подписчиков угадать, как работает корреспондент, что такое «шпигель» и что такое «простыня». Спустя сутки были приятно удивлены результатами: из шестисот просмотревших примерно 80 человек участвовали проактивно.

Увеличив активность аудитории за неделю работы, мы перешли к публикации контента в новостную ленту. Первым постом стал рецепт блинов от читательницы из Ирбитского района, который ознаменовал начало Масленой недели. Если учесть, что до этого на страничке появлялись лишь длинные новостные выпуски в формате IGTV, которые набирали по 30–40 лайков, то наш «блинный контент» побил этот рекорд и, помимо лайков, набрал 35 сохранений и 7 репостов. Увеличилось число подписчиков, которые, скорее всего, ждали продолжения публикации рецептов (мы обещали их выложить позже).

На следующий день добавили другую актуальную тему — опубликовали краткое содержание материала про сотрудника «красной зоны». В контексте пандемии истории медиков привлекают внимание, соответственно, мы получили не только лайки и четырнадцать репостов, но и положительные, поддерживающие комментарии в адрес врача. Таким образом, удержание внимания аудитории на постах продолжилось, усилился эмоциональный контакт с аудиторией.

В продолжение Масленой недели мы еще раз опубликовали рецепт блинов, который вновь повысил активность на странице и занял лидирующие позиции по количеству репостов (всего — семнадцать). В то же время анонс материалов, представленный на следующий день, такого отклика уже не получил. Зато интерес вызвал пост про учителя из Ирбитского района, который стал призером

регионального педагогического конкурса «Учитель — профессия мужская». Подписчики активно делились этой информацией со своими друзьями.

Параллельно с публикациями контента в новостной ленте мы продолжали выкладывать видео с мероприятий в Stories. Корреспондентам газеты, которые снимали короткие видеосюжеты, такой формат был непривычен. Для освещения событий из жизни района и подготовки видеорассказов первоначально приходилось каждое утро делать переключку в чате. Тем не менее к такому режиму коллеги привыкли очень быстро, и уже 13 и 14 марта аудитория нашей страницы наблюдала за тем, как проходит Масленица в Ирбитском МО.

Опираясь на успешный опыт журналистов Ревды (газета «Ревдинский рабочий»), мы решили опробовать креативный заголовок для материала про районную библиотеку, которая выиграла большой денежный приз. Текст был следующим: «Три миллиона для молодежи, которая ходит в библиотеку», результат не заставил себя долго ждать. Сто тридцать четыре пользователя нажали кнопку «Мне нравится», девять поделились этой новостью с друзьями, а семь — оставили свои положительные (похвальные) комментарии. Кроме того, для увеличения аудитории и привлечения новых читателей мы договорились, чтобы репост этой публикации сделал к себе в Stories аккаунт «irbit_todays», где на тот момент было 1500 подписчиков. По прошествии времени стало заметно, что к нам стали переходить новые читатели и подписываться на аккаунт.

Сделали вывод, что методика коллег хорошо работает: такие заголовки привлекают внимание и вынуждают подписчиков прочитать материал до конца. Через несколько часов снова опубликовали новостной пост с заголовком «Поезд здоровья приехал в глубинку». Читатели не только узнали о визите офтальмологического комплекса в село Черновское, но и поинтересовались его дальнейшим маршрутом в комментариях. Таким образом, мы удержали внимание и помогли тем, кто хотел бы проверить свое зрение, но не владел информацией о маршруте.

Следующим пунктом нашего плана стало обновление видеоконтента. Готовые новостные сюжеты в формате IGTV набирали малое количество просмотров и откликов. Было решено подготовить минутные ролики с интервью или мероприятий, которые посещали корреспонденты. Дебют состоялся 16 марта, когда мы выложили видеообращение директора МУП «ЖКХ Ирбитского МО» Максима Сивкова, поблагодарившего подписчиков за заданные ему во «ВКонтакте» вопросы и ответившего на них нашим корреспондентам. Использованный инструмент продвижения вдвое увеличил количество просмотров в сравнении с новостными сюжетами.

Однако самым интересным и актуальным оказался пост про физкультурно-оздоровительный комплекс (ФОК) в поселке Пионерском. Перед тем как выложить информацию про него в новостную ленту, мы опубликовали в Stories проект комплекса и спросили подписчиков, знают ли они, что здесь изображено. Корреспонденты были уверены, что некоторые жители района уже имеют представления о строительстве, но точную информацию о том, когда оно начнется и что будет входить в ФОК мы сообщили впервые. В результате за сутки набрали 80 репостов, 13 сохранений, 3 комментария и около 20 новых подписчиков.

В перерывах между публикациями новых постов мы поддерживали активность аудитории в Stories: рассказали про открытие дворового клуба «Реал-спорт» в деревне Гаёвой, выложили небольшое видео из редакции, где показали, как работают дизайнер и корреспонденты в ходе подготовки нового номера газеты, предоставили информацию о том, когда выходит свежий номер газеты, где его можно приобрести, сообщили, в какие дни и на каких каналах выходит телепередача «Родники ирбитские», закрепили эту информацию в разделе «Актуальное».

25 марта у газеты был очередной выход свежего номера, анонс которого мы начали с видео в Stories, где показали, как наш водитель развозит газеты по разным точкам в городе. Такой контент ранее не публиковался, поэтому мы не только привлекли внимание аудитории, но и получили хороший отклик на пост с перечислением интересных материалов свежего номера (65 отметок «Мне нравится»). Не осталась без внимания главная тема большинства публикаций — сельское хозяйство. Корреспонденты сняли видео, как проходит технический осмотр агротехники, а подписчики отреагировали на это касаниями и реакциями в Stories.

Через месяц работы в аккаунте мы пришли к следующим выводам: аудитория заметила наше регулярное появление на площадке, проявляет активность и взаимодействует с нами (задает вопросы, пишет комментарии, отвечает на истории, ставит лайки, сохраняет информацию и делится нашими постами со своими друзьями); число подписчиков постепенно увеличивается (за месяц добавились 40 человек) без денежных вложений; аудитория с интересом наблюдает за деятельностью редакции; в нашем аккаунте успешно работают креативные (зачастую иронические, парадоксальные или юмористические) заголовки — опыт ревдинских коллег. В целом были задействованы такие инструменты, как Instagram Stories, викторины/квизы, регулярный постинг, фото контент, видеоконтент, реклама в городском аккаунте.

Поддержание активности в аккаунте

Работа над аккаунтом в апреле началась с того, что мы снова показали подписчикам несколько точек в городе, куда водитель завозил газеты. Кроме того, пост с анонсом новых материалов собрал хороший отклик: 46 отметок «Мне нравится» и 4 репоста. Затем выложили в Stories работу директора редакции Натальи Кузевановой, которая в онлайн-формате подводила итоги районного фестиваля-конкурса «Школьные СМИ».

Закрепили успех первого квиза, который проводили на начальных этапах работы, еще одним, в нем предложили подписчикам угадать, что такое «верстка», «петля» и «кирпич». Аудитория откликнулась на наши вопросы и приняла активное участие (на каждый вопрос было по 50–60 ответов).

Шестого апреля, в начале следующей рабочей недели, мы стали готовить читателей к новости о том, что в этом году на полную мощность заработал Центр для пациентов с хронической сердечной недостаточностью в Ирбитской ЦГБ. Понимая, что тема серьезная и горячо обсуждаемая в районе, мы показали, как корреспондент газеты расшифровывает интервью для этого материала, рассказали про сердечно-сосудистого хирурга, который проводит операции

с использованием современных медицинских технологий, а также показали его фотографии. Девятого апреля выложили пост с подробной информацией о том, как проводится работа в центре и какие больные могут получить шанс на операцию или лечение.

В качестве отклика появились следующие активности: репост Stories про хирурга, сделанный в аккаунте Ирбитской ЦГБ (в целом этот материал набрал 10 репостов и 4 сохранения), а также эмоциональный комментарий подписчика с благодарностью и просьбой обратить внимание на работу клинико-диагностической лаборатории.

Также сюжетами Stories стали посвящение пятиклассников Зайковской школы в кадеты; получение единовременных денежных выплат ветеранами боевых действий в Афганистане и Чечне, проживающими в Ирбитском районе; вручение семи жилищных сертификатов работникам АПК и социальной сферы. Увидели быстрые реакции на эти истории сразу от нескольких подписчиков и пришли к выводу, что такой инструмент помогает аккаунту в дальнейшем продвигать контент в ленте Stories среди других подписок.

После анонса очередного свежего номера газеты решили снова провести небольшую викторину. Предложили подписчикам проверить знания в области истории и выложили 3 несложных вопроса. Цифры в статистике вновь порадовали нас (на каждый вопрос было получено по 50–70 ответов). Таким образом, к продвигаемому новостному контенту добавился и развлекательно-познавательный.

Следующим этапом стало увеличение активности реагирования на информацию про строительство физкультурно-оздоровительного центра. Наши корреспонденты присутствовали при официальном начале строительства, сняли видео для читателей про закладку первого кирпича и капсулы времени с сочинениями школьников. Результаты не заставили себя ждать: 52 касания на наклейках, 111 отметок «Мне нравится» на посте, 20 репостов и 1 сохранение. Причиной хорошего охвата стала форма подачи контента и оперативность. Для сравнения: на странице Ирбитского МО пост про начало строительства появился спустя сутки и набрал в два раза меньше лайков.

В конце месяца мы продолжили знакомить читателей не только с новостями района, но и с работой наших журналистов. В частности, удалось зафиксировать встречу с медработниками специализированной бригады скорой помощи Ирбитской ЦГБ, которая в течение года выезжает на вызовы к пациентам с признаками ОРВИ и подозрениями на COVID-19, а также показать моменты с церемонии награждения заместителя директора и директора редакции «Родники ирбитские» благодарственными письмами губернатора Свердловской области на 11-м Уральском медиафоруме.

Наибольшее количество материалов с места события появилось 9 мая, когда мы делились с подписчиками записями мероприятий, посвященных Дню Победы, которые одновременно проходили в разных населенных пунктах. Выложили в Stories момент поздравления О. Г. Мижеревич — несовершеннолетней узницы концлагеря, организованного под окнами ее дома, затем опубликовали большой сюжет про героиню; разместили видеозапись торжественного митинга у обелиска

участникам Великой Отечественной войны в деревне Мельниковой, показали, как жители села Килачевское организованно отправились к обелиску.

Двенадцатого мая наши корреспонденты побывали на смотре строя и песни в Ирбитском МО, сняли несколько сюжетов для Stories. На следующий день мы вновь анонсировали свежий выпуск газеты, в карусель поста добавили фотографии наиболее интересных материалов. Если сравнить показатели только по этой категории (информационный пост с анонсом), то в этот день мы набрали максимальное (70) количество отметок «Мне нравится». Из анонсированной подборки мы выбрали материал, где речь шла про участие в Параде Победы нашего земляка — жителя деревни Фоминой Сергея Шушарина. Выложили про него отдельную публикацию и получили взрыв активности: 152 отметки «Мне нравится», 50 репостов, 2 новых подписчика, 1 сохранение и 5 комментариев, среди которых были и слова мамы, и запись из техникума, где учился Сергей: «*Мототехникум гордится своим выпускником...*» [<https://www.instagram.com/rodniki.irbitskie/> (дата обращения: 31.05.2021)].

Далее мы продолжили работу с видеоконтентом и решили опробовать новый формат — авторский анонс события от наших корреспондентов. Ирина Бархатова побывала на последних звонках в школах Ирбитского района и подробно показала все значимые моменты, но перед этим сняла 30-секундное видео, в котором рассказала подписчикам о предстоящем мероприятии. Именно эти истории набрали рекордное количество просмотров на тот момент: 757 зрителей.

Выявив предпочтения подписчиков, материал с открытия культурно-досугового центра народных промыслов и ремесел Ирбитского уезда мы снова начали с небольшого анонса Ирины Бархатовой и подписали его «#родникиирбитские с места событий», затем показали момент как была разрезана красная ленточка, опубликовали фото нашей команды, которая работала на этом мероприятии, и установили новый рекорд по просмотрам: 792 зрителя.

В целом за три месяца продуктивной работы в аккаунте были достигнуты следующие результаты:

1. Увеличилось число подписчиков. Первого марта 2021 г. их было 1513 человек, а первого июня стало 1615. Хочется отметить, что это произошло без денежных вложений, посредством публикации интересного контента и вовлечения аудитории с помощью различных инструментов.

2. Был налажен регулярный постинг новостей, создана рубрика «Анонс интересных материалов из нового номера газеты», проведена оптимизация аккаунта с помощью работы в Stories (видео с мероприятий, квизы, фоторепортажи, «включение» подписчиков в работу редакции). Результаты подтверждает статистика: 3 марта истории просмотрели 683 человека, а 29 мая активных зрителей было уже 792.

3. Увеличилось число охватов новостных постов. Каждый третий опубликованный пост набирал более 1000 охватов, в то время как ранее опубликованные не доходили до этой отметки.

4. Численно выросла активная аудитория, которая делилась постами, комментировала и ставила лайки. За последние 6 месяцев лидирующие позиции

по количеству лайков занимают те посты, которые были выложены в период апгрейда страницы.

5. Поддерживался контакт с аудиторией (ответы на комментарии с вопросами и просьбами), происходила обратная связь в Stories, отмечалась быстрая реакция подписчиков.

6. Был создан Taplink, куда добавились ссылки на все социальные сети, сайт и самые актуальные новости, которые подписчикам необходимо прочитать в полном объеме.

7. В ходе работы были задействованы основные инструменты бесплатного продвижения: Stories, регулярный постинг, квизы, фотоконтент, видеоконтент, репосты в городском паблике, репосты в городских организациях.

На основе проделанной работы был составлен рабочий план по поддержанию активности аудитории и ее увеличению:

1. Настроить удобную навигацию по хештегам, где будет присутствовать разделение по темам, например, #анонсыродникиирбитские, #схродникиирбитские, #новостиродникиирбитские. Подготовить отдельный пост, где указать все имеющиеся хештеги и попросить аудиторию на них подписаться, чтобы не пропустить важные новости.

2. Создать Telegram-канал, где можно будет размещать ссылки на актуальные новости с сайта, фото и видеоматериалы с мероприятий, обращения к читателям и получать мгновенную обратную связь в виде комментариев. Актуальность и необходимость такого канала подтверждают наши коллеги из «Ревда-новости»:

Телеграм — это не про длинные посты. Человек зашел, прочитал два предложения, листает дальше, потому что он уже в курсе. Параллельно это подогревает интерес к подробностям, которые будут у тебя на сайте или в газете. Человек знает, что он может купить свежий номер и узнать, что же все-таки там было. Ты обеспечил себе заинтересованного читателя (отрывок из интервью) [https://vkr.urfu.ru/index.php/42_03_02/sectionEditor/submission/59111 (дата обращения: 09.07.2021)].

3. Ввести прямые трансляции с места событий и предварительно анонсировать выходы в прямые эфиры в Stories, чтобы подписчики знали, в какое время подключиться и задать интересующие вопросы. После — обязательно сохранять прямые эфиры в формате IGTV.

4. Инициировать активность в других тематических сообществах: оставлять комментарии под актуальными и обсуждаемыми новостями, чтобы быть замеченными.

5. Продолжать репрезентацию новостей с места события в Stories, публиковать анонсы свежих номеров газеты, выкладывать посты с отрывками из самых интересных материалов номера и обязательно делать отсылку на сайт газеты, где можно прочитать материал целиком, поддерживать активность через викторины и квизы, работать с комментариями и управлять эмоциональным фоном через истории, чтобы получать как можно больше обратной связи и реакций.

Заключение

В ходе практической работы мы провели анализ сетевых страниц «Родников ирбитских» и обмен опытом с коллегами из других малых СМИ, рассмотрели и применили основные инструменты продвижения аккаунта «Родники ирбитские» на площадке Instagram, выработали алгоритм и стратегии продвижения малого СМИ с помощью SMM-инструментов.

Неотъемлемой частью продвижения СМИ в социальных сетях является его постоянное присутствие на площадке, открытое общение с аудиторией, использование современных технологий генерации контента и проявление различных форм лояльности к подписчикам. Стоит отметить, что платформа Instagram часто меняется, и нужно успевать подстраиваться под новую реальность. Это требует от SMM-специалиста постоянного мониторинга новостей, связанных с Instagram, и собственных наблюдений за платформой.

По мнению главного редактора газеты «Родники ирбитские» А. М. Дудиной, проведенная работа оказалась успешной и перспективной:

За три месяца активного ведения аккаунта на площадке Инстаграм наши коллеги, помимо видимых результатов, добились большего — мы не только опробовали инструменты продвижения на практике, ознакомились с алгоритмами работы, но и включили в свой рабочий график время, которое уделяем на создание контента. В начале это было новым и сложным для нас, но теперь стало привычным. Кроме того, мы постоянно анализируем и придумываем новые идеи для взаимодействия с нашими читателями [https://vkr.urfu.ru/index.php/42_03_02/sectionEditor/submission/59111(дата обращения: 09.07.2021)].

На основании полученного практического опыта мы можем сделать вывод, что за три месяца активной работы без денежных вложений можно увеличить не только число подписчиков, но и активность, лояльность, доверие аудитории.

Афанасьева Е. В. Современные тенденции использования социальных сетей в структуре массовой коммуникации и журналистики // Медиасреда. 2020. № 1. С. 125–130. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-ispolzovaniya-sotsialnyh-setey-v-strukture-massovoy-kommunikatsii-i-zhurnalistiki> (дата обращения: 20.03.2021).

Бейнсен В. А. Продвижение СМИ в социальных сетях: возможности и проблемы // Вестн. ННГУ. 2016. № 5. С. 239–243.

Выровцева Е. В., Мохвин А. Ю. Стратегические коммуникации современных изданий в социальных медиа // Челябин. гуманитарий. 2017. № 3 (40). С. 13–23.

Коломийцева Е. Ю. Актуальные тренды развития новых медиа // Вестн. ВУиТ. 2019. № 4. С. 121–128.

Крамаренко В. О. Реклама в интернете. Эффективное продвижение в социальных сетях // Медиасреда. 2019. № 2. С. 66–70. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reklama-v-internete-effektivnoe-prodvizhenie-v-sotsialnyh-setyah> (дата обращения: 15.04.2021).

Мингазов И. М., Макашова В. Н. Социальные сети как инструмент продвижения // Студенческий научный форум — 2016: VIII Междунар. студенч. науч. конф. URL: <https://scienceforum.ru/2016/article/2016028999> (дата обращения: 15.04.2021).

Митрошина А. Продвижение личных блогов в Инстаграм: пошаговое руководство. М., 2019.

Молчанова О. И. Влияние процессов медиаконвергенции на деятельность современных связей с общественностью // Вестн. ПАГС. 2017. № 3. С. 73–80.

Музыкант П. В., Куценко В. В. Генезис нового контента в интернет-пространстве: от «сарфанного радио» — к вирусному маркетингу // Вестн. РУДН. Сер. : Литературоведение, журналистика. 2014. № 4. С. 134–139.

Немчинова Е. Ю. Традиционные СМИ в социальных сетях: попытки взаимодействия // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2016. № 4 (21). С. 41–47.

Ольшевский Д. С. SMM-продвижение как эффективный инструмент маркетинга // Наука и инновации. 2017. № 175. С. 59–63.

Петрова Е. И. Интернет-СМИ и социальные сети: этапы конвергенции // Коммуникативные исследования. 2014. № 2. С. 128–133.

Пустовалова А. В., Ишматов М. Ш. Новости СМИ в социальных сетях. Перспективы успешного распространения // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2013. № 4 (24). С. 227–239.

Тютчий И. В. Медийный SMM: соединение визуального и эмоционального // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 3 (29). С. 145–152.

Устинов В. В. Актуальные тенденции развития SMM-копирайтинга в СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 4 (26). С. 250–253.

Халилов Д. Первое руководство по маркетингу в соцсетях от российского практика. М., 2018.

Digital-стратегии при продвижении СМИ. Ч. 1 : Продвижение СМИ в социальных сетях // MEDIABITCH : независимый журн. о PR. URL: <http://mediabitch.ru/digital-strategii-pri-prodvizhenii-smi-chast/> (дата обращения: 09.03.2021).

SMM-маркетинг в социальных сетях // Artox Media Digital. URL: <https://smm.artox-media.ru/wiki/smm-marketing.html> (дата обращения: 12.03.2021).

Статья поступила в редакцию 30.08.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.4.069

А. Н. Пономарева

УДК 316.62:159.923 + 336.71 + 336.645 + 004.032.6:070.1

КОММУНИКАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БАНКА «ТИНЬКОФФ» В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

В статье проведен анализ стратегий коммуникационной деятельности банка «Тинькофф» в социальных сетях. Данные площадки являются перспективным направлением для размещения рекламы в условиях стремительного развития информационных технологий. Сегодня можно говорить о переходе компаний в социальные сети для рекламы своих продуктов. Все большее внимание уделяется контент-маркетингу и созданию блогов в новых медиа. Цель исследования — показать, какие платформы и форматы выбирает банк, какой публикуется контент и как выстраивается работа с аудиторией.

К л ю ч е в ы е с л о в а: продвижение; социальные сети; маркетинговые коммуникации; диджитализация; банковская сфера; новые медиа

Введение

В дискурсе маркетинга, бизнеса и экономики в последнее десятилетие можно наблюдать повышенное внимание к развитию коммуникации в интернет-пространстве. В настоящее время можно проследить тенденцию отказа банков от традиционных видов рекламы и переход в диджитал-среду. Это обусловлено в первую очередь стремлением привлечь молодую аудиторию, развитием технологий, а также тем, что онлайн-среда обеспечивает больший охват пользователей, нежели традиционные каналы продвижения. Наибольшее внимание банки начали уделять разработке собственных рекламных проектов в интернете и сотрудничеству с медийными личностями. Это прежде всего связано с технологическим совершенствованием интернета, а также с изменениями медиапотребления.

Необходимо отметить, что новые медиа — неотъемлемая часть журналистики. Компании начинают отказываться от корпоративных медиа и создают собственные блоги и страницы в социальных сетях, тем самым привлекая потенциальных потребителей. Поэтому изучение деятельности компаний в социальных сетях можно рассматривать с точки зрения медиакоммуникаций.

Для проведения исследования мы использовали следующие методы: кейс-стади, контент-анализ и мониторинг.

При разработке темы мы опирались как на индустриальные исследования, так и на научную литературу. В качестве практической базы нами были использованы данные мониторинга компании *Mediascope* и финансовые отчеты компаний. В качестве теоретической базы использовались исследовательские работы, опубликованные в таких научных изданиях, как *Journal of Marketing Research*,

ПОНОМАРЕВА Александра Николаевна — магистрант факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (e-mail: aleexjour@gmail.com).

© Пономарева А. Н., 2021

Business Horizons, Journal of Interactive Marketing, «Реклама. Теория и практика». В научных работах, к которым мы обращались в ходе исследования, освещались следующие темы: интегрированные маркетинговые коммуникации, глобальная диджитализация и ее влияние на трансформацию коммуникаций. Данное исследование строилось на основе работ авторов, которые рассматривают как классические, так и новейшие формы маркетинговых коммуникаций.

В частности, речь идет о публикациях Г. Л. Багиева, М. Б. Яненко и М. Е. Яненко [Багиев, Яненко М. Б., Яненко М. Е.], Д. А. Каплунова [Каплунов], Д. В. Сендерова и Е. В. Роматова [Сендеров, Роматов], Г. Г. Щепиловой и К. В. Щепилова [Щепилова, Щепилов], Ю. А. Ровенского и Н. Н. Наточеевой [Ровенский, Наточеева], Ф. Котлера и К. Келлера [Котлер, Келлер].

В данной статье анализируется специфика работы банка с социальными сетями, выявляются ключевые особенности и тенденции маркетинговых коммуникаций. Однако научных работ, связанных именно с маркетинговыми коммуникациями банковского и финансового сектора, а также посвященных комплексному анализу маркетинговых коммуникаций банковских организаций в интернет-среде, пока недостаточно. Поэтому исследование проводилось на основе изучения корпоративной статистики, помимо этого использовались методы контент-анализа и мониторинга.

Выбор объекта для анализа был обусловлен двумя факторами: 1) «Тинькофф» является одной из ведущих компаний на рынке банковских услуг среди частных банков; 2) компания закладывает крупные суммы в бюджет на рекламу и маркетинг. Так, за первое полугодие 2021 г. расходы на маркетинг и рекламу превысили затраты всего прошлого года: они составили 11,5 млрд руб., а за 2020 г. — 10,6 млрд руб. [Консолидированная финансовая отчетность...]¹.

Цель исследования — показать, какие социальные сети и интернет-ресурсы выбирает банк для продвижения и как в них организует и выстраивает работу с аудиторией. При этом мы согласны с Ф. Котлером и К. Келлером, которые считают, что «маркетинговые коммуникации — это средства, с помощью которых фирмы пытаются информировать, убеждать и напоминать потребителям, напрямую или косвенно, о своих товарах и торговых марках» [Котлер, Келлер, с. 527].

Контент-маркетинг и нативная реклама как основа коммуникационной деятельности

В своих маркетинговых коммуникациях «Тинькофф» делает акцент на контент-маркетинге, партнерских материалах со СМИ, различных интеграциях и спонсорстве.

Компания О. Тинькова в 2015 г. запустила один из самых успешных проектов в контент-маркетинге банковского сектора — «Тинькофф-журнал» (далее также — «Т-Ж»). Уникальность этой площадки состоит в том, что в материалах

¹ URL: https://acdn.tinkoff.ru/static/documents/a3b75c9e-ae5-4cfe-98e1-d9d6fdda1244.pdf?_ga=2.234525722.505966236.1629968434-923948129.1628066412 (дата обращения: 12.09.2021).

отсутствует прямая реклама и продажа продуктов банка. Проект выступает как огромный канал привлечения и формирования лояльности аудитории. Он имеет несколько каналов дистрибуции: сайт (основной) и социальные сети (*Instagram, Telegram, Facebook, TikTok, Twitter*, «ВКонтакте»).

Основная задача этого проекта — просвещение населения страны в сфере финансов. Также важно отметить, что контент «Т–Ж» удовлетворяет потребности потенциальных клиентов, а материалы на сайте актуальны и всегда подкрепляются экспертным мнением. В качестве редакторов выступают не только штатные сотрудники редакции, но и специалисты из различных сфер: экономики, финансов, юриспруденции и др. Поэтому стать автором авторитетного финансового блога может практически каждый, кто обладает экспертным мнением и опытом и может рассказать свою историю доступным языком, потому что «Т–Ж» — это продукт *b2c* (от англ. «бизнес для потребителя»).

У проекта «Тинькофф» есть и развлекательный контент — тесты, финансовые гороскопы. Это, разумеется, оказывает положительное воздействие на лояльность аудитории и привлекает новых клиентов в банк. Также положительной динамике способствует и вовлечение своей же аудитории в создание контента (табл. 1).

В среднем количество просмотров статей на сайте составляет 27,3 тыс., частота публикаций — в среднем 15–20 материалов в месяц. Тематика материалов зависит от повестки дня. Так, с объявлением пандемии коронавируса большинство публикаций касались кризиса в различных отраслях, а также и более бытовых, приближенных к людям тем (например, «Мона Лиза у вас дома: какие виртуальные музеи посетить на карантине», «В тесной комнате и без гантелей: 12 онлайн-сервисов для тренировок дома», «Где заказать готовую еду: 15 сервисов доставки на дом» и др.).

Однако определенной узкой тематики у проекта нет, в нем освещаются вопросы, которые так или иначе затрагивают жизнь практически каждого гражданина: начиная от получения кредита и заканчивая условиями въезда в определенную страну.

Таблица 1

Анализ коэффициента вовлеченности в аккаунте «Тинькофф-журнал» в *Instagram**

Коэффициент вовлеченности	Май 2020	Июль 2020	Октябрь 2020	Февраль 2021
ER**	1,52	1,35	1,39	1,33

* Источники: авторский мониторинг.

** *ER* — *engagement rate* — рассчитывается по формуле: $ER \text{ за месяц} = (\text{все реакции за данный период} / \text{количество постов} / \text{число подписчиков}) \times 100 \%$. Коэффициент высчитывался в пересчете на посты.

На основе полученных данных можно сделать вывод, что вовлеченность аудитории практически не меняется и в среднем составляет 1,39. Это говорит о том, что, возможно, следует внедрять новые рубрики и искать иные подходы и пути к повышению вовлеченности аудитории.

Особенность публикуемого контента в данной социальной сети заключается в том, что в самом посте дается краткая выжимка из материала, который выкладывается на сайте — основной площадке, на которой базируется проект «Т–Ж». С сентября 2020 г. в текст поста также вставляется ссылка на статью с пометкой «некликабельная ссылка на будущее».

Еще одно направление, которое активно развивается банком, — нативная реклама, а именно — партнерские материалы. Самый известный и масштабный проект банка был запущен совместно с редакцией «Медузы». Редакция создавала тесты, игры и картотеку совместно с «Тинькофф». Такой формат коммуникации обеспечивает наибольшее вовлечение и количество упоминаний в социальных сетях. Это яркий пример *edutainment* — метода, предполагающего неотрывность обучения (*education*) от развлечения (*entertainment*), и *infotainment*-контента (контент, рассчитанный как на развлечение, так и на информирование аудитории), который не только развлекает, но и дает читателям определенную информацию по тем или иным вопросам.

Следует учитывать то, что привлечение новых клиентов и повышение узнаваемости бренда зависит не только от правильно выбранных рекламных и маркетинговых стратегий, но и от уровня доверия аудитории к компаниям. Согласно данным исследования компании «Делойт» в 2020 г., индекс полезности рекламы снизился на 7 %, а индекс лояльности к популярным *диджитал*-инструментам фактически отсутствует [Медиапотребление в России...]². Пользователи склонны доверять рекомендациям друзей, родственников или инфлюенсеров. Именно реферальный маркетинг позволяет в полной мере использовать силу личных рекомендаций. Под реферальным маркетингом понимается такой способ продвижения, при котором имеющиеся клиенты или рефереры получают бонусы за привлечение новых рефералов. Такой инструмент продвижения особенно ценен для бизнеса, поскольку он сочетает в себе взаимодействие с источниками продаж, распространением информации и отношением клиентов. Реферальный маркетинг не так распространен, как, например, классическое сочетание лендинга, чат-бота и аккаунта в социальных сетях. Стоимость привлечения новых потребителей через каналы рефереров зачастую ниже, чем ставки прямого промо, при этом лояльность аудитории будет гораздо выше именно за счет входа через рекомендацию. «Тинькофф» активно применяет этот метод. Так, банк выплачивает определенную денежную сумму за каждого приведенного клиента, а в саму программу он включил многие свои продукты — от инвестиций до кредитных карт и счетов. Помимо этого компания активно привлекает блогеров и других инфлюенсеров для продвижения товаров и услуг банка. Так, например, во время рекламы на площадке *Instagram* блогерам предоставляется специальная ссылка, которой они делятся со своей аудиторией и которая дает возможность оформления карты банка на более выгодных условиях (например, получение увеличенного кешбэка).

² URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/technology-media-telecommunications/russian/mediapotrebienie-v-Rossii-2020.pdf> (дата обращения: 24.04.2021).

Особенности продвижения банка в *TikTok*

Социальная сеть *TikTok* активно развивается и наращивает аудиторию вовлеченных пользователей. На данной площадке у «Тинькофф» есть несколько аккаунтов: «Тинькофф РПЛ», «Тинькофф», «Тинькофф Инвестиции» и «Тинькофф-журнал». В официальном аккаунте банка «Тинькофф» в *TikTok*, по данным на 26 апреля 2021 г., 90 тыс. подписчиков. В основном в этой социальной сети публикуются ролики, рассказывающие о преимуществах банка (кешбэк, нет офлайн-представительств, соответственно, нет очередей), о неудачных попытках мошенников обмануть клиентов банка, об инвестировании с «Тинькофф». Первый ролик был выпущен 10 октября 2020 г. (табл. 2).

Таблица 2

Показатели коэффициента вовлеченности в официальном аккаунте «Тинькофф» в *TikTok**

Октябрь 2020	Февраль 2021
0,93**	4,33

* Источник: авторский мониторинг.

** Коэффициент высчитывался в пересчете на опубликованные за выбранный период ролики.

На основе данных табл. 2 можно сделать вывод, что коэффициент вовлеченности аудитории в публикуемый контент увеличился в 4,5 раза, что свидетельствует об улучшении качества и релевантности роликов для аудитории этой площадки.

Помимо производства контента для аккаунтов, банк проводит рекламные кампании на данной площадке. По словам А. Назаровой, руководителя отдела таргетированной рекламы «Тинькофф», изначально они выходили с рекламой приложения для инвестирования и только после начали продвигать само приложение банка. В первое время для таргета и других форм продвижения использовались ролики, предназначенные для показа на телевидении. Однако, как говорит А. Назарова, сейчас они сотрудничают с командой видеопродакшена и снимают отдельные сцены для креативов в социальные сети. Это объясняется тем, что простой ресайз роликов для ТВ не подходит для продвижения на интернет-площадках. По результатам адаптации ролика с рекламой инвестирования от «Тинькофф», просмотры увеличились почти в 4 раза: было 3,1 %, а стало 11,23 %, а показатель *Cost Per Action* (CPA) (англ. «цена за действие») вырос в три раза³. При создании рекламных интеграций с блогерами банк предоставляет им полную свободу в написании сценариев и съемки роликов.

Коммуникационная стратегия Сбербанка также ориентирована на привлечение большого количества медийных личностей и блогеров, таких как Валерий Меладзе, Вера Брежнева, Даня Милохин и др. Компания старается формировать

³ Данные получены на вебинаре *TikTok Masterclass* от команды *TikTok for Business* от 28.04.2021, спикер — Алена Назарова, руководитель отдела таргетированной рекламы «Тинькофф».

образ современного банка, поэтому при оформлении видеороликов создатели следуют трендам этой социальной сети и ведут разговор со своей аудиторией на одном языке. Так, например, Сбербанк совместно с *Visa* запустил акцию «#Любимка». Участники могли выиграть мерч из лимитированной коллекции, созданной в коллаборации с популярным исполнителем *NILETTO*. Первый этап акции был приурочен к 14 февраля 2020 г. В рамках челленджа «#СберЛюбимка» пользователи социальной сети могли выкладывать собственные варианты креативного вручения подарка под аккомпанемент песни «Любимка». По данным на 21 сентября 2021 г., клип «Любимка» в новом исполнении собрал 7,9 млн просмотров.

У поколения Z с детства есть доступ к цифровому миру с разнообразным контентом. Именно поэтому, если что-то интересное привлекает внимание, то им необходимо рассказать об этом в кратчайшие сроки, используя при этом стриминговые сервисы или сториз. Этим обосновывается выбор брендами платформы *TikTok*.

Подкаст и видеоконтент как часть контент-экосистемы

В октябре 2019 г. «Тинькофф Инвестиции» запустили еженедельное развлекательно-информативное шоу на *YouTube* «Деньги не спят». Ведущие шоу — телеведущая Я. Азевич и радиоведущий и один из самых популярных частных трейдеров на финансовом рынке В. Олейник. В программе рассказывают о главных событиях, которые могли так или иначе повлиять на ситуацию на финансовых рынках и на исход инвестиционных сделок. Также проводится аналитика динамики финансовых показателей некоторых наиболее интересных для инвестирования компаний (табл. 3). Кроме того, ведущие анализируют свои инвестиционные и брокерские счета, показывая при этом экран мобильного телефона, и, выстроив ассоциативный ряд, можно догадаться, что счета у них открыты в «Тинькофф». То есть можно сказать, что в данных роликах присутствует нативная реклама приложения «Тинькофф Инвестиции».

Таблица 3

Показатели коэффициента вовлеченности шоу «Деньги не спят» на *YouTube**

Апрель 2020	Июль 2020	Октябрь 2020	Февраль 2021
2,55**	2,61	2,94	4,59

* Источники: авторский мониторинг.

** Коэффициент высчитывался в пересчете на опубликованные видео.

На основе данных табл. 3 можно проследить положительную динамику по вовлеченности аудитории в контент проекта, что свидетельствует об улучшении его качества и релевантности.

Помимо авторской программы на *YouTube*-канале, в апреле 2019 г. банк запустил первый в России подкаст про инвестиции — «Жадный инвестор». По словам автора проекта и редактора «Тинькофф Инвестиции Премиум» Д. Лехнической,

подкаст для «Тинькофф» — новый способ взаимодействия с инвесторами, пока они заняты домашними делами или едут в машине⁴. Суть проекта в том, что редакция делает выжимку из самых интересных и релевантных для аудитории новостей про финансовые рынки, упаковывая полученную информацию в короткий (в среднем 30–35 минут) контент с обсуждением тем с приглашенными экспертами (табл. 4). Изначально это задумывалось для разнообразия контента в «Тинькофф Инвестиции» и для демонстрации того, что приложение отличается не только удобным инструментарием для инвестирования, но и полезным контентом и собственной аналитикой.

Над разработкой подкаста работает команда из 4–5 человек (ведущий-редактор, звукорежиссер, 1–2 сотрудника аналитической группы, редактор-новостник, первоначально в команде был еще юрист) и один голосовой помощник.

Таблица 4

Результаты по прослушиваниям подкаста «Жадный инвестор», чел.*

1-й сезон, апрель — август 2019 г.	2-й сезон, сентябрь — декабрь 2019 г.	3-й сезон, февраль — июль 2020 г.
97 305	381 500 513 500 (со спецвыпусками с приглашенными экспертами)	420 719

* Источники: [Как мы сделали подкаст...].

На основе полученных данных можно прийти к выводу, что с каждым сезоном качество контентного наполнения подкастов и методы их продвижения улучшались, о чем свидетельствует рост прослушиваний.

Д. Лехницкая, ссылаясь на данные статистики *Apple Podcasts*, утверждает, что средняя продолжительность прослушивания составляет от 65 до 92 %. Все зависит от продолжительности выпуска — чем он короче, тем выше вероятность того, что его прослушают до конца.

В самом подкасте отсутствует реклама, главная задача — удержать пользователя в приложении для инвестирования, чтобы он совершал как можно больше сделок. Воронка продаж «Жадного инвестора» выглядит таким образом: к каждому выпуску прикреплены ценные бумаги, о которых упоминается в подкасте. По внутренним системам отслеживается, сколько человек, прослушавших выпуск, совершили сделки именно с данными бумаги, какую сумму потратили и что еще им необходимо узнать, чтобы принять окончательное решение. Конверсия — от 2 до 15 % — зависит от многих факторов, в том числе и от тарифа, и темы подкаста.

⁴ URL: <https://vc.ru/media/141329-kak-my-sdelali-podkast-dlya-investorov-na-1-mln-proslushivaniy> (дата обращения: 23.04.2021).

Заключение

В статье были выявлены основные особенности работы с социальными сетями банка «Тинькофф». Банковские компании увеличивают свое присутствие в новых медиа с целью повышения лояльности аудитории и привлечение молодежи. Подводя итог рассмотрению особенностей работы «Тинькофф» в диджитал-пространстве, можно выделить следующие отличительные черты.

Компания активно развивает аккаунт в *TikTok* и выкладывает в профиль качественный контент, тем самым увеличивая вовлеченность аудитории. Такой упор на данную социальную сеть может свидетельствовать о том, что компания ориентируется на достаточно молодую аудиторию. Также необходимо упомянуть особенности создания креативов для таргетированной рекламы: компания ушла от простого ресайза роликов для ТВ и начала снимать отдельные сцены для социальных сетей, что помогло увеличить просмотры почти в четыре раза и CPA в три раза. Помимо этого контент банка в социальных сетях, как правило, нацелен не на прямую рекламу и продажу услуг и продуктов компании, а на то, чтобы заинтересовать потребителя и показать ему ценность предлагаемого банка. Также важно отметить, что вовлеченность аудитории в контент, посвященный инвестициям, стремительно растет. К созданию контента банковская компания привлекает экспертов, что положительно влияет на уровень доверия аудитория к банку и предоставляемой информации.

Упомянутые выше факторы убеждают в том, что «Тинькофф» реализует активную стратегию размещения в диджитал-среде. Однако пока недостаточно данных для того, чтобы оценить эффективность размещаемого в интернете контента.

Багиев Г. Л., Яненко М. Б., Яненко М. Е. К вопросу формирования и совершенствования цифровой платформы организации и управления маркетинговой деятельностью фирмы: проблемы и задачи // Проблемы современной экономики. 2017. № 2(62). С. 127–132.

Как мы сделали подкаст для инвесторов на 1 млн прослушиваний // VC.ru. URL: <https://vc.ru/media/141329-kak-my-sdelali-podkast-dlya-investorov-na-1-mln-proslushivaniy> (дата обращения: 23.04.2021).

Каплунов Д. Н. Контент, маркетинг и рок-н-ролл : книга-муза для покорения клиентов в интернете. 3-е изд. М., 2018. 384 с.

Консолидированная финансовая отчетность в соответствии с Международными стандартами финансовой отчетности и аудиторское заключение. URL: https://acdn.tinkoff.ru/static/documents/a3b75c9e-aef5-4cfe-98e1-d9d6fdda1244.pdf?_ga=2.234525722.505966236.1629968434-923948129.1628066412 (дата обращения: 12.09.2021).

Котлер Ф., Келлер К. Л. Маркетинг-менеджмент. 14-е изд. СПб., 2014. 800 с.

Медиапотребление в России – 2020 // Делойт. 2020. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/technology-media-telecommunications/russian/mediapotrebienie-v-Rossii-2020.pdf> (дата обращения: 24.04.2021).

Ровенский Ю. А., Наточеева Н. Н. Банковский маркетинг. М., 2017. 272 с.

Сендеров Д. В., Роматов Е. В. Маркетинговые коммуникации : учебник для вузов. СПб., 2018. 496 с.

Щетилова Г. Г., Щетилов К. В. Основы рекламы : учебник для бакалавров. 4-е изд., испр. и доп. Москва ; Берлин, 2019. 472 с.

Статья поступила в редакцию 07.08.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.4.070
УДК 004.032.6:070.1 + 316.77 + 070.41

С. С. Распопова

ФАКТЧЕКИНГ КАК ФОРМАТ САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ МЕДИАСООБЩЕСТВА

В статье рассматриваются особенности функционирования массовой коммуникации, число участников которой заметно расширилось в последнее время. Новые реалии потребовали пересмотра сложившихся ранее норм регулирования массовой коммуникации. Существующие ныне этические документы, которые в основном представляют собой стандарты профессионального поведения журналиста, не могут выступать в качестве полноценного этического регулятора для всех участников массовой коммуникации в силу разнонаправленности их деятельности. Сегодня перед исследователями медиа стоит вопрос о выработке новых подходов к регулированию массовой коммуникации, одним из которых может быть фактчекинг.

К л ю ч е в ы е с л о в а: массовая коммуникация; саморегулирование; субъекты информационной деятельности; сеть; фактчекинг

Дискуссионным местом в современных исследованиях медиа является вопрос о регулировании массовой коммуникации. С. В. Авилкина, А. В. Волкова, А. В. Белоедова [Белоедова], И. А. Павлушкина, А. Н. Тепляшина, Ю. В. Клюев [Клюев], А. Б. Бочаров, М. О. Демидов, Д. В. Люкайтис, И. В. Кирия и другие исследователи при разности подходов приходят к необходимости рассмотрения особенностей функционирования массовых коммуникаций и выработки новых подходов к их регулированию.

А. В. Волкова говорит о необходимости «цифровой бдительности» в условиях, когда нормы этики оказываются подвижными, а сетевая культура представляет собой конфликтующие между собой ценностные установки [Волкова]. И. А. Павлушкина отмечает, что блогеры и гражданские журналисты, возможно, не всегда понимают, какие правила необходимы при работе с информацией. Они не несут ответственности перед обществом и пользователями за сказанные слова [Павлушкина]. Д. В. Люкайтис считает, что все авторы медиатекстов должны осваивать компетенции проверки информации, которыми ранее владели только журналисты [Люкайтис].

К вопросам фактчекинга обращается И. В. Кирия. Давая толкование понятию «фактчекинг», он отмечает, что фактчекинг, с одной стороны, представляет собой технологию, а с другой стороны, это персональный творческий процесс, который предполагает личную ответственность автора [Кирия]. А. Б. Бочаров и М. О. Демидов рассматривают фактчекинг не только как технологию проверки информации, они говорят о «мировоззренческой перепрошивке» современной

РАСПОПОВА Светлана Сергеевна — доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций Московского политехнического университета (e-mail: serpmiass@mail.ru).

© Распопова С. С., 2021

картины мира [Бочаров, Демидов]. Поэтому информационно-коммуникационные компетенции, по мнению исследователей, должны закрепляться и подкрепляться через мировоззренческие компетенции. Факчекинг также рассматривается в контексте освоения массовой аудиторией навыков верификации, задавая тем самым новые тренды развитию медиаобразования. С. В. Авилкина отмечает, что распространение искажений в Рунете происходит за счет совокупности факторов, которые являются следствием научно-информационной безграмотности и попыток привлечь внимание аудитории [Авилкина].

В отечественной теории журналистики требования проверки информации были зафиксированы в кодексах этических норм. Профессиональная этика журналиста определялась как юридически не фиксируемые, но принятые в журналистской среде и поддерживаемые силой общественного мнения, профессионально-творческими организациями моральные предписания — принципы, нормы и правила нравственного поведения журналиста. Нормы, описывающие права журналиста, не были отнесены к юридически закреплённому праву, они исторически выступали с позиции естественного права журналиста как человека и поэтому носили рекомендательный характер.

Необходимость формулирования норм применительно к деятельности журналиста исследователи связывают с саморегулированием как установлением принципов журналистской этики при сохранении редакционной свободы в том, что сообщать аудитории. Механизмы саморегулирования в сфере СМИ, функционирующие в разных странах мира, представляют собой многообразие подходов, суть которых состоит в возложении на СМИ ответственности не перед государством, а перед обществом на основе добровольно принятых профессионально-этических норм.

Предпосылкой для формирования саморегулирования прессы является общественное самосознание граждан. У института саморегулирования есть существенные преимущества перед классической судебной системой, которые состоят в том, что органы саморегулирования способны более гибко и эффективно взаимодействовать с субъектами информационного пространства. Потому что саморегулирование представляет собой сознательную внутрикорпоративную деятельность, которая в большей степени, чем нормативное регулирование, способна оптимизировать отношения журналистов и общества.

В интернетовскую эпоху сложились новые социальные отношения людей, находящихся в массовой коммуникации, для обозначения которых стал использоваться термин «сеть». Сетевые коммуникации оказывают в современном мире активное воздействие на все существующие коммуникационные модели. Под их влиянием традиционные социальные сообщества (научные, корпоративные, просветительские, лично-коммуникационные и др.), чтобы сохраниться и продолжить эффективно функционировать, вынуждены принимать логику сети. Виртуальная реальность представляет собой конкретную действительность, которая благодаря интернету трансформировалась в реальную публичность.

Интернет, а затем и социальные сети, которые приватное сделали публичным, привели к заметному расширению субъектов информационной деятельности, в числе которых на равных с профессиональными журналистами стали выступать

медийные специалисты, представители различных организаций и сообществ, блогеры, медиаактивисты. Они активно используют возможности массмедиа для своей публичной деятельности. Но наряду с гуманистическими установками у них зачастую наблюдается также иная мотивация, поэтому «...важно учитывать дискурсивное влияние политиков, ученых, общественных интеллектуалов, которые управляют значительной (социальной сетью) аудиторией, особенно комментируя спорные или иные культурно значимые события» [Волкова, 62].

Появление разнонаправленных субъектов информационной деятельности ставит исследователей перед необходимостью переосмысления характера взаимоотношений участников коммуникации, которые с появлением интернета стали публичными. В европейских и международных документах зафиксировано, что регулирование интернета является трехсторонним, его осуществляют государство, провайдеры или частный капитал и пользователи. В России в процессе регулирования активно участвуют государство, провайдеры, но, к сожалению, хуже обстоит дело с представителями пользователей, которые слабо заявляют о своем участии. Это может привести к тому, что сорегулирование так и не станет нормой в выстраивании трехсторонних отношений, а появление специальных законов о регулировании интернета может оказаться препятствием для его развития. Так, Я. Н. Засурский утверждает: «Предполагается, что в условиях саморегулирования владелец сайта должен указывать в основных параметрах предлагаемых программ, на какую аудиторию они рассчитаны, чтобы предупредить об опасности для определенных категорий пользователей тех или иных видов содержания. Такое саморегулирование предъявляет определенные требования к тем, кто занимается содержанием интернета» [Засурский, с. 32]. Поэтому можно говорить о приоритете саморегулирования в массовой коммуникации над нормативным регулированием.

В условиях глобального мира с развитием массовых коммуникаций произошли существенные изменения в работе с информацией. С одной стороны, они коснулись структуры производственного процесса в деятельности журналиста. Сегодня на всех стадиях работы над текстом журналист наряду с другими производственными задачами ставит перед собой задачу, решение которой направлено на проверку данных. С другой стороны, верификация стала для всех участников массовой коммуникации неотъемлемой частью работы с информацией. Поэтому принципы фактчекинга из чисто журналистской практики перешли в сферу медиа, где разрабатываются стандарты качества проверки информации, а овладение навыками верификации информации и фактчекинга становится необходимостью для всех участников массовой коммуникации. Эти требования представляют собой ядро работы с информацией, состоящей из системы технологических правил и этических принципов морали представителей медиа.

Массовая коммуникация в силу многообразия информационных субъектов не может регулироваться сегодня нормами этики журналиста. Существующие этические кодексы демонстрируют общие декларативные принципы, никак не связанные с реальной практикой современной медиасреды. «Неэффективность существующих журналистских кодексов в цифровом медиапространстве в первую

очередь связана с тем, что они ориентированы на профессионалов в журналистике, наделенных и, главное, осознающих определенную долю ответственности» [Афанасьева, с. 91].

Этим традиционные журналисты, для которых существуют высокие профессиональные стандарты работы с информацией, отличаются от других информационных субъектов, деятельность которых построена зачастую на индивидуальной ответственности или безответственности. Наряду с авторами медиатекстов в современной массовой коммуникации активно функционируют авторы-мистификаторы, которые создают фейковые новости в сфере социальной жизни, науки, экономики, политики, рекламы и др. «Мистификация заключается в том, что в текстах происходит рефрейминг (термин, который используется для описания процесса переосмысления и перестройки механизмов восприятия и мышления) базовой ситуации — смещение целеполагания» [Распопова, Богдан, с. 39].

Кроме того, сегодня появились альтернативные медиа, которые преследуют коммерческие или политические цели и через социальные сети распространяют новости из разных, в том числе непроверенных источников. Государственные организации и частные компании нанимают профессионалов в сфере коммуникаций, которые разрабатывают медиастратегии и изготавливают новости под выгодным для заказчика углом зрения. По этим причинам регулирование отдельных аспектов медиаиндустрии становится актуальным направлением саморегулирования медиа. А проверка фактов как одно из требований, предъявляемых к журналистам, постепенно перерастает в отдельный вид деятельности, называемый в международной среде *фактчекинг* (от англ. *factchecking*).

Организации фактчекеров в последнее время стали представлять собой достаточно эффективную форму контроля, модерации ресурсов и идентификации пользователей в Сети и могут быть рассмотрены как новый формат саморегулирования, который позволяет на основе технических фильтров качественно регулировать медиаконтент. На сегодняшний день сеть фактчекеров объединяет более 130 организаций из более чем 50 стран мира. Ее цель состоит в мониторинге последних трендов фактчекинга по всему миру. Деятельность этих организаций представлена известными сайтами: Snopes, FactCheck.org, PolitiFact, Full Fact, Bellingcat.

Вебсайт Snopes был создан для развенчания и проверки городских легенд и слухов. Следуя принципу прозрачности, сайт сообщает о своей методологии по отбору тем и источников для проверки, процедуре верификации, а также системе рейтинга и политике исправлений. В рейтинге Snopes среди отметок «(не)правда», «частичная правда/ложь», «mixture» (сочетание правды и лжи) есть и маркеры «верное/ложное приписывание цитаты» и «не проверяемо», когда точные данные для подтверждения или опровержения легенды/байки не обнаружены.

Сайт FactCheck.org, выполняя роль «адвоката» избирателей, направлен на снижение уровня обмана и неразберихи в американской политике. Одна из рубрик сайта «Viral Spiral» («Вирусная спираль») разъясняет, что стоит за массово распространяемыми в социальных сетях фейковыми сообщениями.

Вебсайт PolitiFact рассказывает о процессе верификации и применении своеобразного барометра правды. Утверждения официальных лиц, кандидатов

и лидеров политических партий, политических активистов маркированы шестью отметками — от абсолютной правды до полной лжи.

Британский сайт Full Fact автоматически «вылавливает» из информационного потока фейки и анализирует их «вручную». Развернутые публикации о подоплеке массово тиражируемых фейков, будь то утверждения, фото или видео, разбиты по рубрикам: экономика, здоровье, криминал, иммиграция и образование.

Международная экспертно-журналистская расследовательская группа Bellingcat привлекает к сотрудничеству не журналистов, а активистов. Эксперты Bellingcat используют открытые источники YouTube, Google Maps, Reddit и социальные сети для верификации и идентификации фото и видеоматериалов, а также определения геолокации конфликтующих сторон в момент совершения преступления. Вебсайт делится с пользователями методами расследования: каждому пользователю доступны расширенное руководство по верификации видеоматериалов и советы по распознаванию ботов (фейковые аккаунты) в социальных сетях.

С учетом того, что распространение недостоверной информации происходит в основном через социальные сети и поисковые службы интернета, многие компании также устанавливают внутренние правила. Так, например, «Твиттер» принял меры по блокированию ботов, «Фейсбук» сотрудничает с организациями по фактчекингу с тем, чтобы проинформировать пользователей о фейке. Фейковые новости стали отмечать значком «оспорено третьей стороной». Международный поисковик «Гугл» проводит верификацию наиболее виральных новостей. И каковы результаты? Что изменилось? Как это повлияло на сетевую этику? Может быть, нужно где-то отразить, чем этика традиционных СМИ отличается от этики сети?

Во многих СМИ появились отделы и рубрики, посвященные фактчекингу. Так, например, научный отдел качественной национальной газеты Volkskrant (Нидерланды) ведет рубрику о неудачных научных исследованиях. До 2012 г. она выходила под заголовком «Сомнение» («Twijfel»), затем — под заголовком «С крупницей соли» («Met een korrel zout»), а с конца 2014 г. упор был сделан на проверку публично тиражируемых научных утверждений, и, соответственно, изменился заголовок: «Правда ли это?» («Klopt dit wel?»).

Журналисты отдела, будучи специалистами в разных научных сферах, публикуют материалы, в которых они делятся результатами проверки на подлинность тех научных изысканий, которые потом публикуют другие медиа. Заметив малейшее несоответствие в таких утверждениях, редакция ищет им опровержение. Сначала автор обращается к высказыванию в первоисточнике (будь то научный доклад, выступление официальных лиц с новыми данными, результаты исследований), которое может существенно отличаться от его интерпретации в медиа или/и иметь ряд нюансов. Затем высказывание сопоставляется с экспертным знанием, причем важно найти такого эксперта, который имеет опыт подобного исследования и способен оценить правдоподобность выводов и их интерпретации. В самом опровержении автор указывает все нюансы, одновременно выявляя проблемы и доказывая натянутость выводов в исходном утверждении.

Модель фактчекинга разрабатывается и используется также и в российских медиа. Так, в «Новой газете» активно осуществляется верификация в дата-отделе.

Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что интернет изменил представление об информационном пространстве, исходя из своего глобального и планетарного характера, мгновенности внедрения технологий и различных информационных сервисов в цифровой среде, а также оперативной вовлеченности разных пользователей в создание медиаконтента. Учитывая принципиальную новизну интернета, ни нормативное регулирование, ни этические кодексы принципов журналистов не могут выступать в качестве надежного регулятора информации. Поэтому фактчекинг может рассматриваться как полноценный этико-технологический стандарт, который пришел на смену исторически сложившимся и утратившим свою актуальность кодифицированным этическим кодексам. Фактчекинг представляет собой систему технологических правил проверки информации, от соблюдения которых зависит достоверность информации — основное требование, предъявляемое аудиторией к информационному сообщению в системе средств массовой коммуникации. В связи с этим фактчекинг является новым форматом саморегулирования медиасообщества, который основан на совместных усилиях фактчекеров, журналистов, блогеров и многочисленных пользователей сетевой коммуникации, направленных на добровольное определение ими принципов верификации и их соблюдение.

Авилкина С. В. Распространение искажений в околонаучной сфере (на примере онкологических заболеваний) // Экология медиасреды : материалы III Открытой межвуз. науч.-практ. конф., Москва, 27 апр. 2018 г. / под ред. И. А. Фатеевой, И. В. Жилавской. М., 2018. С. 142–150.

Афанасьева Е. А. Создание и распространение контента: этические регуляторы в цифровом медиапространстве. URL: https://vk.com/topic-145014627_37702678 (дата обращения: 10.09.2021).

Белоедова А. В. Явление фактчекинга в современных журналистских практиках // Дискурсология и медиакритика средств массовой информации : сб. науч. работ по материалам междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 4–7 окт. 2017 г. / под ред. А. В. Полонского, М. Ю. Казак, С. В. Ушаковой. Белгород, 2017. С. 47–53.

Бочаров А. Б., Демидов М. О. Технология фактчекинга в борьбе с «информационным мусором»: проблемы и перспективы // Управленческое консультирование. 2020. № 12 (144). С. 102–111. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-12-102-111

Волкова А. В. Цифровая бдительность: этика сетевой коммуникации и пределы гражданского контроля // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 3. С. 59–64.

Засурский Я. Н. Регулирование и саморегулирование сети Интернет: европейские документы и опыт // Информационное общество. 2000. Вып. 4. С. 32–33.

Кирия И. В. Фактчекинг и верификация информации в работе современного журналиста в мультимедийной редакции // Мультимедийная журналистика. М., 2017.

Клюев Ю. В. Диссонанс этических норм и практик в аудиовизуальной коммуникации // Материалы междунар. семинара, С.-Петербург, 3–4 окт. 2013 г. СПб., 2013. URL: http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1411465736_7521.pdf (дата обращения: 28.06.2021).

Люкайтис Д. В. Фактчекинг как фактор реализации профессиональных стандартов журналиста // Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения : сб. материалов междунар. науч. форума : в 2 т. С.-Петербург, 18–19 апр. 2019 г. / отв. ред. В. В. Васильева. СПб., 2019. Т. 2. С. 87–88.

Павлушкина Н. А. Гражданская журналистика и блогосфера: игра не по правилам? // Материалы междунар. семинара, С.-Петербург, 3–4 окт. 2013 г. СПб., 2013. С. 67–69. URL: http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1411465736_7521.pdf (дата обращения: 28.06.2021).

Распопова С. С., Богдан Е. Н. Фейковые новости. М., 2017.

Статья поступила в редакцию 21.09.2021 г.

КОНТЕКСТЫ ОСВЕЩЕНИЯ ТЕМЫ КОРОНАВИРУСА В ПОВЕСТКЕ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ НОВОСТЕЙ ПОСЛЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ

В статье представлены результаты анализа телевизионных новостей за период с 1 февраля по 29 февраля 2020 г. Данный период является уникальным: в мире еще не была объявлена пандемия, но Всемирная организация здравоохранения уже заявила о чрезвычайной ситуации в связи с распространением вируса. Было рассмотрено 4930 оригинальных материалов пяти телеканалов: «Россия 24», «Москва 24», ОТР, «Мир» и Euronews. Из них было выделено 869 материалов, посвященных теме коронавируса. Исследование ставит перед собой цель проанализировать, какие темы формировали повестку информационного телевидения в указанный период, какое внимание уделялось теме коронавируса, а также какие контексты освещения темы существовали. Результаты исследования демонстрируют, что внимание уделяется не столько коронавирусу как новости социального значения, сколько его освещению с точки зрения экономики и политики, тогда как научное объяснение встречается крайне редко.

К л ю ч е в ы е с л о в а: коронавирус; пандемия; телевизионная журналистика; телевизионные новости; новостная журналистика

Введение

В 2020 г. коронавирус трансформировал все сферы общественной жизни, привычные повседневные практики. Наиболее явными изменения стали в период пандемии, когда многие страны, а также отдельные регионы постепенно ввели режим локдауна. Именно в это время сведения о том, что происходит в мире или в городе, можно было получить только опосредованно, через интернет, телевидение или радио.

В период пандемии в России выросло телесмотрение, увеличился приток новых зрителей, а также время просмотра телевизионных программ¹. Эксперты отметили наибольший интерес к телевизионным новостям: время просмотра выросло на 34 % по сравнению с периодом до изоляции. Результаты демонстрирует значимость телевидения и информационных программ для общества во время сложной эпидемиологической ситуации.

Научное сообщество обратило внимание на коммуникативное содержание СМИ во время пандемии. Например, учеными рассматривалась тема коронавируса в международной повестке [Калинин, Мавлеева; Курманова, Зарифиан]

¹ Медиапотребление в период пандемии. Ксения Ачкасова, исполнительный директор Mediascope. URL: <https://mediascope.net/upload/iblock/864/Adindex%20City%2023.07.2020.pdf> (дата обращения: 01.09.2020).

и в региональных СМИ [Дементьева; Калягина; Семенова]. Исследователи подчеркивают, что тема коронавируса была заглавной не только для научно-популярной журналистики [Панюкова], но и для развлекательных утренних шоу [Гавра, Файзиева]. Н. А. Купина отмечает, что оперативное реагирование отечественных СМИ на пандемию подтверждается активным словообразованием и использованием нестандартных метафор для описания «тревожной реальности» [Купина, с. 13]. Тревожность тематики коронавируса передается в СМИ языковыми средствами. Как подчеркивают зарубежные исследователи, введение 11 февраля 2020 г. официального термина «COVID-19» немного остановило тенденцию в американских новостных СМИ к акцентированию национальной принадлежности вируса [Prieto-Ramos, Pei, Cheng]. Если до февраля в СМИ США вирус маркировался в заголовках как «китайский», то после его терминологического определения заголовки новостей стали более нейтральными.

Стоит отметить, что еще нет научных работ, посвященных проблеме контекстуального содержания темы коронавируса в новостях. Актуальность данной работы определена тем, что были проанализированы новости российского телевидения, а именно конструирование темы коронавируса.

Формирование повестки дня

Первоначально «теория повестки дня» рассматривалась с позиции проблемы определения политического консенсуса [McCombs, Shaw]. Тем не менее концепция М. МакКобса и Д. Шоу о том, что медиа так или иначе делят новости на важные и неважные и тем самым оказывают влияние на восприятие новостей аудиторией, оказала огромное влияние на исследования массовых коммуникаций.

Ученые условно выделяют несколько направлений исследования «теории повестки дня», которые акцентируют внимание на проблемах условий конструирования повестки или доверия к СМИ, а также касаются механизмов создания политической повестки, аффектов ее восприятия и переноса повестки в общественную жизнь [Wanta, Alkazami]. Стоит отметить, что большее число исследований фокусируется на эффектах повестки дня, меньшее число — посвящено способам ее конструирования. Однако исследования построения повестки являются не менее важными, так как обнаруживают не только трехсторонние взаимоотношения — прессы, общества и власти, но и влияние всех трех элементов на структуру построения повестки [Lang G. E., Lang K.].

Исследования построения повестки дня методологически основываются как на опросах общественного мнения, так и на контент-анализе или анализе медиа-фреймов. Так, фрейминг представляет собой выбор некоторых аспектов воспринимаемой реальности и их выделение в тексте таким образом, чтобы получатель сообщения мог определить конкретную проблему [Entman]. Отметим, что при изучении построения повестки дня чаще исходят из суждения, что СМИ концентрируются на определенных темах, которые впоследствии аудитория воспринимает как важные. Повестка дня определяется пристрастием к таким темам, как политика, экономика, культура и т. д. [McCombs]. В случае, если какая-то тема

преобладает, это является доминированием мнений или действий определенных акторов [Van Dijk].

Конструирование повестки дня в начале пандемии

Мы проанализировали 4930 оригинальных новостных материалов пяти телеканалов — «Россия 24», «Москва 24», ОТР, «Мир» и Euronews. Выбор телеканалов продиктован тем, что все они являются информационными и имеют круглосуточное вещание. Основное их отличие — функциональное предназначение, т. е. ориентация на разные аудитории. Так, «Россия 24» и ОТР представляют собой федеральные телеканалы, направленные на российскую аудиторию. «Москва 24» является региональным телеканалом, вещает только в московском регионе и в Крыму. Вещание телеканала «Мир» осуществляется в 13 странах СНГ, Euronews также является международным телеканалом.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1 по 29 февраля 2020 г. Выбор этого периода продиктован несколькими факторами. Во-первых, 30 января ВОЗ объявила чрезвычайную ситуацию², в феврале вирус активно распространяется по всему миру. Во-вторых, 31 января появляются первые сообщения о распространении вируса на территории России³. Следовательно, к февралю телеканалы могли активно реагировать на тему распространения вируса. Мы предполагаем, что до объявления пандемии и более серьезной реакции государства в марте 2020 г. тема коронавируса не была заглавной в повестке, поэтому редакционные коллективы имели некоторую свободу при освещении этой темы в эфире.

При анализе новостей телеканалов мы обозначили круг возможных институализированных и неинституализированных тем, а именно: 1) коронавирус; 2) политика; 3) культура; 4) экономика; 5) спорт; 6) наука; 7) происшествия; 8) погода; 9) социальное значение. Рассмотрим выделенные темы подробнее.

В тему *коронавируса* мы включили новости, которые относились к проблеме распространения инфекции. Это сообщения о количестве заболевших, географии распространения, ограничениях из-за вируса, разработках вакцин, влиянии на экономику и культуру и т. д. Также к данной теме мы отнесли материалы, которые содержали заявления политиков или медийных персон о коронавирусе.

Тема *политики* объединила материалы, которые либо касались деятельности политиков, либо содержали их высказывания, либо освещали деятельность других политических акторов (оппозиционные движения, различные политические союзы или организации, регуляторы политической деятельности, представители законодательной и судебной власти), а также рассказывали о мероприятиях различных ведомств, организаторами которых являлись то или иное министерство, департамент или другие возможные участники политического процесса.

² Вспышка вируса 2019-нКоВ объявлена чрезвычайной ситуацией, имеющей международное значение. URL: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-emergencies/coronavirus-covid-19/news/news/2020/01/2019-ncov-outbreak-is-an-emergency-of-international-concern> (дата обращения: 13.05.2020).

³ В России выявили первых зараженных коронавирусом из Китая. URL: <https://www.rbc.ru/society/31/01/2020/5e341f929a7947d43c9aa308> (дата обращения: 13.05.2020).

В тему *культуры* включались материалы, посвященные событиям в мире искусства, а также материалы, повествующие о культурных и исторических событиях (например, праздник Масленицы, День Победы, религиозные праздники, дни памяти и т. д.).

В тему *экономики* вошли телевизионные сюжеты, которые касались процессов рыночной экономики, деятельности компаний, курса валют, акцизов нефти, продажи и покупки различных компаний, характеризовали текущее состояние рынка, давали оценку и прогнозы развитию внутренней или внешней экономики и т. д. К теме *спорта* мы отнесли материалы, посвященные спортивным событиям, высказываниям акторов спортивной сферы, происшествиям и скандалам, которые затрагивали спортсменов, и т. д. Тему *науки* представляли новости, рассказывающие о разработках, исследованиях, научных конференциях и т. д. В качестве отдельных тематических рубрик мы также выделили *происшествия* и *погоду*. Тема *общественного значения* объединяла материалы, которые не могли быть идентифицированы в рамках других: смешанные (например, о режиме работы ведомств, банков, МФЦ), различные советы, лайфхаки, интересные факты или темы социального значения (например, работа детских садов, школ, вузов, распространение ОРВИ, парковочные места, проезд транспорта и т. д.).

Так как тема коронавируса является центральной для данного исследования, более детально были рассмотрены контексты ее освещения. Мы определили следующие подтемы: политика, экономика, спорт, наука, культура, общественное значение.

Результаты исследования

На первом этапе мы рассмотрели соотношение тем в эфире каждого из телеканалов. Анализ показал, что чаще всего в программах телеканалов встречаются три темы: политика, коронавирус и новости общественного значения. В эфире таких телеканалов, как «Москва 24» и ОТР, часто встречается тема происшествий. Наименьшее внимание в эфире уделено теме науки. Важно, что коронавирус является одной из доминант повестки, хотя уступает теме политики (табл. 1).

Также было рассмотрено, в каких контекстах представлена тема коронавируса у каждого телеканала. Всего теме коронавируса было посвящено 869 материалов, около 20 % от всей повестки в эфире телеканалов. Больше всего материалов было представлено в эфире Euronews (24,3 %), наименьший объем был у телеканала ОТР (12,9 %).

Контексты мы определяли следующим образом. В блок контекстов общественного значения попали материалы, которые освещали повседневную реальность и влияние на нее вируса (например, материалы, которые рассказывали о количестве заболевших, ограничениях, новых нормах и правилах поведения, распространении вируса и т. п.). В контекст политики входили материалы, которые освещали политические высказывания и решения, связанные с эпидемией, новые законы и решения ветвей власти. Контекст экономики включил в себя материалы, которые рассказывали о влиянии вируса на работу бизнеса

(туроператоры, предприятия и пр.), о реакции рынка (котировки, акции и пр.). К контексту культуры были отнесены те материалы, которые касались отражения коронавируса в массовой культуре, искусстве, а также раскрывали его влияние на культурные мероприятия (закрытие выставок, отмена праздничных мероприятий и т. д.). То же касается и контекста спорта: это были сюжеты, которые повествовали о влиянии вируса на отрасль (например, отсутствие болельщиков во время матчей⁴), о переносе спортивных событий и т. п. Важно было определить, присутствовали ли в эфире телеканалов новости о коронавирусе в научном контексте: научно-популярное объяснение происхождения вируса, рассказ о создании вакцин, о виде коронавирусных инфекций в целом.

Таблица 1

**Распределение материалов на телеканалах по объему
в зависимости от их тематики**

Тема	Объем материалов				
	«Россия 24» (N = 1123)	«Москва 24» (N = 1398)	ОТР (N = 1178)	«Мир» (N = 816)	Euronews (N = 415)
Политика	387 (34,7 %)	172 (12,3 %)	168 (14,3 %)	174 (21,3 %)	146 (35,2 %)
Коронавирус	222 (19,8 %)	241 (17,2 %)	152 (12,9 %)	153 (18,8 %)	101 (24,3 %)
Общественное значение	149 (13,3 %)	366 (26,2 %)	357 (30,3 %)	200 (24,5 %)	44 (10,6 %)
Экономика	40 (3,6 %)	37 (2,6 %)	103 (8,7 %)	21 (2,6 %)	13 (3,1 %)
Культура	80 (7,1 %)	155 (11,1 %)	94 (8 %)	92 (11,3 %)	61 (14,7 %)
Спорт	82 (7,3 %)	46 (3,3 %)	32 (2,7 %)	45 (5,5 %)	5 (1,2 %)
Погода	27 (2,4 %)	48 (3,4 %)	66 (5,6 %)	62 (7,6 %)	21 (5,1 %)
Происшествия	130 (11,6 %)	328 (23,5 %)	195 (16,6 %)	65 (8,0 %)	22 (5,3 %)
Наука	6 (0,5 %)	5 (0,4 %)	11 (0,9 %)	4 (0,5 %)	2 (0,5 %)

Любопытно, что чаще всего новости рассказывали о коронавирусе как об общественно значимом событии, рассматривали его в контексте экономики и политики, реже всего коронавирус как явление рассматривался в контексте науки (табл. 2).

⁴ COVID-19: сопутствующий ущерб. URL: <https://youtu.be/KoVrfdczgNk> (дата обращения: 14.03.2020).

Таблица 2

**Распределение материалов на телеканалах по объему
в зависимости от их контекста**

Контекст освещения телевизионных новостей	«Россия 24» (N = 222)	«Москва 24» (N = 241)	ОТР (N = 152)	«Мир» (N = 153)	Euronews (N = 101)
Социальное значение	145 (65,3 %)	163 (67,63 %)	93 (61,18 %)	119 (77,78 %)	64 (63,37 %)
Политика	25 (11,26 %)	30 (12,45 %)	14 (9,21 %)	20 (13,07 %)	9 (8,91 %)
Экономика	41 (18,47 %)	39 (16,18 %)	37 (24,34 %)	12 (7,84 %)	22 (21,78 %)
Культура	0	3 (1,24 %)	5 (3,29 %)	0	3 (2,97 %)
Спорт	4 (1,80 %)	4 (1,66 %)	0	1 (0,65 %)	2 (1,98 %)
Наука	7 (3,15 %)	2 (0,83 %)	3 (1,97 %)	1 (0,65 %)	6 (5,94 %)

Действительно, стандартным контекстом освещения темы коронавируса в телевизионном эфире стала социально значимая информация. Например, часто встречались сводки о количестве заболевших в мире, об ограничениях в регионах и странах (ношение масок, социальная дистанция). Телеканалы следили за судьбой попавших в карантин пассажиров лайнеров Diamond Princess и Westerdam: рассказывали о транспортировке российских пассажиров с Diamond Princess в Россию и последующем карантине. Еще одной ключевой историей для телеканалов стал вывоз российских граждан из КНР: телеканалы рассказывали об их перелете, дальнейшем карантине. Так, в эфире телеканалов следили за историей сбежавшей из больницы девушки из Петербурга, находившейся на карантине.

Вторым значимым контекстом освещения темы коронавируса стала экономика. Телеканалы часто рассказывали о том, как вирус влияет на курс валют, о котировке нефти на фоне эпидемии. Особое внимание уделялось сферам бизнеса и тому, как на них повлияла эпидемия. Так, говоря о сфере туризма в целом, телеканал «Россия 24», делал акцент на угрозе туризму в Забайкалье из-за отмены транспортного сообщения с Китаем⁵. Другая важная экономическая тема – нехватка товаров (масок и лекарств). Эта новостная «история» встречалась достаточно часто в эфире телеканалов, в частности, поднимались вопросы подорожания лекарств и средств защиты, а также жизненно важных товаров в Дальневосточном федеральном округе из-за отмены сообщения с КНР.

Политический контекст стал третьим по частоте использования. Так, часто телеканалы освещали политические решения (например: «Вступил в силу запрет на чартеры в Китай»⁶). Внимание уделялось и рекомендациям Роспотребнадзора

⁵ В Забайкалье из-за коронавируса отменяют рейсы, а туроператоры не возвращают деньги. URL: <https://youtu.be/3jrTw9TFUXA> (дата обращения: 20.03.2020).

⁶ Вступил в силу запрет на чартеры в Китай. URL: <https://otr-online.ru/news/novosti-14022020-0400-polnyu-vypusk-146798.html> (дата обращения: 20.03.2020).

и других ведомств по предотвращению распространения вируса⁷. Контекст политики затрагивал не только внутренние события, но и внешние. Например, телеканалы Euronews и «Мир» часто в своих сюжетах говорили о роли коронавируса в международной политике.

Показательно, что тема коронавируса значительно меньше представлена в контексте науки. Телеканалы редко рассказывали о разработках ученых для предотвращения распространения вируса, отсутствовали сюжеты, содержащие научное объяснение природы вируса. Например, в эфире телеканала «Мир» был только один сюжет научного контекста, который был посвящен разработке вакцины от коронавируса⁸.

Редко включалась тема коронавируса и в контексты спорта и культуры. Важно подчеркнуть, что если в контексте спорта еще можно выделить некоторые «общие» ключевые истории (например, возможность отмены Олимпиады в Токио⁹ или гонок в Шанхае¹⁰), то контекст культуры вариативен (от карантина Джеки Чана¹¹ до создания специальных «коронавирусных» букетов для праздника влюбленных¹²).

Однако если в целом соотношение тематических контекстов коронавируса в эфире телеканалов было однородным, то локальные контексты несколько отличались (табл. 3). Локальные контексты в большей мере определялись функциональным значением каналов. Например, в эфире каналов «Мир» и Euronews тема коронавируса чаще подавалась в качестве новости о внешних событиях. «Россия 24», «Москва 24» и ОТР в больше мере уделяли внимание внутренним контекстам освещения коронавируса.

Таблица 3

**Внешние и внутренние контексты освещения темы коронавируса
на телевизионных каналах**

Контекст освещения телевизионных новостей	«Россия 24» (N = 222)	«Москва 24» (N = 241)	ОТР (N = 152)	«Мир» (N = 153)	Euronews (N = 101)
Внутреннее событие	122 (54,95 %)	103 (57,26 %)	91 (59,87 %)	119 (14,38 %)	6 (5,94 %)
Внешнее событие	100 (45,05 %)	138 (42,74 %)	61 (40,13 %)	131 (85,62 %)	95 (94,06 %)

⁷ Роспотребнадзор призывает отказаться от поездок за рубеж из-за коронавируса. URL: https://youtu.be/FsQLR_hKТа4 (дата обращения: 13.03.2020).

⁸ Вакцина от коронавируса разработана группой ученых. URL: <https://youtu.be/ELpEOVfCArc> (дата обращения: 14.03.2020).

⁹ Подготовка к Олимпиаде идет по графику: высказывание Паунда не является официальной позицией МОК. URL: https://youtu.be/acsLojR_b50 (дата обращения: 14.03.2020).

¹⁰ Этап гонок в Шанхае планируют отменить из-за вспышки инфекции. URL: <https://youtu.be/CRc0MjffNa0> (дата обращения: 20.03.2020).

¹¹ Джеки Чана поместили под карантин из-за возможного заражения коронавирусом. URL: https://youtu.be/zVwZm_cjN_o (дата обращения: 27.02.2020).

¹² Праздник влюбленных с коронавирусом. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kOh33DVhLQM> (дата обращения: 16.02.2020).

Выводы

В феврале 2020 г. коронавирус стал одной из центральных тем информационной повестки всех СМИ и медиаисточников. Однако именно телевизионные новости, особенно в период пандемии и локдауна, продемонстрировали, насколько в них нуждается аудитория. Например, в период пандемии в новостях появляется такой формат, как прямые трансляции обращений или «видеоконференции правительства»¹³. Данные исследований подтверждают, что у аудитории был большой интерес к такому формату¹⁴.

Проведенный нами анализ показал, что в феврале 2020 г., когда еще не была объявлена пандемия, телевизионные каналы уже уделяли внимание теме вируса. Тема коронавируса занимала второе или третье место, в зависимости от телеканала, по частоте освещения по отношению к общему объему материалов. Однако если рассматривать общий объем материалов за февраль 2020 г., который составил 869 телевизионных сюжетов, то на данную тему приходится только 17,6 % от всего эфира выбранных нами телеканалов. Можно сделать вывод, что тема коронавируса еще не является доминантой повестки, но если сравнивать с другими темами в новостях, освещается довольно часто.

Контексты освещения темы коронавируса в то же время демонстрируют, что телевизионные каналы уделяют больше внимания новостным историям, которые имеют социальное значение. Появляются ключевые новостные истории, за которыми следят в эфире (например, судьба пассажиров лайнера Diamond Princess или вывоз российских туристов из-за границы).

Тема коронавируса довольно часто освещается в контекстах экономики и политики. В эфире телеканалов рассуждают, каким образом новый вирус, еще масштабно не распространившийся на территории России, может повлиять на привычную повседневную жизнь, а именно экономику. Телевизионные новости демонстрируют, какие вопросы волнуют журналистов: прежде всего это вопросы, касающиеся изменения цен, дефицита каких-то товаров, ущерба бизнесу т. д. Тема коронавируса постепенно политизируется, сюжеты каналов часто конструируют ее через ракурс политического акта. В это время в эфире транслируются не только политические решения, но и рекомендации или инициативы политических деятелей или ведомств¹⁵.

Телеканалы мало используют научный контекст для освещения темы коронавируса. Стоит подчеркнуть, что в целом в эфире телеканалов тема науки освещается реже, чем другие темы. Это говорит о том, что телевизионные новости вообще мало ориентируются на сферу науки. Однако научный контекст освещения пандемии представляется важным, так как новости могли бы объяснять массовой

¹³ Обстановка требует дистанционной работы: Путин впервые провел онлайн-совещание с правительством. URL: <https://www.vesti.ru/article/2393962> (дата обращения: 15.03.2020).

¹⁴ Обращение Путина из-за коронавируса в прямом эфире посмотрели более 11 млн россиян. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4309340> (дата обращения: 20.03.2020).

¹⁵ В ГД предложили ввести ответственность за пранки о коронавирусе. URL: <https://youtu.be/AY8bBhALaCo> (дата обращения: 20.03.2020).

аудитории, почему вирус опасен и какие меры важно принимать для того, чтобы предотвратить его распространение.

Так же редко при освещении коронавируса телеканалы используют контексты культуры и спорта. Однако в данном случае меньшая частотность может быть объяснена тем, что на тот момент вирус еще мало затронул эти сферы.

Важно, что при освещении темы коронавируса телеканалы ориентируются на свои аудитории, и это в большей степени зависит от функционального значения канала. Данный факт очень любопытен с той точки зрения, что в дискурсе телевизионных новостей не акцентируется внимание на стране происхождения вируса и нет тенденции рассказывать о вирусе как о проблеме других стран. Телевизионные новости в большей мере ориентируются на то, как коронавирус изменит привычные для их аудитории повседневные реалии.

Тема коронавируса повлияла на новостную повестку еще до того, как эпидемия коснулась России. Однако можно отметить, что телевизионные новости достаточно сдержанно освещали данную тему: в целом объем материалов по этой теме небольшой. В дальнейшем представляется интересным проанализировать, каким образом тема коронавируса повлияла на телевизионные новости уже «после локдаунов» и как изменились контексты ее освещения.

Гавра Д. М., Файзиева Д. М. Трансформация утренних телешоу в условиях пандемии коронавируса: структурные изменения в эфире программы «Live with Kelly and Ryan» на американском телеканале ABC // Медиаскоп. 2020. Вып. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/2644>.

Калинин О. И., Мавлеева Д. В. Сопоставительный анализ метафорического образа коронавируса в СМИ КНР и Республике Корея // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. : Лингвистика и мужкультура коммуникация. 2020. Т. 18, № 4. С. 99–109.

Калягина Г. В. Новостной поток в период пандемии коронавируса. О чем чаще всего говорят нижегородские СМИ и почему? // Гуманитарные технологии в современном мире : сб. ст. Калининград, 2020. С. 176–180.

Курманова Д. Б., Зарифиан М. Тренды медиапотребления в Грузии // Вестн. РУДН. Сер. : Литературоведение, журналистика. 2020. № 25 (4). С. 797–807.

Купина Н. А. Пандемия коронавируса: метафорическая диагностика тревожной реальности в текстах СМИ // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2020. Т. 26, № 3 (199). С. 5–13.

Деметьева К. В. Медиакоммуникация региона в условиях распространения коронавируса: особенности медиаповестки и вовлеченности аудитории // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 5. С. 166–175.

Панюкова С. А. Освещение пандемии коронавируса в контексте научно-популярной журналистики // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 4 (38). С. 151–157.

Семенова Е. А. Фейковые новости на городском медиаполе в период пандемии коронавируса COVID-19 (на примере тамбовских СМИ) // Научно-практические исследования. 2020. № 5–3 (28). С. 62–65.

Entman R. M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // Journal of Communication. 1993. Vol. 43. P. 51–58. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>

Lang. G. E., Lang K. The battle for public opinion: The president, the press and the polls during Watergate. N. Y., 1983.

McCombs M. A Look at Agenda-setting: past, present and future // Journalism Studies. 2005. Vol. 6. P. 543–557. DOI: <https://doi.org/10.1080/14616700500250438>

McCombs M., Shaw D. The Agenda-Setting Function of Mass Media // *Public Opinion Quarterly*. 1972. Vol. 36. P. 176–187.

Prieto-Ramos F., Pei J., Cheng L. Institutional and news media denominations of COVID-19 and its causative virus: Between naming policies and naming politics // *Discourse & Communication*. 2020. Vol. 14(6). P. 635–652. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750481320938467>

Van Dijk T. K. Principles of Critical Discourse Analysis // *Discourse & Society*. 1993. Vol. 4 (2). P. 249–283.

Wanta W., Alkazemi M. Journalism as Agenda Setting // Vos T. (ed.). *Journalism*. Berlin ; Boston, 2018. P. 189–204. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781501500084-010>

Статья поступила в редакцию 19.09.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.4.072

Л. Р. Сабирова

УДК 811.512.145'38 + 070.19:004.774.6 + 004.032.6 + 070.1(470.41)

РЕЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА ИНТЕРВЬЮ В СОВРЕМЕННОЙ ТАТАРОЯЗЫЧНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

Изменения в языке — это во многом процесс расшатывания старой нормы и постепенное создание новой. Считается, что СМИ способствуют консервации нормы и максимальному замедлению изменений. Газеты и журналы закрепляют графический облик слова, а радио и телевидение — звуковой. Вместе они задают грамматические, синтаксические и прочие образцы, на которые и ориентируется читающий и слушающий их народ. Автором статьи изучены речевые особенности жанра интервью в современной татарской журналистике. Проанализированы 3012 фрагментов и сделаны следующие выводы: благодаря жанру интервью происходит фонетическое, морфологическое, лексическое, синтаксическое, орфоэпическое обогащение языка; много современных элементов, заимствованных из интернета, используется в печатных журналах на татарском языке; наблюдается тенденция к сокращению слов, использованию аббревиатур, типизированных языковых конструкций, фразеологизмов, заимствований, терминов, профессионализмов, диалектизмов, сленговых выражений, а также отмечается, что в разных печатных изданиях на татарском языке в интервью предлагаются разные варианты использования единых терминов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: татарский язык; журналистика; современные СМИ; жанр интервью

Средства массовой информации по отношению к языку являются своеобразным усилителем. Они могут выпячивать отдельные, иногда частные тенденции в развитии языка и речи. Например, благодаря им конкретное слово может стать популярным и модным, актуальным и даже ключевым для своей эпохи. Раньше корректоры следили за соблюдением орфографических и пунктуационных норм, редакторы следили за общей грамотностью, стилем, т. е. за культурой речи, а редакторы на радио и телевидении — еще и за орфоэпией (нормами произношения). К сожалению, это уходит в прошлое. В советское время многие слова просто не могли появиться в средствах массовой информации, и речь идет не только о ненормативной лексике, но и о диалектизмах и просторечиях. Сегодня же время речевой свободы.

Публицистический стиль оказывает большое влияние на процессы, происходящие в сфере языка. Журналист — носитель и творец национальной культуры речи. Пользуясь языком своего времени, он отбирает и в соответствии со своим творческим замыслом объединяет разные средства речи. Интервью — это совместное произведение журналиста и его собеседника. Сегодня само понятие

САБИРОВА Ляйля Рашитовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры национальных и глобальных медиа Высшей школы журналистики и медиакоммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета (e-mail: lysabirova@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-6699-615X

© Сабирова Л. Р., 2021

«литературный язык» в татарской журналистике становится размытым, а его нормативные границы подвергаются разрушительному влиянию околотитературных и нелитературных пластов бытового, упрощенного языка.

Жанр интервью в своих видовых модификациях получил большое распространение в современной региональной журналистике, в том числе и в татароязычной, так как подходит для реализации практически всех целей журналистского творчества. Полагаем, что следующие причины обуславливают популярность жанра интервью сегодня: во-первых, в настоящее время остро стоит проблема достоверности информации и возрастает ответственность журналиста за свои слова, поэтому журналист старается дословно цитировать речь человека; во-вторых, в связи с демократическими преобразованиями жизни возрос интерес к личности как таковой и, соответственно, к мнению этой личности; в-третьих, ускорение темпов жизни требует все более оперативного реагирования, а качеством оперативности интервью обладает в полной мере; в-четвертых, скрытая оценочность жанра интервью сегодня гораздо больше соответствует требованиям времени, чем прямая оценка; в-пятых, интервью обладает большой сочетаемостью с другими жанрами, иными словами, оно легко комбинируется с другими жанрами журналистики.

«Интервью как жанр претерпел ряд изменений, касающихся стилистики, типологии, характера функционирования. Развитие современных медиатехнологий, в том числе появление и развитие видеохостинга YouTube и социальных сетей, предоставляющих возможности для размещения видеоконтента, стремление авторов к сквозной монетизации материалов оказали значительное влияние на жанровый арсенал средств массовой информации. Наибольшие изменения произошли с жанром интервью, который многие исследователи ранее относили к информационным» [Амиров, Мамедова, с. 30].

Особенность речи интервью на татарском языке — ее лексическая разнородность: просторечные слова, диалектизмы, фразеологизмы, термины, жаргонизмы, заимствования, эмоционально-экспрессивные слова, которые способны синтезироваться с экстрапаралингвистическими средствами, что является подтверждением богатства языкового материала и в лексико-семантическом, и в лексико-стилистическом планах. Удачно подобранные средства речи становятся яркой отличительной деталью, служат передаче идейного содержания интервью в татарских средствах массовой информации. Например, с помощью трансформации фразеологических единиц интервьюируемый создает емкие, выразительные образы. В общей системе используемых фразеологических единиц ведущее место занимают просторечные фразеологические выражения, которые в соединении с индивидуально-авторскими образованиями становятся стилеобразующим ядром, фразеологической основой языка личности.

Современная татарская речь, представленная в интервью, содержит «внелитературные элементы», которые придают ей определенную окраску. Стоит отметить, что этот процесс имеет как положительные, так и отрицательные моменты. Например, инверсии, парцелляции, слова-паразиты, жаргонизмы, речевые ошибки, как синтаксические, так и стилистические, многими могут приниматься за норму.

Все указанное выше, на наш взгляд, позволяет говорить об актуальности интересующей нас исследовательской проблемы. *Актуальность* работы, таким образом, обусловлена интересом к изучению татарского языка, проявлением его в средствах массовой информации в виде речевого жанра интервью, необходимостью подробного рассмотрения вопроса об обогащении татарской речи посредством интервью и определения роли жанра интервью в развитии татарского литературного языка. В связи с возросшим интересом лингвистов к анализу диалогических форм дискурса актуальным становится дальнейшее выявление стратегических механизмов, лежащих в основе диалога, в том числе и интервью, представляющего собой базовую модель коммуникации — разговорный диалог.

Цель данной статьи — выявление и изучение речевых особенностей жанра интервью в современной татароязычной журналистике.

Объектом исследования стали печатные издания, интернет-сайты, а также онлайн-медиа Республики Татарстан на татарском языке, *предметом* исследования — речевые особенности интервью в системе жанров татароязычных СМИ Республики Татарстан.

Исследование охватывало два хронологических периода. Первый период — с 2004 по 2009 г.: анализировались тексты газетных интервью, опубликованные в татароязычных газетах «Акчарлак», «Безнең гәжит», «Ватаным Татарстан», «Ирек майданы», «Мәдәни жомга», «Сабантуй», «Татарстан яшьләре», «Шәһри Казан», журналах «Сөембикә», «Ялкын»; электронные тексты интервью на сайтах «Матбугат.ру», «Интертат.ру». Некоторые результаты исследований по данному периоду были ранее апробированы [Сабирова, 2011, с. 3–126].

Второй период — с 2020 по 2021 г.: анализировались все те же издания, но еще добавились новые видеопроекты, интервью на YouTube-канале журнала «Сөембикә» и «Ялкын» под рубрикой «Сораштыргалаштыру» и «Интервью». В период пандемии COVID-19 многим из указанных выше изданий не удалось сохранить тиражи в полном объеме. Несмотря на то, что некоторые медийные эксперты [Амзин; Градюшко; Мирошниченко] прогнозируют дальнейшее сокращение тиражей периодической печати, в Республике Татарстан со стороны властей все же предпринимается ряд мер по поддержке редакций газет и журналов.

Общий объем проанализированного материала составляет 3012 фрагментов, извлеченных из 276 печатных интервью, и 48 видеointerview на татарском языке.

В работе использовался комплекс различных *научных методов*, включая дискурсивный анализ. При обобщении, систематизации и интерпретации результатов наблюдений применялся описательный метод. Были использованы также общенаучные методы наблюдения, сопоставления, обобщения. В процессе исследования, помимо лингвистических, привлекались общефилологические, лингвокультурологические данные, необходимые для анализа.

Языковые взаимодействия в сознании татар имеют более сложный характер, поскольку большинство лиц татарской национальности — билингвы. «В отличие от татар-селян, языковое поведение городских татар, как правило, носит либо преимущественно недиглоссный характер, когда оба используемых языка — татарский родной и русский — воспринимаются как равноправные, либо диглоссный, причем

неродной русский расценивается как более престижный. В деревне же, напротив, преобладает диглоссия, в рамках которой явным приоритетом пользуется родной татарский язык» [Рамазанова, с. 80]. Кроме того, нередко встречаются люди, говорящие только на татарском языке. Чтобы язык по праву мог называться государственным, он должен обслуживать все сферы деятельности народа, при этом носители должны пользоваться его богатством в полной мере. В противном случае он не сможет соответствовать своему статусу. Добиваться того, чтобы татарский язык в повседневном общении говорящих на нем людей заиграл всеми красками, можно разными путями, в частности активным использованием возможностей жанра интервью журналистами при подготовке материалов.

Современное состояние языков оценивается специалистами неоднозначно. Одни считают, что настал период деградации, ухода лучших языковых традиций и закономерностей, что происходит утеря лучших черт как языка в целом, так и языковедения; другие утверждают обратное: современное состояние есть закономерный этап в развитии, совершенствовании языков и что все изменения происходят в соответствии с универсальными законами их функционирования [Сабирова, 2009, с. 4]. Если для приверженцев первой точки зрения сегодняшнее обилие «американизмов» в речи русской молодежи, в языке средств массовой информации и обилие русских элементов в речи татар — это несомненная драма, свидетельство кризисного состояния национального литературного языка, то для сторонников второй точки зрения — это признак прогресса; обогащение языка новыми терминами и понятиями, совершенствование лексики языка за счет интернационализмов — проявление всеобщей универсальной тенденции сближения, интеграции языков. Мы придерживаемся именно этого мнения. Видимо, истина, как всегда, «лежит где-то посередине». Не стоит преувеличивать роль заимствованной лексики в системе современного языка, но вместе с тем нельзя не признать необходимость целенаправленной деятельности целого ряда органов государственных и образовательных структур для обеспечения полновесного функционирования языков в системе би- и даже полилингвизма.

Методологической базой исследования стали труды в области изучения лексического состава татарского языка (В. Х. Хаков, Г. Х. Ахатов, Ф. М. Хисмова, Ф. А. Ганиев, Ф. С. Сафиуллина); основного положения теории дискурса (Н. Д. Арутюнова, М. М. Бахтин, В. И. Карасик); жанра интервью (Л. Р. Сабирова, Е. И. Голанова, М. М. Лукина, Т. И. Попова, Ю. З. Кантор, Л. В. Ухова, М. И. Шостак, В. В. Сыченков, Н. Д. Хусаинова, П. С. Шестакова) и др.

Стоит отметить, что изучением текстовых особенностей средств массовой информации на татарском языке занимались В. З. Гарифуллин, И. М. Низамов, Р. А. Юсупов. В исследованиях Х. Р. Курбатова, В. Х. Хакова, Ф. С. Сафиуллиной, И. Б. Башировой и других авторов делается попытка обнаружить оптимальные языковые средства для выражения выделяемых ими речевых мотивов. Однако изучение самих мотивов речи как речеведческой категории или как части лингвистической системы в журналистике отдельно не проводилось, не рассматривалось функционирование разных публицистических жанров в татарской речевой системе.

Интервью — один из немногих жанров, который вызывает оживленные, порой противоречивые дискуссии. М. И. Шостак выделяет ролевое интервью, психологические особенности общения в котором подразумевают существование роли ведущего. «Отвечая на вопросы инициативного собеседника, второй подыгрывает первому. В процессе общения роли могут меняться. Задавая вопросы, первый собеседник активизирует внимание второго, пассивный партнер включается в беседу и может в дальнейшем стать инициатором» [Шостак, с. 42]. Другие подчеркивают в интервью аналитическое начало, называют его результатом «закрепленности» в журналистском тексте формы получения автором сведений о действительности с помощью интервьюирования [Тертычный, с. 76]. В своих трудах Е. В. Выровцева утверждает, что установка на разговорную речь, спонтанность коммуникации, лексически выраженный формат диалога проникают буквально во все жанры [Выровцева, с. 209].

Исследования вопроса внутриязыковых изменений с точки зрения диахронии приводят ученых к выводу о разнородности структуры татарского языка, обусловленной активными процессами заимствования из русского и иностранных языков и нарушениями принятых языковых норм [Исхакова, с. 226]. Так, согласно Л. К. Байрамовой, вкрапление русскоязычной лексики в систему татарского языка связано со значимыми историческими событиями (революция, война, реформы в сфере образования, изменения в политической жизни страны, многонациональный состав региона) [Баймухаметова]. Г. Я. Солганик подчеркивает предопределенность процесса влияния языка СМИ на систему определенного национального языка. Автор высказывает мнение о том, что «...современный язык СМИ — сложное в структурном отношении образование, включающее в себя издания разного качества и достоинства. Язык многих из этих СМИ справедливо подвергается критике с нормативной точки зрения. Однако общий вектор воздействия на литературный язык, несомненно, позитивный» [Солганик, с. 15–16].

На современном этапе развития татарского языка наиболее выраженной отличительной особенностью является его пополнение за счет неологизмов, активизации устаревших слов и фонетической адаптации. В современных СМИ, выходящих на татарском языке, присутствует пласт лексики, еще не вошедшей в число общеупотребительной. Отметим, что данный массив новой лексики татарского языка наиболее полно отражает перемены и события в общественно-политической сфере: например, *чит ул танькнамәсе* — заграничный паспорт; в сфере экономики и финансов: *хисабәт* — счет, *акчахәнә* — банк, *акчалык* — банковская карта; медицины: *билгеләмә* — диагноз, *шифамәтдә* — витамин, *тажлы вирус* — коронавирус; информационно-коммуникативных технологий: *кибержәният* — киберпреступление, *киберхәжүм* — кибератака [Ватаным Татарстан, Шәһри Казан, 2020].

На основе анализа словообразовательного аспекта неологизмов в жанре интервью было выявлено, что преобладающая часть новой лексики образована путем калькирования, т. е. точного копирования способа образования и значения. Так, выделенные нами лексико-семантические неологизмы условно можно разделить на следующие группы:

1. Кальки-словосочетания: *тажлы вазгыять* — коронавирусная ситуация [Ватаным Татарстан. 2021. 8 февр.].

2. Полукальки: *кибержэинаять* — киберпреступление, *киберхәжүм* — кибератака [Там же. 2020. 9 апр.], *кызыл зона* — красная зона [Там же. 2020. 21 авг.], *видеокиңәшмә* — видеосоветование [Шәһри Казан. 2020. 21 мая], *видеоэлементә* — видеосвязь [Интертат. 2020. 5 марта], *бактерицид нурландыргыч* — бактерицидное излучение [Там же. 3 апр.], *смс-рөхсәт* — смс-разрешение [Ватаным Татарстан. 2020. 3 апр.].

3. Структурно-семантические кальки: *дәүдүма* — Госдума [Безнең гәжит. 2020. 10 дек.], *цифрлы пропуск* — цифровой пропуск [Интертат. 2020. 1 апр.].

Следующим способом расширения лексического состава татарского языка в интервью является активизация устаревших слов. Активное функционирование лексики арабского и персидского происхождения позволяет избегать заимствований из русского языка или интернационализмов. Употребление устаревшей терминологии вполне оправдано в случаях отсутствия эквивалента в татарском языке, например: *зәнжәбил* — имбирь [Интертат. 2020. 15 нояб.], *мөшкәт чикләвеге* — мускатный орех, *дарчин* — корица, *зәгъфран* — шафран [Шәһри Казан. 2020. 17 марта], *дирбия* — состав [Ватаным Татарстан. 2020. 7 нояб.] и т. д.

Характерным для газетных интервью анализируемых СМИ является и то, что одно понятие в разных печатных изданиях передается разными словами. Мы разделяем мнение И. М. Низамова об отрицательном влиянии данного явления на язык и приоритете соблюдения общепринятых языковых норм (использование единых терминов) [Низамов, с. 62]. Например:

— аппарат искусственной вентиляции легких — *үпкәне ясалма вентиляцияләү аппараты* [Ватаным Татарстан. 2020. 9 апр.], *ясалма сулыш аппараты* [Шәһри Казан. 2020. 5 мая];

— самоизоляция — *үз-үзеңне изоляцияләү* [Интертат. 2020. 4 апр.], *үзизоляция* [Ватаным Татарстан. 2020. 4 апр.], *үзлектән изоляция* [Акчарлак. 2020. 18 марта];

— дистанционное обучение — *дистанцион уку* [Шәһри Казан. 2020. 4 апр.], *онлайн уку* [Матбугат.ру. 2020. 2 апр.], *читтән торып уку* [Ватаным Татарстан. 2020. 3 марта];

— самозанятый — *үзмәшигуль* [Шәһри Казан. 2020. 29 марта; Ватаным Татарстан. 2019. 11 дек.].

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, благодаря жанру интервью происходит фонетическое, морфологическое, лексическое, синтаксическое, орфоэпическое обогащение языка. Через синтез с экстрапаралингвистическими и изобразительно-выразительными средствами образуются новые формы журналистских работ, которые из-за своей реалистичности (жизненности) становятся популярными в речевой коммуникации публичного общества. При выборе изобразительно-выразительных, суперсегментных, фонетических средств журналист и интервьюируемый опираются на понятность слова, точность, конкретность называемого понятия.

Во-вторых, специфика синтаксических конструкций обусловлена, прежде всего, первичной устной природой интервью, а также основной жанрообразующей

чертой — вопросно-ответным комплексом; лексический пласт речевого выражения говорящего в большей степени подчинен воздействию экстралингвистических факторов, нежели интралингвистических.

В-третьих, много современных элементов, заимствованных из интернета, используются в печатных журналах на татарском языке. Например, блоковая подача материала в рубрике «Тәҗрибә» («Опыт») в журнале «Ялкын», герой свои чувства описывает от первого лица и ведет личный дневник. В журнале «Сөембикә» рядом с некоторыми интервью помещены QR-коды, через которые при помощи мобильного телефона каждый желающий может посмотреть этот разговор в видеоформате [Баканов, Сабирова, с. 9].

В-четвертых, языковые и стилистические особенности речи современного интервью складываются под воздействием общенационального татарского языка, находящегося под влиянием научно-технического прогресса и глобализации. Основными тенденциями в развитии языка и стиля речи интервью на татарском языке сегодня являются: сокращение слов, использование аббревиатур, типизированных языковых конструкций, фразеологизмов, заимствований, терминов, профессионализмов, диалектизмов, арготизмов, сленговых выражений.

В-пятых, интервью татароязычных СМИ представляет собой сложный вид дискурса, который сочетает в себе предварительно подготовленный, спонтанно порождаемый и периодически возобновляемый варианты его проявления.

Мы считаем, что данное исследование нужно продолжить. Целесообразно провести расширенный анализ устных и письменных, а также аудиовизуальных интервью, сравнить их с речевой точки зрения, определить слова и выражения (может быть, даже составить их словарь), которые пришли в язык из разных сфер речеупотребления и стали популярны благодаря жанру интервью. В исследовании необходимо учитывать не только современное состояние языка, но и предшествующие этапы развития жанра интервью на татарском языке. Аналогичное исследование может быть проведено и на материале других языков, что позволило бы сравнить особенности функционирования жанра интервью в разных социокультурных обществах. Также требуется углубленное изучение процесса синтеза языковых и экстралингвистических средств в жанре интервью.

Акчарлак : [изд. дом]. URL: <https://akcharlak.tatar/> (дата обращения: 03.10.2021).

Амзин А. А. Интернет-журналистика. Как писать хорошие тексты, привлекать аудиторию и зарабатывать на этом. М., 2020.

Амиров В. М., Мамедова С. Я. Интервью: от классического жанра к современным форматам (на примере программ «Вдудь» и «А поговорить?») // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2021. Т. 27, № 3. С. 30–37.

Баймухаметова С. А. Печать и книгоиздательское дело в Башкирии в 1917–1930-е гг. // Общество: философия, история, культура. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pechat-i-knigoizdatelskoe-delo-v-bashkirii-v-1917-1930-e-gg> (дата обращения: 03.10.2021).

Баканов Р. П., Сабирова Л. Р. Особенности интервью в печатных и online-изданиях Республики Татарстан начала XXI века // Акценты. Новое в массовой коммуникации : альманах / Факультет журналистики ВГУ, Академия наук регион. печати. Воронеж, 2021. Вып. 5–6 (180–181). С. 4–11.

- Безнец гэжит : [офиц. сайт]. URL: <https://beznen.ru/> (дата обращения: 03.10.2021).
- Ватаным Татарстан : [офиц. сайт]. URL: <https://vatantat.ru/> (дата обращения: 03.10.2021).
- Выровцева Е. В. Трансформация традиционных публицистических жанров в современных массмедиа // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2015. № 5. С. 207–213.
- Градюшко А. А. Основы творческой деятельности веб-журналиста : учеб.-метод. пособие. Минск, 2019.
- Интертат [интернет-портал]. URL: <https://intertat.ru/> (дата обращения: 03.10.2021).
- Исхакова З. А. Двуязычие в городах Татарстана (1980–1990-е годы). Казань, 2001.
- Матбугат.ру : [интернет-дайджест на тат. яз.]. URL: <https://matbugat.ru/> (дата обращения: 03.10.2021).
- Мирошниченко А. А. Когда умрут газеты. М., 2011.
- Низамов И. М. Татар рекламы һәм матбугат (Татарская реклама и периодическая печать). Казань, 1997.
- Рамазанова Д. Б. Сохраним родной язык в местных говорах // Татары в современном мире. Казань, 1998. С. 74–81.
- Сабирова Л. Р. Речевые особенности жанра интервью на татарском языке: на материале современных СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2009.
- Сабирова Л. Р. Речевые особенности жанра интервью на татарском языке. Казань, 2011.
- Солганик Г. Я. Место языка СМИ в литературном языке. Перспективы развития // МИРС. 2008. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-yazyka-smi-v-literaturnom-yazyke-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 03.10.2021).
- Тертычный А. А. Аналитическая журналистика. М., 2010.
- Шәһри Казан : [офиц. сайт]. URL: <http://shahrikazan.ru/> (дата обращения: 03.10.2021).
- Шостак М. И. Репортер: профессионализм и этика. М., 2001.

Статья поступила в редакцию 04.10.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.4.073

УДК 316.77 + 004.032.6 + 070.1(8) + 811.134.2'38 + 81'1

Д. А. Попович

Н. Н. Бочегова

**АКТУАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ СМИ
(на примере аргентинского «Clarín», венесуэльского «El Nacional»
и чилийского «La Tercera» за 14–15 мая 2021 г.)**

Статья посвящена анализу актуальных концептов латиноамериканских СМИ на примере заголовков трех крупных медиа. Цель работы — выявление содержания ряда концептов латиноамериканских СМИ путем дефиниционного и контекстуального анализа лексических единиц — репрезентантов концептов. Это позволяет понять, какие смыслы считывают из заголовков своих медиа носители испанского языка, чьи взгляды сформированы латиноамериканской культурой. Новизна проведенного исследования состоит в описании этнокультурной специфики ряда универсальных концептов медийного дискурса.

Ключевые слова: концепт; латиноамериканские медиа; этнокультурное своеобразие; коронавирус; свобода; выборы

Перед авторами стояла задача выявить актуальные концепты испаноязычной латиноамериканской прессы на примере трех крупных медиа — чилийского, аргентинского и венесуэльского. Исследование проводилось в рамках когнитивно-дискурсивного подхода. Предметом анализа стали тематические лексические цепочки, которые показывают, как конкретная тема вербализуется в данном медиа и какие лексемы являются репрезентантами концепта. Особое внимание уделялось выявлению этнокультурной семантики лексических единиц, объективирующих концепт в конкретном медиа, а также роли контекста в выдвигании смысла.

Прежде всего, следует отметить, что «концепты образуют своего рода культурный слой, выступающий посредником между человеком и миром» [Арутюнова, с. 3]. Концептом называют «сгусток культуры в сознании человека... то, посредством чего человек... сам входит в культуру» [Степанов, с. 40]. Существуют разные методы анализа концептов. В данном исследовании мы опираемся на семантико-когнитивный подход, предполагающий движение от «от языка к концепту» [Рыжкина, с. 118]. Цель исследования заключается в выявлении смыслов, которые носители языка считывают при прочтении медиа.

Эмпирическую базу анализа составили три крупнейших медиа: аргентинская «Clarín», венесуэльская «El Nacional» и чилийская «La Tercera» за 14–15 мая 2021 г.

ПОПОВИЧ Дарья Александровна — магистрант департамента «Факультет журналистики» Уральского федерального университета (popovitch_daria@mail.ru).

БОЧЕГОВА Наталья Николаевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры зарубежной филологии, лингвистики и преподавания иностранных языков Курганского государственного университета (nbochegova1@yandex.ru).

© Попович Д. А., Бочегова Н. Н., 2021

Рассмотрим заголовки в аргентинском СМИ медиагруппы «*Clarín*».

Рубрика «Мнения»: «Coronavirus. La vacunación en Argentina» (Коронавирус. Вакцинация в Аргентине) [<https://www.clarin.com/>]; «La columna de Lanata. La pelea de Alberto Fernández con Cristina Kirchner y La Cámpora» [<https://www.clarin.com/>] (Колонка Лантаны. Борьба Альберто Фернандеса с Кристиной Киршнер и Кампорой); «El Editor. ¿Sirvió para algo el viaje de Fernández?» (Каким целям служила поездка Фернандеса?) [Roa].

Рубрика «Политика»: «El medio de la tensión. El Gobierno cierra filas con Guzmán y dice que la negociación con el FMI “depende de él”» (В центре напряжения. Государство сближается с Гусманом и утверждает, что переговоры с ФМИ «зависят от него») [Carelli].

Рубрика «Общество»: «Estaba vacunado. El infectólogo Eduardo López se contagió con la variante de Manaus y cuenta cómo está» (Вакцинирован. Инфектолог Эдуардо Лопес заразился мутацией Манауса коронавируса и рассказывает, как себя чувствует) [Galinsky] — в материале говорится о том, что врач был вакцинирован «Спутником V»; «Lomas de Zamora. Dolor por la muerte de una periodista de 23 años por seceles del coronavirus» [<https://www.clarin.com/>] — в материале говорится о смерти 23-летней журналистки из-за последствий от коронавируса.

Как видно, в шести заголовках на главной странице медиагруппы «*Clarín*» обсуждаются две темы, связанные с президентом Альберто Фернандесом и с коронавирусом. Лексемы, связанные с президентом: «la pelea», «la tensión». В материале о поездке президента в Европу используется выражение «buscar el oxígeno», которое буквально переводится как «поехал искать кислород», что коррелирует с лексемами «la pelea», «la tensión». Рассмотрим значения данных лексем, используемые носителями языка. Известно, что аргентинский вариант отличается от классического испанского *la lengua castelliana*, но мы не нашли данных лексем в специальных словарях, где приводятся различия в испанском и аргентинском варианте. Следовательно, мы можем рассматривать данные лексемы в контексте испанского языка. Для этого обратимся к толковому словарю «LDE» Испанской академии.

La pelea:

1. Сущ. жен. р.: действие или эффект борьбы или сражения;
2. Выражение из Перу: не знать что-либо/кого-либо с определенной стороны.

Пример: gallo de pelea [Asociación de Academias...] — неизвестный бойцовский петух, непроверенная боевая собака — по аналогии с русской идиомой «кот в мешке».

Глагол *pelear* в данном словаре имеет 8 значений:

1. Неперех. гл.: сражаться (сражаться или бороться с оружием в руках);
2. Неперех. гл.: спорить или ссориться, как правило, без оружия, на словах;
3. Неперех. гл.: бороться друг против друга (о животных);
4. Неперех. гл.: бороться друг против друга и противостоять друг другу (о вещах, в особенности об элементах);
5. Неперех. гл.: сопротивляться своим страстям и аппетиту;
6. Неперех. гл.: противоречить друг другу (о страстях);

7. Неперех. гл.: трудиться, сопротивляться, работать над чем-либо, чтобы достичь чего-либо или преодолеть что-либо;

8. Возвратный гл.: заблуждаться, противодействовать [Asociación de Academias...].

La tensión (в словаре зафиксировано 12 значений, приведем наиболее подходящее для данного контекста): сущ. жен. рода — состояние оппозиции и латентной враждебности между людьми или группами людей, такими как нации, классы, расы и т. д. [Asociación de Academias...].

Таким образом, заголовки аргентинского «Clarín» раскрывают образ Альберто Фернандеса, акцентируя внимание на его борьбе с оппозицией, противоречиях с другими политическими группами, между которыми крайне напряженные отношения. Что касается темы коронавируса, то мы видим в заголовках такие лексемы, как «dolor» (боль), «muerte» (смерть) и «vacunación» (вакцинация).

В словаре Испанской академии слово «**dolor**» имеет следующие значения:

1. Сущ. муж. р.: раздражающее и тревожное ощущение в теле, вызванное внутренними или внешними причинами»;

2. Сущ. муж. р.: чувство горя и утраты» [Asociación de Academias...].

Рассмотрим заголовки венесуэльского издания «*El Nacional*», отражающие последние новости о коронавирусе: «Португалия разрешает путешествия не первой необходимости в страны с низким порогом заболеваемости», «В Индии зафиксирован самый низкий уровень инфицированных за последние три недели», «Сенаторы США попросили Байдена прислать вакцину от коронавируса в Латинскую Америку», «Коронавирус в Венесуэле: 1600 случаев заражения, 14 смертей», «Скончалась от коронавируса депутат Йоланда Тортолеро».

В рубрике «Самые обсуждаемые новости» встречаются следующие заголовки: «TSJ declaró procedente embargo preventivo contra Seguros Caroni» [<https://www.elnacional.com/venezuela/tsj-declaro-procedente-embargo-preventivo-contra-seguros-caroni/>] — речь идет о решении Административной палаты Верховного суда по делу Сергиуса Карони; «Jorje Makriniotis, gerente general de El Nacional: “Invadieron el edificio y nos lo robaron”» (Хорхе Макриниотис, генеральный директор El Nacional: «Они вторглись в здание и украли его у нас») [<https://www.elnacional.com/venezuela/jorge-makriniotis-gerente-general-de-el-nacional-invadieron-el-edificio-y-nos-lo-robaron/>] — в данном материале говорится о попытках властей Венесуэлы закрыть издание «El Nacional».

Интересен также заголовок «El “odio” de los migrantes venezolanos se apodera de América Latina» (Ненависть к венесуэльским мигрантам охватывает всю Латинскую Америку) [<https://www.lanacion.com.py/mundo/2021/08/07/venezuela-eliminara-seis-ceros-a-su-moneda-en-octubre/>] — в материале говорится о том, что большинство мигрантов из Венесуэлы, проживающих в Колумбии, Перу, Чили и в Эквадоре, не имеют при себе документов; приводятся нелицеприятные выражения, которыми называют таких мигрантов местные жители.

Самой обсуждаемой проблемой после проблемы коронавируса для венесуэльского издания «El Nacional» на момент нашего исследования стала попытка

властей прекратить его деятельность: «“No es la toma de un edificio, es una violación de la libertad de prensa”: James Story se solidariza con el Nacional» («Это не удержание здания, это насилие над свободой прессы»: Джеймс Стори солидарен «El Nacional») [<https://www.elnacional.com/venezuela/no-es-la-toma-de-un-edificio-es-una-violacion-a-la-libertad-de-prensa-james-story-se-solidariza-con-el-nacional/>]; «Abogado Juan Garantón: “Aquí no hay ningún embargo, esto es un abuso de autoridad”» (Адвокат Хуан Гарантон: «Здесь нет никакого эмбарго, это злоупотребление властью») [<https://www.elnacional.com/venezuela/abogado-juan-garanton-aqui-no-hay-ningun-embargo-esto-es-un-abuso-de-autoridad/>].

Мы видим повторяющиеся лексемы, в данном контексте имеющие значение «злоупотребление»: «violación», «un abuso». Представители власти не просто отняли у журналистов здание, они украли его («lo robaron»). Для определения власти используется лексема «autoridad», в отличие от более нейтрального «poder». Слова «la libertad» (свобода) и «edificio» (здание) также важны для формирования смысла в данном микроконтексте.

Рассмотрим, как определяются эти лексемы в словаре Испанской академии.

La violación:

1. Сущ. жен. р.: действие и эффект насилия или нарушения;
2. Преступление, содержащее изнасилование (плотский доступ к кому-либо против его воли) [Asociación de Academias...].

Следовательно, существительное «violación», употребленное со словом «свобода», может иметь нейтральный оттенок: «нарушение свободы прессы», или являться политической метафорой: «насилие над свободой прессы».

Un abuso — в словаре Испанской академии встречается выражение «abuso de autoridad». Следует отметить, что глагол «abusar» имеет ярко выраженное оценочное значение: чрезмерное, несправедливое или неподобающее использование чего-либо или кого-либо. Выражение «abuso de autoridad» объясняется следующим образом: «жестокое обращение со стороны вышестоящего, который выходит за рамки своих полномочий» [Asociación de Academias...].

Противоположными по смысловой нагрузке являются «la libertad» и «edificio». Последнее воспринимается в этом контексте не просто как здание редакции, но и как оплот свободной журналистики.

Рассмотрим словарные значения слова «**la libertad**». Такое понятное слово, которое переводится как «свобода, независимость», в толковом словаре имеет более двенадцати значений и дополнительные значения в устойчивых словосочетаниях.

Почти во всех значениях содержится противопоставление свободы несвободе. Выделяются значения свободы как права, привилегии. В самом первом значении свобода определяется как «естественное состояние человека действовать так или иначе, в отличие от обстоятельств, когда человек должен действовать определенным образом под страхом понести ответственность за свои поступки» [Asociación de Academias...]. Таким образом, мы видим, что для венесуэльского СМИ на момент

нашего исследования самыми актуальными оказались концепты свободы и власти, в частности, злоупотребления властью.

Рассмотрим чилийское издание *«La Tercera»*. Большое место в заголовках занимает тема изменения Конституции. В материале «Чего ждут чилийцы от Конституционного съезда» заявлено, что «будут избраны 155 представителей, которые будут редактировать новую Конституцию» [Ojeda, Labrín]. Тема задается следующими лексемами: «llegar», «elecciones», «histórico». В одном из заголовков даже встречается выражение «cambio de era», что означает «смена эры»: «В Чили началась смена эры...» Это говорит о том, какие огромные ожидания и надежды связаны с данным событием.

В данном случае лексема «elecciones» однозначно понимается как «выборы» кандидатов, которые должны в значительной степени повлиять на чилийскую политику.

Рассмотрим лексему *«llegar»*. Данная лексема имеет 16 значений, кроме того, дополнительные значения в устойчивых выражениях:

1. Неперех. гл.: достигать конца или завершения движения;
2. Длиться до определенного времени или периода;
3. Появиться в свое время или происходить в свою очередь (о вещи или явлении);
4. Достигать ситуации, категории, степени;
5. Достигать или производить определенное действие;
6. Трогать, доставать что-либо: *накидка доходила до колен*.

Также слово может иметь значение «приходить в определенное время», в состязаниях это означает «добираться до финиша». Еще одно значение — «быть достаточным».

Данное слово встречается в заголовке «Quién quiere ser constituyente: Radiografía a los candidatos que buscan llegar a la Convención» («Кто хочет стать законодателями: рентгенограмма кандидатов, прибывающих на съезд»). Мы также встречаем заголовок «Cómo se llegó a este histórico día de elecciones», который можно перевести следующим образом: «Как наступил этот исторический день выборов». Следовательно, в чилийском СМИ «La Tercera» в исследуемый нами отдельно взятый период на первый план выходит концепт выборов: «исторический день», «историческая дата», «смена эпохи», все эти события «приходят в свое время». Первое значение глагола *llegar* — «достигать завершения движения» может косвенно указывать на окончание протестов, логическим завершением которых в данном случае выступает конституционная реформа.

Таким образом, проанализировав заголовки аргентинского «Clarín», венесуэльского «El Nacional» и чилийского «La Tercera» за 14 — 15 мая 2021 г., мы пришли к следующим выводам:

— в центре внимания аргентинского СМИ, после тематики коронавируса, находится концепт политической борьбы А. Фернандеса с его оппонентами, в которой президенту «словно не хватает кислорода»;

— в заголовках венесуэльского СМИ присутствуют вербализованные концепты свободы и насилия, а это, в свою очередь, коррелирует с повесткой дня — попыткой венесуэльских властей закрыть издание «El Nacional»;

— основными концептами «La Tercera» являются «выборы», «историческое событие», «новая эпоха», «другая эра», передающие идею достижения нового состояния, диаметрально противоположного тому, в котором страна пребывала длительное время.

Арутюнова Н. Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1993. С. 3.

Марицшевская К. А. Карманный испанско-русский словарь: 11000 слов, 4-е изд. М., 1977.

Рыжкина А. А. О методах анализа концепта // Вестн. ОГУ. 2014. № 11 (172). С. 118.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.

Asociación de Academias de la lengua española. URL: <https://www.asale.org/> (accessed: 15.05.2021).

Carelli Lynch G. El medio de la tensión. El Gobierno cierra filas con Guzmán y dice que la negociación con el FMI “depende de él”. URL: https://www.clarin.com/politica/medio-tension-gobierno-cierra-filas-martin-guzman-dice-negociacion-fmi-depende-_0_6M4JnWfgb.html (accessed: 15.05.2021).

Galinsky P. Estaba vacunado. El infectólogo Eduardo López se contagió con la variante de Manaos y cuenta cómo está. URL: https://www.clarin.com/sociedad/infectologo-eduardo-lopez-contagio-variante-manaos-covid-cuenta_0_8KKPFKu_8.html (accessed: 15.05.2021).

Ojeda J. M., Labrín S. Qué esperan los chilenos de la Convención Constitucional. URL: <https://www.latercera.com/la-tercera-sabado/noticia/que-esperan-los-chilenos-de-la-convencion-constitucional/67WUKJKJNVHMF54RGOORUS64Q/> (accessed: 15.05.2021).

Roa R. El Editor. ¿Sirvió para algo el viaje de Fernández? URL: https://www.clarin.com/opinion/sirvio-viaje-fernandez-_0_5PrK7ZC61.html/ (accessed: 15.05.2021).

Статья поступила в редакцию 25.08.2021 г.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ БРИТАНСКОЙ ЗАПАДНОЙ АФРИКИ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭПОХИ

Статья посвящена заключительному этапу в истории колониальной прессы Британской Западной Африки. Публикация базируется на материалах газет, издававшихся в 1940–1950-е гг. в Нигерии и Гамбии. Данные издания хранятся в Библиотеке Конгресса США. Автор доказывает, что периодическая печать является важным историческим источником для характеристики процессов политической, экономической и социокультурной модернизации тропической Африки.

К л ю ч е в ы е с л о в а: пресса; Западная Африка; Нигерия; Гамбия; колониализм

Африканская пресса колониальной эпохи — пока еще весьма слабо изученное явление в истории журналистики. Даже африканисты редко обращаются к подобным сюжетам, что связано прежде всего с состоянием источниковой базы таких исследований. Следует учесть, что подшивки африканских газет первой половины XX в. ныне сохранились лишь в отдельных библиотеках мира. В самой Африке очень трудно найти комплекты газет колониальной эпохи: многочисленные этнополитические и региональные конфликты на Черном континенте привели к тому, что ценные исторические источники были физически уничтожены. К тому же эти газеты — один из символов колониального прошлого, о котором многие в Африке вспоминать не любят. Автору данной статьи довелось работать с подшивками некоторых изданий Британской Западной Африки, хранящимися в Библиотеке Конгресса США. Эти издания представляют собой ценные исторические источники, которые позволяют судить о том, какие процессы протекали в Нигерии, Гамбии и других британских колониях в 1940–1950-е гг.

Именно пресса была одним из важнейших символов того процесса модернизации Африки, который начался в условиях господства на континенте европейцев. В рамках системы «косвенного управления» территориями британцы не только поощряли формирование туземных институтов, но и активно способствовали трансформации культурной сферы, на что указывал, в частности, М. Д. Никитин [Никитин, с. 181].

Одним из важнейших проявлений модернизации в культурной сфере стало возникновение слоя африканских интеллектуалов. Большинство из них первоначально получили образование в миссионерских школах, а потом сами стали преподавать в этих учебных заведениях. Процесс формирования данной группы интеллектуалов был обстоятельно охарактеризован, например, в труде

А. С. Балезина [Балезин, с. 43–49]. Именно из среды этих людей вышли первые редакторы и издатели африканских газет.

Пожалуй, раньше всего эти процессы стали развиваться в колонии Золотой Берег (будущей Гане) — жемчужине Британской Западной Африки. Первая рукописная газета — «Вестник Аккры» — стала выходить здесь еще в 1857 г., ее тираж первоначально составлял 310 экземпляров. В 1850–1870-е гг. она издавалась достаточно регулярно (один-два раза в неделю), но место пребывания редакции менялось: сначала это была Аккра, затем Кейп-Кост и, наконец, Фритаун. Одновременно со сменами места издания менялось и название газеты: сначала она именовалась «Вестник Аккры», затем — «Западноафриканский вестник».

В конце XIX — первой трети XX в. большой вклад в развитие медиасферы Британской Западной Африки внес известный общественный деятель Дж. Э. Кейсли-Хейфорд. Именно он стал инициатором ряда значимых издательских проектов в колонии: «Эхо Золотого Берега» (1888–1890), «Лидер Золотого Берега» (1902–1929) и др. Постепенно количество периодических изданий на территории Золотого Берега возрастало: в 1920–1930-е гг. их было более двадцати (в основном еженедельники), в 1940–1950-е гг. здесь издавалось уже более полусотни газет и журналов [Гана, с. 166]. Наконец, в 1957 г. Золотой Берег превратился в независимую Гану, что знаменовало собой начало нового этапа в истории журналистики в стране.

Значительно позже — после Первой мировой войны — появилась периодическая печать в маленькой Гамбии. Старейшей газетой территории является издание «Перспективы Гамбии», с 1922 г. выходящее в столице страны Банжуле (в колониальный период этот город назывался Батерст в честь государственного секретаря Великобритании в начале XIX в. графа Батерста). Некоторое время оно называлось «Перспективы Гамбии и сенегамбийский репортер». В 1930-е гг. издателем газеты был Ф. Смолл — общественный деятель Британской Западной Африки, известный своими оппозиционными взглядами. С начала 1920-х гг. он был связан с Профинтерном и Антиимпериалистической лигой — структурами, деятельность которых пытался в те годы использовать Советский Союз. В 1930 г. Ф. Смолл под псевдонимом Миллер участвовал в работе V конгресса Профинтерна в Москве, совершив поездку по Советскому Союзу. Впоследствии он отмечал, что увидел, «насколько сильна солидарность рабочих Советского Союза с неграми» [Летнев, с. 23]. Неудивительно, что британские власти весьма критически относились к издаваемой Ф. Смоллом газете. Так, чиновник Министерства колоний Флад заявлял, что издание «Перспективы Гамбии и сенегамбийский репортер» занималось, «главным образом, тем, что чинило всяческие препятствия колониальным властям» [Там же, с. 22].

Тем не менее в 1940-е гг. эта газета распространялась и в метрополии — в Великобритании и, с разрешения французских властей, — во Французской Западной Африке. Именно материалы этой газеты, являвшейся крупнейшей в Гамбии, помогают понять ту атмосферу, которая царила в маленькой британской колонии после Второй мировой войны.

У читателя, который знакомится с данным периодическим изданием, складывается впечатление, что Гамбия — это место, до которого еще не докатились социально-политические конфликты бурных послевоенных лет. Характерно, например, что в одном из январских номеров газеты за 1948 г. целая статья посвящена автокатастрофе, в результате которой столкнулись два грузовика [Fatal lorry accident...]. Очевидно, только в условиях отсутствия более серьезных информационных поводов периодическое издание будет отдавать столь значительную газетную площадь этому инциденту.

Однако Вторая мировая война не прошла бесследно и для маленькой Гамбии. Участвовавшие в боях в Бирме два батальона гамбийцев восприняли идеи национально-освободительных движений, существовавших в Азии в 1940-е гг. Кроме того, читатели газеты «Перспективы Гамбии и сенегамбийский репортер» были осведомлены о том, что в соседней Французской Западной Африке было неспокойно: забастовки проходили в Сенегале, Гвинее и других колониях.

Впрочем, по многим параметрам Гамбия действительно оставалась своеобразным «медвежьим углом» британской колониальной империи. Для британцев, чья судьба забросила в Гамбию, наиболее актуальными в те годы были экономические проблемы. В годы Второй мировой войны возникло несколько ремонтных мастерских в Батерсте, Сукуте и Юндуме, связанных с обслуживанием базировавшихся здесь частей британских ВВС и ВМС, что вызвало некоторое экономическое оживление в колонии [Смирнов, с. 30]. Однако это были едва ли не единственные промышленные предприятия в Гамбии к концу 1940-х гг. (кроме них существовали еще ряд объектов по очистке арахиса, автомастерская, небольшая верфь и фабрика мороженого).

Материалы газеты показывают: Гамбия оставалась одной из бедных колоний Великобритании. В ее административном центре — Батерсте — возникали проблемы с рисом, его не хватало всем жителям. Сложная экономическая ситуация вызывала общественные дискуссии, которые выплескивались на страницы газеты. Так, например, один из читателей — Э. Гамильтон-Джойнер в январе 1948 г. заметил, что колониальная администрация могла бы делать для населения Гамбии гораздо больше [Hamilton-Joiner]. Схожие взгляды выражали и другие авторы публикаций данного издания. Так, в феврале 1948 г. на его страницах появилась статья, автор которой подчеркивал: «Мы как сообщество взаимодействуем с Великобританией в торговом и экономическом отношении и ожидаем взаимного обмена продукцией... Гамбийский потребитель, в частности фермер, имеет поэтому право ожидать эквивалентного обмена». Автор доказывал, что сельское хозяйство Гамбии существовало «самостоятельно, без всяких прямых субсидий» [Our problems of trade...].

Человек, который писал эти строки, скорее всего, сам был фермером и хорошо знал проблемы этой группы населения колонии. Спецификой экономики Гамбии была монокультурность: до 90 % экспорта колонии составлял арахис. Именно он был основным источником доходов фермеров, которые очень сильно зависели от цен на данный продукт на мировом рынке. Все это делало экономику Гамбии крайне неустойчивой, что беспокоило читателей издания «Перспективы Гамбии и сенегамбийский репортер».

Впрочем, газета стремилась доказать своим читателям, что их недовольство властями нельзя считать обоснованным. Редакция заявляла, что британские власти создавали структуры, которые контролировали рынок и экспорт маслосодержащих культур (прежде всего, арахиса) «в интересах производителей Гамбии» [Gambia oilseeds...]. Тем не менее и руководство редакции издания «Перспективы Гамбии и сенегамбийский репортер» признавало тот факт, что за Гамбией прочно закрепилась репутация «бедной страны» [“Poor Gambia”...]. Да и скрыть это было очень трудно: об этом свидетельствовало и само содержание газеты. При сравнении «Перспектив Гамбии и сенегамбийского репортера» с другими изданиями колониальной Африки тех лет обращает на себя внимание бедность рекламного отдела этой газеты. Отдельные объявления о продаже граммофонов весьма скромно выглядели в сравнении с рекламными отделами, например, газет Британской Кении тех лет. Гамбия действительно была территорией, развитие которой происходило крайне медленными темпами.

В 1950-е гг. Британская Западная Африка стала ареной борьбы национально-освободительных движений за независимость. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы одной из крупнейших газет Нигерии — издававшейся в Лагосе «Дейли таймс». Благодаря усилиям британцев к этому времени Нигерия достаточно далеко продвинулась по пути модернизации. Глобальная массовая культура оказывала мощное влияние на урбанизированную часть населения территории: в кинотеатрах Лагоса демонстрировались фильмы «Зомби стратосферы», «Сокровища затерянного каньона», «Остров сокровищ», в городе функционировали ночные клубы с варьете. В рекламном отделе «Дейли таймс» можно было увидеть и массу объявлений о продажах «фордов», «остинов», «бьюиков» и других автомобилей, причем в Нигерии можно было купить последние модели, только что произведенные на заводах США.

О глубине процессов модернизации, затронувших нигерийское общество, свидетельствовало и обсуждение на страницах «Дейли таймс» вопроса о женском равноправии. В сентябре 1954 г. в газете была развернута, например, целая дискуссия на тему: «Может ли женщина пить и курить?» [Should women drink...]. Процесс эмансипации женщин затронул и органы охраны правопорядка: так, «Дейли таймс» приветствовала предложение правительства набирать женщин в полицию Нигерии [Ogbebor].

Представление о культурной политике британцев в Нигерии дают публиковавшиеся на страницах «Дейли таймс» программы нигерийского радио. Выступления африканских музыкальных групп (в том числе джаз-бэндов) соседствовали там с вставками Би-би-си, состоявшими из обзоров футбольных матчей и концертов классической музыки. Как известно, британцы немало сделали для сохранения африканских языков: так, в колониальной Нигерии радио транслировало новости на хауса, ибо и йоруба, тематические программы, посвященные культурам основных народов Нигерии. При этом материалы «Дейли таймс» начала 1950-х гг. уже предвосхищали многие проблемы, которые встанут перед обществом в независимой Нигерии. Например, один из авторов газеты предлагал для сплочения нации сделать общим языком хауса, поскольку на нем говорило большое количество

людей [Ola Taiwo]. Однако это неизбежно закладывало основы конфликта с носителями других языков, представителями различных этнических групп нигерийского общества.

Страницы «Дейли таймс» свидетельствуют: развитие Нигерии в 1950-е гг. сопровождалось политизацией общественной жизни, ростом влияния радикальных группировок на нигерийское общество. Появление новых институтов, ставших зародышами государственных структур будущей независимой Нигерии, болезненно воспринималось представителями традиционных органов власти: вожди заявляли протест против того, что тенденции политогенеза в условиях деколонизации часто «шли мимо» советов вождей. Все это не только выплескивалось на страницы газеты, но и приводило к трагическим последствиям. В сентябре 1954 г. «Дейли таймс», например, сообщала о гибели шести человек в результате столкновений противоборствующих группировок в г. Ойо. Этим событиям была посвящена специальная статья редактора газеты, который заявлял, что издание верило в самоуправление Нигерии и мир на ее территории. «Народ Нигерии имеет право выбирать своих представителей, имеет право слушать все точки зрения и все партии. Имеет право жить», — подчеркивал редактор «Дейли таймс» [Editor]. События не оставили равнодушными и других авторов и читателей газеты: так, Э. Уильямс назвал их «тестом на демократию» для Нигерии [Williams].

Борьба за независимость к этому времени уже расколола нигерийское общество, поэтому приходилось принимать меры для стабилизации ситуации в стране: в связи с событиями в Ойо на севере Нигерии создавались специальные подразделения полиции для борьбы с беспорядками. К урегулированию кризиса в Ойо присоединился и губернатор Британской Нигерии сэр Дж. Макферсон.

События в Ойо стали одним из важных этапов весьма противоречивого процесса деколонизации Нигерии. Через шесть лет, в 1960 г., крупнейшая страна Западной Африки получит независимость. Начнется новый этап и в истории журналистики этого государства. Ныне уровень развития медиасферы в Нигерии — один из самых высоких в Африке. Однако его основы были заложены в колониальный период, во многом благодаря политике британцев. Это обстоятельство обуславливает необходимость более внимательного отношения к феномену колониальной прессы Африки, которая не только является ценным историческим источником, но и сама выступает в качестве маркера процессов модернизации на Черном континенте.

Балезин А. С. Черная Африка и Европа: к проблеме встречи культур в колониальную эпоху. М., 2015. 221 с.

Гана: справочник / отв. ред. Ю. Н. Винокуров. М., 2001. 200 с.

Летнев А. Б. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Африку и политика британских колонизаторов // Народы Азии и Африки. 1987. № 5. С. 20–30.

Никитин М. Д. Черная Африка и британские колонизаторы: столкновение цивилизаций. Саратов, 2005. 392 с.

Смирнов Е. Г. Республика Гамбия: справочник. М., 1996. 103 с.

-
- Editor. The right to live // Daily Times (Lagos). 1954. 7 Sept.
Fatal lorry accident at Kaolack // Gambia Outlook and Senegambian Reporter (Bathurst). 1948.
10 Jan.
Gambia oilseeds marketing board // Gambia Outlook and Senegambian Reporter. 1948. 17 Apr.
Hamilton-Joiner E. The Gambia should be linked up // Gambia Outlook and Senegambian Reporter.
1948. 10 Jan.
Ogbebor A. Equal work for women police // Daily Times. 1954. 20 Sept.
Ola Taiwo. Should hausa be “lingua franca”? // Daily Times. 1954. 22 Sept.
Our problems of trade and economy // Gambia Outlook and Senegambian Reporter. 1948. 28 Febr.
“Poor Gambia” again // Gambia Outlook and Senegambian Reporter. 1948. 10 Jan.
Should women drink and smoke? // Daily Times. 1954. 19 Sept.
Williams E. Oyo: test of democracy // Daily Times. 1954. 12 Sept.

Статья поступила в редакцию 26.09.2021 г.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

DOI 10.15826/izv1.2021.27.4.075
УДК 808.1-055.2 + 821.161.1-31 + 94(470)“1850”

М. Ю. Попова
С. И. Ермоленко

«ЧУТКИЕ ВЫРАЗИТЕЛИ ЭПОХИ»: ТВОРЧЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ-ЖЕНЩИН 1850-х гг.

Статья посвящена малоизученному феномену «женской» прозы 1850-х гг. — самому зрелому периоду в творческой эволюции писательниц. Внимание авторов сосредоточено на вопросе возникновения данного феномена, а также на проблеме художественного своеобразия произведений беллетристок. В исследовании предпринята попытка характеристики прозы авторов-женщин в жанровом аспекте. Корпус исследуемых в статье произведений может представлять особый научный интерес — многие из них не переиздавались с момента публикации.

Ключевые слова: 1850-е гг.; писательницы; проза; жанр; повесть; роман

С конца 1830 — начала 1840-х гг. в разных отечественных журналах появляется женская проза¹. К середине века, когда «в небывалом дотоле объеме» в литературу пришли «женщины-поэты, женщины-романисты» [Белецкий, с. 17–18], относится начало качественно нового периода в развитии женской беллетристики. Среди беллетристок значительные дарования, уже признанные к 1850-м гг. (Ю. В. Жадовская, М. С. Жукова, А. Я. Марченко, А. Я. Панаева, Е. П. Ростопчина, Е. В. Салиас-де-Турнемир), и менее известные авторы (Т. С. Астракова, А. И. Бибикина, Е. П. Ермолова, Е. А. Ладыженская, Н. П. Шаликова, Н. С. Юрьева).

¹ Данная статья не относится к гендерным исследованиям. Называя прозу «женской», мы имеем в виду ее принадлежность беллетристкам 1850-х гг. (вместо использования громоздкого словосочетания «проза, созданная писателями-женщинами»).

ПОПОВА Мария Юрьевна — аспирант кафедры литературы и методики ее преподавания Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург (e-mail: pop.masha2014@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-4918-2111

ЕРМОЛЕНКО Светлана Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург (e-mail: ermolenko-1@mail.ru). ORCID: 0000-0002-5606-7007

© Попова М. Ю., Ермоленко С. И., 2021

Литература реагирует на один из вызовов времени — кризис институтов брака и семьи, вне которых сложно представить женскую судьбу. По словам дореволюционного ученого-историка, писателя и публициста П. В. Безобразова, женщина в середине XIX в. была так же «прикреплена» к супругу, «как крепостной был прикреплен к земле и не имел права переходить с места на место по своему усмотрению» [Безобразов, с. 25]. Причем зависимое положение женщины утверждалось законом². Поэтому «женский» вопрос во второй трети XIX в. (особенно в последние годы царствования Николая I) был так же злостодневен, как и крестьянский. Об актуальности «женского» вопроса свидетельствует статья выдающегося хирурга, общественного деятеля и педагога Н. И. Пирогова «Вопросы жизни» (1856), в финале которой он формулирует свое понимание «высокого назначения» женщины в социуме, не совпадающее с официальными воззрениями: «Пусть поймут [женщины. — М. П., С. Е.], что они, ухаживая за колыбелью человека, учреждая игры его детства, научая его уста лепетать и первые слова и первую молитву, делают главными зодчими общества. Краугольный камень кладется их руками» [Пирогов, с. 51].

Женщина в середине века, как видим, с одной стороны, была ограничена сложившимися рамками семейно-бытовых и общественных отношений, с другой — ей отводилась едва ли не главная роль в воспитании детей, т. е. от нее зависело будущее общества, страны.

Важное значение социально-общественных условий в формировании характера женщины во все времена несомненно. Вместе с тем, начиная со второй половины XVIII в. и вплоть до конца первой половины XIX века, отмечал Ю. М. Лотман, «женский характер, как никогда, формировался литературой» (первая половина XIX в. — биографическое время беллетристок, о которых идет речь в статье). Становление женщины под влиянием литературы происходило в процессе «постоянного и активного» усвоения «ролей, которые отводили ей поэмы и романы». «Именно тогда, — продолжает ученый, — сложилось представление о женщине как *наиболее чутком выразителе эпохи* — взгляд, позже усвоенный И. С. Тургеневым и ставший характерной чертой русской литературы XIX века». В эти годы, утверждает далее Ю. М. Лотман, «сформировался художественный (и жизненный) стереотип: мужчина — воплощение социально типичных недостатков, женщина — воплощение общественного идеала». «Женский образ дал литературе положительного героя (здесь и далее в цитатах курсив наш. — М. П., С. Е.)» [Лотман, 1994, с. 64]. Так, в самой жизни возникает конфликт («жизненный стереотип»), который на долгие годы обусловит типичную сюжетную ситуацию в русской литературе («художественный стереотип») — духовно сильная героиня и слабый герой, ситуацию, которую в те же 1850-е гг. Н. Г. Чернышевский

² В статьях 106–107 Гражданского кодекса (1832) следующим образом регламентируются «семейственные» права и обязанности: «Муж должен любить собственную жену как самого себя, жить с ней в мире, уважать и защищать ее, прощать ее недостатки и помогать ей в трудностях. Ему положено содержать и кормить ее соответственно своим возможностям, в то время как жене *надлежит повиноваться* мужу как главе семьи, любить, уважать его и *подчиняться его воле*; кроме того, как хозяйка дома она *должна угождать* ему и *выказывать* ему *преданность*» [Свод законов Российской империи, т. 10, с. 12].

обозначит формулой «русский человек на rendez-vous» [Чернышевский, т. 5, с. 156–174]. «Чуткое» внимание беллетристок к сложившемуся в 1850-е гг. «жизненному стереотипу», определившее первостепенный интерес к внутреннему миру женского персонажа, оказалось созвучно формирующейся в общественном сознании новой концепции личности. Утверждавшаяся в литературе концепция личности повлекла за собой изменение в «формуле реализма» (Ю. М. Проскурина), которое заключалось в изображении нравственного противостояния человека неблагоприятным обстоятельствам [Проскурина, с. 123].

В связи с выдвиганием на первый план образа героини возникает закономерный вопрос: как соотносятся женские типы, разработанные беллетристками, с системой литературных персонажей, характерной для 1850-х гг.: «лишний человек», «романтик-энтузиаст», «герой-труженик» [Там же]. Исследования Ю. М. Лотмана позволяют сделать вывод о том, что к концу первой половины XIX в. формируется собственно женская типология «литературно-бытовых» образов («стереотипов»): «образ ангела», его антипод — «демонический характер» и «женщина-героиня». Первый тип — образ нежно любящей, тонко чувствующей, поэтической натуры, чьи «душа, здоровье и жизнь разрушены жестокостью общества». Такой тип женщины соотносится с *образом ангела*, «случайно посетившего землю и готового вернуться на свою небесную родину». *Демонический тип* отличается от первого поведением, нарушающим нормы приличия, «условности созданного мужчинами мира», и ассоциируется с образом «беззаконной кометы». Характерная черта *женщины-героини* — «включенность в ситуацию противопоставления героизма женщины и духовной слабости мужчины». Женщина такого типа сожалеет о том, что «мужчина *мог бы* совершить», но не совершил или «совершил», но «не полностью» [Лотман, 1994, с. 65–72].

По мнению А. А. Пономаревой, тип женского персонажа в русской литературе 1850-х гг. можно определить как *сильная героиня*. Предтечами данного женского образа можно считать героинь романов Ж. Санд с их превосходством над возлюбленным, стремлением к самостоятельности, достигающейся посредством труда. Кроме «жоржсандовского» влияния, ощутимо воздействие на женскую прозу и пушкинского романа «Евгений Онегин», в последней главе которого Татьяна Ларина предстает как нравственно сильная героиня [Пономарева, 78]. К новому женскому типу А. А. Пономарева относит героинь повестей «Тени прошлого» (1850) Т. Ч. (псевд. А. Я. Марченко), «Горы» (1856) А. Марченко, «Деревня» (1853) Ольги Н. (псевд. С. В. Энгельгардт), «Заколдованный круг» (1854) Е. Тур (псевд. Е. В. Салиас де Турнемир), «Неудавшаяся жизнь» (1857) С. Вахновской (псевд. Е. А. Ладыженской) и др.

Соглашаясь с А. А. Пономаревой, заметим, что выдвигание на первый план типа, ранее обозначенного Ю. М. Лотманом как *женщина-героиня*, характерно не только для творчества беллетристок, но и для прозы 1850-х гг. в целом.

Подчеркнутая исследователями нравственная сила женских персонажей заключается в способности выдержать жизненные испытания, какими бы тяжелыми они ни были. Такова героиня повести Е. М-вой (псевд. Е. П. Майковой) «Женщина» (1850) Софья Николаевна Запольских, которая встречает своего

бывшего возлюбленного Дмитрия Львовича Руслова уже после смерти супруга и отвечает ему отказом, хотя, казалось бы, их счастье стало возможным. Но Софья видит теперь смысл и назначение своей жизни в воспитании детей, исполняя последнюю просьбу своего мужа: «...научи их жить на земле, между людьми... не между ангелами» [Е. М-ва, с. 161].

Примером нравственной чистоты и стойкости можно считать Катеньку из повести Л... (псевд. Е. Н. Ахматовой) «Rendez-vous» (1850). «Забытая жертва юношеской шалости, беспечного обмана», Катенька способна спустя тринадцать лет дать второй шанс «отцветшему Дон-Жуану» Аркадию Александровичу Бурлину. Однако ее душевная щедрость не найдет должного отклика, Катенька снова будет брошена. В финале видим контраст между образами мятущегося, упустившего свое счастье Бурлина и верной своим нравственным принципам Екатерины. Героиня с достоинством ответит Бурлину на его запоздалое предложение замужества: «У вас доброе сердце, но склонности и ощущения переходчивые: вы не могли бы долго любить вашу жену, и были бы оба несчастливы. В сорок лет трудно перемениться, исправиться. Я не думаю о замужестве. Благодарю Вас за предложение. <...> Я привыкла к мысли всегдашнего девичества и не скажу, что я несчастлива...» [Л..., с. 303–304]. Подобно Софье и Екатерине, героиня повести Е. Тур «Долг» Вера смогла справиться с волнениями своего сердца. Осознав, что влюбилась в Льва Александровича, с которым коротко познакомилась во время отъезда своего мужа, она просит гостя уехать, а после напишет ему: «Отныне я посвящу себя на вечную заботу о других» [Тур, 1850, с. 59].

Типичным для повестей беллетристок является прием противопоставления духовно стойких героинь слабому герою. В повести Ольги Н. «Суженого конем не объедешь» (1854) слабый тип представлен в лице Юрия Федоровича Нагибина: «...живость физиономии и приемов не скрадывала в Юрии печати немужской мягкости характера, отсутствия всякой энергии» [Ольга Н., с. 388]. Нагибин может жить только «под ярмом» подавляющих его женщин (будь то мать или опытная светская львица). Слабохарактерным предстает на фоне женщины и Антон Николаевич Темницкий — герой повести Е. Подольской (псевд. Е. П. Майковой) «Женщина в 30 лет» (1850). Темницкий до конца не может понять, кого он любит: тридцатилетнюю вдову Зинаиду Александровну Столину или ее семнадцатилетнюю племянницу Агнею. И даже уже совершив опрометчивый поступок (предложив руку и сердце Агнее), герой, погруженный в свои душевные переживания, не способен заняться приготовлениями к свадьбе. Этим вместо него, выполняя свой родственный долг, занимается Зинаида, не напоминая быломu возлюбленному о клятве верности, которую они некогда дали друг другу. «Свое нравственное превосходство над человеком, в котором так горько ошибалось ее сердце», чувствует и Манечка, героиня повести Т. Ч. «На походе» (1857) [Т. Ч., с. 394].

Сравнивая повести 1850-х гг. с «женской» прозой 1830–1840-х, можно увидеть, как меняется интерпретация темы любви. В прозе предшествующих десятилетий, пишет Е. В. Хохлова, любовь понимается как «смысл женского существования». «Большинство произведений Н. Дуровой, Е. Ган, Е. Ростопчиной, А. Панаевой,

М. Жуковой посвящены именно этой теме и раскрывают различные варианты любовных отношений» [Хохлова, с. 39]. Рассматривая динамику женского типа 1840–1860-х гг. в творчестве Ю. В. Жадовской, исследовательница отмечает, что в 1840-е гг. в прозе писательницы «варьируется сюжет непонятой, отвергнутой, несостоявшейся любви, разрешающейся трагически» [Там же, с. 5]. К произведениям с таким сюжетом Е. В. Хохлова относит повести «Простой случай» (1847), «Переписка», «Отрывки из дневника молодой женщины» (1848), «Непринятая жертва» (1849). К аналогичным выводам об особенностях сюжетостроения прозы Н. Станицкого в 1840-е гг. приходит и С. В. Татаркина [Татаркина, с. 101–102].

Героини же повестей 1850-х гг., напротив, пытаются реализовать или уже реализовали себя в других сферах. Хотя испытание любовью является важным этапом духовного взросления героинь, все же смысл жизни для них заключается не только в любви. Например, главная героиня повести Е. Тур «На рубеже» (1857) — молодая вдова Татьяна Ильинична Истомина говорит влюбленному в нее доктору: «...сердце мое пережило свою любовь», пресекая его попытки сближения в редкие минуты их уединения. Свое назначение она видит в том, чтобы помогать страждущим — лечить больных тифом крестьян села Знаменское [Тур, 1856, с. 860].

Художественные задачи, которые ставят перед собой авторы-женщины 1850-х гг., обусловили их жанровые предпочтения. В 1850-е гг., в сравнении с 1840-ми, в творчестве беллетристок замечен не только количественный рост повестей, но и обращение к жанровой форме романа

По мнению Е. В. Хохловой, «женская» повесть формируется в 1840-е гг. в «рамках “светской” повести» как ее «особая разновидность» [Хохлова, с. 22]. Несмотря на очевидную схожесть «женских» любовных повестей середины века со светскими повестями 1830–1840-х гг.³, думаем, однако, что «женская» повесть — это психологическая жанровая модификация светской повести, с особым, свойственным только ей образом мира (о жанровой специфике светской повести см.: [Ермоленко, Валек, с. 26–74]).

Е. А. Ган была первой (и, пожалуй, единственной до середины века), кто вслед за светскими повестями 1830-х гг. («Идеал», 1837; «Медальон», 1839; «Суд света», 1840) в начале 1840-х гг. создает отличные от предыдущих повестей произведения «Теофания Аббаджио» (1841), «Напрасный дар» (1842, не заверш.). Повести посвящены изображению жизни женской души. Героиня первой повести Теофания, дочь обедневшего негоцианта, переживает драму несостоявшейся любви. Ее жених Александр Долиньи, не исполнив последнюю волю умирающего отца (взять в жены Теофанию), женится на красавице-кокетке Ольге, не представляющей свою жизнь вне света. Казалось бы, любовная сюжетная линия дана в жанровых традициях светской повести. Однако женитьба Александра Долиньи объясняется

³ На связь повести Н. Д. Хвоцинской «Анна Михайловна» с традициями светской повести указывал А. И. Тыминский [Тыминский, с. 155–156]. По мнению Джеммы Гейт, повесть Н. Соханской «После обеда в гостях» (1858) и роман А. Я. Панаевой «Три женские доли» (1862), относящийся, правда, вопреки заглавию раздела («Женщины 1830-х и 1850-х годов: альтернатива периодизации») уже к 1860-м гг., имеют много общего с написанными ранее светскими повестями «Вечера на Карповке» (1838–1839) М. С. Жуковой и «Суд света» Е. А. Ган [Gheith, Jehanne, p. 85–99].

не внешними (социальными) причинами, а внутренними — его свободным выбором, который оказался ошибкой. Александр не смог понять скромную Теофанию, не угадал сердцем ту единственную, которая была предназначена ему свыше. В. Г. Белинский, назвав «Теофанию Аббаджио» «решительно лучшей из всех повестей» Е. А. Ган, увидит в ней «самую злую сатиру на мужчин, самую неумолимую улику им в их тупости и близорукости в деле любви». И в то же время критик отметит: «...как возвышенна эта Теофания в ее молчаливом и гордом страдании, в ее свободном примирении с мыслию о бесплодно погибшей жизни и о разрушенных навеки лучших надеждах ее!..» [Белинский, т. 7, с. 659]. Предметом изображения в повести «Напрасный дар» являются судьбы двух героинь — Анюты и Веры, каждая из которых наделена «божественным даром»: одна — вдохновенным, поэтическим, другая — чутким и любящим сердцем. Но и тот, и другой «дар» оказались «напрасными», ненужными миру. В повестях «Теофания Аббаджио» и «Напрасный дар» акцент с описания «света» переносится на изображение характера героинь. Задача раскрытия внутреннего мира женщины определяет новое жанровое содержание не только отмеченных повестей Е. А. Ган начала 1840-х гг., но и произведений беллетристок следующего десятилетия.

Стремление показать женский мир изнутри, запечатлеть самые потаенные мысли женщины, едва уловимые во внешних проявлениях оттенки ее чувств обуславливает специфику субъектной организации «женских» повестей. Но если в произведениях Е. А. Ган наличествует «всеведущий» повествователь, которому известны мысли и чувства героини («Теофания Аббаджио»), или же вводится доверенное лицо — рассказчица, понимающая женское сердце («Напрасный дар»), то в повестях 1850-х гг. чаще используется прием внутреннего самораскрытия героинь.

Для повестей беллетристок исследуемого периода характерно использование писем, дневников, записок. Таковы, например, эпистолярные повести «Долг», «Заколдованный круг» Е. Тур, «Женщина» Е. М-вой, «На походе» Т. Ч. Повесть Ольги Н. «Суженого конем не объедешь» представляет собой рассказ от первого лица со свойственным этой форме исповедальным началом, которое прямо заявлено в произведении: «Целые десять дней я не увижу вас, друг мой. Но только вдали от вас я сумею, может быть, заняться не вами исключительно. Приступаю к обещанному вам рассказу — к чистосердечной, полной *исповеди*» [Ольга Н., с. 387]. В некоторых повестях женской прозы 1850-х гг. повествование ведется от 3-го лица, однако произведения могут содержать автодокументальные вставки: например, в повесть Л... «Rendez vous» включены письма героев.

Своеобразие жанрового содержания влияет и на пространственно-временную организацию повестей. В поздних произведениях Е. А. Ган и в «женских» повестях 1850-х гг. местом действия нередко становятся усадьбы, находящиеся в деревне или в провинциальных городах⁴. Усадебное пространство в «женской» повести соотносится с основными компонентами идиллического хронотопа — природа,

⁴ Именно поэтому представительница гендерного подхода Катриона Келли называет «женские» повести «провинциальными», ссылаясь только на их пространственно-временные особенности [Kelly, p. 79–91].

любовь, семья, деторождение, смерть. Они, как писал М. М. Бахтин, могут сублимироваться «в высоком философском плане» «как некие вечные, великие и мудрые силы мировой жизни». Эти силы, продолжает ученый, «даются... как врачующие, очищающие и успокаивающие» [Бахтин, т. 3, с. 477–478]. Так, действие в уже упомянутой повести «На рубеже» Е. Тур происходит в селе Знаменское, куда после смерти мужа приезжает жить Татьяна Ильинична Истомина со своей дочерью Машей. Здесь ей удается, отказавшись от неожиданно вспыхнувшего чувства, обрести душевное равновесие. «Врачующее» действие усадебной природы испытает на себе и Софья Николаевна Запольских — героиня повести Е. М-вой «Женщина».

В «женской» повести большее внимание отводится не столько внешнему сюжету (встреча — влюбленность — расставание), сколько внутреннему — смене душевных переживаний, соотносящихся с динамикой любовных взаимоотношений. Например, повесть Е. Тур «Долг» состоит из писем Веры ее подруге Софье, в которых подробно переданы разные эмоциональные оттенки зарождающегося чувства в его противоборстве с нравственными принципами девушки, а описание встреч и свиданий с Этьеном, симпатизирующим ей, в повести почти отсутствует.

Часто в «женских» повестях, помимо любовной сюжетной линии, содержится история детства героинь. Описание среды, в которой воспитывается девушка, позволяет увидеть истоки формирования таких ее духовных качеств, как честность, кротость, смирение, терпение, умение любить и прощать. Детские и юношеские переживания имеют важное значение в становлении героинь повестей «Rendez-vous» Л..., «Женщина» Е. М-вой, «Долг» Е. Тур, «Наденька» (1853) М. С. Жуковой и др. Задача авторов изобразить не один (любовная драма), а несколько этапов формирования женского характера требовала расширения границ повести, что приближало ее к роману. Об этом, например, пишет Е. В. Хохлова, называя повесть «Сила прошедшего» (1851) этапным произведением в жанровой эволюции прозы Ю. В. Жадовской: «Вводя предысторию в повесть, писательница *стремится преодолеть условности избранного жанра, расширить его границы, распространить во времени изображение характера, что во многом соответствует характеру романной формы*» [Хохлова, с. 85].

Не только повесть стремилась осваивать романное содержание, но и роман пользовался художественными открытиями повести. «Часто роман, — замечает Л. М. Лотман, — по видимости и по своей структуре не связанный с повестью, вбирал в себя проблематику и художественные достижения повести и, уходя от обычных закономерностей построения повести, включал в себя отдельные повести в качестве идейно-тематических линий, переплетение которых и определяло его построение» [Лотман, 1973, с. 399].

На жанровые процессы в литературе 1850-х гг. заметное влияние оказывает тенденция к циклизации, ведущая к возникновению больших жанровых форм (см. об этом: [Сутягина, Попова, 2021, с. 178–189; Тыминский, с. 175]). Наряду с авторскими «собранными» циклами возникают и «скрытые», по определению А. И. Тыминского, циклы, объединяющие произведения, на первый взгляд, казалось бы, не связанные между собой. Например, в творчестве Н. Д. Хвощинской

«скрытые циклообразующие связи пронизывают практически все романы и повести... связывая их в единое эпико-хроникальное ретроспективное повествование о русской губернской жизни». Более того, Н. Д. Хвоцинская станет едва ли не первой из русских писателей середины века, кто создаст цикл романов «Провинция в старые годы» (1849–1856), в который войдут романы «Кто же остался доволен?» (1854), «Последнее действие комедии» (1855), «Свободное время» (1856) [Тыминский, с. 175].

Отмеченные жанровые процессы способствовали выдвиганию на первый план в прозе 1850-х гг. жанра романа, который в творчестве беллетристок будет представлен разными модификациями: роман воспитания (А. Я. Марченко «Дина», 1853), любовный роман (Е. П. Ростопчина — «Дневник девушки», 1849, «Счастливая женщина», 1852 и «У пристани», 1857; Ю. В. Жадовская «В стороне от большого света», 1857), семейно-бытовой роман (А. Я. Панаева «Мелочи жизни», 1854; Е. Тур «Племянница», 1851), семейно-биографический роман (Е. П. Ростопчина «Палаццо Форли», 1854), социально-психологический роман (Н. Д. Хвоцинская — «Испытание», 1854, «Свободное время», «Баритон», 1857; А. Я. Панаева и Н. А. Некрасов — «Три страны света», 1849, «Мертвое озеро», 1851)⁵.

Можно с уверенностью сказать, что литературное творчество стало для писательниц тем «пространством», где они, освобождаясь от налагаемого обществом «духовного корсета»⁶, разрабатывали и утверждали тип женщины-героини («сильной женщины»), которая может духовно противостоять неблагоприятным обстоятельствам, что было связано с ростом самосознания личности, свойственным эпохе середины века.

Итак, в 1850-е гг. в жанровой системе русской прозы заметное место занимает разновидность психологической повести, условно названная нами «женской», главным предметом изображения в которой становится мир женской души. Ставя перед собой художественную задачу раскрыть этот мир во всей сложности и полноте, показать его формирование и эволюцию, писательницы нередко ощущали ограниченность рамок повести, что объясняет их обращение к большой жанровой форме — роману, который был представлен в их творчестве разными модификациями. Так женщины-писательницы способствовали утверждению жанра романа, которому в следующих десятилетиях будет принадлежать ведущая роль в русской литературе.

Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа в романе* // Бахтин М. М. *Собр. соч. : в 7 т. М., 2012. Т. 3 : Теория романа (1930–1961 гг.)*. С. 340–512.

Безобразов П. В. *О правах женщины*. М., 1895.

⁵ Проблема типологии жанровых модификаций «женского» романа середины века требует специального изучения.

⁶ Метафорическое выражение «духовный корсет», подразумевающее жесткую систему норм и правил, которым должна была подчиняться женщина XIX в., употребляет в своем исследовании И. Л. Савкина, ссылаясь на синонимичное определение «умственный корсет» Ю. С. Кристевой [Савкина; Kristeva, p. 94–97].

Белецкий А. И. Эпизод из истории русского романтизма. Русские писательницы 1830–1860 гг. Харьков, 1919. Ф. РІ. Оп. 2. Ед. хр. 44/1.

Белинский В. Г. Сочинения Зенеиды Р-вой <Е. А. Ган>. Четыре части // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. М., 1855. Т. 7 : Статьи и рецензии, 1843. Статьи о Пушкине, 1843–1846. С. 648–678.

Е. М-ва (Майкова Е. П.) Женщина // Библиотека для чтения. 1850. Т. 99. С. 147–180.

Ермоленко С. И., Валек Н. А. В. А. Соллогуб «Через край»: забытая страница русской романистики. Екатеринбург, 2013. 253 с.

Л... (Ахматова Е. Н.) Rendez vous // Библиотека для чтения. 1850. Т. 99. С. 253–304.

Лотман Л. М. Динамика взаимодействия романа и повести. Углубление концептуальности в повествовании // Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра / под ред. Б. С. Мейлаха. Л., 1973. С. 382–423.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.

Ольга Н. (Энгельгардт С. В.) Суженого конем не объедешь // Отечественные записки. 1854. Т. 92. С. 387–458.

Пирогов Н. И. Вопросы жизни // Пирогов Н. И. Избр. пед. соч. / сост. А. Н. Алексюк, Г. Г. Савенюк. М., 1985. С. 30–51.

Подольская (Майкова Е. П.) Женщина в 30 лет // Библиотека для чтения. 1850. Т. 101. С. 29–96, 169–192.

Пономарева А. А. Литературные сюжетные коды в беллетристике 1850-х годов : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2017.

Проскурина Ю. М. Русская художественная проза «пятидесятых годов» XIX века (развитие реализма в повествовательных жанрах) : дис. ... д-ра филол. наук. Свердловск, 1984.

Савкина И. Л. Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х годов XIX века). Wilhelmshirts, 1998. URL: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/savkina_book.htm (дата обращения: 03.05.2021).

Свод законов Российской империи : в 16 т. / под ред. и с примеч. И. Д. Мордухай-Болтовского ; сост. Н. П. Балканов, С. С. Войт и В. Э. Герценберг. СПб., 1912. Кн. 3. Т. 8, ч. 2 ; Т. 11, ч. 1.

Сутягина Т. Е., Попова М. Ю. «Салалакские досуги» В. А. Соллогуба в контексте циклообразования 1850-х годов // Филологический класс (Екатеринбург). 2021. № 1. С. 178–189.

Т. Ч. (Марченко А. Я.). На походе // Рус. вестн. 1857. Т. 11, № 9. С. 344–394.

Татаркина С. В. Творчество А. Я. Панаевой в литературном контексте эпохи: гендерный аспект : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006.

Тур Е. (Салиас-де-Турнемир Е. В.) Долг // Современник. 1850. Т. 24. С. 5–60.

Тур Е. (Салиас-де-Турнемир Е. В.) На рубеже // Рус. вестн. 1856. Т. 11, № 10, кн. 2. С. 803–884.

Тыминский А. И. Поэтика прозы Н. Д. Хвощинской : дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.

Хохлова Е. В. Жанровая эволюция прозы Ю. В. Жадовской : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2002.

Чернышевский Н. Г. Русский человек на rendez-vous. Размышления по прочтении повести г. Тургенева «Ася» // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. : в 15 т. М., 1950. Т. 5 : Статьи 1858–1859 гг. С. 156–174.

Gheith Jehanne M. Women of the 1830s and 1850s: alternative periodizations // A History of Women's Writing in Russia / ed. by Adele Maria Barker and Jehanne M. Gheith. Cambridge, 2002. P. 85–99.

Kelly C. A. A History of Russian Women's Writing 1820–1992. Oxford, 1994.

Kristeva J. Desire in language : A semiotic approach to lit. a. art / by Julia Kristeva ; ed. by Leon S. Roudiez ; transl. by Thomas Gora et al. N. Y., 1980.

Статья поступила в редакцию 23.08.2021 г.

БАСНИ Н. В. ЛЕОНТЬЕВА НА СЮЖЕТЫ Ж. ЛАФОНТЕНА

Н. В. Леонтьев — замеченный современниками, но впоследствии забытый баснописец XVIII в. В статье показано, что семь его басен восходят к образцам Лафонтена. Модели рецепции различны. В одних случаях Леонтьев воспроизводит сюжет и образный ряд источника, в других — существенно их меняет. Мораль оригинала, как правило, сохраняется, но иногда Леонтьев вносит в нее изменения, в которых можно проследить идеологическую тенденцию. Особый интерес представляет басня «Три царя». В ней использованы мотивы басни Лафонтена «Les Grenouilles qui demandent un Roi» («Лягушки, просящие царя»), однако сюжет трансформирован, а идея противоположна той, что выражена в образце: на смену пессимизму французского поэта приходит оптимистическая вера в реальность совершенного общественного устройства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русская литература XVIII в.; русско-французские литературные связи; перевод; подражание

Николай Васильевич Леонтьев (1739–1824) — забытый сегодня поэт екатерининской эпохи. Первое его произведение, обратившее на себя внимание, выходит в 1762 г.: это торжественная ода, посвященная восшествию Екатерины II на престол. Четырьмя годами позже, в 1766 г., Леонтьев выпускает сборник басен. Эту книгу современники оценивают в целом высоко, о чем свидетельствует ее упоминание в «Известии о некоторых русских писателях», опубликованном в 1768 г. в лейпцигском журнале «Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freien Künste» («Новая библиотека изящных наук и свободных художеств») [Немецкое известие..., с. 21], и в «Опыте исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова [Новиков, с. 116]. В дальнейшем Леонтьев пишет торжественные оды, участвует в работе Российской академии над словарем. Хотя свою последнюю оду он пишет в 1823 г., ранний сборник басен остается самым заметным его произведением [Степанов, с. 205–207].

Сегодня нет исследований, посвященных книге басен Леонтьева. Между тем она заслуживает внимания как образец жанра, в 1760-х гг. переживавшего расцвет [Серман, с. 217–225]. Особый интерес басни Леонтьева представляют благодаря разработке в них актуальной для эпохи Екатерины II социальной проблематики (об этом см. ниже).

Басни Ж. Лафонтена в XVIII в. считаются образцами жанра во всей Европе, в том числе и в России. Его авторитет утверждает, в частности, А. П. Сумароков в «Эпистоле о стихотворстве» [Сумароков, с. 122]. Сам Сумароков пишет ряд басен на лафонтеновские сюжеты (см.: [Заусцинский]). Разумеется, подражают

Лафонтену и другие русские поэты. Творчество Леонтьева не составляет исключения. Поскольку ранее оно специально не изучалось, круг восходящих к басням Лафонтена сюжетов в сборнике Леонтьева не был определен. В статье рассматриваются все басни Леонтьева, где удалось обнаружить существенное сюжетное сходство с образцами Лафонтена.

Статус подражания в XVIII в. был значительно выше, чем сейчас. Подражать образцу — значит соревноваться с ним, бросать ему вызов [Николаев; Песков, с. 7]. В жанре басни пример такого подражания подает сам Лафонтен, заимствуя традиционные сюжеты, прежде всего эзоповские. Поэтому формы рецепции классических образцов различны. Это не только перевод, но и переработка, переосмысление, нередко — творческий спор с источником.

На примере басен Леонтьева можно наблюдать разные формы литературного диалога с образцом. Основная задача работы — изучить модели рецепции сюжетов Лафонтена в творчестве Леонтьева.

Наиболее простой случай — в целом точное воспроизведение образца с сохранением основных компонентов художественной структуры текста: образного ряда, сюжета, морали.

Примером точного следования оригиналу может служить басня Леонтьева **«Мужик и его дети»** [Леонтьев, с. 55–56, **35**]¹. Она представляет собой перевод басни Лафонтена «Земледелец и его дети» («Le Laboureur et ses enfants» [La Fontaine, p. 123, **V, 9**]) на эзоповский сюжет [Perry, p. 428–429, **42**]. Басня рассказывает о крестьянине, который, умирая, завещает сыновьям не продавать свою землю, а копать ее, так как там они найдут сокровище; где именно оно спрятано, он будто бы забыл. Сыновья прилежно вскапывают весь участок; клада нет, но обработанная земля дает богатый урожай. Тогда они понимают смысл совета: сокровище — это труд, и он приносит плоды.

Текст передается по-русски без существенных изменений. У Леонтьева нет аналога подробному описанию труда, которое Лафонтен дает с помощью синонимического ряда: «Creusez, fouillez, bêchez, ne laissez nulle place / Où la main ne passe et repasse» («Копайте, углубляйте, ройте, не оставляйте ни одного места, где бы снова и снова не прошла ваша рука»). Зато русский баснописец подчеркивает послушание сыновей: «Приказ сей дети все старались исполнять / И чтились сохой всю землю ту взрывать» [Леонтьев, с. 56] — у Лафонтена акцента на этом качестве нет. *Соха*, конечно, культурно-специфическая реалия: во французском тексте орудие труда остается неназванным. Единственное значимое в композиционном отношении отличие русского текста от французского состоит в том, что если у Лафонтена в этой басне две морали — в начале и в конце, то Леонтьев первую из них опускает. Смысл басни не меняется.

Образцом басни **«Осел и лошадь»** [Там же, с. 57–58, **37**] служит одноименная басня Лафонтена («Le Cheval et l'Âne» [La Fontaine, p. 144–145, **VI, 16**]) на сюжет

¹ В сборниках басен XVII–XIX вв. тексты обычно пронумерованы; к этому приему прибегают и Лафонтен, и Леонтьев, и Крылов. Далее при ссылках на басни их номера выделяются полужирным шрифтом. В ссылках на басни Лафонтена и Крылова римская цифра обозначает книгу, арабская — басню. Также полужирным шрифтом даются номера басенных сюжетов по указателю Б. Э. Перри.

Эзопа [Perry, p. 456, 181]. Осел несет тяжелую поклажу, а лошадь идет налегке. Осел просит лошадь разделить с ним бремя, но она отказывается. Обессиленный осел падает замертво, и тогда на лошадь взваливают не только его груз, но и его шкуру. Басня учит взаимопомощи.

В басне Леонтьева речь осла, обращенная к лошади, больше, чем у Лафонтена, и создает иное впечатление. У французского баснописца осел убеждает лошадь, что груз не будет для нее тяжел: «Moitié de ce fardeau ne vous sera que jeu» («Половина этой ноши для вас не более чем игрушка») [La Fontaine, p. 145]. В русской басне он лишь просит о милости:

Лишаясь силы, он лошадку стал просить:
Ты видишь, ей сказал, нет мочи мне иттить;
Пожалуй, раздели сей тяжкий груз со мною;
Хоть мало помоги своею мне спиною;
Ей, ей, мне без того до места не добреть,
Приходит смерть ко мне. Нет мочи бремя несть.

[Леонтьев, с. 57]

Мораль перенесена из начала текста в конец; смысл ее у Леонтьева тот же, что у Лафонтена.

Басня Леонтьева **«Лев, предпринимающий войну»** [Там же, с. 52–53, 33] — перевод басни Лафонтена «Le Lion s'en allant en guerre» [La Fontaine, p. 129–130, V, 19], сюжет которой восходит к Абстемию [Lévêque, p. 430; Rolland, p. 61]. Сюжетную часть Леонтьев передает точно, но в морали смещает акценты. В этой басне лев, собираясь на войну, определяет каждому зверю соответствующую его способностям службу. Льву советуют не брать с собой осла, так как он глуп, и зайца, так как он труслив. Но лев отвечает, что и без них нельзя обойтись: заяц будет курьером, а осел — трубачом.

В сюжетной части отличие русской басни от французского образца проявляется лишь в незначительных деталях. У Лафонтена лев собирает военный совет, у Леонтьева — велит «во все места указы разослать» [Леонтьев, с. 52]. У Лафонтена зайцы подвержены панике, у Леонтьева — «боятся / Пустого завсегда» [Там же, с. 53].

Мораль и во французской, и в русской басне обращена одновременно к монарху и к подданным. Правителю Леонтьев дает тот же совет, что и Лафонтен:

Премудрый государь ничто не упускает,
Он с пользою худых и добрых помещает.

[Там же]

Но советы подданным разные. Лафонтен говорит: «Для разумных людей нет ничего бесполезного» («Il n'est rien d'inutile aux personnes de sens» [La Fontaine, p. 130]). Леонтьев же учит: «Есть места на свете людям всем» [Леонтьев, с. 53]. Лафонтен уподобляет подданного мудрому правителю, обращаясь к ним с одним и тем же советом, который можно применить не только к общественной жизни: не пренебрегать ничем, что может принести пользу. Леонтьев же интерпретирует

мораль этой басни исключительно в социальном смысле; для царя и подданного у него советы разные. В его трактовке басня утверждает социальную иерархию. Можно заметить, что совет всем читателям у Лафонтена помещен после совета монарху — в последней строке басни, т. е. в наиболее сильном месте текста. У Леонтьева два совета меняются местами, текст завершает обращение к царю. Тем самым подчеркивается, что основное содержание басни составляет апология мудрости монарха.

Дальше от оригинала отстоит басня **«Звери в моровой язве»** [Леонтьев, с. 59–61, 39]. В основном точно следуя образцу, Леонтьев вносит небольшие по объему, но концептуально значительные изменения, которые сказываются на общем смысле текста.

Источник сюжета — басня Лафонтена «Les Animaux malades de la peste» [La Fontaine, p. 157–158, VII, 1], в свою очередь, восходящая к «Первой книге эмблем» Г. Геру (1540) [Grove, 2000, p. 113–117; 2005, p. 28]. Сегодня в России этот сюжет наиболее известен по басне И. А. Крылова «Мор зверей» [Крылов, с. 41–44, II, 4]. Животных настигает чума. Лев созывает совет и предлагает принести кого-нибудь в жертву, чтобы искупить грехи, за которые наслан мор. Погибнуть должен тот, кто больше всех виноват, и поэтому каждый должен перед всеми исповедаться в своих грехах. Лев рассказывает, что убивал овец и даже пастухов, но лисица произносит льстивую речь в его оправдание. Оправдаться удастся всем сильным и хитрым; жертвой становится осел, покаявшийся в том, что в голодное время съел немного чужой травы. Басня показывает, что страдает слабый, пусть он и прав; сильный, даже если виноват, может избежать наказания.

Русский текст в большинстве случаев точно передает французский не только в подробностях, но даже в синтаксисе. Так, вслед за Лафонтеном Леонтьев прибегает к парентезе для обозначения поразившей животных болезни: «La peste (puisqu'il faut l'appeler par son nom)» [La Fontaine, p. 157] — «Болезнь, ужасный мор (такое имя ей)» [Леонтьев, с. 59]. В речи лисицы воспроизводится эмфатический повтор отрицания: «Eh bien! manger moutons, canaille, sottè espèce, / Est-ce un péché? Non, non» [La Fontaine, p. 158] — «Возможно ль, государь, то в грех тебе вменять, / Когда барана ты изволишь растерзать, / Столь гнусную, ах, тварь! нет, нет» [Леонтьев, с. 60].

Изменения затрагивают, однако, наиболее важную часть басни — ту, где речь идет о пороках влиятельных людей и о несправедливом суде. С одной стороны, характеристику пороков в основной части текста Леонтьев расширяет, прибегая к стилистическим средствам сатиры:

Потом жестокий тигр грехи свои сказал;
Но правды глас тогда пред сильными молчал.
Их страшные дела лесь гнусная скрывала,
Обиды, грабежи в добро преобращала.
Из малых же зверков мог всяк тот быть святой,
Который знал нырять и знал приказный бой.

[Там же, с. 61]

Соответствующий фрагмент у Лафонтена короче:

Du tigre, ni de l'ours, ni des autres puissances,
Les moins pardonnables offenses.
Tous les gens querelleurs, jusqu'aux simples mâtins,
Au dire de chacun étaient de petits saints.

[La Fontaine, p. 158]

Как видно из сравнения, пейоративные эпитеты с наиболее яркой эмоциональной окраской русский баснописец добавляет от себя.

Далее, однако, Леонтьев удаляет важный фрагмент и меняет мораль. У Лафонтена волк произносит речь, доказывая, что осел достоин смерти; у Леонтьева соответствующего места нет. Мораль оригинала: «Selon que vous serez puissant ou misérable, / Les jugements de cour vous rendront blanc ou noir» [Ibid.] — направляет басню против судебных злоупотреблений. У Леонтьева же мораль носит абстрактный характер: «Бессильный в бедности хоть прав, да погибает» [Леонтьев, с. 61].

Иными словами, если Лафонтен обличает несправедливый суд, то Леонтьев не сомневается в суде как государственном институте. Трактую мораль обобщенно, вину он возлагает на частных лиц — льстецов и сутяжников, вводящих судей в заблуждение.

В басне **«Разумный и дурак»** [Там же, с. 28–29, 18] Леонтьев идет дальше: сохраняя сюжет источника, он устраняет мораль. Этим источником является басня Лафонтена «Un Fou et un Sage» [La Fontaine, p. 311–312, XII, 22]. Ее сюжет восходит к Федуру и впоследствии обработан Абстемием [Perry, p. 521, 497] (см.: [Lévêque, p. 453]). В обеих баснях глупец бьет умного человека, а тот за это неожиданно дает обидчику монету. Это месть: глупец, чтобы получить еще денег, бьет другого человека и за это сам оказывается побит.

Между двумя баснями есть некоторые различия и в сюжете, и в манере рассказа. У Лафонтена умный обращается к глупцу с речью, благодаря его за понесенный труд и указывая на другого прохожего, будто бы готового так же вознаградить его. У Леонтьева прямой речи нет. У Лафонтена на глупца, выполнившего опасный совет, набрасывается охрана. У Леонтьева мстителем выступает сам второй прохожий.

В завершающей басню морали Лафонтен применяет сюжет к придворной жизни. Он говорит, что подобных глупцов можно встретить рядом с королями. Чтобы позабавить властителя, глупец высмеивает других. Если тот, кто стал жертвой насмешек, не в силах отомстить, он может спровоцировать столкновение насмешника с более сильным противником. (В версии Федра, где обидчика, бросившего камень сначала в Эзопа, а потом во влиятельного человека, казнят, мораль другая: «Успех ведет многих к гибели» [Perry, p. 264].)

Можно предположить, что для Леонтьева мораль французской басни неприемлема по нескольким причинам. Это, во-первых, причина нравственная: басня учит отвечать злом на зло. Во-вторых, что едва ли не опаснее, это причина политическая: басня представляет двор в мрачном свете, бросая тень даже на монарха. Так что отказ от морали в данном случае легко объяснить.

Это решение, однако, меняет восприятие текста. Две характеристики сюжета: найденный персонажем неожиданный выход из неблагоприятного положения и грубо-комический мотив побоев — связывают его с традицией анекдотов и факций. Без морали — важнейшего признака басни² — текст смещается именно в этот жанровый ряд.

Создавая басню «**Стадо голубей**» [Леонтьев, с. 23, 12], Леонтьев заимствует у Лафонтена сюжетную схему, но реализует ее с участием других персонажей. Сюжет басни Леонтьева следующий. Голуби страдают от нападений ястреба. Один из них говорит, что ястреба можно будет победить, если надеть ему на ноги путы; надо лишь выбрать того, кто сможет это сделать. Но ни один голубь не соглашается. Басня осуждает прожектеров, чьи предложения невозможно провести в жизнь.

Образцом Леонтьеву служит басня Лафонтена «*Conseil tenu par les Rats*» [La Fontaine, p. 52–53, II, 2], сюжет которой восходит к Абстемию [Lévêque, p. 424; Rolland, p. 61] (см.: [Регу, р. 545, 613]). В ней мыши собирают совет, чтобы решить, как справиться с котом. Старейшая из них предлагает привязать коту на шею колокольчик, чтобы мыши, услышав его, успевали скрыться. Однако, разумеется, ни одна из мышей не решается привести этот план в исполнение.

Есть у Леонтьева и басня, в которой традиционный сюжет становится базой для нового, с иной моралью. Она открывает сборник. Это басня «**Три царя**» [Леонтьев, с. 1–4, 1]. Она рассказывает об обществе, которое, страдая от раздоров, вызванных анархией, просит Юпитера дать ему царя. Юпитер предлагает выбрать одного из трех царей: Щедроту, Истину или Лютость. Выбор падает сначала на Щедроту. Первое время все довольны новым царем; затем, однако, выясняется, что он равно награждает добрых и злых; из-за этого зло торжествует, оставаясь безнаказанным. Тогда все просят Юпитера дать им другого царя — Лютость, чтобы он искоренял пороки. Но получается иначе: если прежний царь был ко всем милостив, то новый ко всем жесток, прислушивается лишь к льстецам, и невинные страдают наравне со злодеями. Обессиленные подданные снова идут к Юпитеру, и тот дает им третьего царя — Истину. При нем наступает золотой век: достоинства награждаются, в судах воцаряется справедливость, в обществе господствует взаимное доверие. Басня завершается обращением к императрице:

Спокойство житель всяк в избытке ощущал,
Монарху своему бессмертный век желал
И так его блажил, счастливую зря судьбину,
Как, россы, мы блажим свою Екатерину.

[Леонтьев, с. 4]

Политический смысл текста понятен: это апология царствующей императрицы, которой Леонтьев и посвящает сборник басен. Не случайно именно эта басня занимает сильную позицию в начале сборника, развивая тему посвящения,

² Ставя задачу разграничить басню и смежные жанры, Ф. Уайтселл называет важнейшим свойством басни наличие морали [Whitesell, p. 348].

где Леонтьев, обращаясь к Екатерине II, называет ее «светилом, которое <...> мещет повсюду лучи правосудия, мира, тишины, веселия и спокойствия» [Леонтьев, нумер. стр.].

Интерес к политическим темам характерен для жанра басни в эпоху Просвещения. В баснях находят отражение идеи Ш. Монтескье. Многие поэты обращаются к проблеме справедливости [Pascal, p. 177]. Так что проблематика басни Леонтьева соответствует жанровым тенденциям эпохи.

Между тем сюжет произведения заставляет вспомнить басню Лафонтена с совсем иным финалом — «Les Grenouilles qui demandent un Roi» [La Fontaine, p. 76–77, III, 4]. Этот эзоповский сюжет [Perry, p. 429, 44] сегодня наиболее известен русскому читателю по версии Крылова — «Лягушки, просящие Царя» [Крылов, с. 37–39, II, 1]. У Лафонтена лягушки, которым надоело народовластие, просят Юпитера дать им царя. Тот посылает им мирного правителя — бревно. Поначалу лягушки напуганы, но потом, осознав, что это за царь, просят нового. Тогда Юпитер посылает им журавля. Это жестокий царь: он их ест. Лягушки жалуются Юпитеру в третий раз. Но теперь он отвечает отказом, говоря, что раньше им надо было сохранять свой прежний порядок, а сейчас следует терпеть, опасаясь, как бы не стало еще хуже.

Сопоставление басен Лафонтена и Леонтьева показывает их сюжетное сходство. В обоих случаях общество, поначалу лишённое власти, трижды просит Юпитера дать царя, причем первый царь оказывается мирным, а второй — жестоким. Совпадения, вероятно, не случайны: Леонтьев перерабатывает сюжет предшественника. Но при этом смысл меняется на противоположный.

Исходные ситуации у Лафонтена и Леонтьева похожи внешне, но не по существу. Народовластие, наскучившее лягушкам («Les grenouilles, se lassant / De l'état démocratique» [La Fontaine, p. 76]), Лафонтен изображает, конечно, с иронией, но финал показывает, что для них именно оно было благом. Леонтьев же мрачными красками рисует вред анархии, в духе Гоббса изображая ее как «войну всех против всех»: «Между собой они всегда в раздоре жили <...> Всяк день кровавые ручьи у них текли» [Леонтьев, с. 1]. Для персонажей Леонтьева монархия — единственная надежда на спасение от бедствий раздора.

У Леонтьева, в отличие от Лафонтена, Юпитер дает героям выбор: они сами должны решить, кто из трех царей будет ими править. Это важная деталь: тем самым на общество возлагается ответственность за свою судьбу. И выбор, который оно делает в первый раз, нельзя называть иррациональным: на первый взгляд цель всеобщего благоденствия представляется желательной, лишь затем басня показывает, что она недостижима.

Сцена с правителем-бревном — пример комического мастерства Лафонтена. У Леонтьева же царь Щедроты не смешон: его характеристика преимущественно положительная. Однако, по мысли баснописца, милость ко всем не ведет к общему благу: добро для одних оборачивается злом для других.

Если вторая просьба лягушек у Лафонтена, как и первая, показывает их глупость, то у Леонтьева общество снова проявляет разум, отказываясь от Щедроты: ведь этот правитель, как выясняется, приносит им вред, пусть сам и не желая того.

Однако второй царь у Леонтьева напоминает свой прототип в большей мере, чем первый: как и журавль у Лафонтена, он не только жесток, но — и в русской басне это главное — несправедлив.

Основное же различие между двумя баснями — в финале. Последняя просьба лягушек, хотя на этот раз впервые у нее есть веские основания, остается неудовлетворенной. В басне Леонтьева, напротив, Юпитер прислушивается к третьей просьбе, и с новым царем наступает эпоха справедливости и благополучия.

Характеристика общества в басне «Три царя» далека от лафонтеновской иронии. Лягушки в басне французского поэта, движимые лишь глупостью и страхом, бросаются из крайности в крайность. У Леонтьева же общество учится: дважды сделав неверный выбор и осознав ошибку, оно наконец находит верный путь — золотую середину.

Вслед за Эзопом (см.: [Гаспаров]) Лафонтен пессимистичен: его басня учит довольствоваться тем, что имеешь, так как перемены грозят привести лишь к худшему. Леонтьев, наоборот, разделяет оптимизм просветителей, веря, что наилучшее общественное устройство возможно. Более того, в последней строке басни нарисованная поэтом картина совершенного общества отождествляется с реальностью России при Екатерине II. Такое заключение связывает басню с традицией панегирической оды.

Из сказанного можно сделать вывод, что в сборнике басен Леонтьева реализуются две основные модели рецепции зарубежного источника. Первая, основная, предполагает сохранение его образного ряда и сюжета. Она реализована в баснях «Мужик и его дети», «Осел и лошадь», «Лев, предпринимая войну», «Звери в моровой язве», «Разумный и дурак». В рамках этой модели возможно варьирование: от точного перевода до изменения некоторых элементов сюжета. Вторая модель встречается реже: она предполагает замену образного ряда. По этой модели созданы басни «Стадо голубей» и «Три царя». Между ними также есть принципиальное различие. В басне «Стадо голубей» сюжет изменен по сравнению с источником — басней «*Conseil tenu par les Rats*», но общий смысл при этом остается тем же. В басне «Три царя» трансформация сюжета сопровождается радикальной реинтерпретацией.

Смысловые сдвиги в большинстве рассмотренных случаев не затрагивают основной идеи басни. При этом в тех изменениях морали, которые все же происходят, можно отметить идеологическую тенденцию. Леонтьев устраняет суждения Лафонтена, которые могут поставить под сомнение авторитет государства: это сомнение в справедливости суда в басне «*Les Animaux malades de la peste*» и критика придворных нравов в басне «*Un Fou et un Sage*». В басне «Звери в моровой язве» вина возлагается на частных лиц; в басне «Разумный и дурак» мораль, где задет король, снимается. Смысл басни «Лев, предпринимая войну» Леонтьев ограничивает общественным аспектом, интерпретируя сюжет в плане утверждения социальной иерархии.

Наиболее значительны семантические различия между баснями «*Les Grenouilles qui demandent un Roi*» и «Три царя». Их идеи противоположны. Историческому пессимизму Лафонтена Леонтьев противопоставляет оптимизм.

Он верит в справедливое общественное устройство, которое связывает с личностью монарха.

Гаспаров М. Л. Сюжет и идеология в эзоповских баснях // Вестн. древней истории. 1968. № 3 (105). С. 116–127.

Заусцинский К. Басни Сумарокова // Варшавские университетские известия. 1884. № 3, отд. 4. С. 1–32; № 5, отд. 3. С. 33–126.

Крылов И. А. Басни / изд. подг. А. П. Могилянский; отв. ред. Ф. Я. Прийма. М.; Л., 1956. 635 с. (Лит. памятники).

Леонтьев Н. Басни. СПб., 1766. [8], 67 с.

Немецкое известие о русских писателях (1768) / сообщил М. Л. Михайлов. М., 1862. 44 с.

Николаев С. И. Оригинальность, подражание и плагиат в представлениях русских писателей XVIII века (Очерк проблематики) // XVIII век. Сб. 23. СПб., 2004. С. 3–19.

Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772. 264 с.

Песков А. М. Буало в русской литературе XVIII — первой трети XIX в. М., 1989. 176 с.

Серман И. З. Русский классицизм: Поэзия. Драма. Сатира. Л., 1973. 284 с.

Степанов В. П. Леонтьев // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К–П). СПб., 1999. С. 205–207.

Сумароков А. П. Избранные произведения / вступ. ст., подгот. текста и примеч. П. Н. Беркова. Л., 1957. 608 с. (Библиотека поэта).

Grove L. Emblematics and Seventeenth-Century French Literature: Descartes, Tristan, La Fontaine and Perrault. Charlottesville, 2000. 284 p. (EMF critiques).

Grove L. La Fontaine et les emblèmes // Le Fablier. Revue des Amis de Jean de La Fontaine. 2005. № 16 : Le musée imaginaire de Jean de La Fontaine. P. 27–38. DOI: 10.3406/lefab.2005.1110

La Fontaine J. Œuvres complètes. I. Fables, contes et nouvelles / Préface par E. Pilon et R. Groos; texte établi et annoté par R. Groos (fables) et par J. Schiffrin (contes). [Paris], 1954. XVI, 877 p. (Bibliothèque de la Pléiade. Vol. 10).

Lévêque E. Les sources des fables de La Fontaine // Les fables ésoques de Babrios, traduites en totalité pour la première fois, comparées aux fables d'Horace et de Phèdre, de Corrozet et de La Fontaine, avec une étude sur leurs origines et leur iconographie par E. Lévêque. P., 1890. P. 422–454.

Pascal J.-N. Les successeurs de La Fontaine au siècle des lumières (1715–1815). N. Y. etc., 1995. XVII, 263 p. (Eighteenth century French intellectual history. Vol. 3).

Perry B. E., ed. Babrius and Phaedrus: newly edited and translated into English, together with an historical introduction and a comprehensive survey of Greek and Latin fables in the Aesopic tradition by B. E. Perry. London; Cambridge, Massachusetts, 1965. CII, 634 p. (Loeb Classical Library. Vol. 436).

Rolland T. Le destin facétieux des fables, d'Abstemiüs à La Fontaine. Croisements génériques et déplacements poétiques (XVe–XVIIe siècles) // Le Fablier. Revue des Amis de Jean de La Fontaine. 2015. № 26: Itinérances de la fable. P. 53–85. DOI 10.3406/lefab.2015.1259

Whitesell F. R. Fables in Mediaeval Exempla // The Journal of English and Germanic Philology. 1947. Vol. 46, № 4. P. 348–366.

Статья поступила в редакцию 06.08.2021 г.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

DOI 10.15826/izv1.2021.27.4.077
УДК 316.77 + 659 + 340.114.5

Н. Б. Кириллова

КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ МЕДИАСФЕРЫ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ МЕДИАКУЛЬТУРЫ*

Объектом исследования является образовательно-воспитательный потенциал медиасферы, служащий развитию и распространению правовой культуры и культуры прав человека в современной России. Это связано с усилением роли информационного фактора в условиях формирования гражданского общества. Цель работы – рассмотреть коммуникационные технологии медиасферы как основу трансформации правовой культуры в правовую медиакультуру.

К л ю ч е в ы е с л о в а: медиакультура; медиасфера; правовая культура; коммуникационные технологии; медиатексты; медиаобразование; правовая медиакультура

Введение

Для информационной эпохи рубежа XX–XXI вв. характерно сочетание процессов глобализации и диверсификации как итога цифровой революции, которая изменила бытие всего человечества. Масштабы медийной цивилизации, превратившей планету в глобальную информационную среду, влияют на интеллект и жизнедеятельность человека нового тысячелетия. Современная медиасфера, вбирающая в себя плотный поток аудиовизуальных коммуникаций людей, интернет-контента, дополняется многообразными сюжетами политического, правового и социокультурного характера, которые транслируются через разные медиаканалы. Это доказывает усиление роли информационного фактора, связанного со средствами массовой коммуникации как компонентами медиакультуры,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00813.

КИРИЛЛОВА Наталья Борисовна — доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета (e-mail: urfo@bk.ru). ORCID: 0000-0002-9187-7080

© Кириллова Н. Б., 2021

которая вышла на приоритетные позиции в условиях формирования гражданского общества.

Можно согласиться с мнением о том, что сегодня «макромир медиаккультуры являет собой повседневный бытийный контекст самоопределения личности, направляя процесс индивидуально-личностного становления в пространство сопряженности медиаккультурных смыслов и человеческой субъективности» [Возчиков]. Таким образом, вхождение индивида в технологии медиаккультуры с ее онтологическим основанием становится и практикой, и условием адекватного освоения проблемного поля современного духовного бытия. Речь идет не только об освоении социальной информации, связанной с деятельностью, поведением и общением человека, но и о ведущих формах активности индивида, которая во многом обусловлена его сознанием и правовой культурой.

«Если мы настроены на то, чтобы быть демократами, — подчеркивал еще в эпоху гласности и перестройки М. К. Мамардашвили, — надо понимать, как устроена наша социальная жизнь, которая пронизана пограничными сопряжениями и требует от нас цивилизационной грамотности. Чтобы нам быть гражданами, то есть жить социально грамотно, нужно понимать какие-то отвлеченные истины относительно самих себя, своих предельных возможностей» [Мамардашвили, с. 43].

Вот почему одной из главных функций государства является «защита прав и свобод личности, обеспечение законности и правопорядка в обществе, процесс формирования у граждан позитивного отношения к праву, становления правовой культуры» [Морозова, с. 83]. От этого зависит судьба демократии в стране и дальнейшее развитие гражданского (информационного) общества. Данную функцию прежде всего выполняют государственные органы, учреждения, предприятия, учебные заведения и другие социальные институты.

Потенциальные возможности медиасферы в формировании правовой культуры личности

Будучи составной частью культуры общества, правовая культура, являя собой «реализованное правовое сознание» [Смоленский, с. 162], отражает уровень его правовой цивилизованности и включает в себя достижения отечественных и зарубежных правовых систем: современное законодательство, практику законотворчества и судебной деятельности, правовую активность населения, совокупность в нормах права национального и общечеловеческого, юридические обычаи и традиции.

Для начала обратим внимание на само определение термина «право». Как констатирует Ю. Г. Ершов, «...это общая мера свободы, равенства и справедливости, выраженная в системе формально-определенных и охраняемых публичной (государственной) властью общеобязательных норм (правил поведения) и деятельности социальных субъектов. Этимологически слово “право” производно от “правый” и “правда” (в значении “истинный”)... Право адресовано свободной воле субъектов общественных отношений и приобретает смысл при выборе вариантов поведения адресатом нормы. Право выступает как положительное бытие

свободы, исключаящее самоуправство, произвол, подавление личности, право становится мерой (нормой) свободы» [Социальная философия, с. 324].

Что касается правосознания, то являясь «одной из форм общественного сознания, оно включает в себя совокупность идей, чувств, настроений, представлений, взглядов, в которых выражается отношение к праву, правовым явлениям, в том числе к действующему и желаемому праву, к деятельности юридических органов и учреждений, а также к деяниям и поступкам, совершаемым в правовой сфере» [Морозова, с. 305].

Поскольку формирование правосознания в информационном обществе во многом зависит от медиакультуры и ее составляющих (средств массовой коммуникации), то образовательно-воспитательный потенциал медиасферы требует особого изучения в контексте формирования правовой культуры и культуры прав человека. Дело в том, что именно медиасфера, расширение информационного пространства создали основу для демократизации и открытости общества, «...дали возможность свободно мыслить, то есть не только право говорить о том, что видишь, но и право быть услышанным. В том числе — властью» [Мамардашвили, с. 53].

Отметим, что медиасфера как новое социокультурное пространство, сложное и неоднозначное, не является чем-то статичным, она постоянно трансформируется, пополняется новыми медиа, представляя собой безграничный спектр средств и каналов коммуникации для передачи разнообразной информации, выступая тем самым фактором формирования общественного сознания и социализации личности. Это связано с особенностями медиакультуры, которая, в соответствии с концепцией автора, включает в себя «как культуру производства и передачи информации, так и культуру ее восприятия», являясь одновременно «показателем уровня развития личности, способной "читать", анализировать и оценивать медиатекст, заниматься медиатворчеством, усваивать новые знания посредством медиа» [Кириллова, 2008, с. 18].

То есть современная медиасфера, как источник знаний и информации, становится важным фактором правового воспитания, средством повышения уровня правосознания и правовой культуры граждан. Представляя собой особую форму социально-психологического воздействия, язык и технологии новых медиа, с их интерактивностью и разнообразными текстуальными практиками, способны формировать у аудитории позитивные представления, взгляды, поведенческие ориентации, установки и навыки, обеспечивающие адекватную жизненную позицию личности в конкретной правовой ситуации. А медиaproдукция, в том числе онлайн, включается тем самым в систему мер, направленных на внедрение в сознание индивида демократических, правовых и моральных ценностей, стойких нравственных принципов и убеждений.

Правда, такое взаимодействие между интерактивными медиа (включая и блогосферу) и аудиторией должно строиться на доверии как основе не только онлайн-взаимоотношений, но также интерпретации окружающего мира и способов его понимания [Матисон, с. 253–254].

Среди направлений правового воспитания выделяются следующие: 1) формирование правосознания и правовой культуры в основной ячейке общества — семье;

2) обучение основам правовой науки подрастающего поколения в учебных заведениях; 3) самовоспитание; 4) предоставление информации о правотворческой деятельности в государстве через средства массовой коммуникации, включая компьютерные программы и интернет-источники. Роль медиа в этом процессе настолько усилилась, что в теории и практике права сложилось новое направление — информационное право [Смоленский, Алексеева]. Само понятие «информационное право» появилось относительно недавно и трактуется исследователями по-разному.

Так, В. А. Копылов определяет термин «информационное право» как систему охраняемых государством социальных норм и отношений, возникающих в информационной сфере — сфере производства, преобразования и потребления информации [Копылов]. М. М. Рассолов определяет информационное право как систему юридических норм и институтов, регулирующих правовые отношения в информационной сфере [Рассолов, с. 50]. И. Л. Бачило приходит к выводу, что информационное право — совокупность правовых норм, регулирующих отношения в информационной сфере, «связанных с оборотом информации, формированием и использованием информационных ресурсов, технологий и коммуникаций» [Бачило, с. 26].

Анализируя вышеизложенные определения, М. Б. Смоленский и М. В. Алексеева формулируют это понятие, исходя из объектов и предметной области самого информационного права, по отношению к которым или в связи с которыми возникают общественные отношения, подлежащие правовому регулированию. В информационном праве, по их мнению, «основным объектом, по поводу которого возникают общественные отношения, подлежащие правовому регулированию, является информация, находящаяся в гражданском, административном или ином общественном обороте» [Смоленский, Алексеева, с. 19].

Правовая и медийная культуры: механизмы взаимодействия

Интересно проанализировать технологии трансформации правовой культуры в правовую медиакультуру, правового воспитания в правовое медиавоспитание, образования в медиаобразование, правового пространства в правовое медиaprостранство в современной России. Дело в том, что реализация социальных функций медиакультуры (таких как освоение и познание мира, коммуникативная, нормативная, креативная, посредническая и др.) тесно связана с культурой правовой, также включающей в себя весь комплекс связей, вступая в которые, люди достигают своей цели, реализуют жизненные планы. При этом социокультурное бытие, которое объединяет указанные структуры, можно трактовать как «информационную систему — процесс», который может стать механизмом указанной трансформации и который тождествен категориям информационного бытия и формам (фрейм, паттерн, скрипт) восприятия человеком через призму интерпретации природного, культурного, смыслового миров [Тхагапсоев, Астафьева, с. 106–108].

Все это свидетельствует, что правовая медиакультура — это явление мировой и национальных культур, включающее в себя объективную логику общественных

отношений, закономерные императивы и требования этих отношений, которые политическая власть так или иначе отражает в действующем законодательстве.

Еще одним фактором связи медийной и правовой культуры является их онтологическая основа, которая заключается в самой жизнедеятельности индивида, развертывающейся в его профессиональной сфере, творчестве, поведении и общении как главных формах человеческой активности. Все перечисленные формы, обеспечивающие воспроизводство и развитие разных компонентов окружающего мира (искусственно созданной предметной среды, сложной системы межличностных отношений, деятельности социальных институтов и духовной жизни общества) опосредованно воплощаются в правовой медиакультуре — трансперсональном сознании, которое в данный период существует в обществе.

Нельзя не коснуться и такой важной проблемы, как взаимодействие «массовости» и «социальности» в медиасфере. Как отмечает М. В. Загидуллина, «массовость как структурный компонент коммуникации — это нити, увязывающие индивидов в ансамбль». А «массовая коммуникация есть связи, обуславливающие “человечность” человечества... Причем как именно выглядит этот “чип социальности” в сознании каждого индивида, в данном случае не так уж и важно» [Загидуллина, с. 171–172].

Именно этим объясняется широкое распространение и популярность тех платформ, которые обеспечивают массовый формат межперсональной и межгрупповой коммуникации и трансформацию сферы приватного, частного, закрытого, включая освоение самой логики медиакультуры участниками коммуникации.

Колоссальный потенциал современной медиасферы с ее развитым комплексом социальных медиа, разнообразием медиатекстов, интерактивными электронными изданиями, практиками блогинга, виртуальными правозащитными проектами так или иначе связан с образовательной средой. Текстом медиакультуры при этом является и само медиасообщение, и часть его, и отдельно взятое средство массовой коммуникации, включая традиционные и новые медиа, многочисленные интернет-источники и др. Сложность любого медиатекста — в потенциальной многозначности его смыслов, когда ни один из них нельзя признать «истинным», подобно тому, что не существует и некоего «идеального» потребителя медиапродукции. По сути, это вопрос о характере медиакультурного дискурса. Более того, любое средство массовой коммуникации интертекстуально не только на уровне коммуникации «автор — адресат сообщения», т. е. логики диалогичности отношений составляющих его текстов, но и в полифоничности текстовой структуры медиакультуры. Об этом писала в своих работах по семиотике Ю. Кристева, доказывая, что любой медиатекст полифоничен, так как представляет собой «особое устройство — площадку, на которую выходят разные противоборствующие идеологии» [Кристева, с. 21].

Медиатексты можно классифицировать как оперативно-новостные, оперативно-исследовательские (интервью, репортаж), исследовательско-новостные (комментарий, рецензия), исследовательские (статья, обзорение), художественно-публицистические (очерк, эссе, памфлет, фельетон). Распространение медиатекстов правового содержания (к примеру, «Консультант», «Право и юриспруденция.

Словарь-справочник», портал «Закон.ру» и др.) связано с логикой современного познания, где доминируют социально-нравственные искания личности, стремление к истине, к разрешению тех или иных проблемно-правовых ситуаций.

Законодательство Российской Федерации и роль медиаобразования

Вся система работы по «расшифровке» медиатекстов так или иначе связана с процессами медиаобразования в школе и вузе, особенности которого нашли отражение в работах О. А. Баранова, Е. А. Бондаренко, Е. И. Вартановой, Я. Н. Засурского, Н. Б. Кирилловой, Б. Н. Лозовского, А. А. Новиковой, В. Ф. Олешко, Н. Ф. Хилько, И. В. Чельшевой, А. В. Федорова и др. Большая роль в исследовании проблем медиаобразования в последние годы отводится журналу «Media education» (главный редактор А. В. Федоров), индексируемому в международной базе Web of Science.

Можно согласиться с В. А. Возчиковым, что в «...феномене медиаобразования мы обнаруживаем уникальную форму целенаправленного развития и опредмечивания сущностных характеристик человека как носителя и творца культурных смыслов и значений. Постигание медиакультуры осуществляется через развитие ментальной, нравственно-этической, мировоззренческой, эстетической и прочих важнейших характеристик личности, шире — ее духовной субъективности» [Возчиков]. Все сказанное позволяет говорить о человекообразующей функции медиаобразования и одновременно — об углублении и расширении потенциальных возможностей правовой медиакультуры.

Новый тип культуры и бытия человека, который образование воспроизводит сегодня с перспективами на будущее, самым тесным образом связан с доминированием медиасферы, и поэтому вся образовательная система, занимаясь выявлением культурных ценностей и основополагающих мировоззренческих установок воспитания, должна быть объединена с приоритетами правовой культуры, вводя их в систему медиаобразования. Не случайно в Декларации о правах человека и верховенстве права в информационном обществе информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) признаны «движущей силой информационного общества», способствующей «конвергенции разных средств коммуникации» и влияющих на осуществление прав и свобод человека [Декларация о правах человека, с. 3].

На достижение указанных целей должна быть направлена и система медиаполитики государства, тем самым влияя как на процессы модернизации российского общества, так и на развитие его правовой культуры [Кириллова, 2015]. Основа медиаполитики — законодательство, активно развивающееся в постсоветской России. Его ядром стал Закон РФ «О средствах массовой информации», принятый в декабре 1991 г., отдельные положения которого вошли в статью 29 Конституции Российской Федерации (1993).

Комментируя новую редакцию Конституции РФ 2020 г., Е. Ю. Бархатова отмечает, что «...статья 29 закрепляет право на свободу мысли и слова, получение, производство и распространение информации. Положение данной статьи говорит о Российской Федерации как о государстве демократическом, признающем

разнообразии мнений». Тем не менее, констатирует автор, «...данная статья имеет большее число ограничений, чем другие. Это не случайно — свобода мысли и слова не может быть абсолютной. В общих чертах ограничения сформулированы в статье 55 Конституции РФ. Кроме того, ГК РФ, КоАП РФ, УК РФ предусматривают меры наказания за публичные призывы к национальной вражде, насильственному захвату власти и т. д. Гарантиями осуществления данного права является то, что оно не только декларируется, но и создаются возможности его реализации. Так, Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» предполагает предоставление возможности публично заявить о своем мнении, Федеральный закон от 13 января 1995 г. № 7-ФЗ «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации» предполагает гарантии свободы получения информации для каждого. Запрет цензуры означает, что не может быть лиц, надзирающих за работой средств массовой информации, обладающих правом запрещать распространение какой-либо информации. Ограничения существуют только для информации конфиденциальной, для сведений, составляющих государственную тайну, перечень которых определяется Федеральным законом. Таким законом в настоящее время является Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 54851 «О государственной тайне» [Бархатова, с. 40–41].

Для охраны интеллектуальной собственности был принят Закон РФ «О правовой охране программ для ЭВМ и баз данных» (1992), а в 1993 г. — Закон «Об авторском праве и смежных правах» (сегодня это 4-й раздел Гражданского кодекса РФ). Среди важных законодательных актов Российской Федерации выделяются также Закон РФ «Об информации, информатизации и защите информации» (1995), Указ Президента РФ «О переходе России к информационному обществу» (1997), Концепция государственной информационной политики (1998), Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (2000), Указ Президента РФ «Об утверждении основ государственной культурной политики» (2014) и др. Все перечисленные документы, несомненно, способствуют формированию и развитию новой медиасферы, структура которой соединила в образовательном контексте правовую и медийную культуры. Что касается правового медиаобразования в современном гуманитарном вузе, то его основы даны автором в ряде работ [Кириллова, 2008, 2015].

Выводы

Подводя итоги исследования, следует отметить, что изучение образовательно-воспитательного потенциала медиасферы и ее влияния на развитие правовой культуры и культуры прав человека в современной России ведется все еще недостаточно глубоко, хотя актуальность данного направления деятельности очевидна. Требуют дальнейшего анализа и новые информационно-познавательные платформы, и сами медиатексты, и видеоролики, представленные в социальных медиа; необходимо также выявление наиболее интересных медиапроектов с правовым контентом.

Сказанное связано с тем, что коммуникационные интернет-технологии в информационном (гражданском) обществе, как и система медиаобразования, являются все более востребованными и эффективными рычагами формирования правовой культуры личности в постсоветской России. А правовая медиакультура как новая парадигма науки и образования становится одним из самых перспективных объектов исследования.

Бархатова Е. Ю. Комментарии к Конституции Российской Федерации. 3-е изд. М., 2021. 256 с.

Бачило И. Л. Информационное право. 2-е изд. М., 2019. 419 с.

Возчиков В. А. Философия образования и медиакультура информационного общества : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2007. URL: http://irbis.gnpbu.ru/Aref_2007/Vozchikov_V_A_2007.pdf (дата обращения: 10.07.2021).

Декларация о правах человека и верховенстве права в информационном обществе / Рос. комитет программы ЮНЕСКО «Информация для всех». М., 2005.

Загидуллина М. В. Панмедиатизации: закат вербальной коммуникации. Челябинск, 2019. 225 с.

Кириллова Н. Б. Медиакультура: теория, история, практика : учебник. М., 2008. 496 с.

Кириллова Н. Б. Медиapolитика государства в условиях социокультурной модернизации : учеб. пособие. Екатеринбург, 2015. 110 с.

Копылов В. А. Информационное право. 2-е изд. М., 2002. 512 с. URL: https://all-sci.net/pravo-uchebnik_669/informatsionnoe-pravo-uchebnik-izd-pererab-dop.html (дата обращения: 25.07.2021).

Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / пер. с фр. М., 2004. 656 с.

Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация. СПб., 2019. 352 с.

Матисон Д. Медиадискурс. Анализ медиатекстов. 2-е изд. : пер. с англ. Харьков, 2017. 264 с.

Морозова Л. А. Теория государства и права в вопросах и ответах. М., 2019. 336 с.

Рассолов И. М. Информационное право : учебник и практикум для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2020. 347 с.

Смоленский М. Б. Теория государства и права : учеб. пособие. Ростов н/Д, 2018. 207 с.

Смоленский М. Б., Алексеева М. В. Информационное право. Ростов н/Д, 2015. 221 с.

Социальная философия : словарь / сост. и ред. В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов. М., 2003. С. 324–334.

Тхагапсоев Х. Г., Астафьева О. Н. и др. Информационно-семиотическая теория культуры: Введение : монография. СПб., 2020. 208 с.

Статья поступила в редакцию 27.05.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.4.078
УДК 394.2:930.85(470) + 94(470)“19”

М. В. Капкан
Л. С. Лихачева

ПРАЗДНИЧНЫЕ ДЕМОНСТРАЦИИ В СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ: К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ ТЕХНОЛОГИЙ, МЕТОДОВ И ИНСТРУМЕНТОВ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ*

Статья посвящена анализу праздничных демонстраций в советской культуре как эффективной технологии конструирования гражданственности советских людей. Гражданственность рассматривается как системная характеристика личности, обозначающая степень гармоничности сочетания личных и общественных интересов в сознании, морально-политических качествах и поведении. На основе разработанной авторами типологии технологий, методов и инструментов формирования гражданственности анализируются праздничные демонстрации. Авторы прослеживают, как происходило взаимодействие технологий, методов и инструментов конструирования гражданственности во время демонстраций, сопровождавших советские государственные праздники.

Ключевые слова: советская культура; гражданственность; идеологическое воспитание масс; технологии; методы; инструменты; празднование государственных праздников; праздничные демонстрации трудящихся

Оценить масштаб и значимость каких-либо событий или процессов можно только по прошествии определенного времени, как бы со стороны (как писал С. Есенин, «Лицом к лицу / Лица не увидать. / Большое видится на расстоянье»). Это в полной мере относится к явлениям и процессам советской культуры. Чем дальше мы отходим от советской эпохи, тем очевиднее проявляются многие ее черты и особенности и тем больший интерес она представляет как для тех, кто жил в эту эпоху и был непосредственным участником этих событий, так и для тех, кто знает о них только понаслышке. В частности, к таким феноменам советской культуры, представляющим интерес с различных позиций (культурологических, идеологических, эстетических, психологических и др.), относятся советские праздничные демонстрации и государственная праздничная культура в целом.

Советская культура принадлежит к числу тех культурных универсумов, значительную роль в которых играла политическая и идеологическая компонента.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Свердловской области в рамках научного проекта № 20-411-660005 «Специфика конструирования гражданственности в 1920–2010-х гг. на материале публичных парковых пространств г. Свердловска/Екатеринбурга».

КАПКАН Мария Владимировна — кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета (e-mail: m-kapkan@mail.ru). ORCID: 0000-0002-8316-8145

ЛИХАЧЕВА Лилия Сергеевна — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета (e-mail: Likhacheva08@rambler.ru), ORCID: 0000-0002-1345-2378

© Капкан М. В., Лихачева Л. С., 2021

По аналогии со средневековым афоризмом «философия — служанка богословия» можно сказать, что советская культура была служанкой идеологии. Хотя первоначальная амбициозная идея большевиков создать новый тип человека оказалась недостижимой, задача построения особого типа отношений между личностью и государством оставалась одной из центральных на протяжении всего советского периода, а гражданская позиция и политическая грамотность относились к наиболее существенным характеристикам советского человека.

Формирование гражданственности — одна из важных проблем, стоящих перед любым государством, поскольку ключевой идеей гражданственности является гармоничное разрешение противоречий личного и общественного (блага, интереса) в сознании, морально-политических качествах и поведении каждого гражданина. При этом существуют различные модели гражданственности, в своих крайних проявлениях абсолютизирующие либо общественную составляющую, либо личную, индивидуалистическую (см. подробнее: [Капкан, Лихачева]). В советском государстве идеология была построена на первой модели, предполагавшей доминирование общественных интересов над личными. Художественной иллюстрацией такой модели может служить позиция, высказанная одним из героев фильма Г. Данелии «Афоня» (1975). Когда начальник ЖЭКа отчитывает Афону: «Да что ты все о других. Ты сначала о себе подумай, на себя посмотри...», — герой Евгения Леонова штукатур Коля возражает ему, фактически демонстрируя свою гражданственность: «Товарищ, а вы не правы! Каждый человек прежде всего должен думать об обществе, в котором он живет, а уж потом о своем месте в этом обществе и о себе. А с вашей философией мы далеко не уедем!»

В советском государстве идеологическое воспитание масс с целью формированию гражданственности было одной из центральных задач. После революции искали не только новые смыслы воспитания нового человека, но и новые формы, методы, которые, как показало время, были вполне эффективны. Более того, идеологическое воспитание гражданственности в советской культуре было выведено на уровень технологии, обеспечивающей идеологически нужный результат.

При описании реализации социокультурных и идеологических задач регулярно используются понятия «технология», «метод», «инструмент». Вместе с тем данные понятия часто употребляются как синонимичные, а их использование в большей степени интуитивно, нежели строго терминологично, и не позволяет дифференцировать реальные явления и процессы, обозначаемые этими терминами. Это делает актуальной задачу уточнения функционального и содержательного наполнения этих понятий, их границ и взаимосвязей между ними в контексте исследования процессов конструирования гражданственности.

Наиболее общим понятием в этой триаде служит технология. Технология представляет собой общую стратегию достижения практической цели. Сущностной характеристикой технологии является гарантированное воспроизведение необходимого результата на основе типовых, стандартизированных действий. При этом сугубо деятельностной составляющей технология не ограничивается. Характеристика технологии подразумевает также выявление цели ее применения,

ценностных ориентиров, ограничений. Можно сказать, что в основе любой технологии лежит определенная концепция общества, человека и власти, реализуемая через различные механизмы.

Процесс идеологического воспитания всегда строится с опорой на определенные идеологические принципы, задающие стратегию деятельности, ее ценностную направленность. В этом отношении идеологические технологии представляют собой систему действий, направленных на реализацию идеологических принципов и ценностей в сознании и мотивации поведения людей как объектов применения этих технологий.

Одним из важнейших признаков технологии (и идеологической технологии в частности) является эффективность, т. е. гарантированное достижение поставленной цели при последовательном выполнении действий, заданных методами, правилами и шаблонами. Некая совокупность действий может оформиться в технологию лишь в том случае, если на протяжении некоторого времени постоянно приводит к заданному результату. С этим же связана и историческая изменчивость технологий: если определенная последовательность действий утрачивает эффективность (в силу трансформации социальных потребностей, изменений социокультурного контекста, нарастания критического отношения к ней со стороны аудитории), она неизбежно утрачивает статус технологии, уступая место новым способам действия, в большей степени отвечающим запросам как власти, так и общества.

Технология по определению синтетична. Ее реализация предполагает использование различных типов средств, которые могут быть эффективны для разных объектов воздействия и для решения различных задач, необходимых для достижения цели. Синтетичность технологии способствует усилению ее эффективности, поскольку апелляция к различным каналам получения информации, задействование как рациональных, так и эмоциональных модусов восприятия приводит к расширению сферы ее воздействия.

Для реализации технологии формируется совокупность методов. Понятие метода является одним из наиболее разработанных как в науковедении, так и в педагогике. Несмотря на многообразие конкретных определений, сущностной чертой метода признается алгоритмизированность и направленность на получение результата кратчайшим и наиболее оптимальным способом. Следовательно, под методом конструирования гражданственности мы можем понимать совокупность действий и порождаемых ими объектов, которые обеспечивают функционирование и развитие объектов и процессов, направленных на формирование, трансляцию и поддержание идеологических концептов и паттернов поведения существующей модели гражданственности. Примерами различных методов могут служить агитационное искусство, праздничные демонстрации и шествия.

Наконец, третьим элементом данной системы является инструмент. Инструмент представляет собой совокупность технических приемов или набор процедур, объединенных в определенную последовательность, для реализации избранного метода с учетом имеющихся ресурсов. Инструменты обладают определенной самостоятельностью по отношению к методу и технологии; иными словами, одни

и те же инструменты потенциально могут быть использованы применительно к разным методам и технологиям. Так, агитационный плакат может быть использован как инструмент технологии формирования патриотизма или конструирования образа врага. Плакат был одним из важнейших инструментов советской пропаганды, оказывающих сильное эмоциональное воздействие на массы за счет объединения краткого, лаконичного, легко запоминающегося текста (слогана) и наглядно иллюстрирующего его изображения.

В целом предложенное соотношение технологии, метода и инструмента может быть сопоставлено с методологией, методом и методикой в сфере научных исследований [Рузавин]. Технология служит своего рода программой действий, которая определяется целью, принципами и ценностями. Метод представляет собой алгоритм достижения цели, релевантный обозначенным принципам и ценностям. Наконец, инструмент — это часть процедурного знания, направленного на реализацию метода исходя из конкретных условий и возможностей применения. Вместе с тем все перечисленные элементы обладают повторяемостью и воспроизводимостью — как по отдельности, так и в совокупности.

Еще одним дискуссионным вопросом является типологизация и классификация технологий и методов. В методической и научной литературе существуют различные подходы к решению этой проблемы и предлагаются разные основания классификации и типологизации. В частности, согласно разным классификациям, методы могут быть активными, пассивными и интерактивными; контактными и дистантными; вербальными и визуальными. Также выделяют различные группы методов в соответствии со сферой и целью их применения (методы воздействия на формирование сознания личности (общества); методы организации деятельности и формирования опыта общественного поведения личности; методы стимулирования и мотивации деятельности и поведения личности). Однако в последнем случае выделяемые группы методов определяются и оцениваются не по лежащим в их основе алгоритмам, а по целям, эффективное достижение которых подразумевает, что приближает эти группы методов к технологиям.

Таким образом, принципиальное отличие между технологиями и методами заключается в том, что первые типологизируются на основании целей, на достижение которых направлены, в то время как классификация вторых базируется на их сущностных особенностях. Так, обращаясь к технологиям конструирования гражданственности, мы в зависимости от господствующей идеологии можем выделить технологии формирования и/или поддержания лояльности власти, технологии вовлечения в общественную деятельность, технологии конструирования образа врага и т. д. При классификации же методов выделяются вербальные, визуальные, аудиальные, аудиовизуальные, деятельностные и другие методы. Развитие арсенала методов зависит от технологического прогресса общества, от доминирования в культуре различных средств коммуникации, а также от доверия аудитории к этим средствам.

Опираясь на предложенную схему, проанализируем праздничные демонстрации 1-го Мая и 7-го Ноября с точки зрения взаимодействия технологий, методов и инструментов конструирования гражданственности.

Советская демонстрация — массовое зрелищное коллективное действие, обеспечивающее формирование советской идентичности¹, осознания себя как части советского общества. Конструирование гражданственности через праздники в советской культуре осуществлялось на двух уровнях. Первый — институциональный, осуществляемый «сверху» через деятельность специальных идеологических институтов власти (СМИ, система образования, политические организации и др.). Второй уровень — это уровень бытовых практик, межличностных отношений, опирающихся на жизненный опыт людей. Как писал Дж. Мид, это тот уровень, где субъекты через систему интеракций обмениваются символическими действиями и совместно конструируют знаково-символическую реальность на базе личных конвенций [Мид]. Закономерно, что сознательное применение методов и инструментов конструирования гражданственности было связано преимущественно с первым уровнем. В данном случае уместно вспомнить понятие «культурный менеджмент», введенное Кристел Лейн для характеристики советских праздничных ритуалов. Данное понятие акцентирует роль праздников в социальной и политической борьбе. Помимо своих основных традиционных функций советские массовые праздники формировали идеальный образ прошлого, настоящего и будущего страны, задавали образец взаимодействия человека и коллектива, человека и государства².

В этом отношении демонстрация трудящихся по случаю какого-либо государственного праздничного события (7-е Ноября, 1-е Мая, официальной даты, юбилея и др.) представляет собой реализацию идеологической технологии первого уровня, технологии культурного менеджмента. Кроме того, демонстрацию можно рассматривать и как символический ритуал, задача которого заключается в подтверждении приверженности участников традиционным ценностям и порядку. В этом смысле ритуал «можно сравнить с функцией палаты мер и весов, с функцией эталона» [Этикет..., с. 18], который необходимо воспроизводить. Тем самым с семантической точки зрения демонстрация оказывалась способом подтверждения миропорядка (и социального порядка), в то время как с прагматической — технологией формирования лояльности государству.

Участие в праздничных демонстрациях «было моральным долгом советского гражданина и одновременно воспринималось как неотъемлемая часть праздничного поведения» [Здравомыслова, Темкина, с. 82]. Оно служило консолидации граждан, приобщению к официальной идеологии, выработке у участников чувства размежевания между своими и чужими (друзьями и врагами, идеологически близкими и идеологически чуждыми), эмоционального приобщения и сопричастности государственным символам и достижениям и т. д. В свою очередь, это «способствовало коллективному усвоению ими социальных и политических установок, формированию новой системы политических ценностей, поддержанию санкционированного властью поведения членов общества» [Барышева, 2019, с. 887–888].

¹ В данном случае под идентичностью мы понимаем «внутреннее самоопределение, кем себя мыслит сам индивид, какое окружение считает своим, чье признание для него принципиально важно, связано с его укоренением в социальной жизни» [Тульчинский, с. 80].

² Подробнее о советских праздниках как о технологии культурного менеджмента см.: [Рольф].

Как справедливо заметили Е. Здравомыслова и А. Темкина, «институциональные массовые шествия, которые символизировали основные ценности государственной идеологии, отображали реальную социальную иерархию советского общества, имели ригидную организацию и строгую регламентацию» [Здравомыслова, Темкина, с. 81]. Эта строгая регламентация демонстраций лежала в основе технологии поддержания власти и конструирования гражданской идентичности. Для реализации этой технологии использовались различные инструменты и методы — аудиальные, визуальные и вербальные. Так, к вербальным методам можно отнести столь распространенные в советской действительности торжественные праздничные речи, поздравления, лозунги и пр. С помощью этих методов формулировались стратегические ценности общественного развития и модель взаимодействия общества и личности, предполагающая приоритет общественного. Аудиальные методы, в свою очередь, были представлены музыкой и песнями, транслируемыми по радио и ТВ, а также на улицах городов и сел. Эти методы в отличие от вербальных апеллировали к эмоциональной составляющей сознания советского человека. Наконец, визуальные методы конструирования гражданской идентичности включали в себя различные варианты наглядной агитации — плакаты, транспаранты, портреты руководителей партии и правительства, героев страны, передовиков производства и др.

Воспоминания советских людей об участии в праздничных демонстрациях свидетельствуют о том, что они были достаточно эффективным ресурсом формирования гражданственности советского человека: «Несли транспаранты, портреты советских руководителей, основоположников марксизма-ленинизма... Помню и веточки с цветами из бумаги, и лозунги с транспарантами, которыми никто не тяготился... Конечно, в начале демонстрации когда была официальная часть, а мы все стояли и слушали, было нудновато, зато потом все это с лихвой восполнялось. Вокруг смех, веселые и добрые лица. Было ощущение одной большой семьи, у которой очередной праздник» [Лубов]. Все это создавало приподнятое настроение, атмосферу праздничного единения граждан большой страны, вырабатывая на разных уровнях сознания и поведения людей гражданственную ориентированность на общественное благо государства.

Советский народ не просто приобщался к истории страны в театрально-праздничной форме, но и получал эмоциональный заряд гордости за свою Родину, ее достижения и победы. Происходило закрепление этого ощущения праздника, красоты и торжественности на уровне мироотношения в целом. Формировалась система взглядов, установок, ценностей, связанных со значимостью и приоритетностью всего советского как воплощения истины, добра и красоты. Тем самым решалась стратегическая задача формирования гражданского сознания и самосознания советских людей.

Конечно, используемые властью методы носили шаблонный характер. Даже оформление колонн было стандартизировано и унифицировано. Проведение праздничных демонстраций строилось на основе заранее разработанных, идеологически выверенных и утвержденных сценариев, методических пособий и указаний, что свидетельствует о технологичности данных процессов. В подтверждение

этой мысли можно вспомнить высказывание Н. Подвойского: «...оформлять октябрьские празднества мы будем различно, но по единой марксистско-ленинской методологии, с единой устремленностью. Мы эту работу сделаем стержневой» (цит. по: [Барышева, 2016, с. 27]). Таким образом, как справедливо пишет Е. В. Барышева, «праздничное дело окончательно было поставлено под строгий контроль и загнано в стандарты» [Там же]. Такая строгость организации и проведения демонстраций по четко обозначенному сценарию еще раз указывает на их ритуальный и одновременно технологический характер, основанный на точном и однозначном воспроизведении детально предписанных норм, порядка и последовательности действий.

Через участие в этих праздниках и демонстрациях происходило укоренение идеологических образов и символов в сознании людей и их перевод на второй уровень конструирования гражданственности через закрепление на эмоциональном и поведенческом уровнях. После участия в демонстрации празднование переносилось в бытовой, домашний формат, где устраивались застолья, произносились тосты в честь Родины и государства, пелись революционно-патриотические песни: «А после праздника все шли по друзьям, родственникам — накрытые столы как в Новый год, веселье, разговоры взрослых, детские концерты импровизированные» [Лубов].

Гражданственность переходила в частную сферу. Все эти методы и инструменты организации праздников начинали восприниматься как привычные, не требующие дополнительных обоснований и единственно правильные. «Оповседневнивание» (термин Б. Вальденфельса) праздника способствовало утрате его критического восприятия и повышению доверия к происходящему. На этом уровне становилась неочевидной и технологическая основа советских праздников. Конечно, остается открытым вопрос, можно ли считать этот процесс исключительно доказательством успешности данной технологии или, наоборот, демонстрация становилась лишь внешним, формальным поводом для встречи с друзьями. Однако вне зависимости от ответа на этот вопрос можно утверждать, что на уровне бытовых практик выстраивались положительные эмоциональные ассоциации с праздником, что хотя бы косвенно могло способствовать поддержанию гражданской лояльности.

Таким образом, советские праздничные демонстрации представляли собой разработанную технологию формирования гражданственности, для реализации которой использовались разнообразные методы и инструменты, соответствовавшие запросам и культурному уровню аудитории. Формализация и постепенная утрата эффективности этой технологии в позднесоветский период во многом связаны с нараставшим противоречием между сложившейся системой методов и актуальной социокультурной ситуацией, что подтверждает мысль о важности как идеологических, так и культурных факторов в политических технологиях.

Барышева Е. В. «Новая женщина» в контексте советской праздничной культуры 1920–1930-х гг. // Вестн. архивиста. 2019. № 3. С. 887–899. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2019-3-887-899>

Барышева Е. В. Праздничное убранство советских городов 1920–1930-х гг. // Урал. ист. вестн. 2016. № 3 (52). С. 23–32.

Здравомыслова Е., Темкина А. Октябрьские демонстрации в России: от государственного праздника к акции протеста // Сфинкс : Петерб. филос. журн. 1994. № 2. С. 76–99.

Капкан М. В., Лихачева Л. С. Социальная переписка как форма проявления культурной модели гражданственности (на материалах газеты «Пионерская правда» 1925–1929 гг.) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2020. Т. 26, № 4 (201). С. 76–83. <https://doi.org/10.15826/izv1.2020.26.4.072>

Лубов С. А вы помните советские демонстрации? // Музей СССР «20-й век». URL: <http://20th.su/2010/11/07/a-vy-pomnite-sovetskie-demonstracii/> (дата обращения: 27.08.2021).

Мид Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль : тексты. М., 1994.

Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009. 439 с.

Рузавин Г. И. Методы научного исследования. М., 1975. 237 с.

Тульчинский Г. Л. Динамика семиозиса праздников в советском и постсоветском обществе // Семиозис и культура: современные культурные практики : монография / под ред. Л. В. Гурленовой, Г. Л. Тульчинского. Сыктывкар, 2021. С. 79–95. 1 опт. компакт-диск (CD-ROM).

Этикет у народов Передней Азии : сб. / отв. ред. А. К. Байбурун, А. М. Решетов. М., 1988. 264 с.

Статья поступила в редакцию 27.09.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.4.079

УДК 316.77 + 342.4(470) + 32.019.5 + 821.161.1.09

Р. М. Николаев

Е. А. Попов

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЮБИЛЕИ В СССР И ПРАКТИКИ КОММЕМОРАЦИИ В СТАЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Статья посвящена специфике использования коммеморативных практик в советской культуре 1930–1950-х гг. На примере пушкинского юбилея 1937 г. и гоголевского юбилея 1952 г. показан коммеморативный (апроприативный) механизм, обеспечивший присвоение советской культурой ряда ярких культурных деятелей предшествующего периода. Таким образом, знаковые деятели русской культуры XIX в. оказались знаковой частью новой советской культуры, элементом ее символического капитала.

К л ю ч е в ы е с л о в а: практики коммеморации; сталинская культура; Пушкин; Гоголь; русская литература XIX в.

В современных гуманитарных исследованиях все более важное место занимают штудии, связанные с изучением коллективной памяти в различных ее модусах, в том числе применительно к тому, как в конкретных культурах функционируют разнообразные практики и техники памятования и (что не менее важно) забвения [Ассман А.]. Алейда Ассман, вслед за своим супругом, египтологом Яном Ассманом, поднимает проблематику культурной памяти, понимаемую как специфическую для каждой культуры форму передачи и *осовременивания* (курсив наш. — Р. Н., Е. П.) культурных смыслов [Ассман Я.]. В связи с необходимостью такого «осовременивания» чрезвычайно большое значение приобретает «политика памяти», в рамках которой посредством так называемых «коммеморативных практик» осуществляется апроприация (присвоение) памяти о прошлом, чаще всего в интересах властных или других обладающих влиянием в культуре и социуме агентов.

Еще предшественники Ассманов (М. Хальбвакс, П. Нора и др.) под коммеморацией в самом общем виде понимали сохранение в общественном сознании памяти о значимых событиях прошлого. Следовательно, под коммеморативными практиками имелся в виду предполагаемый набор способов, с помощью которых в обществе закрепляется, сохраняется и передается память о прошлом. А Патрик Х. Хаттон прямо определяет политику коммеморации как «идентификацию и описание тех событий, идей или личностей прежнего времени, которые избираются посредниками власти для хранения в памяти» [Хаттон].

НИКОЛАЕВ Роман Михайлович — кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета (e-mail: r_nik81@mail.ru). ORCID: 0000-0003-0147-8295

ПОПОВ Евгений Анатольевич — кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и дизайна Уральского федерального университета (e-mail: popow.ea@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-1540-5233

© Николаев Р. М., Попов Е. А., 2021

Коммеморативные практики, как это показано Яном Ассманом в упомянутой книге, применялись еще в глубокой древности. Их роль и значение в современности, как мы это видим на примере разыгрывающихся сегодня «войн памяти» (оценка или переоценка начала, хода и итогов Второй мировой войны; память и историческая политика, применяемая для построения новых национальных идентичностей, и т. д.), трудно переоценить. Очевидно, всякий исторический тип культуры, так или иначе, с теми или иными целями, прибегал к использованию коммеморации и коммеморативных практик. Это верно и по отношению к так называемой сталинской культуре, т. е. советской культуре 1930-х — первой половины 1950-х гг.

Исторический цикл существования Советского государства оказался не слишком длинным по меркам «истории большой длительности» (Ф. Бродель) — всего 70 с небольшим лет, что можно сопоставить лишь со временем жизни отдельного человека. Однако и внутри этого относительного небольшого периода можно выделить целый ряд этапов, качественно отличающихся один от другого. Следуя за интеллектуальным бестселлером Владимира Паперного [Паперный], можно представить историю советской культуры как время драматической борьбы сменяющих друг друга культурных парадигм или идеализированных моделей («идеальных типов», по Максус Веберу), названных российско-американским исследователем соответственно культурой 1 и культурой 2. Под культурой 1 в терминологии Паперного понимается революционная романтика 1920-х гг. (и в каком-то смысле короткая интерлюдия «оттепели»), под культурой 2 — консервативный неоклассицизм сталинизма (а также — в трагифарсовом облики — позднесоветская культура периода стагнации).

Для культуры 2, в числе прочего, типична ориентация на строгую иерархию во всех областях общественной и культурной жизни. Такая же иерархия сложилась в том, что касалось мира искусств. Первое место в этой иерархии занимала литература. Конечно, русская культура, начиная с эпохи Нового времени, характеризовалась как «литературоцентричная», достигнув апогея своей «литературоцентричности» в XIX в. Однако в первые послереволюционные годы неожиданно была сделана попытка выдвинуть на первый план визуальные искусства — здесь можно вспомнить и известные ленинские слова о кино как «важнейшем из искусств», и потуги деятелей авангарда, представлявших главным образом живопись, архитектуру и дизайн, занять «командные высоты» в советской культуре, чтобы решающим образом влиять на культурную политику молодой советской власти. В начале 30-х гг. литература вернула себе лидирующие позиции.

«На совершенно исключительное значение литературы в культуре 2, — пишет Паперный, — указывает, в частности, тот размах, с которым празднуется 100-летие со дня смерти Пушкина. Комиссия по проведению торжеств была создана уже в 1935 г., в нее входило 50 человек, среди которых практически все известные писатели (Горький, Толстой, Фадеев, Айни и др.), несколько деятелей театра (Немирович-Данченко, Мейерхольд — еще не опальный и др.), ряд академиков (полуопальный Бухарин, Карпинский и др.), несколько членов правительства (Ворошилов, Булганин, Чубарь — еще не опальный и др.). Постановление ЦИК

об учреждении этой комиссии называет Пушкина “великим русским поэтом, создателем литературного языка и родоначальником новой русской литературы... обогатившим человечество бессмертными произведениями художественного слова...”. Ни один художник кисти, резца или смычка в культуре 2 таких почестей не удостоивался. Пушкинский юбилей несет в себе и дополнительную семантику: это скрытая полемика с теми, кто некогда мечтал “бросить Пушкина с корабля современности”» [Паперный, с. 223]. В последнем пассаже Паперный имеет в виду авторов еще дореволюционного манифеста «Пощечина общественному вкусу» — представителей футуристической поэзии и живописи, левых ультрареволюционеров, не пришедшихся ко двору в формирующейся сталинской культуре, консервативной и традиционалистской по духу, несмотря на сохраняющуюся революционную риторику.

Действительно, с утверждениями Паперного относительно беспрецедентности пушкинских торжеств нельзя не согласиться. Юбилей с несколько некрофильским оттенком (характерно, что годовщина *смерти* Пушкина прилась на 1937-й — год, ставший символом массового террора, когда, согласно оценкам комиссии Поспелова¹, только по политическим обвинениям было расстреляно более 600 тыс. человек) позволил создать советизированный культ поэта, чей образ был апроприрован (присвоен) властью и инкорпорирован в тело сталинской культуры.

Важность символической фигуры Пушкина осознавалась русской культурой, разумеется, с давних пор. Уже знаменитый афоризм Аполлона Григорьева — «Пушкин — это наше всё» — манифестировал превращение образа великого поэта в универсальный символ отечественной культуры. Венцом дореволюционного прославления поэта стали Пушкинские торжества 1880 г., оставшиеся в истории не в последнюю очередь благодаря речи Достоевского, где тот со свойственных ему мессианистских позиций рассуждал о «всемирной отзывчивости» русского гения.

В то же самое время и царские власти приложили немало усилий для того, чтобы апроприировать образ Пушкина. В официальном нарративе поэт изображался в качестве верного слуги Престола и Отечества, чьим личным покровителем был сам Государь, после нелепой трагической гибели национального гения лично взявший на себя заботу о его осиротевшем семействе. В этом нарративе Пушкин рассматривался прежде всего как автор таких патриотических (если не «верноподданнических») произведений, как «Бородинская годовщина» и «Клеветникам России». О ранних тираноборческих стихах, вроде оды «Вольность» или стихотворения «Кинжал», о тесных дружеских связях Пушкина со многими будущими декабристами старались не вспоминать.

Поэтому тем более шокирующими в 1912 г. выглядели упомянутые попытки русского авангарда «бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода Современности» [Бурлюк, Маяковский, с. 399]. Авангард стремился к новаторству, говоря семиотическим языком, не только в области синтактики

¹ Комиссия Поспелова — комиссия по расследованию причин массовых репрессий во главе с секретарем ЦК КПСС П. Н. Поспеловым. Работала в 1955–1956 гг. в рамках подготовки доклада Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях».

и семантики, но и в области прагматики [Руднев], т. е. к радикальному переустройству не только искусства, но и самой жизни. Поэтому авангард был подлинно революционным искусством, предвосхитившим в 1910-е гг. культуру 1920-х годов. Для этой культуры Пушкин был символом старой, отжившей, а на вульгарно-социологическом «пролеткультовском» жаргоне — «дворянской», «буржуазно-помещичьей» культуры.

Характерный (и забавный) эпизод приводит Соломон Волков: «Как известно, когда Ленин 25 февраля 1921 г. встретился с группой московских студентов-художников, то спросил их: “Что вы читаете? Пушкина читаете?” — “О нет, — ответили они ему, — он был ведь буржуй. Мы — Маяковского”» [Волков, с. 123]. В этих простовато-наивных словах молодых людей — вся суть революционной романтики 20-х, пытавшейся буквально следовать словам коммунистического гимна: «*Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...*». Пушкин тогда оsezнавался как часть этого «мира насилья».

За 10 лет многое изменилось. Среди прочего, сталинская культура 2 репрессировала «левое искусство» революционного авангарда, объявив единственно верным художественный стиль и метод «социалистического реализма». Это довольно аморфное понятие, однако, недвусмысленно указывало на преемственность советской литературы и искусства по отношению к так называемому критическому реализму XIX в.

Консервативная культура особенным образом нуждается в опоре на традиции и в том числе на классическое культурное наследие, составляющее ее символический капитал. Пренебрегать таким символическим капиталом, который предоставляла классическая русская литература XIX в., сталинская культура не могла. Вместе с тем она не могла оставить революционную риторику, под аккомпанемент которой начал и продолжал осуществляться советский проект, претендовавший на исключительное всемирно-историческое значение. Аккумуляция символического капитала, таким образом, производилась путем своеобразной «советизации» образов ключевых фигур русской классики, прежде всего писателей, а среди них — Пушкина как писателя № 1 и символа национальной культуры.

Одним из инструментов такой «советизации» стали коммеморативные практики, т. е. практики коммеморации как «припоминания», когда «припоминается» то, и только то, что необходимо для осуществления механизма апроприации действующей властью того или иного деятеля культуры прошлого.

Приведем характерный образчик из статьи-обзора торжественных юбилейных мероприятий: «Вечером 10 февраля в Москве в Большом театре СССР состоялось торжественное заседание, посвященное 100-летию со дня смерти Пушкина. <...> Вступительную речь произносит председатель Всесоюзного пушкинского комитета народный комиссар просвещения РСФСР тов. Бубнов. “100 лет назад, — говорит он, — наша страна, только вступившая на путь формирования национальной русской литературы, понесла утрату, значение и тяжесть которой можем оценить только мы — люди сталинской эпохи, строители социализма, рабочие, колхозники и трудовая интеллигенция. <...> Пушкин наш! — восклицает т. Бубнов. — Только в стране социалистической культуры окружено горячей

любовью имя бессмертного гения, только в нашей стране творчество Пушкина стало всенародным достоянием. Пушкин принадлежит тем, кто под руководством Ленина и Сталина построил социалистическое общество, он принадлежит народам СССР, которые под великим знаменем Ленина — Сталина идут к коммунизму» [Александров, с. 492–493].

Экстатическое восклицание наркома (арестованного в октябре текущего года, а в августе следующего — 1938 г. — расстрелянного) «Пушкин — наш!» — точное указание на всемерную апроприацию образа национального поэта сталинской культурой. В процитированном коротком отрывке из речи Бубнова имя Пушкина энергично рифмуется с именами Ленина и Сталина, закономерно выстраиваясь в один логический ряд. Наркому вторит известный литературовед, умножая когорту «бессмертных»: «Но жив Пушкин, живо его слово, живо в сердцах людей, водрузивших знамя социализма, знамя Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина на шестой части земного шара. Скрылась тьма, взошло солнце, поэзия Пушкина стала всенародным достоянием» [Кирпотин, с. 35]. Согласно В. Кирпотину, ясно, что Пушкин, всю жизнь стоявший на народолюбивых, как минимум близких «освободительному движению» позициях, придерживавшийся материалистических и атеистических взглядов, всегда предвидел и предчувствовал — «Да здравствует солнце! Да скроется тьма!» — восход солнца, оказавшегося, само собой разумеется, «солнцем Сталинской Конституции».

Такой образ «советизированного» сталинской культурой Пушкина — революционера, но одновременно и патриота, народолюбца, а вместе с тем прогрессиста — активно внедрялся в самые широкие массы. Упомянутая статья-обзор А. Александрова рисует впечатляющую картину праздничных мероприятий, прошедших на дни пушкинского юбилея. Юбилей отмечался, как рапортует автор, на заводах и в колхозах, в школах и вузах, в Красной армии и на флоте, не говоря уже о вкладе «в увековечение памяти» научной и художественно-артистической общественности.

В советском официальном нарративе, в противоположность дореволюционному официальному же нарративу, многое развернулось на сто восемьдесят градусов. Так, Николай I в нем предстает не заботливым покровителем поэта и его семьи, а коварным режиссером подлого заговора, приведшего к роковой дуэли. Факт же непринадлежности Пушкина к тайным обществам интерпретируется как желание друзей-декабристов уберечь национального гения от смертельной опасности, а не элементарным неполным доверием революционеров по отношению к чересчур ветреному и коммуникабельному молодому поэту.

В сталинской культуре, тяготеющей к идее иерархии, естественным образом утверждается канон литературных классиков. Не только Пушкин, но и другие крупнейшие русские писатели XIX в. в советской интерпретации должны были оказаться своеобразными предшественниками литературы социалистического реализма, всем своим творчеством подготовившими появление новой советской литературы. Как и в случае с Пушкиным, важную роль здесь играли юбилейные коммеморативные практики. Так, на 1941 г. было запланировано масштабное празднование столетия со дня гибели Михаила Лермонтова, успевшего занять

в национальном литературном мифе второе место среди русских поэтов после Пушкина. Однако катастрофа 22 июня сделала невозможными любые помпезные торжества. Таким образом, третьим и последним из великих русских классиков, канонизированных и присвоенных советскими властями в сталинскую эпоху, стал Николай Васильевич Гоголь, чье столетие (и тоже, разумеется, ухода из жизни) пришлось уже на 1952 г.

Подобно Пушкину, Гоголь вошел в национальный литературный пантеон задолго до 1917 г. Ближе к концу XIX в. была заложена традиция празднования гоголевских юбилеев — пятидесятилетие первой публикации «Ревизора» в 1886 г., пятидесятилетие со дня смерти писателя в 1902-м, наконец, гоголевское столетие в 1909-м. Апофеозом последнего стала установка в Москве на бульварном кольце памятника писателю работы скульптора Н. А. Андреева [Невская, с. 106–139]. В отличие от большинства отечественных классиков, Гоголя сложно было заподозрить в какой-либо оппозиционности по отношению к действующей в его время власти. Он никогда не подвергался никаким репрессиям или особым притеснениям со стороны царского режима, чем может похвастаться редкий крупный русский деятель культуры XIX столетия. В ряду отечественных культурных «звезд» позапрошлого века Гоголь может, пожалуй, претендовать на статус самого «благонадежного». Тому немало поспособствовал последний период его творчества, отмеченный такими произведениями, как «Выбранные места из переписки с друзьями» и «Размышление о Божественной литургии». На «Выбранные места...», как известно, крайне резко отреагировал в своем знаменитом Письме к Гоголю Виссарион Белинский — критик, которого советская власть, совсем не без определенных на то оснований, считала одним из предтеч «соцреалистического» направления и метода. Белинский полагал, что поздний Гоголь изменил традициям так называемой «натуральной школы», принципы которой во многом были изобретены самим критиком, а Гоголь тем же Белинским был «назначен» главой этой школы.

Именно трактовку Белинским гоголевских произведений — от петербургских повестей до «Ревизора» и «Мертвых душ» — унаследовали советская критика и литературоведение, разумеется, только вульгаризировав эту трактовку и сделав ее еще более одномерной. Иногда, впрочем, употреблялись механизмы забвения, которые (А. Ассман) в коммеморативных практиках не менее важны, чем механизмы припоминания. Так, в юбилейном полном собрании сочинений Гоголя, завершеном в 1952 г., нельзя найти «Размышление о Божественной литургии». Ни талантливый Белинский, ни его куда менее талантливые советские эпигоны не могли или не хотели понять, что «...поздний Гоголь это не какой-то другой, видоизменившийся или пошатнувшийся, автор, но в точности тот же самый, лишь открывшийся со своей оборотной, теневой стороны (либо вышедший наконец-то на свет из темноты своего прошлого творчества). Что оба антипода как нельзя удачнее уравновешивают и дополняют друг друга, складываясь в единую фабулу завершенной судьбы человека, расплатившегося при жизни — во второй половине пути — за вину (или благо) первой своей половины» [Синявский].

Гоголевский юбилей 1952 г. в СССР проходил в весьма специфических социокультурных условиях. По некоторым значительным параметрам они отличались

от тех условий, в которых пятнадцатью годами ранее в Советском Союзе праздновалось столетие смерти Пушкина. СССР начала 1950-х гг. был мировой державой, победителем во Второй мировой войне. В то же время набирала обороты «холодная война» между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции. Между Востоком и Западом опустился почти непроницаемый «железный занавес».

Одним из внутривнутриполитических последствий «холодной войны» в СССР стали всё усиливавшаяся «борьба с космополитизмом» и сопутствовавшая ей «борьба с низкопоклонством перед Западом». Идеология «пролетарского интернационализма» еще как-то сохранялась на уровне риторики, но уже сдавала свои позиции лозунгу о «приоритете всего русского перед иностранным», а русский народ был объявлен «старшим братом» всех остальных народов СССР. При этом в официально-государственном дискурсе на первый план выдвигалось государство. Быть советским патриотом теперь означало быть верным слугой государства, его «колесом и винтиком». Полным ходом шла «мундиризация» всей страны — в форменную одежду переодевались все, от школьников до дипломатов. Консервативная сталинская культура 2, о которой писал В. Паперный, переживала свой апофеоз. Любителям исторических аналогий последнее сталинское семилетие легко может напомнить «мрачное семилетие» Николая I — финал николаевского царствования, а 1952 г. — «зарифмоваться» с 1852-м.

В этой атмосфере в многочисленных юбилейных статьях, брошюрах и монографиях, посвященных Гоголю и его творчеству, личность писателя предстает в соответствующем виде. Теперь он не только сатирик, бичующий гнилую николаевскую бюрократию, но и писатель-гражданин, писатель-патриот. Разумеется, эти две гоголевские ипостаси (а других и нет) тесно связаны между собой: «Сатирическое и юмористическое разоблачение правящих классов, — писал в своей монографии, изданной в 1953 г., видный советский литературовед, — было глубоко патриотическим делом Гоголя. И он осуществлял это дело с большой проникновенностью и принципиальностью. Он служил своей родине как писатель, защищающий ее народ и ее будущее от насилия и произвола чиновников и помещиков, потерявших всякое сознание национальной и исторической ответственности. Это и привело Гоголя в передовой литературный лагерь, сделало его врагом Булгариных и Кукольников, союзником Пушкина и Белинского» [Поспелов]. Добавим, что заключительная глава цитируемой монографии носит примечательное название «Образы Гоголя в высказываниях В. И. Ленина и И. В. Сталина».

Известные слова будущего главы советского правительства Г. М. Маленкова, произнесенные на последнем сталинском съезде партии в октябре 1952 г., — «Нам нужны советские Гоголи и Щедрины, которые огнем сатиры выжигали бы из жизни все отрицательное» [Маленков, с. 73] — стали как бы эпилогом к гоголевскому юбилею. А его кульминационной точкой явилось торжественное открытие нового памятника великому русскому писателю, установленного на месте старого памятника, на Гоголевском (бывшем Пречистенском) бульваре столицы.

Работа скульптора Андреева простояла на своем месте сорок два года (еще в 1951 г. его увезли в Данилов монастырь, а затем установили во дворе Дома-музея Гоголя на Никитском бульваре). Гоголь Андреева изображен сидящим,

сгорбленным, закутанным в шинель, похожим, как говорили, «на большую птицу». Это памятник сложному трагическому гению, раздираемому внутренними противоречиями, осознанием собственного несовершенства. Возможно, мы видим Гоголя, только что уничтожившего второй том своих «Мертвых душ». Но в 1952 г. такой образ «великого русского писателя-патриота» показался неуместным. Его заменил монумент работы Н. В. Томского.

Николай Васильевич Томский ко времени установки памятника был заслуженным академиком, пять раз удостоенным Сталинской премии. «Гоголь» Томского практически сразу после смерти Сталина, очевидно санкционировавшего установку памятника, стал подвергаться обоснованной критике. Художественно он, действительно, малопримечателен — невыразительная стоящая во весь рост фигура. Надо сказать, что и сам скульптор оценивал свое творение не слишком высоко, подчеркивая необходимость работать аврально, в спешке, чтобы успеть к юбилею. Но примечательнее всего другое — надпись, нанесенная на постамент памятника. Там написано буквально следующее: «Великому русскому художнику слова Николаю Васильевичу Гоголю от Правительства Советского Союза».

В этих словах точно заложена определенная ирония. Гоголь, всю жизнь стремившийся к серьезному большому «поприщу», а в конце жизни напоминавший окружающим о важности прохождения того или иного «общественно значимого» «поприща» (взять хотя бы его письма А. О. Смирновой-Россет, когда та была калужской губернаторшей); мечтавший об академической карьере, а в юности, по-видимому, и о государственной службе, но ставший в итоге «свободным художником», пусть и не обделенным вниманием властей, теперь, посмертно, как бы рекрутировался непосредственно «Правительством Советского Союза» в разряд «передовых бойцов идеологического фронта». Но если Пушкин образца 1937 г. был по преимуществу «революционером», то Гоголь 1952 г. оказался по преимуществу «патриотом». Даже сатирическая сторона его творчества отходит на второй план. Гоголь становится прежде всего певцом знаменитой «Руси-тройки» из «Мертвых душ» (на которой едет, между прочим, прохиндей Чичиков) и заодно автором героического эпоса о борьбе «козачества» — «необыкновенного явления русской силы» против «ляхов» (Запада) и примкнувших к ним хитрых и жадных «жидов» (борьба с космополитизмом). Кстати говоря, вторая редакция «Тараса Бульбы» окончательно «русифицирует» гоголевских запорожцев. Этот тезис — об историческом единстве русских и украинцев, фактически проведенный Гоголем во второй редакции своей повести, — пришелся очень вовремя, учитывая близость очередного юбилея — 300-летия воссоединения Украины и России в 1954 г.

Практики коммеморации в сталинской культуре применялись в интересах властных агентур и имели своей целью апроприацию (присвоение) памяти о прошлом. Крупнейшие фигуры русской классической литературы и культуры, такие как А. С. Пушкин и Н. В. Гоголь, благодаря особым избирательным техникам «припоминания-забвения» (коммеморации), становились как бы «союзниками» новых советских властей. Их жизнь, деятельность и творчество интерпретировались как необходимый предварительный этап на пути к победе социалистической революции, на пути к началу процесса построения нового

советского социалистического общества. Таким образом уже сформировавшаяся советская культура в ее сталинском изводе («страна победившего социализма») аккумулировала символический капитал, как бы питаясь соками по-новому интерпретируемой традиции. А новая интерпретация классической культурной традиции достигалась, в свою очередь (и в том числе), спецификой применяемых сталинской культурой коммеморативных практик.

Похожие операции по присвоению прошлого были проделаны практически со всеми более и менее видными деятелями русской культуры императорского периода. Это касалось как писателей, так и ученых, философов, а также деятелей изобразительного искусства, музыки и театра. Советской «канонизации» «удостоились» Ломоносов и Пирогов, Тургенев (несмотря на его либерализм) и Салтыков-Щедрин (несмотря на его губернаторскую службу), Глинка и Чайковский, Щепкин и Мочалов и многие-многие другие. Но пример Пушкина (в особенности) и Гоголя выглядит в этом контексте первопроходческим, а потому особенно показательным.

Александров А. Подготовка и проведение пушкинского юбилея в СССР // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М. ; Л., 1937. [Вып.] 3. С. 492–493.

Ассман А. Забвение истории — одержимость историей / пер. с нем. Б. Хлебникова. М., 2019. 552 с.

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. 368 с.

Бурлюк Д., Маяковский В. и др. Пошечина общественному вкусу [Манифест из сборника «Пошечина общественному вкусу»] // Маяковский В. В. Полн. собр. соч. : в 12 т. М., 1939–1949. Т. 1. 1939. С. 399.

Волков С. История русской культуры XX века. От Льва Толстого до Александра Солженицына. М., 2008. С. 123.

Кирпотин В. Мировоззрение Пушкина // Вестн. Акад. наук СССР. 1937. № 2–3. С. 35.

Маленков Г. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального комитета ВКП(б). М., 1952. С. 73.

Невская Д. Р. Три фазиса признания и увенчания. К истории первых юбилеев Гоголя // Новый филол. вестн. 2013. № 1 (24). С. 106–139.

Паперный В. Культура Два. М., 2006. 404 с.

Поспелов Г. Н. Творчество Н. В. Гоголя. URL: <http://n-v-gogol.ru/books/item/f00/s00/z0000005/index.shtml> (дата обращения: 28.07.2021).

Руднев В. Словарь культуры XX века. М., 1997.

Синявский А. В тени Гоголя. URL: <https://readli.net/v-teni-gogolya/> (дата обращения: 29.07.2021).

Хаттон П. Х. История как искусство памяти. СПб., 2004. 424 с.

Статья поступила в редакцию 23.09.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.4.080

УДК 316.77 + 316.346.32-053.6 + 378.01 + 94(479.25)

Т. Ю. Быстрова

М. В. Певная

Л. А. Асоян

МЕСТО МОЛОДЕЖНЫХ ИНИЦИАТИВ В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ ГЮМРИ*

В статье проведен анализ характеристик культурного ландшафта одного из крупных армянских городов — Гюмри — в аспекте участия молодежи в его формировании. Исследование реализовано в логике кейс-стади, проведенного авторами весной 2021 г. На основе анализа документов, результатов включенного наблюдения, экспертных и групповых интервью дана оценка историческим основаниям культурного ландшафта города, потенциально расширяющим перспективы городских проектов с молодежным участием, включенным или исключенным из практики их организации в культурной столице Армении. Выявлены особенности взаимосвязи культурного ландшафта Гюмри как города, пережившего не только геноцид 1915–1923 гг., но и землетрясения 1989 и 1999 гг., с уровнем и направленностью молодежных инициатив 2020-х гг.

Ключевые слова: культурный ландшафт; социокультурная среда; молодежное участие; городская культура; управление социальным участием; кейс-стади; Гюмри

Введение

Устойчивость городских пространств, определение нового курса развития территории — междисциплинарная проблема. В эпоху экономических вызовов и новых поворотов социального взаимодействия, обусловленных пандемией, остро стоит вопрос пересмотра параметров жизненного мира людей, пространства их взаимодействия, работы, досуга. Города как территориальные единицы, чьи бюджеты довольно часто ограничены, не могут развиваться без вовлеченности горожан. В свою очередь, это предполагает общее понимание жителями идентичности территории, на которой многие из них родились, живут и работают.

Материальная городская среда, с одной стороны, оказывается под воздействием модернизационных изменений, с другой — имеет потенциал развития

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-011-00471.

БЫСТРОВА Татьяна Юрьевна — доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и дизайна Уральского федерального университета (e-mail: taby27@yandex.ru). ORCID: 0000-0001-6713-6867

ПЕВНАЯ Мария Владимировна — доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета (e-mail: m.v.revnaeva@urfu.ru). ORCID: 0000-0003-3591-1181

АСОЯН Лилит Антоновна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Ширакского государственного университета; преподаватель кафедры экономики и управления Международного научно-образовательного центра НАН Республики Армения, г. Ереван (e-mail: lilitasoyan@rambler.ru)

в виде уникальности и специфических отличий городских территорий, объектов и людей. Важное место в раскрытии и реализации этого потенциала занимает активность молодых горожан, становящихся частью культурного ландшафта и вместе с тем связующим звеном между прошлым и настоящим того или иного города.

Специалисты, пользующиеся емким понятием «культурный ландшафт», говорят, что его отличительными чертами в каждом конкретном случае являются действия природного и человеческого факторов и их взаимодействие [European Landscape Convention...]. Характер этого взаимодействия в одном из крупных городов Армении – г. Гюмри – составляет ключевой исследовательский вопрос данной статьи. Мы оценим, как культурный ландшафт уникального города с богатейшей историей включен в социальное поле молодежного участия, как индикаторы культурного ландшафта отражаются в сознании и поведении молодых гюмрийцев, практиках молодежной активности и их организации и, в свою очередь, влияют на город, в особенности на его уникальный исторический центр.

Цель статьи – проследить прямое и обратное влияние составляющих культурного ландшафта Гюмри и активности молодежи, выявленной в ходе кейс-стади 2021 г. по изучению управления социальным участием молодежи в социокультурном развитии городов.

Обзор литературы и теоретические идеи

В междисциплинарном дискурсе город может рассматриваться как индивидуализированное место пересечения территориально-поселенческих, социально-общностных и ментальных структур [Микроурбанизм]. При таком взгляде культурный ландшафт городской территории может иметь основополагающее значение для понимания взаимодействия и пересечения изменений материальной среды конкретного города и поведения людей, которые в нем живут.

Понятие культурного ландшафта появилось относительно недавно и все активнее используется специалистами разных направлений, от урбанистов до искусствоведов. Под ним понимают географический ландшафт, освоенный и преобразованный людьми в результате целенаправленной деятельности и приобретший в силу этого уникальные черты. Термин «культурный ландшафт» (*Kulturlandschaft*) ввел в научный оборот в начале XX в. немецкий географ О. Шлютер, противопоставивший культурный ландшафт естественному, первозданному ландшафту (*Urlandschaft*) [Стрелецкий; Стрелецкий, Чернов]. Иногда авторами термина «культурный ландшафт» называют американских географов К. О. Зауэра и К. Л. Салтера [Чепайтене, 2010], но принципиальных отличий трактовки этих исследователей не содержат [Шишкина, 2011]. Важно, что призма культурного ландшафта стирает грань между материальным и ценностно-духовным, превращая фрагмент очеловеченного пространства в текст [Топоров, 1992].

Трактовка специалистов ЮНЕСКО вводит в содержание понятия ценностные компоненты: ценностью является сам культурный ландшафт, а также его социальный и экономический потенциал [Operational guidelines..., 2019]. В таком

понимании экономическая и социальная активность жителей определенной территории является сложным механизмом реализации этого потенциала.

В дальнейшем Д. Лоуэнталь выделил три свойства культурного ландшафта: материальность (и, значит, возможность быть воспринятым); богатство ресурсов (увеличивающее их индивидуальность); стабильность [Lowenthal]. С точки зрения актуализации наследия любого города, эти свойства демонстрируют нам способность такого ландшафта проявляться самым неожиданным образом: через нарративы, сувениры, литературные произведения и т. д. Например, работая с культурным ландшафтом Сан-Паулу, бразильские социологи изучали топонимику несохранившихся территорий и объектов, которые помнят жители [Maria, Salvado]. Это помогало им при принятии решений о функциональном назначении новых и существующих объектов.

Обобщая информацию из источников, можно определить, что к основным индикаторам формирования и развития культурного ландшафта города можно отнести: географические (природные) объекты, преобразованные человеком; архитектурные памятники и сооружения; топонимические системы; коммунитивные практики; городские праздники; городскую символику и символические объекты; восприятие городской среды. Именно эти аспекты положены в основу исследования социального участия молодых гюмрийцев, представленного ниже.

Характеристика исследовательских данных и метода

Реализованное авторами исследование в большей мере представляет собой апробацию теоретической рамки культурного ландшафта, позволяющей в дальнейшем оценивать и сравнивать в разных городах влияние материальной среды, культурно-исторического наследия на практики молодежного участия, социальные молодежные проекты, сопряженные с трансформацией городских общественных пространств, формированием территориальной идентичности, городской гражданственности, туристической привлекательности и комфортности среды проживания.

Исследование методом кейс-стади реализовано в мае 2021 г. в качественной стратегии. В течение 10 дней исследовательская группа осуществляла включенное наблюдение, изучала городскую среду, общественные места молодежной активности, культурно-исторические объекты. Были проведены 2 фокус-группы с молодежной аудиторией, 2 групповых интервью с участниками культурных проектов и акций, 20 полуформализованных экспертных и 5 глубинных интервью с организаторами и сотрудниками некоммерческих организаций, имеющими непосредственное отношение к созданию городских молодежных программ и проектов в различных учреждениях и некоммерческих организациях г. Гюмри. Были изучены нормативные документы, исторические, культурологические исследования по заявленной проблематике.

Данные кейс-стади дополняли исследовательскую картину, полученную в ходе опроса молодежи г. Гюмри. Были выявлены культурно-исторические объекты как наиболее привлекательные и знаковые городские достопримечательности, а также определены городские зоны молодежного досуга. Оценивался

культурно-исторический ландшафт Гюмри, включенность культурно-исторического наследия и материальной культурной среды в молодежные проекты и их организацию, практики публичного управления городами, выявлялась специфика реализации молодежной политики на разных уровнях публичного управления, определялась инфраструктура организации молодежного участия, роль вузов, учреждений сферы культуры, некоммерческих организаций в программах и проектах некоммерческого сектора, особенности активности разных групп городской молодежи в онлайн- и офлайн-средах.

Результаты исследования

Специфика культурного ландшафта Гюмри как объекта кейса

Армянский город Гюмри основан в VIII в. до н. э., испытал множество влияний и переименований, выдержал землетрясения 1988 и 1998 гг. По данным 2007 г., население города составляло 147 тыс. человек¹, с тех пор оно постоянно уменьшается, прежде всего в силу экономических причин. Город расположен в долине с небольшим уклоном, окружен горами. В середине XX в. в нем существовали такие отрасли, как машиностроение, текстильная промышленность, производство продуктов питания, которые сильно пострадали после распада СССР. Практически ни одно из предприятий не функционирует, не ведется и жилищное строительство. В городе частично восстанавливаются разрушенные в последнее землетрясение здания, незначительно расширяется жилищный фонд. На территории города расположена закрытая военная база РФ.

Застройку центра города А. В. Иванов характеризует как «регулярный вернакуляр» и «свободу внутри решетки» [Иванов, 2017, 2021]. Спланированные кварталы малоэтажных домов в историческом центре созданы местными мастерами-каменщиками практически без участия профессиональных архитекторов и сегодня продолжают выполнять функцию городского центра. Город сохранил свою аутентичность, имеет высокую степень узнаваемости, а его среда эстетична и гармонична. Черный (изредка розовый) туф, из которого построен центр города, является его визитной карточкой. Разрушения, вызванные землетрясением 1989 г. и частично не ликвидированные до сих пор, придают ландшафту особенную интонацию: в нем есть хрупкость и негибкость, мимолетность и вечные ценности культуры. В нескольких километрах от города проходит граница с Турцией — страной, которая до сих пор рассматривается большинством (если не всеми) армянами как виновник геноцида и потенциальный агрессор. На территории города дислоцирована 102-я российская военная база. Постоянные опасности, как природные, так и геополитические, формируют у горожан обостренное чувство локального патриотизма и гордости.

¹ ГЕО Гюмри. Оценка состояния окружающей среды города Гюмри с 2005 по 2008 годы. URL: https://gridarendal-website-live.s3.amazonaws.com/production/documents/s_document/211/original/geo_gumry_final_russian_low_resolution_2010-02-17.pdf?1486722310 (дата обращения: 27.03.2021).

Характеристика организации молодежного участия в г. Гюмри

Организационная инфраструктура молодежного участия в г. Гюмри, как и во всей Армении, сильно сегрегирована. Системное взаимодействие между образовательными учреждениями, музыкальными и художественными школами, муниципальным центром и независимыми некоммерческими организациями не складывается. По мнению экспертов, в основе ситуации лежит ряд причин. Во-первых, молодежь в учебных заведениях пытаются убедить в том, что надо учиться и не тратить напрасно время на социальную активность. Во-вторых, муниципальные учреждения и некоммерческие организации в Армении, как правило, предоставляют возможность молодежи самореализоваться, организовать свой досуг в том случае, если у родителей молодежи нет денег на оплату обучения в формальных культурных институциях. В-третьих, некоммерческие организации «не разрешают» своим волонтерам включаться в проекты других некоммерческих организаций. В-четвертых, в различных организациях складывается устойчивое локальное взаимодействие, основанное на персональных интересах, личном авторитете педагогов, учителей, наставников и т. д. (например, практику в вузе можно проходить только в тех организациях, которые имеют непосредственное отношение к конкретным людям из вуза или организации имеют безупречный авторитет в обществе благодаря своему руководителю, с которым предпочитают сотрудничать).

С 2016 г. в городе работает одна муниципальная некоммерческая организация «Дом молодежи городской общины Гюмри». В Гюмри действует множество некоммерческих организаций с разными идеологическими установками и источникам финансирования. С лидерами локальных некоммерческих организаций работает Российский центр науки и культуры в Гюмри (Русский дом). Благодаря этому направлению продвигаются те программы и проекты, которые включены в реализацию молодежной политики современной России и ретранслируются в постсоветские страны Россотрудничеством. Работают отделения крупных международных некоммерческих организаций, получающих поддержку от Совета Европы и различных доноров.

С 2008 г. в Гюмри работает НКО «Центр молодежных инициатив» (YIC). Организация открыла в 2018 г. при поддержке ЕС и администрации общины Гюмри молодежный центр. Одним из многих проектов организации является проект «Открытая работа с молодежью: расширение прав и возможностей молодежи в Гюмри», в рамках которого ее сотрудники работали с 600 молодыми гюмрийцами в возрасте от 13 до 18 лет и 200 специалистами, работающими с молодежью в НКО, университетах, социальных и медицинских учреждениях. Проекты и молодежные программы подобных организаций ориентированы на курс молодежной политики стран ЕС, они, как правило, носят сетевой характер, поддерживаются ресурсно и методически извне. Общий ресурс для всех организаций сектора — программа диаспоры армян в США «Право по рождению». В Армении нет нормативно закрепленной, спланированной и реализуемой молодежной политики ни на национальном, ни на муниципальном уровнях управления.

Особенности культурного ландшафта г. Гюмри в контексте организации молодежного участия

Констатируя богатство культурного ландшафта, подчеркнем, что семантика города, его базовые ценности, культурно-историческая проблемность разных сторон жизни не представлены в каком-либо объекте, зачастую о них можно догадываться из сопутствующих сведений или выводить из совокупности объектов. Видимо, поэтому они зачастую не рефлексированы ни социально активными молодыми гюмрийцами, ни организаторами практик молодежного участия.

Охарактеризуем *географические (природные) объекты г. Гюмри*, преобразованные человеком и формирующие его культурный ландшафт. Горы, холмы и равнины вокруг городского поселения хорошо просматриваются. Вписанность г. Гюмри в ландшафт, возможно, создает предпосылки для «незаметности» природы и материальной среды. Или их принимают такими, как есть, т. е., не критично. С этим связано весьма малое число реальных упоминаемых жителями проектов комфортной городской среды, связанных с ее преобразованием. В рамках целого ряда интервью о них говорили всего дважды, притом только после прямых уточняющих вопросов интервьюируемым.

Практически неотличимым от природы воспринимается вернакуляр г. Гюмри, в последнее время привлекающий все более активное внимание. Г. А. Шагоян характеризует его как сплав российского градостроительного планирования XIX в. и местных строительных традиций (использование местных красного и черного камней, без покрытия штукатуркой, особый стиль украшения входов, окон, карнизов и т. п.) [Шагоян, 2012]. С другой стороны, А. Иванов пишет, упоминая и других специалистов, что в 1950-х гг. в г. Леникане «структуры, лежащие в основе вернакулярных традиций, каким-то образом продолжали существовать» [Иванов, 2017]. Если в целом в Советском Союзе приоритет был отдан коммунальному жилью, то в Армении «дореволюционные практики» автономного домохозяйства продолжали существовать наряду с реализацией советских решений по зональной застройке индустриального города. Вернакулярная застройка поддерживает традицию жить многопоколенными семьями, с одной стороны, это сохраняет традиционность, формирует чувство семейственности, с другой — является источником желания молодых людей и девушек «попробовать самостоятельность», пожить отдельно. Единственная возможность, принимаемая обществом, — уехать учиться.

На молодежной активности это отражается определенным образом: дети посещают только те центры, которые находятся рядом с домом. Большинство некоммерческих организаций, как и муниципальное молодежное учреждение, работают в центральной части города.

Мы делаем попытки продвигать на разных уровнях идею необходимости открытия молодежных центров в разных районах г. Гюмри. Дети в наш центр ходят, как правило, те, которые живут рядом. И это нормально (жен., руководитель НКО).

Мы отметили, что в рассказах о молодежных инициативах ничего не говорится о практике актуализации наследия, особенно индустриального наследия, и это при

том, что городская среда переполнена в разной степени разрушенными в землетрясении промышленными объектами и зданиями, возведенными в советский период. Объекты советского модернизма, при всем их своеобразии, практически не осмысляются учеными [Маркарян] и горожанами. В свою очередь, отсутствие материальных ресурсов на восстановление городских объектов и территорий сопряжено с отсутствием реальных практик участия горожан в ее преобразовании, а главное — с отсутствием понимания необходимости этого как со стороны организаторов молодежной активности, так и самой молодежи. Традиционная городская активность — субботники — для молодых горожан ситуативны, институциональны, привязаны к конкретным организациям, которые их иницируют.

Мы многие участвовали со студенческим советом в проектах по озеленению города. Для нашего города это большая проблема — озеленение (жен., студентка, участница ФГ).

Культурный ландшафт г. Гюмри как города с большой историей насыщен, а разрушение, естественное или иное, становится его неотъемлемым модусом. А. Битов пишет: «Такое впечатление, что в Армении нет начала истории она была всегда. И за свое вечное существование она освятила каждый камень и каждый шаг. Наверно, нет такой деревни, которая не была бы во время оно столицей древнего государства... нет камня, не политого кровью, и нет человека, которому бы это было безразлично...» [Битов]. Тем не менее восстановить историю или, например, создать принципиально новое городское пространство молодежи г. Гюмри пока не удалось. Несмотря на солнечный климат, некоторые инициативные группы «прячутся» в старых полуразрушенных домах, никак не облагораживая их. Инициативность и социальное участие горожан не становится массовым. Приведем выдержку из одного интервью:

Я должен сказать, что это наша позиция, чтобы людям как бы сказать, что мы хотим решать эти вопросы [городские проблемы] <...>. Чтобы люди в другом смысле начали думать об этой проблеме, и начали действовать. Не то чтобы они сказали: «А, вы хорошие, вы можете», — а чтобы они начали чего-нибудь самостоятельно делать для города вместе с нами (муж., 40 лет, директор НКО).

Последствия землетрясений — развалины в центре города, которых как будто бы никто не замечает. За сорок лет разрушенные исторические здания стали частью культурного ландшафта не только г. Гюмри, но и Армении в целом, наслаиваясь на более ранние воспоминания о других трагедиях, среди которых, естественно, чаще всего звучит армянский геноцид 1915 г. Историческая и экологическая повестка опривычивает понимание жертвенности народа. Сейсмическая опасность, а также экономические проблемы ограничивают возможности строительства. Наряду с отсутствием средств на масштабную рекламу, это работает на сохранение визуального облика города [Филин] и уникальности городского пейзажа.

Одной из ведущих тем городских проектов, которые мобилизуют население, в том числе студенческую молодежь г. Гюмри, является тема помощи пострадавшим от конфликта в Нагорном Карабахе и землетрясений. Она оформляется

в виде арт-акций, движений по сбору вещей и денег, но практически не визуализирована в городском пространстве.

Вот тоже самое и с войной. <...> Такая сплоченная ситуация, я в жизни не видела. Это был феномен, то, что мы делали. Мы ночью делали, все просто делали, и никто никого ничего не спрашивал, просто взял и делал. Это был такой момент, когда ты понимал, что вот все мы такие родные стали вдруг. Потому что мы понимали, что из этой ситуации только один выход, и мы просто должны быть поближе друг другу. Это очень тяжелый момент для нас... (жен., 35 лет, руководитель МЦ).

Отношение молодежи к историческим объектам

За свою историю город многократно переименовывали (Кумайри — Александрополь — Ленинанкан — Гюмри), при этом последнее переименование произошло в 1992 г. В наших интервью никто не отразил этого факта на уровне, выходящем за пределы простого информирования нас как приезжих: нынешний город существовал как бы «всегда». Это замечание, на первый взгляд больше относящееся к топонимике как части культурного ландшафта, до некоторой степени проливает свет на отсутствие развернутых комментариев молодых людей по поводу исторических памятников и творческих активностей, связанных с ними. Это, скорее, некие точки сбора, проведения времени, контактов.

Оценивая архитектурные памятники и сооружения как акценты культурного ландшафта г. Гюмри, отметим, что они имеют разную интонацию, от экспрессивно-патетической до «домашней». Социологический опрос молодежи города позволил нам выделить знаковые архитектурные объекты, городские пространства молодежной активности и досуга. Прежде всего, это Черная крепость — фортификационное сооружение круглой формы, построенное в 1834 г. после окончания войны между Россией и Турцией из-за угрозы нового военного конфликта. Так же можно увидеть Красную крепость, которая находится теперь на территории 102-й российской военной базы, а также Холм Чести, где расположено захоронение русских военных, погибших во время войны с турками. Здесь открывается прекрасный вид на горы и равнины, окружающие г. Гюмри и органично дополняющие городскую панораму. Черная крепость отреставрирована, но ее функции существенно изменены — в ней проводятся массовые развлекательные мероприятия для молодежи, без учета культурного контекста данного исторического места.

В шаговой доступности от Черной крепости находится масштабный мемориал «Мать Армения» (архитектор Р. С. Исраэлян, скульптор А. Саргсян, 1967). Наличие элементов благоустройства, интересная организация пространства на рельефе, даже близость стадиона не спасают ситуации. В будние дни мемориал выглядит абсолютно пустынным. Какие-либо точки реального притяжения здесь отсутствуют, очевидна нехватка объектов инфраструктуры для досуга, повседневных практик. Можно предположить, что отношение к мемориалу молодых жителей города определяет его символическая «советскость», подчеркнутая структурой, модернистской стилистикой, брутальностью бетона, а также восприятие мемориала как некрополя. В XXI в. место оживает только

в преддверии дня окончания Великой Отечественной войны благодаря мероприятиям и проектам, поддерживаемым российским федеральным агентством Россотрудничество.

Открытые площади становятся местом активности горожан, в том числе молодежи, только в связи с проведением памятных мероприятий, организованных Русским домом г. Гюмри. Это не массовая, широко распространенная, как в России, городская активность. Участие Армении в Великой Отечественной войне обернулось очень большими потерями. При этом само событие перестало быть значимым для молодого поколения, так как ассоциируется с Россией, связи с которой слабеют.

Церковь Святой Богородицы (1884) — еще одно знаковое архитектурное сооружение, которое по результатам проведенного социологического опроса важно для молодых гюмрийцев. Это армянская апостольская (грегорианская) церковь, но в ней есть место для католиков и место для православных. Здание церкви, построенное из обработанного черного туфа, стоит на центральной площади города — Вардананц. Данные качественных исследований, проведенных нами в г. Гюмри, доказывают важное место церковной общины в социальной жизни молодых гюмрийцев. Церкви в целом остаются не только знаковыми историческими объектами культурного ландшафта, но одним из важнейших институтов, влияющих на сознание молодежи, на социальную активность, которая реализуется в среде молодых горожан и основана на традициях семейной и общинной взаимопомощи, сплоченности. По результатам фокус-групповых интервью для них церковь занимает важное место в ряду самых значимых городских мест. Она практически неотделима от родительского дома и мест, где молодые люди проводят время с близкими и друзьями. Приведем некоторые высказывания молодых людей и девушек, когда они комментировали свои рисунки значимых для них городских мест:

Церковь. И мой дом. И я здесь;

Это везде, где я со своими друзьями;

Парк «Горки». Тут у нас парк, где мы тусуемся с друзьями;

Я очень люблю гулять по нашему семейному центральному парку, очень люблю нашу церковь.

При этом практически в любое время дня даже в хорошую погоду территория рядом с храмом пустынна, несмотря на наличие больших пространств, где можно кататься на велосипеде, общаться, играть.

Еще один знаковый архитектурный объект для молодежи — это архитектурный заповедник под открытым небом Кумайри. Здания в нем отражают дух старого Гюмри, дух армянской архитектуры. Сегодня в Кумайри находится около 1100 памятников национального зодчества, часть из которых известна по фильмам А. Мкртчяна. Они выполнены с опорой на классическую традицию и при этом самобытны. Именно такие объекты, согласно данным видеоэкологии, наиболее благоприятно влияют на всех без исключения людей, поскольку лишены агрессии

[Филин]. Уникальная историко-архитектурная среда во многом определяет идентичность города.

Заповедник Кумайри притягивает практики досуга (семейные прогулки, городские праздники, досуговая активность молодежи). Центр города, насыщенный культурно-историческими объектами, лучше обустроен. В нем развивается инфраструктура, способствующая молодежной активности. Организации, молодежные НКО работают там, где чаще бывает молодежь, — в историческом центре города. При этом церкви как культурно-исторические объекты и места общинно-семейного взаимодействия органично встроены в культурный ландшафт Гюмри и играют существенно большую роль, чем, к примеру, в России.

В целом культурный ландшафт г. Гюмри выглядит двояко: места, отмеченные в опросе как площадки молодежных активностей, не выглядят по-настоящему притягательными; реальные практики географически не вполне совпадают с тем, что представлено в письменных текстах. Складывается впечатление, что молодые люди искренно стремились что-либо отметить в списке историко-культурных объектов города, не соотнося с этими данными сценарии своей активности. По данным фокус-групповых интервью, городскими местами молодежной активности в большей мере являются парки и хорошо благоустроенные и обновленные улицы в центре города. Приведем некоторые выдержки из дискуссии:

Для меня, как и для многих, значим наш городской парк, потому что я в детстве очень много времени проводила там. И следующее — это наш университет, тоже часть города, потому что здесь у меня много друзей. И последнее — дом, нет места лучше, чем дом (жен., студентка 2-го курса);

Можно сказать, у нас центр города не площадь, а ул. Кирова, где гуляет молодежь... (муж., студент 2-го курса);

Сейчас молодежь в основном гуляет по тем местам и улицам в центре, которые обустроены хорошо (жен., студентка 2-го курса).

Охарактеризуем *топонимические элементы* культурного ландшафта г. Гюмри, интерпретируя их в ценностном аспекте: что и как называют или не называют, какие смыслы за этим стоят. Топонимы «сводят» три оси развития города — материальную, социальную и культурную — в конкретно-историческое целое.

Говоря о топонимике советского Лениканана, Г. А. Шагоян отмечает, что он имел «народное» прочтение, его обычно выговаривали «Леннакан» [Шагоян, 2012]. Редуцирование «и» позволяло видеть в названии города корень «*len*» — ширакский диалектный вариант армянского «*lain*» («широкий»), что леникананцами часто обыгрывалось в качестве шутки: «Название нашего города от слова “*len*”, поскольку у нас и сердца широкие, и рты». Заметим, что «широкоротость», вернее «большеротость», является стереотипной чертой образа гюмрийца-леникананца, которому приписывают остроумие, несдержанность в выражениях и хвастовство.

После землетрясения город на уровне названий пережил циклический повтор истории (Кумайри — Гюмри). Здесь столкнулись официальная и народная версии названия города, а зарождающаяся демократия в форме референдума решила спор

в пользу, казалось бы, менее популярной версии. Однако сегодня молодые люди не определяют себя через причастность к «ленинканской» версии, как если бы ее никогда не существовало. Даже люди более зрелого поколения в частных беседах всегда употребляют только название Гюмри (тогда как, к примеру, в Екатеринбурге можно услышать о «свердловчанах»).

Как и во многих советских и постсоветских городах, названия относительно новых районов с хрущевками по номерам (58-й квартал²) устойчиво воспроизводятся жителями и как бы самим названием вытесняются из традиционного культурного ландшафта, полного других значений. Это связано, на наш взгляд, не только с периодом создания квартала, но и характером массовой жилой застройки, изначально отчужденной от людей [Митин, с. 20]. Исследователи модернизма солидарны в том, что монотонные и одномерные городские территории, периферийные районы, новые микрорайоны и жилые комплексы в большинстве случаев лишены локальных пространственных репрезентаций, географических образов, способных стать основой для формирования локальных идентичностей и культуры укорененности населения. Приведем выдержку из одного интервью:

58-й квартал. Это городской квартал, который был построен после землетрясения в 1988–1989 гг., до 1991 г. он выстраивался. Он находится вдоль старого города. Это совершенно новый квартал со своей инфраструктурой. Была идея такая, переселить людей из центра города, сейсмически активного и опасного, на окраину, где более высокая сейсмостойчивость. Но этот проект как таковой не очень-то состоялся. Но население там есть (жен., 43 года, директор НКО).

Трудно объяснить, почему объекты, появившиеся после землетрясения 1989 г. и созданные специалистами других стран (австрийский, норвежский кварталы, венгерская школа и т. п.), в интервью не звучали ни в каком контексте. Скорее всего, для молодого поколения они выглядят полностью инкорпорированными в городскую среду, постоянно разрушающуюся временем и событиями — и столь же постоянно обновляющуюся с разной степенью активности.

Новые объекты в центре города никак не обозначаются жителями, имеющими к ним отношение. Например, ставший знаменитым уголок с армянскими анекдотами на площади Вардананц не имеет какого-то повседневного обозначения — ни официального, ни сленгового (по крайней мере, когда люди общаются с приезжими).

² Примечательно, и именно в пространственно-топонимических координатах, характеризует этот квартал Г. А. Шагоян: «“Письменный” (сделанный по директиве сверху) квартал-аппендикс стал “макетом” разваливающегося Советского Союза, в котором рядом встали российские, узбекские, украинские, белорусские и другие дома, выстроенные (или недостроенные) в соответствующих архитектурно-строительных традициях этих республик. Новый квартал, получивший название 58-й, так как до его появления в Ленинкане уже было 57 микрорайонов, а официально названный “Ани”, оказался оторванным от города» [Шагоян, 2009, с. 29].

В итоге можно констатировать противоречивую и в общем-то незначительную роль топонимического компонента в культурном ландшафте Гюмри, выведенную нами из опросов и интервью с молодежью города.

Следующим элементом культурного ландшафта являются *коммеморативные практики*. В нашем случае в подаче национальной, в том числе городской, истории доминирует концепт жертвенности (жертвы геноцида) и памяти в связи с ними.

После землетрясения у нас такой момент был, что вот все побежали, и кто сколько мог, помог. И у нас появилась такая маленькая психология, что мы ожидаем чьей-то помощи (жен, 35 лет, руководитель МЦ).

Исследователи до недавнего времени редко обращали свое внимание на данный индикатор. Коммеморация — сознательный социально-коммуникативный акт по введению прошлого в современную культуру. Коммеморации и коммеморативные практики придают культурному ландшафту города историческую глубину и уподобляют его носителю — человеку, воспроизводя важные составляющие его жизненного цикла.

Говоря о г. Гюмри, Г. А. Шагоян вслед за другими исследователями выделяет коммуникативную (более повседневную и эмоциональную) и культурную (стремящуюся к приданию событию статуса «исторического факта») составляющие [Шагоян, 2009, с. 329]. Не вполне соглашаясь с этими обозначениями, но используя их именно для уточнения характеристик гюмрийского культурного ландшафта, скажем, что наши данные говорят о преобладании первого вида памяти — в сочетании с предметно-пространственным контекстом Кумайри, где заброшенные и разрушающиеся дома темного цвета уже рождают мемориацию.

Несмотря на то что молодое поколение не переживало землетрясение лично, его интерпретация событий драматична и вплетена в длинную (и оттого прочную) череду различных травматических событий. Именно так историю г. Гюмри и Армении XX в. трактуют люди более старшего поколения. А некоторая патриархальность поколенческих взаимодействий придает вес их словам, которые воспроизводятся молодыми. Кроме того, их ближайшие старшие сверстники несут на себе совершенно особую печать своей «вторичности»³, зависимости от последствий землетрясения, от тогдашних и современных трагедий. В этих условиях именно трагедии эмоционально настраивают и мобилизуют молодежь.

³ Г. А. Шагоян приводит следующий фрагмент: «Я еще не родилась, когда случилось землетрясение 1988 года, и не родилась бы вообще, если бы жертвой этого бедствия не стали мои брат и сестра... Мои родители более пожилые по сравнению с родителями моих сверстников. Раньше я от этого плохо себя чувствовала, а сейчас, когда я уже взрослая... Отец полностью поседел. Часто задаю себе вопрос: почему именно со мной должно было все это случиться? Но я должна жить и содержать своих родителей, чтобы они не чувствовали потерю их горячо любимого Аршака» (из школьных сочинений) (цит. по: [Шагоян, 2009, с. 246]).

Заключение

Концепт культурного ландшафта не просто фиксирует ценностно-смысловое наполнение конкретного города, но дает возможность оценить отношение жителей к месту. Будучи рассмотренными в связи с молодежными активностями, сценариями, инициативами, архитектурные объекты или пространства перестают быть «объективно данными», встраиваясь в динамичное целое города и одновременно влияя на него.

В случае с г. Гюмри мы установили, что:

1. Исторические объекты культурного ландшафта мыслятся как проявления некой «большой» Истории, для которой не важны десятилетия или даты, а важна неотвратимость хода времени и естественность (непреложность) разрушений, вызываемых им. С этим связано нейтральное или даже равнодушное отношение всех контактировавших с нами молодых людей и молодежных организаций к проектам развития городской среды.

2. Семантика городского текста чаще задается представителями старшего поколения или авторитетными социальными институтами (церковь), чем самими молодыми людьми.

3. Часть культурного ландшафта центра г. Гюмри скрыта от глаз не только туристов, но и исследователей. Действия молодых людей за стенами дома можно интерпретировать как логичные для города, в котором всегда существовали обширные внутренние пространства.

4. Социальная ипостась молодого гюмрийца диктует ему необходимость демонстрировать причастность к официальным местам города, в том числе на уровне практик меморации. Однако наблюдения авторов статьи показывают несовпадение «официальных» и реальных значимых точек культурного ландшафта.

5. Советский модернизм в его архитектурной и градостроительной части исходно не включается в культурный ландшафт г. Гюмри и не является сферой активности молодежи по причинам как идеологического, так и эстетического характера.

6. Локальные активности молодежи г. Гюмри обусловлены необходимостью заполнения досуга, поиском возможностей заработка и потребностями становящегося туристического бизнеса.

7. Исследование социальной активности молодежи г. Гюмри в контексте культурного ландшафта позволяет обосновать тематику проектов, актуальных как для города, так и для его молодых жителей, и реализовать их с максимальным учетом социокультурных, социально-экономических, ментальных и других обстоятельств.

Битов А. Путешествие из России. Империя в четырех измерениях. Измерение III : повести-путешествия. М., 2013. 512 с.

Иванов А. В. Регулярный вернакуляр: свободы внутри решетки (исторический центр Гюмри XIX — середины XX в.) // Вопр. всеобщей истории архитектуры. 2017. № 2 (9). С. 159–192.

Иванов А. Гюмри. Вернакуляр черного туфа. Ереван, 2021. 376 с.

Клочко А. Р. Сохранение своеобразия национальной армянской архитектуры с 1919 г. до 2019 г. — от А. Таманяна до наших дней // АМГТ. 2019. № 4 (49). С. 108–119. URL: https://marhi.ru/AMGT/2019/4kvart19/PDF/08_klochko.pdf (дата обращения: 16.08.2021).

Маркарян Р. О. Архитектурно-планировочные особенности городского жилища Армении (на примере гг. Еревана, Гюмри и Ванадзора) : автореф. дис. ... канд. архитектуры. Ереван, 1995. 27 с.

Микроурбанизм. Город в деталях : сб. ст. / под ред. О. Бредниковой, О. Запорожец. М., 2014. 352 с.

Стрелецкий В. Н. Концепт культурного ландшафта в мировой культурной географии: научные истоки и современные интерпретации // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. № 1 (36). С. 48–77.

Стрелецкий В. Н., Чернов С. З. Культурный ландшафт в археологии // Большая российская энциклопедия. URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/kulturnyi_landshaft (дата обращения: 21.11.2020)

Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура / отв. редактор Т. В. Цивьян. М., 1983. С. 227–284.

Филин В. А. Визуальная среда города // Вестн. Междунар. акад. наук (Русская секция). 2006. № 2. С. 45–50.

Чепайтене Р. Культурное наследие в глобальном мире. Вильнюс, 2010. 296 с.

Шагоян Г. А. Мемориализация землетрясения в Гюмри // Антропологический форум. 2009. № 11. С. 328–369.

Шагоян Г. «Первый» и «второй» в образах Гюмри: опыт семиотического анализа городского текста // Критика и семиотика. 2012. Вып. 16. С. 17–47.

Шишкина А. А. Культурный ландшафт: основные концепции // Вестн. Нижегород. ун-та. Сер.: Социальные науки. 2011. № 1 (21). С. 151–157.

European Landscape Convention and reference documents, Florence, 2000. 20 Oct. Council of Europe. 94 p. URL: <https://rm.coe.int/16802f80c6> (accessed: 08.11.2020)

Maria M., Salvado N. Conservation of the Urban Heritage and Sustainability: Barcelona as a Paradigm // International Conference — Alternative and Renewable Energy Quest. AREQ 2017. 1–3 Febr. Barselona, 2017. P. 29–40.

Lowenthal D. Environmental perception: preserving the past // Progress in Human Geography. 1979. № 3(4). P. 549–559. doi:10.1177/030913257900300404

Operational guidelines for the implementation of the World Heritage Convention. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization intergovernmental committee for the protection of the world cultural and natural heritage. P., 2019. 290 p.

Статья поступила в редакцию 28.09.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.4.081
УДК 78.05(438) + 78.071.1 + 316.74:78

О. Л. Девятова

ПОЛЬСКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ КОМПОЗИТОРА СЕРГЕЯ СЛОНИМСКОГО

Статья посвящена проблеме культурных отношений Польши и России во второй половине XX — начале XXI в., которые исследуются на примере музыкальной культуры и российско-польских взаимосвязей петербургского композитора Сергея Михайловича Слонимского. Доказывается значимость родословно-генетических корней С. Слонимского и музыкально-творческих контактов крупнейшего мастера современной культуры с Польшей и польской музыкой как XIX, так и XX–XXI вв. Делается вывод о том, что именно музыкальная культура в лице ее выдающихся творческих деятелей способна, вопреки политическим разногласиям, установить прочные, плодотворные творческие и дружественные отношения между двумя славянскими странами.

Ключевые слова: культурные взаимосвязи; музыкальная культура; польская музыка; композитор; родословная; музыкальное творчество

Проблема российско-польских культурных взаимосвязей сегодня представляется особенно актуальной в условиях весьма сложных социально-политических отношений России и Польши и требует глубокого анализа и осмысления путей укрепления культурного диалога и взаимодействия между двумя славянскими странами. И в этом процессе музыка и музыкальная культура должны являться важным связующим звеном. Тем не менее вопрос русско-польских музыкальных отношений пока остается мало исследованным в отечественной науке. Отчасти его касались в свое время в работах, посвященных творчеству Ф. Шопена, В. Пасхалов, И. Бэлза, Б. Асафьев и другие ученые. Вопрос о русско-польских контактах в музыкальной культуре XX в. рассматривался в трудах, анализирующих творчество К. Шимановского, В. Лютославского, К. Пендерецкого [Ивашкин; Кокорева; Лисса; Никольская]. Некоторые материалы по данному вопросу содержатся и в работах о творчестве выдающегося русского композитора петербургской школы Сергея Михайловича Слонимского (1932–2020), которого с музыкальной культурой Польши связывали многие родственные и творческие узы [Девятова; Милка; Рыцарева].

Эти связи проявились, прежде всего, на генетическом уровне, так как петербургский род Слонимских корнями своими уходит к польским истокам и многие предки его семьи жили в Польше и похоронены в польской земле. Об этом очень подробно и обстоятельно вспоминал профессор, ученый и дипломат, директор Польского института в Санкт-Петербурге Иероним Граля в большой речи в память

ДЕВЯТОВА Ольга Леонидовна — доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета (e-mail: sonare-9@inbox.ru). ORCID: 0000-0002-2289-037X

© Девятова О. Л., 2021

первой годовщины со дня смерти композитора в феврале 2020 г.¹ Действительно, в основании рода Слонимских стоял прапрадед композитора Авраам Якоб Штерн (Стерн) (1760–1842), дочь которого Сара Штерн (1824–1897) была второй женой Зиновия (Хаима, Зелига) Яковлевича Слонимского (1810–1904) — прадеда композитора (по отцовской линии).

Как пишет жена С. М. Слонимского Р. Н. Слонимская, А. Штерн был выдающейся личностью, талантливым «ученым, изобретателем, астрономом, знатоком древнееврейской литературы, членом Польской академии наук (Королевского общества друзей науки)» [Вольные мысли, с. 256–262]. Интересно, что, по словам Граля, в это общество также входил известный писатель-новеллист Э.-Т.-А. Гофман, с которым впоследствии в своей творческой деятельности (писательской и музыкантской) были связаны отец и сын Слонимские (Михаил Леонидович и Сергей). Штерн «изобрел числительную машину, производящую все четыре действия (также и с десятичными дробями) и умеющую извлекать квадратный корень», а еще такие сооружения, как «топографическая повозка, механическая молотилка, мелкие бытовые инструменты» [Там же].

Сам Зиновий Яковлевич Слонимский, по сведениям Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона (приведенным Р. Н. Слонимской), «родился в Белостоке», также был ученым, «изобретателем числительной машины», за которую он даже получил Демидовскую премию в 1845 г. Он был первым автором идеи изобретения телеграфа. «В 1859 году издал работу “Описание способа передачи двух различных депеш по одному и тому же проводу”» [Там же]. Слонимский основал в Варшаве (жил там до 1863 г.) газету «Гацифера» («Рассвет»). У Зиновия Яковлевича и Сары Штерн было трое сыновей — Леонид, Иосиф и Станислав. Иосиф и Станислав принадлежали *польской ветви рода* Слонимских. Как пишет Р. Н. Слонимская, «Иосиф Зиновьевич (1860–1934) был полиглотом. Станислав Зиновьевич (?–1916) — врачом, жил в Варшаве». У Станислава было четверо детей: от первого брака с И. Корнгольд — «сын Адам, 1886–1944, инженер-железнодорожник»; от второго брака с Е. Познаньской — «сын Петр, 1893–1944, врач-гистолог, доцент Варшавского университета, дочь Галина (?–1962), служащая в Министерстве иностранных дел в Польше, сын Антоний (1895–1976), поэт, писатель, драматург, публицист», он «окончил Академию изящных искусств в Варшаве», был «членом литературной группы “Скамандр”, автором сборников (“Парад”, “Сонеты”, “Час поэзии”, “Окно без решеток”, “Тревога”, “Пепел и ветер”), комедий (“Вавилонская башня” и др.), фельетонов» [Там же, с. 258–259]. Именно с Антонием Станиславовичем Слонимским Сергей Михайлович как композитор был связан не только родственными, но и творческими узами, о чем еще скажем далее.

От Леонида (Людвиг) Зиновьевича Слонимского (1850–1918), сына Зиновия Слонимского и Сары Штерн, *деда композитора*, берет свое начало *польско-петербургская ветвь* рода² [Там же, с. 257]. Л. З. Слонимский был также

¹ См.: Иероним Граля. Интервью от 12 февраля 2021 г. // Сергей Слонимский. YouTube.com, видео.

² Л. З. Слонимский был женат на Фаине Афанасьевне Венгеровой, бабушке композитора (1857–1944), дочери Афанасия и Паулины Венгеровых, другие дети которых стали также известными людьми в Петербурге, в России и далеко за ее пределами: Семен Афанасьевич Венгеров (1855–1920) — знаток русской

незаурядной личностью, он «окончил юридический факультет Киевского университета», обосновался в Петербурге, с 1872 г. печатался в ряде судебно-правовых журналов («Судебный журнал», «Гражданское уголовное право»), а также в «политическом отделе газеты “Русский мир”, журнале “Слово”, в 1881–1882 гг. заведовал политическим отделом в газете “Порядок”». С конца 1882 г. Л. З. Слонимский стал «постоянным сотрудником» журнала «Вестник Европы». С 1898 г. был одним из редакторов Малого энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона. Л. З. Слонимский был также «автором ряда книг по праву, в том числе книги “Экономическое учение Карла Маркса”» [Вольные мысли, с. 257]

Петербургскую (петроградскую, ленинградскую) ветвь рода Слонимских продолжил сын Леонида Зиновьевича Слонимского и Фаины Афанасьевны Венгеровой — Михаил, *отец композитора* (1897–1972), известный русский советский писатель, участник Первой мировой войны, член литературной группы 1920-х гг. «Серрапионовы братья», секретарь М. Горького, друг М. Зощенко, А. Ахматовой, автор многих рассказов («Копыто коня» и др.), книги воспоминаний «Завтра», романов «Лавровы», «Инженеры», «Ровесники века» и многих других сочинений³.

Литературный и музыкальный дар композитор унаследовал как от отца, так и от своих петербургских и польских (Антоний Слонимский) предков, в частности, от братьев отца, талантливых личностей. Старший сын Леонида Слонимского и Фаины Венгеровой, Александр Леонидович Слонимский (1881–1964), был литератором, «известным исследователем творчества А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя». Другой сын, Николай (Николас) Леонидович Слонимский (1894–1995), был также выдающейся личностью — «музыковедом, лексикографом, композитором, дирижером и пианистом». «В 1908–1916 гг. учился в Петербургской-Петроградской консерватории (еще при поступлении его незаурядные способности были отмечены А. К. Глазуновым)» [Там же, с. 257–258]. В дальнейшем, с 1923 г., Н. Л. Слонимский жил и работал в США, неоднократно приезжал в Советский Союз, общался со своим любимым племянником Сергеем и поддерживал его в творческих устремлениях. Николай Леонидович был автором многих музыкальных сочинений, а также литературно-музыкальных, теоретических трудов («Абсолютный слух», «Музыка в странах Латинской Америки» и др.), уникальных энциклопедий по композиторам XX в. и др.

Ярким музыкальным талантом обладал и еще один сын Леонида и Фаины Слонимских, Владимир Леонидович (1895–1916), к сожалению, рано ушедший из жизни и не реализовавшийся в полной мере.

О своих богатых и разветвленных родовых корнях сам Сергей Михайлович Слонимский написал в книге воспоминаний «Бурлески, элегии, дифирамбы в презренной прозе» (1895–1916). В русле данной темы коснемся материалов, относящихся к польской ветви рода и польской культуре. В своих размышлениях

литературы, Зинаида Афанасьевна (1867–1941) — переводчик, Изабелла Афанасьевна (1877–1956) — выдающаяся пианистка, ученица Й. Даха, Т. Лешетицкого, и А. Есиновой, профессор Петербургской-Петроградской консерватории (1913–1921), а также Института музыки Кёртиса (США).

³ Михаил Леонидович Слонимский был женат на Иде Исааковне Каплан (Слонимской), матери композитора (1903–1999), физиологе, члене кружка «Серрапионовы братья», любителе музыки.

о русско-польских отношениях Слонимский отмечал присущее политике советских времен чрезмерное давление властей на поляков, а также в связи с этим двойственность восприятия русских поляками: «В отношении поляков к русским (а в Польше я, как и в общении с любыми иностранцами, чувствовал себя сугубо русским) я всегда ощущал двойное чувство — родственной близости и настороженной гордости, легко переходящей в брезгливость. Это не только простительно, но и вполне оправданно. Так имели право относиться к полякам русские люди в эпоху Бориса Годунова и Василия Шуйского, в Смутные времена. Но после подавления Варшавского восстания 1830 года... Тысячу раз правы и Шопен, и Мицкевич, а ныне — во время и после имперского давления “восточного медведя” — тот же Люotosлавский или Антоний Слонимский. Эти культурнейшие люди не обязаны были заигрывать с грубой силой и осведомителями советских властей... И все же — сколько дружелюбия и отцовского, братского тепла лилось именно от них, наших польских старших коллег и родственников! Я глубоко ценю эти контакты и хотел бы не заставить таких людей поморщиться от своей бестактности или невежественной простоты душевной» [Слонимский, 2000, с. 24–25]. Такой выход композитора в сферу исторических и политических отношений России и Польши (разных времен) очень характерен для всей системы его взглядов, органично соотносящих музыкальные проблемы с общим историко-культурным контекстом [Девятова, с. 60]. Тяжело переживал Сергей Михайлович гибель Антония в автомобильной катастрофе, оставившей горький след в его душе до конца жизни. С братом Антония Петром, живущим тогда во Франции, Слонимский виделся лишь один раз в Ленинграде, «когда он (Петр. — *О. Д.*) ездил с семьей в Варшаву после смерти Антония и получил его наследство» [Там же, с. 25].

Вопрос о творческих контактах с Антонием Слонимским и музыке на его стихи рассмотрим несколько позднее, а пока обратимся к проблеме восприятия Сергеем Слонимским польской музыки и музыкальной культуры XIX–XX вв. и начала XXI в., которое определило многие его собственные творческие интересы и пристрастия.

Безусловно, особую роль в его музыкальных приоритетах европейской музыки классического XIX в. играло творчество гения польской культуры — Фредерика Шопена. Интерес к Шопену, его личности и творчеству возник еще в юности, в школьные годы, он с удовольствием играл тогда вальсы Шопена (до-диез минор и ми-минор). Потом откликнулся на поручение сделать доклад о Шопене к 100-летию со дня смерти композитора, в 1949 г., «на вечере в подшефной образовательной женской школе». К докладу он тщательно готовился, законспектировав французскую «полубульварную книжку». Слонимский с юмором описывал курьезную ситуацию, когда он, характеризуя Жорж Санд, процитировал слова Гейне о ней: «Она была суха, как палка, и черна, как галка», а от себя добавил, что «она была очень темпераментная женщина», вызвав «истошный крик девиц», грозные выкрики воспитательницы и недоумение одноклассников [Слонимский, 2000, с. 87].

«Меня спасла, — писал композитор, — чистейшая невинность и святая простота: пожав плечами, как старец перед кучей несмышленных младенцев,

я сдержанно и сухо указал на свой конспект. И, странное дело, разъяренная тигрица затихла; а вдруг это марксистский первоисточник? Где Гейне, там и Маркс, Энгельс недалеко... И я дочитал до конца, под конец цитируя мысли Льва Толстого о пошлости и изысканности в музыке, вызвавшие вдруг робкую реплику некой фемины: «Правильно»...» [Слонимский, 2000, с. 87]. Много лет спустя, к 200-летию со дня рождения Шопена, Слонимский написал небольшой очерк «О новаторстве Шопена», в котором подчеркнул мысль об особой любви и признании музыки Шопена в России: «...от Льва Толстого до Пастернака, от Антона Рубинштейна и Балакирева до Скрябина, Лядова, Шостаковича (участника Шопеновского конкурса в Варшаве), — и десятков тысяч студентов консерваторий, учащихся музыкальных школ и училищ...» [Слонимский, 2010, с. 6]. Слонимский развенчивал бытовавшую долгое время легенду о салонности музыки Шопена, которая была создана его друзьями — Листом, Берлиозом, Жорж Санд: «Ныне само Время, — писал композитор, — опровергло вердикт о сугубой камерной салонности личности Шопена и его творчества... Шопен... один из самых массовых авторов сегодняшнего дня по количеству почитателей и ценителей его неувядающей музыки. Ибо искусство Шопена — не только общепонятное, но и удивительно сложное, многослойное, новаторское» [Там же, с. 6–7]. Слонимский горько сетовал на отсутствие в современном отечественном музыкознании монографии о Шопене: «И вот мне... пришлось взять в руки перо музыкального писателя за неделю до дня рождения Шопена, когда внезапно обнаружилась зияющая пустота в новейшем российском шопеноведении...» [Там же, с. 11].

В аналитических разделах статьи Слонимский акцентировал внимание на «драматичнейшей» сонате си-бемоль минор, проводил аналогии с Патетической (8-й) сонатой Бетховена и Четвертой симфонией Чайковского, а также Пятой и Восьмой симфониями Шостаковича: «Вторая соната Шопена явилась фактически первым у романтиков творчески влиятельным образцом новой, драматически трактованной сонатной формы с императивным трагическим вступительным тематизмом и развернутой лирической кантиленой» [Там же, с. 8]. Особое внимание композитор обратил на лирическую побочную партию, сравнивая ее с побочными партиями в сонате Листа и в Шестой симфонии Чайковского, которые «образуют широко развернутые, темпово контрастирующие главным партиям, замкнутые построения». О 2-й части сонаты Шопена, скерцо, Слонимский писал: «...первый в музыкальной литературе образец inferнального скерцо, воплощающего агрессивно-наступательные образы злой силы, смерти, разрушения всего живого» [Там же, с. 9]. Композитор проводил в связи с этим многие параллели: со скерцо Шестой симфонии Чайковского, жанровыми частями симфоний Малера, с «Болеро» Равеля и «темой нашествия» в разработке 1-й части Седьмой симфонии Шостаковича. Известный траурный марш в сонате Шопена Слонимский, с точки зрения примененных там выразительных гармонических приемов, расценивал как явление не только XIX в., но и XX в., вводящее к Бартоку, Шостаковичу и другим композиторам.

Высоко ценил Слонимский вклад в культуру XX в. классика польской музыки Кароля Шимановского (1882–1937), и прежде всего его удивительные находки

в области разработки фольклора и самобытного претворения польских национальных традиций. Слонимского привлекал тонко разработанный Шимановским ориентальный стиль, в чем сказались русские корни его происхождения (родился на Украине, в Российской империи), знание русской музыки (Мусоргский, Стравинский, Прокофьев и др.), а также умение преломлять и европейские влияния (в частности, французской музыки) [Девятова, с. 137]. Слонимский любил проникновенные самобытные романсы Шимановского, которые с удовольствием показывал на своих занятиях в консерватории студентам (они звучали также и на концерте «Музыка родины Шопена» фестиваля «Играем Слонимского», 2016 г., Петербург) в исполнении Е. Иготти.

Сергей Слонимский формировался как личность и композитор в 1950–1960-е гг., период «хрущевской оттепели», неустанных творческих исканий в советской музыке, когда были особенно сильны *авангардные тенденции*, которые открывали новые горизонты в области музыкальной культуры. Передовые позиции принадлежали тогда именно *польскому авангарду*. Слонимский высоко ценил открытия таких польских композиторов, как Витольд Лютославский, Кшиштоф Пендерецкий, Кшиштоф Мейер, которые, наряду с другими композиторами, на фестивалях «Варшавская осень» демонстрировали новинки современной музыки. В числе таких новинок, исполнявшихся на фестивале «Варшавская осень–1969», было и яркое, оригинальное сочинение Сергея Слонимского «Концерт-буфф» (1964). Вот что вспоминал по этому поводу сам композитор: «Автор был трижды вызван. Но, с одной стороны, на меня — родственника “фрондера” (А. Слонимского. — О. Д.) — уже косо смотрели официальные круги, с другой стороны — сам Концерт, при всей его эксцентрике (додекафонная каноническая fuga сменялась буйными импровизациями), был слишком “нормальной музыкой”, как объяснил мне советский советник по культуре Соколов... В “Рухе музичном” один из критиков недоумевал, как могли пропустить в программу “Варшавской осени” такие слабые вещи, как опусы Слонимского и некоего автора, эмигрировавшего незадолго до этого из Польши в Канаду. Но Лютославский, Яроцинский, Бристигер, Краузе отнеслись ко мне очень тепло, устроили особую встречу со мной в салоне критиков, одобрили “Антифоны”, показанные в записи. Ноты и запись “Антифонов” Лютославский любезно переслал в Кливленд, и по его рекомендации эту пьесу часто играл в США и Англии великолепный Кливлендский квартет. Так что я хотя и получил по носу в печати, но приобрел почтенных друзей. И позже, укрепив добрые отношения с Лютославским, Пендерецким, Кшиштофом Мейером, Зигмундом Краузе, я был далеко не в чести у лихих польских критиков...» [Слонимский, 2000, с. 24].

В те же годы композитором был создан вокальный цикл для меццо-сопрано и флейты «Польские строфы» (1963) на стихи Антония Слонимского, решенный в авангардной технике. Вот как сам композитор вспоминал о своем дяде (двоюродном брате отца), его поэтическом даровании и политических взглядах: «Я познакомился с ним в 1962 году в Варшаве и вторично виделся там же в 1969 году. Антоний — одновременно тонкий лирический поэт, соратник Юлиана Тувима из группы “Молодая Польша” и колкий, бескомпромиссно задиристый политический памфлетист, храбрый оппонент коммунистическому режиму при

Беруте, Гомулке и так далее. Это был дивный, трогательно незащитный польский интеллигент высшей пробы, человек редкой доброты и преданности по отношению к друзьям. Разойдясь во взглядах с Ивашкевичем, он не хотел с ним мириться и не приглушал свои антиправительственные выпады в “Шпильках” (сатирический журнал) и в варшавских кафе за чашкой “кавы”. Ему предложили эмигрировать, но он ответил: “Я перегнулся с борта польского корабля, но выпадать за борт не собираюсь”» [Слонимский, 2000, с. 23].

Вокальный цикл был исполнен на «Варшавской осени–1966», «в отсутствии автора». Как вспоминал Слонимский, «...приняли “Строфы” хорошо. Антоний пришел на концерт и остался доволен, хотя отнюдь не был модернистом и посмеивался над поэтами, сочиняющими строчки из фонетических слогов, так же ехидно, как и над коммунистами. Он говорил мне: “Ну да, я понимаю, вам надоел соцреализм, и ваши поэты, как и наши, предпочитают футуристическую заумь”» [Там же].

Строфы Антония Слонимского, сложные по смыслу, философски-афористичные, посвящены вечной теме любви, разлуки, трагического раздумья и одиночества, воспоминаний о драматическом прошлом. Приведем их целиком в подстрочном переводе.

I

Не зови меня! Перестань. Не надо...
Вернись в комнату. Закрой дверь.
С умирающего неба стекает солнце.
Огромная капля крови...

II

Должен я на холоде здесь еще остаться.
Пока не охватит меня дрожь и мрак.
Должен здесь остаться. Кто-то есть в саду.
Я слышу вздохи, шепот и шаги.

III

Отойди от окна, не плачь, дорогая.
Я должен остаться до новой луны...
Давняя это история и запутанная.
И нет на то никаких слов...

IV

Зовет меня, вызывает тихим пеньем
Из-за ветвей, как из-за решетки,
Набухший слезами, дрожащий гневом
Мой собственный голос из многолетия...

(цит. по: [Милка, 1976, с. 49–50])

Музыка этого цикла, как верно пишет М. Рыцарева, уже в те годы поразила слушателей «рафинированной утонченностью, изяществом и одновременно силой экспрессии, проникновенностью образов и вызывающей скупостью средств»

[Рыцарева, с. 111]. Исследователь верно отмечает своеобразие исполнительского состава (голос и флейта), без привычного фортепиано; композитор как бы «доверился двум одноголосным, монодийным линиям», что позволило ему сосредоточить внимание слушателя «на интонационной атмосфере сочинения, передающей сложную гамму чувств: сердечной теплоты и тревоги, таинственной недосказанности и безотчетной печали, конкретности момента и ирреальности состояния» [Там же]. Такой выбор, как справедливо отмечает Рыцарева, был обусловлен содержанием и общей стилистикой стихов Антония Слонимского, в которых переданы «полутона ощущений, воспоминаний, предчувствий, зыбкость и в то же время острота» переживаемой драмы, которую невозможно выразить традиционными музыкальными средствами. Именно поэтому Слонимский избрал авангардную додекафонную технику, нетемперированную звуковую систему (с $1/3$ и $1/4$ тонами), а также пуантилизм («точечное» письмо), позволившие ему выразить в сложном, разорванном речевыми «вздохами», плачевыми интонациями и драматическими вскриками диалоге голоса и флейты все нюансы человеческих переживаний, на грани эмоционального срыва и трагического надлома, свидетельствующих о душевном и духовном крахе. Первая и четвертая строфы перекликаются между собой, они близки по силе экспрессии и драматического напряжения. Вторая строфа выполняет роль короткого взволнованного скерцо, основана на колючих, колких интонациях. Третья строфа служит лирическим интермеццо (*Andante*), в ней больше певучей кантилены, тончайших вибрато голоса, которым вторит серебристое звучание флейты (на треть- и четвертитоновых интонациях). Таким образом, несмотря на свою миниатюрность, «Польские строфы» содержат в себе черты симфонического цикла (четырёхчастность, контрасты), что позволяет передать сочинению глубокий философский смысл, заложенный в великолепных стихах.

Большая дружба связывала Сергея Михайловича Слонимского с выдающимся польским композитором XX–XXI вв. Кшиштофом Пендерецким (1933–2020). Оба мастера по возрасту были ровесниками и, увы, завершили свой жизненный путь с разницей в месяц. Композиторы общались на фестивалях и концертах, интересовались творчеством друг друга и ценили открытия каждого в различных сферах музыкального звукового мира. Одним из выдающихся сочинений раннего Пендерецкого было симфоническое полотно «Трен памяти жертв Хиросимы» (для 52 струнных, 1960), поразившее слушателей экспрессией авангардной техники, раскрывшей все ужасы ядерной катастрофы в Японии (в августе 1945 г.). Пендерецкий также автор многих хоровых сочинений, наполненных религиозными смыслами («*Dies irae*» «Заутреня» и др.), симфоний, камерно-инструментальных произведений и сочинений других жанров [Ивашкин]. Пендерецкий любил Россию, много раз бывал и в Советском Союзе, и в России (Москва, Ленинград-Петербург, Екатеринбург и др.). Его обширное, богатое мыслями, чувствами и глубокими философскими смыслами творчество стало сегодня, как и творчество Слонимского, классикой европейской и мировой культур.

Многие годы композитора связывали тесные узы и культурное общение с польским консульством в Петербурге. Родине великого Шопена, в рамках фестиваля

«Играем Слонимского» (2016), был посвящен прекрасный концерт, составленный из произведений польских композиторов, в частности, Кароля Шимановского. В нем прозвучали также «Польские строфы» Слонимского в экспрессивном исполнении Е. Иготти и Г. Долгова.

100-летию независимости Республики Польши, ее многотрудной истории посвятил Слонимский симфоническую поэму «Восхождение и триумф» (2018). В устных комментариях к сочинению Слонимский сказал, что сожалеет о том, «что наши политики мешают взаимоотношениям поляков и русских». Он подчеркнул, что гордится своей дружбой с большими польскими музыкантами — В. Лютославским, К. Пендерецким и другими, тем, что сам тоже имеет польские корни. В своем сочинении он хотел открыть красоты польской старинной музыки и музыкального фольклора, в чем-то родственного русскому. Симфоническая поэма «Восхождение и триумф», созданная по аналогии с программными симфоническими поэмами Ф. Листа (в частности, «Тассо. Жалоба и триумф» и др.), состоит из двух контрастных разделов. Первый, более драматический, сложный по стилистике, основан на певучих раздумчивых распевах деревянно-духовых и струнных (соло и унисонах) и арфы, а также внезапно вторгающихся сигналах трубы. Здесь раскрывается трудный путь страны к освобождению, через боль и страдания. Слонимский опирался в тематизме на элементы средневековой польской музыки времен Микола из Радомия⁴, близкой итальянской и французской культуре эпохи *Ars nova*. Второй раздел (после каденции ударных) представляет собой род «Камаринской» Глинки, основан на вариациях двух фольклорных польских тем: более энергичной, маршеобразной и веселой, танцевальной, которые ярко передают атмосферу праздника и ликования. Композитор мастерски создал интересную, оригинальную по тембральным краскам и принципам развития партитуру, в которой использовал различные приемы, в частности, микрополифонию в разработке тем, четвертитоновую технику (скрипки, арфа), пение исполнителей (выразительное соло флейтистки), расширенный состав ударных (до 20 инструментов) и многое другое, что привнесло в общее звучание необычные новые выразительные нюансы. Интересна представленная в YouTube запись репетиции этого сочинения оркестром (15 ноября 2018 г., в зале дворца Белосельских-Белозерских в Санкт-Петербурге, в исполнении Академического оркестра Санкт-Петербургской филармонии, дирижер Александр Титов). На репетиции звучали во фрагментах разные инструменты и их темы, были продемонстрированы различные приемы игры, а в заключение — все сочинение исполнено целиком. Слушатели, в том числе Александр Лясковский из Варшавы, выразили большую благодарность и автору, и оркестру. На другом концерте, в честь 100-летия независимости Польши, второй раздел сочинения был повторен на бис. Посол Польши в Санкт-Петербурге выразил свою благодарность за талантливый музыкальный подарок современного мастера к юбилею.

Таким образом, музыкальное творчество Сергея Михайловича Слонимского и его обширная деятельность сыграли значительную роль в укреплении

⁴ Миколай Радомский (1390–1450) — польский композитор средневековой эпохи *Ars nova*.

русско-польских культурных связей. Не случайно композитору было присвоено почетное звание кавалера Командорского креста ордена «За заслуги» Республики Польша. Эти культурные связи необходимо укреплять и развивать в современном многополярном мире, вопреки всем политическим розням, объединяя усилия многих деятелей культуры, в числе которых именно музыкантам, композиторам и исполнителям принадлежат лидирующие позиции.

Девятова О. Художественный универсум композитора Сергея Слонимского. Екатеринбург, 2003. 408 с.

Вольные мысли. К юбилею Сергея Слонимского. СПб., 2003. 616 с.

Ивашкин А. Кшиштоф Пендерецкий. М., 1983. 126 с.

Кокорева Л. Музыкальная культура Польши XX века. Кароль Шимановский, Витольд Лютославский, Кшиштоф Пендерецкий : очерки. М., 1997. 162 с.

Лисса З. Выдающийся художник (к 25-летию со дня смерти К. Шимановского) // Советская музыка. 1962. № 4. С. 119–123.

Лютославский В. Статьи, беседы, воспоминания. М., 1995. 206 с.

Милка А. Сергей Слонимский : моногр. очерк. Л. ; М., 1976. 202 с.

Никольская И. От Шимановского до Лютославского и Пендерецкого. Очерки развития симфонической музыки в Польше XX века. М., 1990. 332 с.

Рыцарева М. Композитор Сергей Слонимский : монография. Л., 1991. 256 с.

Слонимский С. Бурлески, элегии, дифирамбы в презренной прозе. СПб., 2000. 152 с.

Слонимский С. О новаторстве Шопена. СПб., 2010. 16 с.

Статья поступила в редакцию 29.09.2021 г.

**НОВАЦИИ В ОРНАМЕНТАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ
КАК ПРОЦЕСС УТРАТЫ САКРАЛЬНОГО
(НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО ТЕКСТИЛЬНОГО ОРНАМЕНТА
XVIII – НАЧАЛА XX в.)**

В статье анализируется процесс взаимодействия традиции и новации в культуре текстильного орнамента. Устойчивость традиции орнаментальных элементов исследуется с точки зрения онтологии архаического общества, его неразрывной связи с ритуалом. Процесс смещения культурного значения феномена орнамента от сакрального к декоративному рассматривается как механизм формирования новаций на материале орнамента русской вышивки и печатного текстильного рисунка (набойки) XVIII – начала XX в.

К л ю ч е в ы е с л о в а: орнамент; орнаментальные структуры; текстильный орнамент; традиция; новация; вышивка; набойка

Особенность феномена орнамента заключается в его существовании на стыке двух сфер культуры: с одной стороны, как художественного явления, с другой – как своеобразного визуального кода мифа или мировоззрения. В контексте древнейшей знаково-символической системы культуры орнамент выражает онтологические представления архаического общества, а также является одним из важных маркеров самоидентификации культуры.

В трактовке этого феномена часто ставится знак равенства между понятиями традиционного и архаического орнамента. И действительно, материальная культура, дошедшая до нас в виде археологических находок и этнографических элементов, доказывает необыкновенную устойчивость мотивов и композиционных орнаментальных схем на протяжении не только столетий, но и, во многих случаях, тысячелетий. С другой стороны, орнаментальные формы не являются застывшими, они подвержены изменению и развитию. Трансформация художественного языка орнамента обусловлена общекультурными процессами, поэтому механизмы традиции и новаций требуют культурологического осмысления.

В русской орнаментальной культуре текстильный орнамент вышивки и набойки имеет важнейшее значение, в силу своей включенности во все ближайшие к человеку сферы его существования. Именно здесь «уцелели самые оригинальные, самые характерные, самые значительные остатки национального русского художества» [Стасов, с. 2].

ЩЕРБАКОВА Татьяна Леонидовна – доцент кафедры дизайна костюма и текстиля им. Н. Г. Мизоновой Ивановского государственного политехнического университета; аспирант кафедры культурологии и изобразительного искусства по направлению культурология Ивановского государственного университета (Шуйский филиал) (e-mail: dvaoblaka@yandex.ru).

Проблеме исследования традиционных культур, онтологии архаического общества посвящены работы М. Элиаде, В. Н. Топорова, вопросам ритуала как части традиционной культуры — труды А. К. Байбурина, Б. М. Берштейна. Теоретические вопросы орнамента, его семантики освящались в работах П. А. Флоренского, Е. Ю. Кричевского, Л. М. Буткевич, А. Голана, С. В. Иванова. Семантика и история орнамента русской вышивки достаточно широко изучены. Одними из первых исследователей русского текстильного орнамента являются С. С. Стасов, Н. Л. Щабельская, С. Н. Писарев. Различные аспекты генезиса, семантики, иконографии и технологии выполнения орнаментации русской вышивки и печатного рисунка на ткани рассматривались в исследованиях В. С. Воронова, В. А. Городцова, Б. А. Рыбакова, Л. А. Динцеса, А. К. Амброза, И. Я. Богуславской, Г. С. Масловой и др. Большой вклад в изучение орнаментации русских набойных тканей внес С. С. Соболев. История набойки одного из главных текстильных центров — Иванова представлена в работах В. Л. Соловьева, М. Д. Болдыревой, Е. В. Арсеньевой.

Обращаясь к герменевтике термина «орнамент», можно проследить двоякость в его толковании. Так, большая часть источников трактует этот термин (от лат. *ornamentum* — украшение) как «украшение, прикраса» [Даль, с. 691]. Характерным является определение орнамента как «живописного, графического или скульптурного украшения...» [Ушаков].

Но часть исследователей считает, что этот термин происходит от латинского *ornamentum* — «снаряжение, вооружение» или от глагола *ornare* — «вооружать, оснащать, снабжать необходимым» [Власов, с. 517]. Это толкование соответствует смыслу термина «орнамент» как функции придания особых качеств объекту, на который он наносился. В этом смысле орнамент приравнивается к снаряжению воина, защищающего его в бою [Иванов, с. 16–17]. Двоякость толкования термина характеризует различную природу этого феномена на разных стадиях культурного развития общества.

Качественное отличие орнамента архаического и позднего в контексте его культурного значения раскрывает П. А. Флоренский. Он разграничивает это понятие, противопоставляя орнамент в «цельных культурах», где он облакает наглядностью «некие мировые формулы бытия» и направлен на «целое» культуры, и орнамент поздних культур, утративших свою цельность, где он направлен «на отвлеченную и самостоятельно взятую красоту» [Флоренский, с. 134–135].

Цель исследования: проанализировать культурный феномен текстильного орнамента с точки зрения взаимодействия традиции и новации, в аспекте устойчивости архаической орнаментальной структуры, а также механизмов формирования новаций как процесса вытеснения сакрального значения формально-декоративным на примере русского текстиля XVIII — начала XX в.

Традиционность орнамента как элемент архаической онтологии

Устойчивость традиционных форм орнамента как культурного феномена может рассматриваться в рамках общей парадигмы архаической культуры, так как является частью ее символически-знаковой системы.

На этой стадии своего развития человечество не знало «мирской» деятельности, каждое действие было так или иначе «сакрализовано» [Элиаде, с. 6]. В подобный ряд деятельности можно включить и орнамент — его нанесение на предмет исключало декоративную функцию и носило однозначно сакральный смысл.

Тезис о недекоративности архаического орнамента доказывается многочисленными примерами археологов и этнографов. Древнейшие орнаменты во всех культурах наносились на предмет «небрежно», их расположение не было связано с формой предмета, изображения имели определенную самостоятельную ценность [Кричевский, 1949, с. 56]. «Поверхность сосуда не имеет никакого декоративного значения, и орнамент непосредственно не связывается с формой украшаемого предмета. Орнамент, наполненный магико-религиозным символизмом, имеет какое-то самостоятельное значение» [Кричевский, 1940, с. 51]. Археолог А. К. Амброз отмечает тот факт, что нанесенные на посуду знаки ромбов с крючками не предназначались для ее украшения, так как «располагались то сбоку, то на дне сосуда», следовательно, делает он вывод, «эти изображения носят символический характер» [Амброз 1965, с. 14]. Антидекоративность архаического орнамента доказывается его частым расположением на объекте в местах, не доступных для взора человека. Подтверждение этому есть во всех культурах [Голан, с. 7].

Механизмы традиционности архаического орнамента как составной части архаической культуры заложены в особой «примитивной онтологии» первобытного общества. Все действия человека этой культуры строятся на парадигме следования образцам — архетипам, созданным в начале времен богами, героями или мифическими персонажами. Все действия архаического общества сводятся к воспроизведению заданной архетипом модели, находящейся вне власти человека. Жить — означало следовать нормам существования, принятым «в начале времен» божеством или мифическим героем [Элиаде, с. 19].

Важным аспектом «первобытной онтологии» является пребывание архаического общества в определенном метафизическом времени, когда повторение парадигмальных действий, заданных образцом-архетипом, придает определенную *реальность* предмету или действию, одновременно прерывая мирское время и возвращая человека, племя, общество в мифологическое первовремя, когда образец был сотворен впервые. Это постоянное возвращение во время мифическое порождает «скрытое устранение мирского времени и его непрерывности, устранение “истории”». По мнению М. Элиаде, архаическому человеку недоступно понимание «истории», он уничтожает ее прерыванием времени. Цикличность этого времени «соответствует глубокой потребности архаического человека» и всей архаической культуры и заставляет ее отталкивать все *новое и необратимое*. «Интерес к необратимости и “новизне” истории человечество стало проявлять совсем недавно» [Там же, с. 45–47, 54].

Механизмом, с помощью которого созданное в первичном акте творения воспроизводится, возвращая все творимое человеком к архетипу, является ритуал, который «замыкает собой диахронический и синхронический аспекты космологического бытия». Ритуал верифицирует вхождение человека в первоначальный

космологический универсум, воспроизводя структуру акта творения и последовательность его частей и тем самым актуализируя структуру бытия [Топоров, с. 16]. Цель ритуала заключалась не в создании нового, а в особом контроле над сохранностью наиболее ценного, с точки зрения этого общества, опыта [Байбурин, с. 11]. Поскольку всякая система подвержена энтропии, функцией повторных сообщений в ритуале является сохранение созданного, восстановление и «дотраивание» разрушений, наносимых временем всем структурам общества [Бернштейн, с. 107–108]. В рамках бесконечного повторения, нацеленного на воспроизведение уже известной информации, восстановления утраченного знания архаичная культура сохраняла свою традиционность, отвергая новации.

Устойчивость орнаментальной традиции опирается на генетическое единство архаического орнамента и ритуала. Ранние неорнаментальные символы, воспроизводившиеся «только при ритуальных действиях» и входившие в комплекс ритуала, трансформировались впоследствии в элементы архаического орнамента. Изначально знаки-символы в комплексе ритуала могли чертиться на хлебе или земле. Начерченный на земле символ ромба, например, являлся частью ритуала закладки нового жилища [Амброз, 1965, с. 25].

Общий генезис ритуала и орнамента можно проследить на примере обрядов производства текстиля и его орнаментации вышивкой в русской культуре. Ритуал выполнения «заветной» вышивки, игравшей роль вотивного жертвоприношения, воспроизводился для излечения от болезни. В ходе выполнения ритуала на куске ткани золотыми нитями вышивалось изображение человека или большой части тела, и далее ткань отдавалась в храм или часовню. Этот ритуал просуществовал до XX в.

Обряд ткань *обыденного* полотенца, которое изготовлялось коллективно всеми жителями селения за один день или одну ночь, был направлен на защиту людей и скота от эпидемии, засухи и града. Такое полотенце обладало большой магической силой. Частью этого ритуала в некоторых случаях являлась вышивка, выполненная за один день [Маслова, с. 22, 24]. В этих примерах действия по производству текстиля и воспроизведению орнамента становятся частью ритуала, неся характер функции наделения вещи магическими свойствами.

Вообще, полотенце с орнаментом в русской архаической культуре играет важную роль в ритуалах всего жизненного цикла: рождения, крещения, свадьбы, погребения и поминовения.

Орнаментация в качестве обязательного сакрального элемента присутствует на всех типах текстильных объектов архаической культуры (одежда, головные уборы, обувь, предметы быта) [Изобразительные мотивы..., с. 7].

Таким образом, орнамент как неотъемлемый элемент ритуала в комплексе всех культурных составляющих следовал логике парадигмы архаической культуры. В рамках основной функции ритуала — через повторения архетипических событий актуализировать и восстанавливать разрушаемый временем порядок, сохранять традицию — орнамент также хранит традицию, изначально в качестве составной части ритуала, затем отделяясь от него, но, не утрачивая генетическую связь с ним.

Новации в текстильном орнаменте как утрата сакрального

Новации в орнаменте рассматриваются в статье на примере двух видов русской текстильной орнаментации — техники ручной вышивки и набойки, во временных рамках XVIII — начала XX в. Этот «реформирующий» период, начавшийся в XVIII в., характеризуется совмещением и слиянием разнородных элементов угасшей культуры и зарождающихся многочисленных новаций [Воронов, с. 115–116]. Вышивка рассматривается главным образом на примере северных и центральных регионов европейской части России, сохранивших на момент исследования глубочайшие орнаментальные традиции.

Большинство исследователей относят геометрические мотивы к самому глубокому пласту орнаментации, они присутствовали в культуре восточных славян уже в X—XIII вв., являясь своего рода идеограммами, отражающими древнейшие языческие верования [Воронов, с. 88, 120; Даркевич, с. 56–57]. В качестве дополнительного источника, дающего представление о характере древнерусского орнамента, могут быть рассмотрены образцы книжных миниатюр X в. Они представлены такими мотивами, как ромб, круг, зубчатый ромб, ромбовидная сетка, сетка с кругом-крестом внутри и квадратная сетка с точкой внутри [Писарев, с. 1].

Утратив сакральное значение, связанное с древнейшими языческими представлениями, мотивы **вышивки** удерживались в крестьянской архаической культуре XVIII — начала XX в. в рамках следования многовековой традиции: их вышивали «по прежним, *изстари* ведущимся образцам, передаваемым из рода в род» [Стасов, с. 8]. Одновременно орнаментация вышивки этого периода характеризуется значительными новациями, в которых можно выделить два основных направления.

Первое направление развивалось в традиционной архаической крестьянской среде, где вышивка выполнялась в рамках домашнего производства для собственных нужд. С одной стороны, оно отличалось устойчивостью в сохранении древнейших орнаментальных элементов до начала XX в. В то же время происходил процесс утраты части древнейших орнаментальных традиций в связи со «стиранием» их первоначального значения в культуре и внесением изменений даже в самые древние образцы. Эти изменения касались отдельных элементов архаической вышивки, они связаны с нарушением цельности композиции, утратой внутренней связи между ее частями, нарушением содержания при изменении масштаба мотивов, замене отдельных элементов, что приводит к увеличению декоративности за счет нарушения архаического сюжета [Маслова, с. 126]. На смену пластическому языку, основанному на прямолинейно-геометрическом решении, приходят более декоративно насыщенные элементы, имеющие бóльший натурализм, «смягченную» пластику и бóльшую детализацию. В этом случае новации постепенно наслаивались на более древний орнамент и включались в него. Изменение технологии вышивки, в частности появления тамбурного шва, способствовало трансформации пластического решения орнамента.

Кроме новаций в формально-художественной трактовке архаических мотивов, происходят еще более значительные изменения, связанные с переосмыслением

сюжетов в направлении бытовой интерпретации, трансформацией иконографии мотивов в соответствии с эстетическим заказом крестьянской культуры. В ходе этого процесса утратившие смысл и, соответственно, культурное значение архаические мотивы и сюжеты вытесняются мотивами и сюжетами, значимыми для эпохи XVIII — начала XX в.

Но все же именно крестьянская вышивка в рамках архаического уклада крестьянского хозяйства наиболее прочно сохраняла канонические традиции в технике выполнения и орнаментации. Новации в орнаменте, зародившиеся в условиях «длительнейшей замкнутости иконографии этого искусства», изоляции от влияния как городской культуры, так и чужеземных образцов, продолжают свое развитие и в XVIII в. [Воронов, с. 117]. Часть архаических сюжетов и мотивов сохранилась в крестьянской вышивке вплоть до конца XIX — начала XX в.

Второе направление развития новаций было обусловлено схожими процессами, но характеризовалось более интенсивной модернизацией во всех элементах вышивки: сюжете, композиции, стилистике, технике исполнения. Оно было связано с культурой города и близких к нему поселений, а также вышивкой ремесленных и промысловых центров, помещичьей средой. Большое значение в нем имела утрата архаического уклада жизни и замещение крестьянского костюма городским.

Интенсивное распространение сюжетной вышивки начинается с XVIII в., еще более расширяется в XIX и XX вв. Новые сюжеты и мотивы проникают из лубка, миниатюры, материала гравюр и даже картинок в иллюстрированных журналах XIX—начала XX в. и перерабатываются с учетом текстильной технологии [Plath, p. 40]. К новым мотивам, появившимся в бытовых вышивках, можно отнести экзотические зооморфные мотивы: изображения тигра, слона, верблюда, попугая, рыбы [Маслова, с. 88]. Из лубка пришли в вышивку и новые тератологические мотивы, например мотив птицы Сирина [Там же, с. 94].

Трансформируется иконография мотивов, здесь еще активнее, чем в деревенской вышивке, архаические символические изображения вытесняются бытовыми сюжетами того времени. Большое распространение получает сюжет барской жизни, который включает изображения дам и кавалеров, прогулки в экипажах, катание на лодках и парусных судах, сцены охоты, усадебную архитектуру [Ефимова, Белогорская, с. 23]. Примером сюжетной новации является вологодская вышивка по белой перевити, в которой широко представлены мотивы помещичьего быта [Воронов, с. 90]. Весьма распространенным также являлся сюжет свадьбы, который часто располагался на подзоре, предназначавшемся для убранства постели молодых. Присутствуют среди новых сюжетов сцены танца, хоровода и др. Их трактовка еще более, чем в крестьянской вышивке, утрачивает условное геометрически-прямолинейное решение и приобретает большую реалистичность и детализацию. Так, например, каноническая трехчастная композиция богини-матери с всадниками по бокам в вышивке XVIII—XIX вв. трансформируется в сюжетную, где образы решаются в реалистическом ключе, условное решение заменяется более детальным: появляется подробное изображение костюма, головного убора, детализация лица.

Одним из источников новаций в вышивке послужили мотивы заимствования элементов классических стилей, например растительных форм стиля барокко [Маслова, с. 98].

Таким образом, трансформация орнаментальной структуры крестьянской вышивки XVIII — начала XX в. протекала в виде постепенного замещения архаических элементов новациями как формально-декоративного, так и сюжетного содержания, но во многом сохраняя традиции орнаментации в рамках архаического крестьянского уклада. Изменения в городской вышивке более значительны. Они, в частности, выражались в преобладании актуальных для современной культуры сюжетных и иконографических новаций, а также в заимствовании из европейской культуры мотивов классических стилей.

В русском *печатном текстильном рисунке (набойке)* XVIII — начала XX в. процесс разложения архаических орнаментальных традиций выражен значительно интенсивнее, чем в вышивке. Это связано во многом с тем, что набойка на ткани имеет более позднее происхождение, чем вышивка, появившаяся раньше, чем сама ткань, так как многие культуры изначально знали только вышивку по коже. Имеет также значение механизация процесса набойки и выделение этого ремесла из архаического уклада крестьянского хозяйства. Так, в селе Иваново уже в XVII в. существовал холщовый промысел — производство холстов с набойкой на продажу, а в XVIII в. возникает мануфактурное производство [Ивановские ситцы, 7].

Несмотря на различие в процессах образования орнаментальных новаций в вышивке и набойке, они имеют общие закономерности. Так же как в вышивке, самую древнюю группу орнаментов тканей представляют геометрические мотивы. Образцов древнерусских тканей сохранилось немного. Известны, например, обнаруженные в курганах северян остатки шерстяных тканей XI–XII вв. со следами набитого темной краской геометрического узора. Примерно к тому же времени относятся ткани кривичей с геометрическим орнаментом, найденные в верховьях Днепра, а также при раскопках в земле вятичей [Динцес, с. 465]. С. С. Соболев приводит в пример группу набивных тканей с геометрическим рисунком, точное время появления которых «неизвестно», как самую древнюю. Основные мотивы орнаментов: рисунок в виде шашек, ромбов с розетками внутри, ромбов с точечным рисунком в виде ромба, звезд с розетками [Соболев, с. 30–31]. Эти мотивы обозначены как самая древняя группа и в коллекции Музея ивановского ситца [Ивановские ситцы, с. 14]. Хотя мы видим геометрические мотивы уже на самой поздней стадии разложения орнаментальной традиции, безусловно, они являются продолжением древнейших тенденций в орнаменте, свойственных различным культурам [Стасов, с. 12–14].

Процесс трансформации орнамента русской набойки, сохраняя общие тенденции с вышивкой (вытеснение более древних геометрических орнаментов новациями формального языка), имеет качественное отличие. Орнаментальные новации в традиционной вышивке возникали в условиях отсутствия чужестранного влияния, которое проявилось только в городской вышивке на поздней стадии. Напротив, орнаментальные новации набойки обусловлены в большой степени процессами заимствований как из восточной, так и западной культуры.

Русская набойка имеет древние традиции использования восточных элементов. К этой группе можно отнести, например, мотив «персидского огурца». Образцы, представленные в работе С. С. Соболева, относятся к XVII в. [Соболев, с. 27–28]. Имея большой декоративный потенциал, чем древние геометрические мотивы, этот элемент очень быстро адаптируется в русской орнаментальной традиции, чему способствует его богатая детализация и пластические преимущества, позволявшие использовать его в различных поворотах. Это является важным фактором построения раппортной композиции. «Персидский огурец» становится одним из знаковых элементов ивановских ситцев и представлен большим количеством вариантов в тканях и платках, производимых на ивановских мануфактурах в XVIII – начале XX в.

Восточная традиция проникала в русскую орнаментацию различными путями: это и прямые контакты с Востоком, копирование элементов орнамента привозных восточных жаккардовых и шелковых тканей, и заимствование восточных мотивов в европейской переработке [Щербакова, 2019а, с. 171–174].

Вторым источником новаций становится европейская орнаментация. В качестве примера можно привести так называемый мотив мильфлер (от фр. *millie fleur* – тысяча цветочков), заимствованный из орнамента французских ситцев мануфактуры Оберканфа. Мелкомасштабный мотив букетиков цветов, в первоначальном варианте рассыпанных по белому фону, органично приживается в рисунках для традиционного женского костюма. Красно-белые букетики и мелкие цветы, заполняющие в русском варианте орнамента кубовый (синий) фон, становятся в XIX в. одним из традиционных мотивов ткани крестьянского сарафана.

С рисунками мануфактуры Оберканфа в русскую традицию также проникает мотив розы. Разработанный изначально художником Филиппом де Лассалем для шелковых тканей, этот мотив, благодаря своим декоративным свойствам, приживается как в орнаментации павлопасадских платков, так и ивановских тканей. Мотив розы, во множестве вариантов, становится частью традиционной орнаментации в тканях и платках для крестьянского женского костюма, а также декоративных тканей [Щербакова, 2019б, с. 193].

Процесс культурной диффузии и адаптации «чужих» мотивов к русской орнаментальной культуре уже в XVIII в. практически полностью вытесняет архаический орнамент в набойных тканях, рождая новую орнаментальную традицию, выразившуюся, например, в таком феномене, как «ивановские ситцы». В основе новации лежат отбор и адаптация наиболее ценного для русской культуры декоративного опыта восточных и западных орнаментальных традиций [Там же, с. 192–193].

На основании вышесказанного можно сделать вывод: новации в русском текстильном орнаменте обусловлены постепенным разложением культурного и магического значения, его древнейшего орнаментального слоя. При этом устойчивость архаических орнаментальных форм в течение столетий сохраняется традицией как нечто ценное. Разрыв с традицией, необходимость в новациях возникает при утрате сакрального смысла, утрате «цельного», возникшая пустота постепенно заполняется новациями, имеющими большой декоративный потенциал. Эти

новации обуславливаются формообразующими потребностями грядущих эпох и стилей. Орнамент в «современном, т. е. *омирщенном*, декоративном смысле» появляется только в «дробящихся и лишенных органической цельности культурах» [Флоренский, с. 135].

Амброз А. К. О символике русской крестьянской вышивки архаического типа // Советская археология. 1966. № 1. С. 62–63, 73–75.

Амброз А. К. Раннеземледельческий культовый символ «ромб с крючками» // Советская археология. 1965. № 3. С. 14, 25.

Байбуриш А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.

Бернштейн Б. М. Традиция и социокультурные структуры // Советская этнография. 1981. № 2. С. 107–108.

Власов В. Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства. СПб., 2007. Т. 6. С. 517.

Воронов В. С. Крестьянское искусство. М., 1924.

Голан А. Миф и символ. М., 1993.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 2.

Даркевич В. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси // Советская этнография. 1960. № 4. С. 56–57.

Динцес Л. А. Древние черты в русском народном искусстве // История культуры Древней Руси. М., 1951. Т. 2. С. 465.

Ефимова Л. Е., Белогорская Р. М. Русская вышивка и кружево. Собрание Государственного исторического музея. М., 1982. С. 23.

Иванов Н. А. Герменевтика орнамента: к методологии интерпретации орнаментальных композиций // Междунар. журн. исслед. культуры. 2015. № 3 (20), С. 16–17.

Ивановские ситцы : альбом / авт.-сост. Е. В. Арсеньева. Л., 1983.

Изобразительные мотивы в русской народной вышивке / Музей народного искусства ; сост. Г. П. Дурасов, Г. А. Яковлева. М., 1990.

Кричевский Е. Ю. Из истории дунайского понизовья в неолитическую эпоху // Краткие сообщ. о докл. и полевых исслед. Ин-та материальной культуры. 1940. № 8. С. 51.

Кричевский Е. Ю. Орнаментация глиняных сосудов у земледельческих племен неолитической Европы // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Сер. ист. наук. 1949. № 85. С. 56.

Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978.

Писарев С. Н. Древнерусский орнамент на парчах, набойках и других тканях (с X по XVII век включительно). СПб., 1903.

Соболев С. С. Набойка в России: история и способ работы. М., 1912.

Стасов В. В. Русский народный орнамент: шитье, ткани, кружево. СПб., 1872. Вып. 1.

Топоров В. Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки истории естественно-научных взглядов в древности. М., 1982. С. 16.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=40758>. (дата обращения: 20.06. 2021).

Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М., 1993.

Щербакова Т. Л. Диалектика традиции и новации в формировании мотивов ивановских тканей XVII–XIX веков // Актуальные вопросы современной науки : сб. ст. по материалам XX междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. Иванов, 2019 а. Ч. 3. С. 171–174.

Щербакова Т. Л. Культурная диффузия и синтез как метод формирования новых орнаментальных элементов ивановских тканей XVIII–XIX вв. на основе европейского орнамента // Шуйская сессия студентов, аспирантов, педагогов, молодых ученых. Итоги 10-летия международной деятельности ШГПУ – Шуйского филиала ИвГУ : материалы XII междунар. науч. конф. Иваново, 2019б. С. 192–193.

Элиаде М. Миф о вечном возвращении. М., 2000.

Plath Sona. The decorative arts of Sweden. N. Y., 1966.

Статья поступила в редакцию 26.07.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.4.083

УДК 159.944.4 + 616.89:578.834.1 SARS-Cov2 + 614.253.5

М. В. Зиннатова

М. С. Глушкова

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТРЕВОЖНОСТИ И МОТИВАЦИИ СРЕДНЕГО МЕДИЦИНСКОГО ПЕРСОНАЛА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Медицинские работники по сравнению со специалистами других сфер более подвержены негативному влиянию актуальной ситуации распространения коронавирусной инфекции. Новые условия труда создают угрозу психическому и психологическому благополучию медицинских работников любого уровня. В статье представлены результаты эмпирического исследования тревожности и мотивации среднего медицинского персонала в период пандемии COVID-19 во взаимосвязи с их оценкой качества жизни. Исследование проводилось на базе Свердловской областной клинической больницы № 1 (г. Екатеринбург). Выборочную совокупность составил средний медицинский персонал отделения анестезиологии-реанимации; количество участников — 62 человека, из них 6 мужчин и 54 женщины в возрасте от 23 до 65 лет. Методики исследования: «Шкала реактивной (ситуативной) и личностной тревожности» (Ч. Д. Спилбергер, Ю. Л. Ханин); «Мотивация профессиональной деятельности» (К. Замфир, модификация А. А. Реана); краткий опросник ВОЗ для оценки качества жизни (WHOQOL).

Полученные результаты показали, что в период пандемии COVID-19 для среднего медицинского персонала характерны повышенные показатели оценки качества жизни. Также было подтверждено (но не для всех показателей), что для участников в период пандемии COVID-19 при позитивной оценке качества жизни характерен повышенный уровень мотивации к трудовой деятельности и сниженный уровень тревожности. Полученные результаты могут быть использованы при организации системы

ЗИННАТОВА Мария Владимировна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии образования Уральского федерального университета (e-mail: mashaperv@rambler.ru).

ГЛУШКОВА Марина Станиславовна — магистр психологии, медицинская сестра отделения анестезиологии-реанимации Свердловской областной клинической больницы № 1, г. Екатеринбург (e-mail: mila.ru.marina@mail.ru).

© Зиннатова М. В., Глушкова М. С., 2021

психологической поддержки и сопровождения медицинских работников в процессе выполнения профессиональной деятельности в ситуации пандемии COVID-19.

К л ю ч е в ы е с л о в а: тревожность; мотивация; качество жизни; средний медицинский персонал; пандемия COVID-19

Введение

Пандемия COVID-19 стала вызовом для систем оказания медицинской помощи всех стран. Инфекция, вызывающая тяжелый острый респираторный синдром, получила официальное название COVID-19. На передней линии борьбы с инфекцией оказались медицинские работники, которые трудятся в условиях повышенной нагрузки, что остро ставит вопрос оценки их психологического состояния. Длительный рабочий день, риск заражения, нехватка средств индивидуальной защиты, одиночество, физическая усталость и разлука с семьями [Rajkumar], а также неопределенность будущего — все это может привести к повышению тревожности, снижению активности иммунной системы, деформированию мотивации профессиональной деятельности, профессиональному выгоранию, формированию страха за будущее свое и близких, к неудовлетворению качеством своей собственной жизни, а в целом — к возникновению неблагоприятных последствий для психологического и психического здоровья медицинских работников. Недостаточное число исследований и ограниченные данные об эффективности психопрофилактики в ситуации распространения коронавирусной инфекции делают необходимым обоснование и разработку психологических методов поддержки медицинских работников всех уровней в новых условиях выполнения профессиональной деятельности.

Теоретический обзор

Пандемия COVID-19 обусловила один из самых тяжелых и затяжных кризисов всех общественных систем: здравоохранения, образования, профессиональной, досуговой сфер. Предпринятые руководством многих стран ограничительные меры (самоизоляция, карантин) в большинстве случаев не просто изменили, а ухудшили условия и привычный образ жизни многих людей. Основными признаками деструктивных тенденций, вызванных пандемией COVID-19, стали проявления у большого количества людей из разных стран схожих психологических «симптомов»: усиливающееся чувство беспомощности, ощущение страха, тревоги, подавленности, чувство вины, беспокойство за собственное здоровье и здоровье близких, высокий уровень стресса, агрессия к окружающим, осознание неопределенности своего будущего. А. Ш. Тхостов и Е. И. Рассказова подчеркивают, что «психологические проблемы пандемии настолько остры и актуальны, что в определенном смысле имеют не меньший вес, чем ее клинические и эпидемиологические аспекты» [Тхостов, Рассказова, с. 72].

Тревогу/тревожность отечественные и зарубежные исследователи рассматривают как ключевые психологические феномены в период распространения

коронавирусной инфекции [Тхостов, Рассказова; Харламенкова и др.; Chen Y. et al.; Kumar, Somani].

В результате проведенного А. Ш. Тхостовым и Е. И. Рассказовой исследования были выделены следующие источники, вызывающие беспокойство, тревожность в пандемию COVID-19: возможность экономического кризиса; тревога по поводу лишения заработка; страх заражения; безответственность граждан; информационный шум («инфодемия»); возможность ужесточения государственного контроля, ситуация с обучением детей и их будущее; возможности медицинской системы; невозможность вести привычный образ жизни; трудности с самоорганизацией; реже участники исследования беспокоились по поводу того, что уже заболели, но не знают об этом [Тхостов, Рассказова].

Безусловно, в период распространения коронавирусной инфекции медицинские работники, выполняя свои профессиональные обязанности, не только столкнулись с резко и значительно возросшей функциональной нагрузкой, но и оказались в ситуации, угрожающей их психическому здоровью и психологическому благополучию, качеству жизни. И это касается как врачей, так и среднего медицинского персонала, помогающего обслуживающего персонала больниц. Анализируя причины переживаний, тревоги и страха у медицинских работников в период пандемии COVID-19, К. Н. Царанов, В. А. Жильцов, Е. Н. Климова и А. Г. Тарбастаев указывают следующие (для российской выборки): осложненная возможность доступа к средствам индивидуальной защиты; подверженность воздействию COVID-19 на работе и возможность заражения близких; отсутствие экспресс-тестирования при появлении у медиков симптомов COVID-19 и, как следствие, страх распространения инфекции на работе; неуверенность в поддержке со стороны организации при заболевании коронавирусом, а также в удовлетворении других потребностей при увеличении рабочего времени (питание, проживание, транспорт) [Царанов и др.].

Однако медицинские работники, оказывающие помощь пациентам с COVID-19, осознают большую значимость своей профессии и сохраняют высокую профессиональную мотивацию. При этом одной из актуальных проблем в период распространения новой коронавирусной инфекции является эффективность и мотивация трудовой деятельности медицинского персонала. С началом развития пандемии многие учреждения здравоохранения были перепрофилированы под работу с ковид-пациентами. Учитывая сложную в психологическом отношении ситуацию для медицинских работников, государство предприняло ряд мер, чтобы эффективность и мотивация медицинских работников оставались на должном уровне.

В. В. Жарковой проведен анализ используемых мотивационных стимулов для различных подразделений медицинских организаций в период пандемии COVID-19. Так, материальное стимулирование, осуществляемое государством и здравоохранением, является основным фактором привлечения сотрудников для работы в «красной зоне», однако из-за нарастающей усталости персонала требуются и моральные методы мотивации. Также для более эффективного труда необходима своевременная ротация кадров, что позволит снизить нагрузки на медицинских

работников «красных зон». Такие меры по профилактике и снижению стресса, как обеспечение медицинских работников горячим питанием, оптимизация режима труда и отдыха, организация помощи специалистов (психолога, психотерапевта), предоставление жилья в период самоизоляции, позволят сохранить конструктивную мотивацию и эффективность профессиональной деятельности в сложных условиях [Жаркова].

В целом можно отметить, что в современной российской системе здравоохранения средний медицинский персонал играет значимую роль, выполняет большую долю нагрузки при осуществлении таких задач, как медицинский уход, лечение и профилактика. Однако для последнего времени характерна тенденция к сокращению медицинского персонала, причем медсестер это касается в большей степени, чем врачей, наблюдается рост числа увольнений в связи с низкой заработной платой, возрастанием физической и психологической нагрузки у среднего медицинского персонала [Богачева].

В заключение теоретического обзора приведем некоторые результаты Всероссийского интернет-опроса медицинских работников в отношении их психического здоровья в период пандемии, проведенного в 2020 г. Научно-образовательным центром современных технологий и Союзом охраны психического здоровья. Согласно им, общая распространенность симптомов тревоги у медиков составила 48,77 %, общая распространенность симптомов депрессии — 57,63 %; 87,4 % участников отметили, что им необходима психологическая поддержка. Основными направлениями снижения психоэмоционального напряжения у медицинских работников в период пандемии могут стать оптимизация режима труда и отдыха в рабочую смену (58 %), а также поддержка руководства (52,7 %) и близких (51,1 %) [Результаты Всероссийского интернет-опроса...].

Проведенный теоретический анализ показал, что медицинские работники всех уровней находятся в зоне риска в период пандемии COVID-19 и подвержены формированию деструктивных психических и психологических состояний. Особенности мотивации, тревога и тревожность, возникающие у медицинских работников в ситуации распространения коронавирусной инфекции, активно исследуются современными учеными.

Материалы и методы

Исследование проводилось на базе ГАУЗ СО «Свердловская областная клиническая больница № 1», г. Екатеринбург. Выборочную совокупность составили средний медицинский персонал отделения анестезиологии–реанимации; количество участников — 62 человека, из них 6 мужчин и 56 женщин в возрасте от 23 до 65 лет.

Методы исследования: теоретический анализ, опросный метод, методы математической обработки эмпирических данных (описательный, корреляционный), методы интерпретации.

При проведении исследования были использованы следующие методики: «Шкала реактивной (ситуативной) и личностной тревожности» (Ч. Д. Спилбергер,

Ю. Л. Ханин); «Мотивация профессиональной деятельности» (К. Замфир, модификация А. А. Реана); краткий опросник ВОЗ для оценки качества жизни (WHOQOL), методика позволила участникам исследования оценить качество своей жизни по четырем сферам в свете событий, произошедших за последние четыре недели, которые совпали со второй волной распространения пандемии COVID-19.

Результаты исследования и их обсуждение

На основании проведенного теоретического анализа мы предположили, что в период пандемии COVID-19 для среднего медицинского персонала характерен низкий или пониженный показатель оценки качества жизни. Для подтверждения или опровержения данного заключения использовался дескриптивный анализ.

Анализ выраженности средних значений параметров оценки медицинским персоналом качества собственной жизни показал, что все они повышены: физическое и психологическое благополучие — $x_{cp} = 63,59$; самовосприятие — $x_{cp} = 69,28$; микросоциальная поддержка — $x_{cp} = 76,54$; социальное благополучие — $x_{cp} = 67,04$. Исходя из полученных эмпирических данных, мы можем констатировать, что наше предположение не подтвердилось. Данный результат можно объяснить тем, что многие исследования, описывающие влияние новой коронавирусной инфекции на психологическое состояние медицинских работников, проводились в начале пандемии, когда сама ситуация оценивалась как экстремальная. Наше исследование проводилось во время второй волны, и в связи с этим можно говорить о компенсаторном проявлении защитных механизмов у медицинских работников, которые, вероятно, сработали в повторяющейся ситуации негативных, психотравмирующих переживаний, снизили психологический дискомфорт и тревожное напряжение, определив конструктивное отношение к жизни и поведение [Фельдман]. Данный тезис подтверждает исследование О. А. Ульяниной, в ходе которого были выделены этапы проживания человеком пандемии:

1. Осмысление и оценка степени угрозы воздействия пандемии на человека, его близких и родных.
2. Осознание, принятие ситуации, мобилизация, формирование психологического напряжения и готовности к возможным вызовам.
3. Психологическое преодоление экстремальной ситуации в соответствии с ее смыслом, индивидуальной значимостью и социально-психологическими возможностями человека и общества.
4. Стабилизация состояния, постепенное возвращение к прежнему образу жизни, но с качественными изменениями мотивации, ценностей, смыслов, жизненных планов и целей [Ульянина].

В ходе дальнейшего исследования было выявлено, что у медицинских работников среднее значение личностной тревожности имеет высокий показатель ($x_{cp} = 47,58$), следовательно, у большинства из них тревожность проявляется как черта личности, при этом в ходе проведения исследования у участников показатель ситуативной тревожности был выражен умеренно ($x_{cp} = 42,09$).

Дескриптивный анализ мотивации показал, что среднее значение внутренней мотивации у участников ($x_{cp} = 3,95$) выше, чем аналогичные показатели внешней положительной ($x_{cp} = 3,15$) и внешней отрицательной мотивации ($x_{cp} = 3,46$). Значит, преобладающим мотивом профессиональной деятельности среднего медицинского персонала является сам ее процесс, который приносит удовлетворение. При этом следует отметить, что в ходе выполнения профессиональных функций данные работники стремятся избегать критики, наказаний и штрафов.

На основании проведенного дескриптивного анализа можно предположить, что у среднего медицинского персонала отделения анестезиологии–реанимации в течение временного периода от начала возникновения новой коронавирусной инфекции и до момента исследования произошла адаптация к экстремальным условиям и это повлияло на полученные результаты. Другая возможная причина заключается в проявлении у участников исследования социальной желательности, в результате чего они предпочли скрыть реальное положение вещей. Также выявленное позитивное отношение к себе и обстоятельствам у медицинских работников данного отделения может свидетельствовать о наличии психологических ресурсов, помогающих им справляться с трудностями, возникающими в процессе профессиональной деятельности в период пандемии COVID-19.

Следующим этапом исследования стала проверка предположения о том, что для среднего медицинского персонала в период пандемии COVID-19 при позитивной оценке качества жизни характерен повышенный уровень мотивации к трудовой деятельности и сниженный уровень тревожности. Для этого был использован корреляционный анализ (r -критерий Спирмена).

Результаты корреляционного анализа частично подтвердили выдвинутое предположение (см. таблицу). Рассмотрим их подробнее.

Результаты корреляционного анализа (r -критерий Спирмена)

Шкала	Физическое и психологическое благополучие	Само-восприятие	Микросоциальная поддержка	Социальное благополучие
Ситуативная тревожность	-0,149	-0,122	-0,250	-0,407**
Личностная тревожность	-0,302*	-0,368**	-0,186	-0,048
Внутренняя мотивация	0,073	0,003	0,217	0,403*
Внешняя положительная мотивация	-0,065	-0,017	0,379**	0,214
Внешняя отрицательная мотивация	0,031	-0,117	0,221	0,105

*При $p \leq 0,05$.

** При $p \leq 0,01$.

Сфера физического и психологического благополучия: при склонности часто переживать сильную тревогу даже по относительно малым поводам и восприятию практически всех ситуаций как угрожающих у участников снижается физическая активность, способность к полноценному физическому труду, усиливается ощущение несчастья, неудовлетворенности жизнью.

Самовосприятие: повышение у медицинских работников личностной тревожности влечет за собой ухудшение отношения к себе, собственным способностям, недооценку своих качеств, принижение себя и своей роли.

Сфера микросоциальной поддержки: при выполнении своих профессиональных задач на основе внешней положительной мотивации у участников возникает желание проявлять свою сознательную активность, повышается заинтересованность в профессиональном росте и поощрении со стороны руководства.

Сфера социального благополучия: тревожащие события, ситуации, влияющие на медицинских работников в какое-либо конкретное время жизни, влекут за собой переживание ими неуспеха, беспокойства, несчастья и неблагополучия, осознание неоправданности социальных ожиданий; при выполнении профессиональной деятельности на основе собственного интереса, конструктивных внутренних потребностей у участников формируется ощущение личного успеха, социального благополучия, возникает состояние счастья.

Корреляционная связь между показателем внешней отрицательной мотивации и параметрами оценки качества жизни не выявлена. В данном случае можно предположить, что в отношении медицинских работников, участвовавших в исследовании, их руководители не используют отрицательную мотивацию либо штрафы, обвинения, осуждение, упреки не играют значимой роли в формировании представлений работников об эффективности и уровне их собственной жизни.

Заключение

В ходе исследования мы предположили, что в период пандемии COVID-19 для среднего медицинского персонала характерен низкий или пониженный показатель оценки качества жизни. Однако данный тезис не был эмпирически подтвержден: средние значения параметров оценки медицинским персоналом качества собственной жизни (физическое и психологическое благополучие, самовосприятие, микросоциальная поддержка, социальное благополучие) имеют повышенный уровень выраженности. Возможные причины полученного результата: адаптация медицинских работников к экстремальным условиям и, как результат, компенсаторное проявление защитных механизмов; активность психологических ресурсов, помогающих справляться с внешними и внутренними трудностями; влияние социальной желательности.

Далее мы предположили, что при позитивной оценке качества жизни для среднего медицинского персонала характерен повышенный уровень мотивации к трудовой деятельности и сниженный уровень тревожности. Данный тезис подтвердился: была установлена корреляционная связь между эмпирическими

показателями самовосприятия, сферы физического и психологического благополучия и личностной тревожности, сферы микросоциальной поддержки и внешней положительной мотивации, сферы социального благополучия и ситуативной тревожности, внутренней мотивации.

Результаты исследования могут быть использованы при организации психологического консультирования медицинских работников, работающих в условиях распространения коронавирусной инфекции, для разработки программ и технологий психологического сопровождения медицинских работников, выполняющих профессиональную деятельность в ситуации пандемии COVID-19.

Богачева Е. В. Особенности трудовой мотивации медицинских сестер // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2010. № 17. С. 122–125. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21155787_93958566.pdf (дата обращения: 29.09.2021).

Жаркова В. В. Эффективность труда и мотивация персонала при работе с COVID-19 в медицинских организациях // Вопр. студенческой жизни. 2020. № 11 (51). С. 403–407. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-truda-i-motivatsiya-personala-pri-rabote-s-covid-19-v-meditsinskih-organizatsiyah/viewer> (дата обращения: 30.09.2021).

Результаты Всероссийского интернет-опроса медицинских работников в отношении их психического здоровья в период пандемии COVID-19. 2020. 39 с. URL: <https://psychiatr.ru/download/4984> (дата обращения: 28.09.2021).

Тхостов А. Ш., Рассказова Е. И. Психологическое содержание тревоги и профилактики в ситуации инфодемии: защита от коронавируса или «порочный круг» тревоги? // Консультативная психология и психотерапия. 2020. № 2 (28). С. 70–89. <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280204>

Ульяшина О. А. Социально-психологические риски для человека и общества в условиях пандемии // Вестн. МГПУ. Сер.: Педагогика и психология. 2020. № 2 (52). С. 46–54. URL: <https://vestnik.mgpu.ru/pdf/2131.pdf> (дата обращения: 29.09.2021).

Фельдман И. Л. Копинг-стратегии и защитные механизмы в развитии личностного самопознания медицинских работников // Изв. Тул. гос. ун-та. Гуманитар. науки. 2013. № 1. С. 200–206. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19059589&> (дата обращения: 29.09.2021).

Харламенкова Н. Е., Быховец Ю. В., Дан М. В., Никитина Д. А. Переживание неопределенности, тревоги, беспокойства в условиях COVID-19. М., 2020. URL: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/institut_p/covid-19/kommentarii-eksp/har-1.html (дата обращения: 30.09.2021).

Царанов К. Н., Жильцов В. А., Климова Е. Н., Тарбастаев А. Г. Восприятие угрозы личной безопасности в условиях пандемии COVID-19 медицинскими сотрудниками США и России // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та : электрон. журн. 2020. № 2. С. 236–247. <http://dx.doi.org/10.18384/2224-0209-2020-2-1008>

Chen Y., Zhou H., Zhou Y., Zhou F. Prevalence of self-reported depression and anxiety among pediatric medical staff members during the COVID-19 outbreak in Guiyang, China // Psychiatry Research. 2020. Vol. 288. P. 113005. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.113005>

Kumar A., Somani A. Dealing with Corona virus anxiety and OCD // Asian Journal of Psychiatry. 2020. Vol. 51. P. 102053. <https://doi.org/10.1016/j.ajp.2020.102053>

Rajkumar R. Ph. COVID-19 and mental health: A review of the existing literature // Asian Journal of Psychiatry. 2020. Vol. 52. P. 102066. <https://doi.org/10.1016/j.ajp.2020.102066>

Статья поступила в редакцию 01.10.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.4.084
УДК 159.922.76-056.26 + 616.21 + 159.32

Л. В. Токарская
М. Н. Черемных

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОДРОСТКОВ С НАРУШЕНИЕМ СЛУХА И ПОДРОСТКОВ, НЕ ИМЕЮЩИХ ОГРАНИЧЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЗДОРОВЬЯ

В статье описываются результаты исследования ряда личностных характеристик (жизнестойкости, копинг-стратегий, саморегуляции, профессионального самоопределения) подростков с нарушениями слуха и подростков, не имеющих нарушений. Всего в исследовании приняли участие 36 подростков мужского пола от 14 до 17 лет. В работе использованы методики: «Модифицированный тест жизнестойкости С. Мадди» (Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова), «Опросник совладания со стрессом» (Т. О. Рассказова, Е. Н. Гордеева), опросник «Стиль саморегуляции поведения» (В. И. Моросанова), «Пятифакторный опросник личности» (А. Б. Хромов) и «Методика изучения статусов профессиональной идентичности» (А. А. Азбель, А. Г. Грецов). Полученные по всем пяти методикам результаты оказались схожими в двух группах подростков, для большинства показателей характерен средний уровень выраженности. Корреляционный анализ выявил наличие связей между личностными характеристиками подростков с нарушением слуха. Полученные данные дополняют представления исследователей о личностных особенностях подростков с ограниченными возможностями здоровья, а также могут лечь в основу психокоррекционных программ, проектируемых психологами образовательных организаций.

К л ю ч е в ы е с л о в а: подростки с нарушением слуха; жизнестойкость; копинг-стратегии; саморегуляция; профессиональное самоопределение; интернатное учреждение

Введение

Жизнестойкость, являющаяся важнейшей личностной характеристикой человека, проявляет себя как способность успешно преодолевать трудности, неизбежно возникающие на жизненном пути.

Основа жизнестойкости формируется преимущественно в детском и отчасти в подростковом возрасте, а в последующих жизненных периодах скорость развития навыков жизнестойкости существенно снижается [Мадди; Шадриков]. Одним из ключевых кризисных периодов, бросающим вызов приспособительным ресурсам человека, является этап окончания обучения в школе. Учащиеся выпускных классов школ неизбежно оказываются в стрессовой ситуации, вызванной необходимостью подготовки к выпускным экзаменам, выбора пути будущего профессионального развития, необходимостью освоения новых социальных

ТОКАРСКАЯ Людмила Валерьевна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии образования Уральского федерального университета (e-mail: liydmil@mail.ru).

ЧЕРЕМНЫХ Максим Николаевич — психолог Центра социально-психологической помощи детям и молодежи «Форпост», г. Екатеринбург (e-mail: 22626max@gmail.com).

© Токарская Л. В., Черемных М. Н., 2021

ролей. При этом при наличии у подростков ограниченных возможностей здоровья, в частности нарушений слуха (далее – НС), можно предположить возникновение больших трудностей в процессе прохождения этого временного этапа.

Отечественная и зарубежная статистика показывают, что число людей с НС увеличивается, в том числе среди лиц в возрасте старше десяти лет. От 4 до 6 % всего населения планеты имеют нарушения слуха в степени, затрудняющей социальное общение. Из них 2 % людей имеют двустороннее снижение слуха (воспринимают разговорную речь на расстоянии менее 3 метров), а 4 % – выраженную одностороннюю тугоухость [Богданова].

В первую очередь для лиц с НС характерны речевые сложности, которые сказываются на формировании личности человека, на развитии его познавательной сферы. Недостаточное развитие речи накладывает ограничения на взаимодействие с окружающими, в результате чего выявляется замедленный тип развития личности, проявляющийся в узости спектра познавательных интересов, обедненных представлениях о разнообразных сферах общественной жизни [Матвеев; Хватцев, Шабалин]. Более высокий уровень владения речью благоприятным образом влияет на способность подростков с НС воспринимать различные оценки окружающих. Однако сами подростки склонны избегать попыток рефлексии своих личностных особенностей, прибегая к принятию внешней оценки [Маслова]. У данной категории детей и подростков выявляются качественные отличия в особенностях самооценки по сравнению с детьми и подростками, не имеющими нарушений [Горьковская, Микляева; Нудельман; Прилепская].

При более низких показателях развития речи и более высоком уровне способности к восприятию звуков повышается тревожность в ситуации самовыражения. Недостаточный уровень интеллекта, сочетающийся с нарушением слуха, в данном случае приводит к снижению уровня тревожности [Домчук].

Л. Т. Олейникова выделяет следующие трудности, испытываемые глухими и слабослышащими подростками в процессе их взаимодействия со слышащими людьми: неуверенность в своих коммуникативных возможностях; боязнь привлечь внимание к своему недостатку (слух и речь); возникновение у слышащих раздражения по поводу недостатков слуха и речи; появление у неслышащих неприятных ощущений в процессе общения со слышащими по той причине, что их могут не понять; отрицательное отношение (в виде оскорблений, унижения, насмешек) со стороны слышащих и, соответственно, боязнь таких неадекватных реакций со стороны неслышащих. При этом большинство подростков с НС замечают особое отношение к себе со стороны слышащих [Олейникова].

Кроме того, подростки с НС проявляют более низкий уровень социальной зрелости, нежели их сверстники, не имеющие нарушений, однако если их родители также имеют НС, то уровень социальной адаптации повышается [Богданова].

В целом уровень развития психических способностей подростков с НС зависит от совокупности факторов: возраста, в котором произошло поражение слуха; времени начала коррекционной работы; уровня развития интеллектуальной сферы; типа посещаемой образовательной организации; характера межличностных взаимоотношений, в которые был вовлечен подросток в процессе своего взросления;

наличия нарушений слуха у родителей [Богданова]. Родители и другие члены семьи играют большую роль в процессе становления личности ребенка с нарушениями слуха [Богданова, Мазурова; Петшак].

Говоря о выборе подростками с НС дальнейшего профессионального пути, необходимо отметить определенные трудности, с которыми им приходится сталкиваться, прежде всего, в виде ограничения спектра предлагаемых профессий. Для них характерна слабая информированность о собственных индивидуальных особенностях, что негативно сказывается на способности к адекватному формированию профессиональных планов. В результате большинство подростков с НС на момент окончания средней школы не готовы к осуществлению выбора профессионального пути [Коротовских].

Особые трудности при этом могут возникнуть у выпускников школ-интернатов, так как условия социально комфортной и привычной недавним учащимся среды будут радикально меняться, и изменения эти неизбежно потребуют мобилизации адаптационных ресурсов для разрешения стихийно возникающих непредвиденных трудностей, благополучное преодоление которых станет основой успешности жизненного пути в дальнейшем.

Таким образом, измерение уровня способности подростков с НС к преодолению трудных жизненных ситуаций, вызванных изменениями социальных условий, изучение стратегий разрешения проблемных ситуаций, способов совладания с негативными стрессовыми факторами становится крайне актуальной задачей.

С. Мадди и С. Кобейса — авторы понятия «жизнестойкость» — определяют ее как характеристику личности, являющуюся, по сути, системой представлений человека о самом себе, об окружающем его мире и о месте, которое ему в этом мире отведено. Уровень жизнестойкости личности определяется совокупностью уровней выраженности входящих в нее компонентов: вовлеченности, контроля и принятия риска [Мадди].

Методы и материалы

Цель исследования: определить специфику проявления жизнестойкости, копинг-стратегий, саморегуляции, профессионального самоопределения у подростков с НС в сравнении с подростками, не имеющими нарушений развития; выявить взаимосвязи между исследуемыми показателями у подростков с НС.

Эмпирические методы: «Модифицированный тест жизнестойкости С. Мадди» (Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова) [Леонтьев, Рассказова], «Опросник совладания со стрессом» (Т. О. Рассказова, Е. Н. Гордеева) [Рассказова, Гордеева, Осин], опросник «Стиль саморегуляции поведения» (В. И. Моросанова) [Моросанова], «Пятифакторный опросник личности» (А. Б. Хромов) [Хромов] и «Методика изучения статусов профессиональной идентичности» (А. А. Азбель, А. Г. Грецов) [Азбель, Грецов].

Использование столь широкого спектра методик позволяет уточнить специфику проявления целого ряда личностных характеристик у подростков с НС

и их взаимосвязь, что, на наш взгляд, способствует формированию более точного представления об изучаемом феномене.

Достоверность результатов оценивалась на основании применения методов математической статистики: *U*-критерия Манна — Уитни и *t*-критерия Спирмена, использовалась программа SPSS Statistic.

Выборка состояла из двух групп: подростки с НС и подростки без особенностей развития. Исследование подростков с НС проводилось в Государственном бюджетном общеобразовательном учреждении Свердловской области «Екатеринбургская школа-интернат № 13», реализующем адаптированные основные общеобразовательные программы (ЕШИ № 13). В исследовании принимали участие 18 обучающихся мужского пола в возрасте от 14 до 17 лет, учащиеся 9-х классов. Все обучающиеся имели сохранное интеллектуальное развитие, среди них не было тотально глухих лиц.

Вторая группа испытуемых состояла из восемнадцати курсантов Федерального государственного казенного общеобразовательного учреждения «Екатеринбургское суворовское военное училище» (ЕкСВУ) в возрасте от 15 до 16 лет.

Результаты

Полученные по всем пяти методикам результаты оказались схожими в двух группах подростков, кроме того, для большинства показателей характерен средний уровень выраженности. Это наглядно демонстрируют результаты, полученные по методике «Тест жизнестойкости С. Мадди»: сравнительный анализ результатов, полученных по шкалам теста в двух группах, не выявил достоверных различий между ними (табл. 1).

Таблица 1

Результаты проведения теста жизнестойкости С. Мадди

Шкала	Подростки с нарушениями слуха	Подростки без особенностей развития	Уровень значимости < 0,05
Вовлеченность	28,6	27,3	,391
Контроль	27,0	27,0	,898
Принятие риска	13,5	13,4	,742
Жизнестойкость	68,5	67,7	,433

Результаты, полученные по методике «Опросник совладания со стрессом», в целом схожи с результатами теста жизнестойкости С. Мадди. Значимые различия выявлены лишь по шкале «Принятие риска», характеризующей способность человека понимать наличие трудных жизненных ситуаций, сопряженных с невозможностью их преодоления имеющимися у него ресурсами: 11,6 у подростков с НС и 9,3 у нормотипичных подростков (подростков, не имеющих особенностей развития; далее — НТ), при уровне значимости ,023.

Обращают на себя внимание результаты, полученные по шкалам «Использование успокоительных» (5,3 у подростков с НС и 5,2 у НТ подростков) и «Обращение

к религии» (8,1 у подростков с НС и 6,8 у НТ подростков). По обоим шкалам получены самые низкие значения. Следует отметить, что в этих образовательных организациях систематически ведется профилактическая работа, направленная на предупреждение употребления алкоголя и наркотических средств. Невысокие показатели шкалы «Обращение к религии» связаны, на наш взгляд, со светским характером учебных заведений.

Полученные по применяемым копинг-стратегиям данные аналогичны результатам исследования И. А. Горьковой и А. В. Микляевой, которое также не выявило значимых различий в уровне жизнестойкости подростков с НС и их сверстников, не имеющих особенностей развития. Однако в их исследовании, в отличие от нашего, подростки с НС достоверно чаще демонстрировали неадаптивные когнитивные копинг-стратегии [Горьковая, Микляева].

Результаты, полученные по опроснику «*Стиль саморегуляции поведения*», также показали средний уровень выраженности всех показателей у обеих исследуемых групп. Значимые различия между группами подростков наблюдаются по шкале «Моделирование» (4,0 у подростков с НС и 5,6 у НТ подростков, при уровне значимости ,027), характеризующей способность индивида к представлению о внешних и внутренних условиях, необходимых для достижения поставленной перед собой цели.

Уровень интеллектуального развития подростков с НС, как правило, ниже, чем у их сверстников, не имеющих особенностей развития, что обусловлено как влиянием нарушений слуха на скорость формирования когнитивных функций, так и имеющимися трудностями в обработке информации [Богданова].

По результатам, полученным по методике «*Пятифакторный опросник личности*», показатели выраженности значений по всем шкалам также находятся на среднем уровне. Определенный интерес вызывают шкалы «Эмоциональность — сдержанность» (47,4 у подростков с НС и 53,1 у НТ подростков) и «Игривость — практичность» (55,7 у подростков с НС и 49,7 у НТ подростков), показатели по которым в большей степени различаются у двух групп. У подростков с НС отмечается средний уровень по шкале «Эмоциональность — сдержанность», т. е. они менее эмоциональны и более сдержаны, чем НТ подростки, у которых по данной шкале выявлен высокий уровень выраженности, следовательно, эмоциональность у них выше, а сдержанность ниже, чем у подростков с НС. По шкале «Игривость — практичность» наоборот: игривость более характерна для подростков с НС, практичность — для НТ подростков. Возможно, это связано с особенностями развития подростков с НС, однако полученные результаты требуют проверки на более широкой выборке.

Результаты, полученные по «*Методике изучения статусов профессиональной идентичности*», показывают схожесть ситуации выбора профессионального становления у двух групп подростков. При более подробном рассмотрении этих результатов наиболее показательной, на наш взгляд, является выраженность шкалы «Мораторий (кризис выбора) профессиональной идентичности», значения по которой находятся на уровне «выше среднего» (9,0 у подростков с НС и 9,6 у НТ подростков) и характеризуют состояние человека, занимающего активную

позицию выбора пути профессионального развития, поиска взвешенного решения в выборе своего будущего. Аналогичные результаты получены И. А. Ершовой и М. Е. Пермяковой на выборке подростков – учащихся 9-х классов [Ершова, Пермякова].

На уровне «ниже среднего» (7,3 у подростков с НС и 6,4 у НТ подростков) находятся показатели по шкале «Сформированная профессиональная идентичность», отражающие готовность испытуемых совершить осознанный выбор профессионального пути либо уже принятое решение.

Низкие значения по шкале «Навязанная профессиональная идентичность» (2,8 у подростков с НС и 3,4 у НТ подростков) свидетельствуют о том, что на самостоятельный выбор подростками своего индивидуального пути развития оказывается минимальное давление со стороны авторитетов, родителей, сверстников.

В обоих учреждениях, независимо от специфики учебного процесса, проводится работа по профессиональной ориентации подростков, включающая в себя как освоение трудовых навыков, так и получение подробной информации об учреждениях профессионального образования. Говоря о специфике выбора пути профессионального становления, следует обратить внимание на то, что обе группы испытуемых находятся в условиях ограниченного выбора, поскольку профориентационная работа с курсантами ЕкСВУ направлена на получение исключительно военных специальностей, а профессиональное самоопределение подростков с нарушениями слуха затруднено в связи с ограничением перечня возможных профессий.

Схожие результаты у подростков двух групп могут быть обусловлены обучением в учреждениях интернатного типа, т. е. в условиях, имеющих много общего.

Корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена выявил значительное количество взаимосвязей между исследуемыми показателями у подростков с НС ($n = 22$). В табл. 2 представлены только сильные взаимосвязи.

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа с применением t -критерия Спирмена

Шкала	Обращение к религии	Программирование	Общий уровень саморегуляции	Самостоятельность	Эмоциональность
Неопределенная профессиональная идентичность	-,778**				
Активное совладание		,851**	,729**		
Использование успокоительных				,734**	
Гибкость					,700**

**Статистически достоверная связь между показателями при $p \leq 0,01$.

Отрицательная корреляция между шкалами «Неопределенная профессиональная идентичность» и «Обращение к религии» указывает на то, что чем более неопределенной является профессиональная идентичность подростков с НС, тем менее они склонны обращаться к религии как стратегии, которая помогает справиться с данной проблемой. Несмотря на то что выбор жизненного пути подростками с НС не сделан, четкие представления о карьере отсутствуют и они даже и не ставят перед собой эту проблему, вероятно, подростки в целом более ориентированы на активное преодоление трудностей, при этом рассчитывают на себя, о чем свидетельствуют связи между шкалой «Активное совладание» и шкалами «Программирование» и «Общий уровень саморегуляции».

Программирование является показателем развитости осознанного выстраивания человеком планов своих действий. И хотя данный регуляторный процесс у подростков еще не вполне сформирован, полученная связь с активным совладанием указывает на его динамику и структурирование.

Корреляция между шкалами «Активное совладание» и «Общий уровень саморегуляции» свидетельствует о самостоятельности и гибкости реакции подростков с НС на изменение условий. Они способны формировать такой стиль саморегуляции, который позволяет компенсировать влияние их особенностей (в данном случае нарушений слуха), препятствующих достижению цели.

Шкала «Использование успокоительных» положительно связана со шкалой «Самостоятельность», т. е. в представлениях подростков использование психоактивных веществ — это проявление взрослости, независимости, самостоятельности. Чувство взрослости — одно из основных психологических новообразований подросткового возраста, однако представления о взрослости обычно у подростков сопряжены со вседозволенностью, а не со взвешенностью решений и ответственностью за последствия своих поступков.

Шкала «Гибкость» также имеет положительную корреляцию со шкалой «Эмоциональность» и может отражать способность подростков с НС с помощью саморегуляции преодолевать жизненные трудности, проявляющиеся как во внутреннем, так и во внешнем плане. Эмоциональность помогает подростку быстрее проживать события и принимать вновь появившиеся изменения.

Заключение

Данная статья продолжает серию публикаций, посвященных изучению психологических особенностей подростков с ограниченными возможностями здоровья [Токарская, Григорьева; Токарская, Тенкачева].

Всю совокупность факторов, влияющих на личность, можно распределить на три основные группы: факторы, представленные во внешнем, социальном плане; факторы, представленные во внутриличностном плане; биологические факторы. Следует отметить взаимосвязанный характер влияния этих факторов [Ананьев и др.]. Как физическое, так и психическое развитие детей с ограниченными возможностями здоровья в значительной степени обусловлено биологическими факторами, которые накладывают отпечаток на их личностные особенности, а также

вносят определенные ограничения в их жизнь. В связи с этим трудно переоценить влияние окружающей среды на становление личности ребенка с ограниченными возможностями здоровья. Наличие в его окружении внимательных, заботливых, любящих близких, квалифицированных специалистов позволяет такому ребенку максимально успешно адаптироваться в социуме. Необходимо также отметить значимость нахождения подростков в доброжелательной среде сверстников: так, например, подростки с нарушениями слуха, обучающиеся в специализированных школах, отмечают чувство общности, возникающее в процессе включенности в коллектив людей, имеющих схожие особенности [Олейникова].

В представленном исследовании, проведенном с использованием 5 методик, было проведено сравнение показателей подростков с НС и подростков, не имеющих особенностей развития, по целому ряду личностных характеристик. Установлено, что их выраженность у подростков с нарушениями слуха в целом соответствует уровню выраженности аналогичных характеристик у подростков, не имеющих особенностей, что, на наш взгляд, открывает благоприятные перспективы для дальнейшей адаптации подростков с НС в социуме.

Перспективой исследования станет расширение числа испытуемых для уточнения различий и отслеживания динамики рассматриваемых процессов в зависимости от возраста, с выравнением выборок по этому признаку. Кроме того, для выявления специфики влияния условий социального окружения на личность подростков с НС требуется включение в исследование обучающихся из других образовательных учреждений интернатного и неинтернатного типов.

Азбель А. А., Грецов А. Г. Диагностика профессионального самоопределения : учеб.-метод. пособие. Ижевск, 2009.

Ананьев Б. Г. Психология и проблемы человекознания / под ред. А. А. Бодалева. Москва ; Воронеж, 1996.

Богданова Т. Г. Сурдопсихология : учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений. М., 2002.

Богданова Т. Г., Мазурова Н. В. Влияние внутрисемейных отношений на развитие личности глухих младших школьников // Дефектология. 1998. № 3. С. 40–44.

Горьковская И. А., Микляева А. В. Жизнестойкость и копинг-стратегии подростков с сенсорными и двигательными нарушениями // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. 2018. № 187. С. 85–94.

Горьковская И. А., Микляева А. В. Самооценка подростков с нарушениями зрения, слуха и опорно-двигательного аппарата: общее и специфичное // Вопр. психического здоровья детей и подростков. 2018 (18). № 3. С. 33–41.

Домчук В. М. Психодинамическое содержание тревожности детей подросткового возраста с нарушениями слуха // Специальное образование. 2013. № 4. С. 34–38.

Ершова И. А., Пермьякова М. Е. Личностное и профессиональное самоопределение старшеклассников // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2018. Т. 24, № 4 (180). С. 91–97.

Коротовских Е. В. Психологические особенности профессионального самоопределения учащихся с нарушенным слухом // Изв. ВГПУ. 2011. С. 38–42.

Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М., 2006.

Мадди С. Р. Теории личности: сравнительный анализ : пер. с англ. СПб., 2002.

Маслова Ю. А. Особенности смысловой сферы старшеклассников в условиях интерната для глухих и слабослышащих : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Юж. федер. ун-т. Ростов н/Д, 2008.

Матвеев В. Ф. Психологические нарушения при дефектах зрения и слуха. М., 1987.

Моросанова В. И. Индивидуальный стиль саморегуляции в произвольной активности человека // Психол. журн. 1995. № 4. С. 26–35.

Нудельман М. М. Представление глухих школьников об оценке их личности сверстниками // Дефектология. 1983. № 6. С. 17–23.

Олейникова Л. Т. Социализация старших подростков с нарушениями слуха // Изв. ВГПУ. 2011. С. 74–78.

Петшак В. Исследование эмоциональных отношений глухих школьников к членам семьи // Дефектология. 1990. № 6. С. 18–24.

Прилепская Т. Н. Особенности самооценки и уровня притязаний у глухих и слышащих школьников // Дефектология. 1989. № 5. С. 26–32.

Рассказова Е. И., Гордеева Т. О., Осин Е. Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики СОРЕ // Психология: Журн. Высш. школы экономики. 2013. Т. 10, № 1. С. 82–118.

Токарская Л. В., Григорьева Д. И. Сравнительный анализ жизнестойкости подростков с тяжелыми нарушениями речи и подростков с нормативным речевым развитием // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2017. № 4. С. 89–95.

Токарская Л. В., Тенкачева Т. Р., Томилова Н. А. Исследование жизнестойкости подростков с нарушениями опорно-двигательного аппарата // Педагогическое образование в России. 2019. № 4. С. 163–172.

Хватцев М. Е., Шабалин С. Н. Особенности психологии глухого школьника. М., 1961.

Хромов А. Б. Пятифакторный опросник личности : учеб.-метод. пособие. Курган, 2000.

Шадриков В. Д. Введение в психологию: способности человека. М., 2002.

Статья поступила в редакцию 01.10.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.4.085
УДК 159.922:37.015.3 + 159.922:316.614.5 +
+ 612.821.1 +37.018.43

И. Е. Леонова
И. А. Ершова

ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РОДИТЕЛЕЙ С РАЗНОЙ САМООЦЕНКОЙ АДАПТАЦИИ К УСЛОВИЯМ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ

В статье представлены результаты исследования личностных характеристик (жизнестойкости, тревожности, ригидности и экстравертированности) и копинг-стратегий двух групп родителей школьников младших классов — с высокой и низкой самооценкой адаптации к условиям дистанционного обучения детей. Для выявления факторов, которые могут способствовать или препятствовать адаптации родителей к новому формату обучения детей, разработана и использована в исследовании анкета. Применялись методики «Тест жизнестойкости С. Мадди», «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях CISS» (в адаптации Т. Л. Крюковой), «Методика самооценки тревожности, ригидности и экстравертированности» (по Д. Мудсли). Установлено, что между группами родителей имеются различия по жизнестойкости и эмоционально-ориентированному копингу.

К л ю ч е в ы е с л о в а: адаптация; родители; школьники младших классов; дистантное обучение; жизнестойкость; копинг-стратегии; личностные характеристики

Значительные изменения, происходящие в жизни людей в связи с пандемией COVID-19, — угроза тяжелого заболевания, пребывание в условиях изоляции, перевод на дистанционный режим работы (учебы), возможность потери заработка и др. — являются стрессовыми факторами, усиливают давление на человека, вызывают напряжение всех систем организма и могут влиять на выполнение им различных функций, в том числе и родительской.

В психологических исследованиях при рассмотрении проблемы совладания с трудными жизненными ситуациями, адаптации к новым условиям акцент делается на индивидуально-личностные качества, адаптационный потенциал личности в процессе ее взаимодействия с социальной средой. Несмотря на неизбежные трудности, высокий уровень активности, самостоятельности, ответственности, осознанное отношение к событиям в своей жизни, развитые навыки саморегуляции соответствуют вектору усиления адаптационного потенциала личности.

Согласно А. Г. Маклакову, анализируя уровень развития психологических характеристик, значимых для адаптационного процесса, можно оценить адаптационные возможности личности: высокий уровень этих характеристик будет повышать вероятность успешной адаптации [Маклаков].

ЛЕОНОВА Ирина Евгеньевна — магистр психологии (e-mail: irina.iri_leo.leonova.92@mail.ru).
ЕРШОВА Ирина Анатольевна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии образования Уральского федерального университета (e-mail: ershova_ekb@mail.ru).

© Леонова И. Е., Ершова И. А., 2021

В рамках исследования особенностей адаптации в экстремальных условиях В. И. Розов выявил два свойства личности, способствующих или препятствующих адаптации: адаптивным свойством является активность, неадаптивным — эмоциональность [Розов].

Ряд авторов описывают внутренние и внешние показатели адаптивности. К внутренним относятся психофизиологические затраты на достижение результата, к внешним — способность человека сохранять высокий уровень продуктивности деятельности при изменении условий ее реализации [Налчаджян; Сандомирский; Сиомичев].

С проблемой адаптации неразрывно связан вопрос выбора эффективных копинг-стратегий, под которыми понимают способы совладания. R. Lazarus, S. Folkman выделяют два основных типа стратегии — проблемно-ориентированный копинг и эмоционально-ориентированный копинг [Lazarus, Folkman].

Проблемно-ориентированный копинг характеризуется попытками человека адаптироваться в новых условиях путем изменения когнитивной оценки сложившейся ситуации, например, поиском информации о том, что делать и как поступить.

Эмоционально-ориентированный копинг (избегание или отрицание проблемной ситуации, юмор и т. д.) отличается стремлением снизить физическое и психологическое влияние стресса посредством культивирования мыслей и действий, которые приносят облегчение, но не приводят к устранению проблемы. При этом каждый человек использует комплекс приемов и методов как проблемно-ориентированного, так и эмоционально-ориентированного копинга.

Эту позицию разделяют С. S. Carver, M. F. Scheier, J. K. Weintraub, указывающие, что наиболее адаптивными копинг-стратегиями являются те, которые направлены на поиск решения проблемной ситуации. Приемы преодоления, связанные с эмоциональным реагированием и отрицанием стрессовой ситуации, напротив, не позволяют личности в полной мере адаптироваться в новых условиях [Carver, Scheier, Weintraub].

Обзор эмпирических исследований показал, что существует взаимосвязь между уровнем адаптации (психологической, социальной) и выбором копинг-стратегий.

Так, исследование И. В. Малышева, посвященное характеристике социально-психологической адаптации и копинг-стратегий личности в разных условиях социализации, показало наличие положительных корреляций между копингом, ориентированным на решение задачи, и адаптивностью личности; между копингом, направленным на эмоциональное разрешение проблем, и ее дезадаптивностью. Автор приходит к выводу, что ключевая копинг-стратегия, которая во многом определяет возможность социально-психологической адаптации, это копинг, ориентированный на решение задачи [Малышев].

В исследовании М. В. Сапоровской получены данные, которые продемонстрировали, что особенности копинг-поведения родителей входят в систему факторов школьной адаптации младших школьников, они могут как препятствовать, так и способствовать школьной адаптации ребенка. При этом в качестве фактора

успешной школьной адаптации выступает предпочтение родителями стратегий проблемно-ориентированного копинга, а в качестве фактора трудностей школьной адаптации — предпочтение ими стратегий эмоционально-ориентированного копинга [Сапоровская].

Кроме копинг-стратегий в систему жизнеобеспечения личности в стрессовых ситуациях входят личностные ресурсы, среди которых одним из основных является жизнестойкость.

Во многих исследованиях, посвященных проблематике жизнестойкости, сопротивляемости, совладающему поведению (Р. Лазарус, С. Мадди, С. Кобаза, М. Селигман и др.), доказано, что преодоление трудной ситуации в значительной степени зависит от того, какую позицию занимает сам человек, от его активности и способности влиять на события, полагаться на себя, т. е. быть субъектом собственной жизни.

В обзоре исследований, посвященных феномену жизнестойкости, Л. А. Александрова приходит к выводу, что большинство авторов рассматривают жизнестойкость во взаимосвязи с проблемой совладания со стрессом, адаптацией, психическим и социальным здоровьем. Ею приводятся данные о том, что высокий уровень жизнестойкости способствует успешной личностной адаптации, а также препятствует повышению тревожности. Жизнестойкость отрицательно связана с депрессивностью, использованием неадаптивных копинг-механизмов [Александрова].

Д. А. Леонтьевым и Е. И. Рассказовой изучались связи жизнестойкости с различными копинг-стратегиями. В результате исследования было установлено, что жизнестойкость положительно связана с копинг-стратегиями планирования и положительной переоценки и отрицательно — с копинг-стратегиями избегания и поиска социальной поддержки [Леонтьев, Рассказова].

В рамках исследования, проведенного М. Р. Хачатуровой, также была выявлена отрицательная связь жизнестойкости с выбором личностью эмоционально-ориентированных копинг-стратегий и положительная связь с проблемно-ориентированными копинг-стратегиями. Низкая выраженность компонентов жизнестойкости «Вовлеченность» и «Контроль» способствует использованию эмоциональных копинг-стратегий, снижая возможность выбора проблемно-ориентированных копингов. Кроме того, установлена связь низкой выраженности компонента «Принятие риска» с такими копинг-стратегиями, как «Отвлечение» и «Обращение за помощью к другим людям» [Хачатурова].

Изучение саморегуляции и механизмов совладающего поведения, того, как именно человек справляется с трудными жизненными ситуациями в контексте различных обстоятельств, находит свое отражение в работах Е. А. Белана, Т. Л. Крюковой, И. М. Никольской и др. Авторы отмечают, что специфика переживания жизненных событий и особенности саморегуляции, с одной стороны, зависят от внешних факторов среды, с другой стороны — от личностных особенностей самого человека.

В исследовании Е. Ю. Двойниковой установлено, что при высоком уровне тревожности и ригидности прослеживаются средний и низкий уровни социальной

адаптации, но уже при средних показателях тревожности уровень социальной адаптации повышается [Двойникова].

А. А. Налчаджян указывает, что такие психические состояния, как фрустрация и тревожность, отрицательно связаны с социальной адаптацией: чем выше уровень тревожности и фрустрации, тем ниже уровень социальной адаптации [Налчаджян].

В работе Т. В. Шрейбер описываются темпераментные свойства, обуславливающие протекание стресса, например, такие, как экстраверсия, ригидность, импульсивность. Автор отмечает, что экстраверсия соотносится с лучшей адаптацией, а нейротизм с тревожностью [Шрейбер].

Как отечественные (А. А. Баранов, Б. А. Вяткин и др.), так и зарубежные (К. Spence, E. S. Paykel) исследователи указывают на прямую однонаправленную зависимость степени выраженности тревожности и меры подверженности стрессу.

К. Deater-Deckard получены данные о том, что сосредоточение на эмоциях является предиктором родительского стресса у матерей, препятствующим их адаптации [Deater-Deckard].

Обсуждаемые вопросы имеют непосредственное отношение к проблеме психологического здоровья родителей и детей, адаптационные стратегии которых будут определять их будущее. Начиная с 2020 г. системы образования во всем мире принимают меры по организации образовательного процесса в условиях пандемии COVID-19, вводят дистанционное обучение (далее — ДО). Сложившаяся ситуация радикально меняет устоявшиеся модели социального взаимодействия. Переход к новому формату коммуникации реализуется не только между учениками и учителями, но и в семье, где к процессу обучения часто вынуждены подключаться все ее члены, в связи с чем отмечается рост напряженности в их коммуникациях [Шмурыгина].

Перевод обучения школьников в формат дистанта в апреле 2020 г. был вынужденной мерой в связи с пандемией коронавируса, но может стать одной из постоянно реализуемых форм обучения в долгосрочной перспективе. Исследователи ДО указывают, что для организации обучения на расстоянии от младшего школьника требуется высокий уровень самодисциплины, сознательности, а результат полностью обусловлен самостоятельностью самого обучающегося. Однако волевых характеристик и уровня мотивации младшего школьника оказывается недостаточно для продуктивной работы без постоянного контроля со стороны взрослого [Найденова]. Для освоения образовательной программы учащимся начальных классов требуется помощь и поддержка наставника.

В качестве наставника может выступать не только педагог, но и родитель. Однако родитель не всегда способен справиться с этой задачей. По заключению ЮНЕСКО, одна из проблем обучения в данный период связана с тем, что «...родители не готовы к дистанционному и домашнему обучению. Когда школы закрываются, родителей часто просят способствовать домашнему обучению детей, но они часто не имеют возможности в полной мере справиться с этой задачей. Это особенно касается родителей с ограниченным уровнем образования и ресурсов» [Половина детей в мире...]. Добавим, что неготовность родителей к ДО детей может быть связана и с их психологическими особенностями.

Психологическое состояние родителей, их способность преодолевать трудности и приспосабливаться к новым условиям в этой ситуации влияют на состояние ребенка, вселяют в него уверенность (или, напротив, неуверенность) в поддержке и помощи со стороны родителей, тем самым способствуя или препятствуя его адаптации к условиям дистантного обучения.

Адаптация родителей к ситуации перехода их детей на ДО не рассматривалась ранее в научной литературе. Неисследованными остаются проблемы жизнестойкости, копинг-стратегий родителей младших школьников в ситуации совладания с трудностями, возникшими в современных условиях.

Цель: исследовать личностные характеристики родителей, по-разному оценивающих свою адаптацию к условиям дистанционного обучения детей — школьников младших классов.

Гипотезой исследования стало предположение о том, что существуют различия между личностными характеристиками (жизнестойкость, копинг-стратегии, тревожность, ригидность, экстравертированность) родителей, по-разному оценивающих свою адаптацию к условиям дистантного обучения детей.

В исследовании приняли участие 277 женщин — матери учащихся 1–3-х классов. Возраст респондентов от 25 до 40 лет.

Методики исследования: «Тест жизнестойкости С. Мадди» (в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой); «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях CISS» (в адаптации Т. Л. Крюковой); «Методика самооценки тревожности, ригидности и экстравертированности» (по Д. Моудсли); анкета для родителей. Сравнительный анализ исследуемых показателей в двух группах проводился с использованием *U*-критерий Манна — Уитни, для корреляционного анализа применялся критерий ранговой корреляции — *r*-критерий Спирмена.

В табл. 1 представлено деление выборки на группы на основании ответов родителей на вопрос «Насколько вы смогли адаптироваться к переходу ваших детей на дистанционное обучение?», включенный в анкету.

Таблица 1

Распределение родителей на группы в соответствии с их самооценкой адаптации к условиям дистанционного обучения детей

Самооценка адаптации		
низкая	средняя	высокая
129 чел / 46,6 %	82 чел / 29,6 %	66 чел / 23,8 %

1-я группа — родители, низко оценивающие свою адаптацию к условиям ДО их детей (к ней были отнесены родители, оценившие свою адаптацию как плохую и очень плохую).

2-я группа — родители со средней самооценкой адаптации к условиям ДО их детей (к ней были отнесены родители, оценившие свою адаптацию на «удовлетворительно»).

3-я группа — родители, высоко оценивающие свою адаптацию к условиям ДО их детей (к ней были отнесены родители, оценившие свою адаптацию на «хорошо» и «отлично»).

Помимо вопроса об оценке родителями их адаптации к переходу детей на ДО, анкета включала в себя вопросы относительно различных факторов, которые могут способствовать или препятствовать адаптации родителей к новому формату обучения детей.

Все родители отмечали, что столкнулись с трудностями при переходе детей на дистант, но успешно справляться с ними удается далеко не каждому.

В новой ситуации, связанной со стрессом, безусловно, имеют значение позитивная установка, т. е. готовность преодолевать трудности, и высокая самооценка — уверенность в собственных силах. По-видимому, у родителей с высокой самооценкой адаптации эти качества более сформированы, так как среди них преобладали те, кто изначально нейтрально относился к изменению формы обучения (60,6 %), в то время как большинство респондентов с низкой самооценкой адаптации плохо или очень плохо отнеслись к переходу детей на ДО (в совокупности 96,1 %).

Влияние на самооценку адаптации могли оказать и такие факторы, как профессиональная занятость и наличие помощи от членов семьи. Среди родителей с низкой самооценкой адаптации было больше тех, кто в период ДО ребенка работал (73,6 % против 63,6 % в группе с высокой самооценкой адаптации), и меньше тех, кому члены семьи помогали в период ДО детей, чем среди родителей с высокой самооценкой адаптации (46,5 % против 63,4 %).

Несмотря на то что затраты времени на помощь ребенку возросли у родителей обеих групп, среди родителей с низкой самооценкой адаптации таких респондентов оказалось больше, чем среди родителей с высокой самооценкой адаптации (96,1 % против 72,7 %).

Беспокойство родителей относительно усвоения учебного материала детьми также возросло в обеих группах, однако среди родителей, высоко оценивающих свою адаптацию, 71 % респондентов ответили на этот вопрос утвердительно, а в группе низко оценивающих — 100 %.

Наконец, отвечая на вопрос о психологическом состоянии ребенка с переходом на дистанционный формат обучения, в группе родителей с высокой самооценкой адаптации почти 47 % респондентов оценили психологическое состояние детей как хорошее и только 4 % — как плохое. В группе родителей с низкой самооценкой адаптации, напротив, около 45 % родителей считают, что у их детей психологическое состояние плохое, и лишь 3 % утверждают, что хорошее.

Изменение привычного ритма жизни, дополнительные нагрузки, угроза здоровью и жизни близких, финансовые трудности — все это приводит к тому, что эмоциональное состояние многих людей в ситуации перегрузок ухудшается, наблюдаются повышенный уровень тревожности, раздражительность, усталость. У родителей усиливается беспокойство относительно того, справится ли ребенок с учебой самостоятельно, страх перед ухудшением психологического состояния ребенка — среди родителей с низкой самооценкой адаптации эти признаки стресса встречаются чаще.

Анализ результатов анкетирования позволяет сделать вывод о том, что внешние обстоятельства являются вызовом их личностным качествам.

Для выявления различий по показателям применявшихся методик между группами родителей с низкой и высокой оценкой адаптации был проведен сравнительный анализ. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

**Результаты сравнительного анализа в группах родителей
с низкой и высокой оценкой адаптации**

Показатель	U-критерий	Уровень значимости	Средний ранг	
			низкая оценка адаптации	высокая оценка адаптации
Эмоционально-ориентированный копинг	3099,000	0,002	106,98	80,45
Вовлеченность	3069,500	0,001	88,79	115,99
Контроль	3083,000	0,002	88,90	115,79
Принятие риска	3139,000	0,003	89,33	114,94
Жизнестойкость	3027,000	0,001	88,47	116,64

Родители, высоко оценивающие свою адаптацию, характеризуются большей выраженностью всех компонентов жизнестойкости, чем родители с низкой самооценкой адаптации.

Ключевым компонентом жизнестойкости, согласно Д. А. Леонтьеву и Е. И. Расказовой, является «Вовлеченность» [Леонтьев, Расказова]. У родителей с высокой самооценкой адаптации значения по этой шкале выше, что указывает на их готовность включаться в решение жизненных задач. В противоположность этому у родителей с низкой самооценкой адаптации менее выраженная вовлеченность может приводить к сосредоточенности на стрессогенных факторах, устойчивой неудовлетворенности своей деятельностью, беспомощности, что позволяет предположить невысокую заинтересованность и недостаточное стремление родителей этой группы активно включаться в решение новых задач в изменившихся условиях.

Родители с высокой самооценкой адаптации показали и более высокие значения по компоненту «Контроль», следовательно, убежденность в том, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован, у них более выражена, чем у родителей с низкой самооценкой адаптации. Такие люди контролируют ситуацию, ставят перед собой сложные цели и стремятся их достичь, проявляют упорство и настойчивость. Родители с низкой самооценкой адаптации чаще оценивают возникающие трудности как неразрешимые, а свои усилия по их преодолению считают бесполезными.

Различия между группами по компоненту «Принятие риска» наименее выражены. Тем не менее родители с высокой самооценкой адаптации более

склонны считать, что все происходящее способствует их развитию за счет знаний, извлекаемых из опыта, — как позитивного, так и негативного. Они в меньшей степени опасаются неожиданностей, готовы рисковать, считают стремление к безопасности и комфорту обедняющим жизнь личности. Родители с низкой самооценкой адаптации более предрасположены к сожалениям о прошлом, стремлению к размеренной, спокойной жизни, раздражению по поводу резких перемен и т. п.

Значения общего показателя жизнестойкости у родителей с высокой самооценкой адаптации выше, чем у родителей с низкой самооценкой адаптации, следовательно, они лучше справляются с тревогой, в том числе относительно будущего. Данное качество помогает не только выдерживать неопределенность, но и действовать по-новому, порой рискуя, что является важной основой для адаптации к новым обстоятельствам. Жизнестойкость формирует адаптивную активность в ситуации совладания со стрессом. Родители с низкой самооценкой адаптации менее уверены в своих силах и способностях справиться со стрессом. Незначительное напряжение может вызвать у них серьезные переживания, ухудшение здоровья и работоспособности, может привести к формированию разрушительных установок и неадекватных реакций.

Статистически значимые различия между группами получены по показателю «Эмоционально-ориентированный копинг». Родители с высокой самооценкой адаптации менее склонны эмоционально реагировать, переживать, злиться или расстраиваться в трудных жизненных ситуациях и более эффективно могут управлять своим состоянием, чем родители с низкой самооценкой адаптации, которые чаще в стрессовых ситуациях действуют под влиянием эмоций, придают эмоциональной оценке важное значение. Их решения в большей степени строятся на эмоциональных импульсах.

Таким образом, в результате проведенного исследования наша гипотеза о том, что у родителей, высоко оценивающих свою адаптацию к условиям дистанционного обучения их детей, показатели жизнестойкости выше, чем у родителей, низко оценивающих свою адаптацию к условиям дистанционного обучения их детей, полностью подтвердилась.

Предположение о различиях в преобладании определенных копинг-стратегий подтвердилось частично. Значимые различия получены только по эмоционально-ориентированному копингу. Этот результат указывает на то, что родители, высоко оценивающие свою адаптацию к условиям дистанционного обучения их детей, реже используют неконструктивные копинг-стратегии, чем родители, низко оценивающие свою адаптацию к условиям дистанционного обучения их детей.

По таким личностным характеристикам, как тревожность, ригидность, экстравертированность, различий между группами не обнаружено.

Для выявления взаимосвязей между исследуемыми переменными был проведен корреляционный анализ. Результаты корреляционного анализа в группе родителей с высокой самооценкой адаптации представлены в табл. 3.

Таблица 3

Результаты корреляционного анализа в группе родителей с высокой самооценкой адаптации (*r*-критерий Спирмена)

Показатель	Вовлеченность	Контроль	Принятие риска	Жизнестойкость	Тревожность	Экстравертированность
Эмоционально-ориентированный копинг	-621**	-601**	-573**	-658**	465**	453**
Тревожность	-470**	-351**	-341**	-432**		
Экстравертированность	-679**	-557**	-573**	-676**		

** Статистически достоверная связь между показателями при $r_{кр} = 0,00, p = 0,01$.

В группе родителей с высокой самооценкой адаптации выявлены отрицательные взаимосвязи между всеми компонентами жизнестойкости и такими личностными характеристиками, как эмоционально-ориентированный копинг, тревожность, экстравертированность, а также положительные связи эмоционально-ориентированного копинга с тревожностью и экстравертированностью.

Результаты корреляционного анализа в группе родителей с низкой самооценкой адаптации представлены в табл. 4.

Таблица 4

Результаты корреляционного анализа в группе родителей с низкой самооценкой адаптации (*r*-критерий Спирмена)

Показатель	Вовлеченность	Контроль	Принятие риска	Жизнестойкость	Тревожность	Экстравертированность
Эмоционально-ориентированный копинг	-486**	-468**	-425**	-488**	592**	503**
Тревожность	-535**	-464**	-535**	-546**		
Экстравертированность	-633**	-592**	-566**	-646**		

** Статистически достоверная связь между показателями при $r_{кр} = 0,00, p = 0,01$.

В группе родителей с низкой самооценкой адаптации между исследуемыми показателями выявлены связи, аналогичные полученным в группе родителей с высокой самооценкой адаптации.

Таким образом, независимо от оценки родителями своей адаптации к условиям ДО детей, чем выше их жизнестойкость, тем реже они используют в трудных ситуациях эмоционально-ориентированный копинг, тем менее характерны для них тревожность и экстравертированность. Предпочтение эмоционально-ориентированного копинга напрямую связано у них с такими личностными характеристиками, как тревожность и экстравертированность.

Результаты нашего исследования подтверждают данные, опубликованные Л. А. Александровой [Александрова], М. А. Фризен [Фризен], М. Р. Хачатуровой [Хачатурова], на основании которых делается вывод о том, что жизнестойкость личности выступает в качестве потенциального адаптивного ресурса. Высокие показатели жизнестойкости способствует успешной адаптации, препятствует повышению тревожности, использованию неадаптивных копинг-стратегий.

Данные, полученные из анкет для родителей, нуждаются в дополнительных исследованиях: например, требуется установить, связаны ли трудности усвоения ребенком материала, увеличение затрат времени на помощь детям, возросшее беспокойство родителей с их личностными особенностями (хотя по уровню тревожности и ригидности различий между группами не обнаружено, но есть различия по жизнестойкости), с особенностями детей, учителей или с внешними обстоятельствами – работой родителей, помощью им родственников и т. д.

Проблема дистантного обучения широко обсуждается специалистами, но эмпирических данных пока собрано немного. Выявив типичные трудности, проблемы, с которыми часто сталкиваются родители, психологи получают важную информацию, исходя из которой, они могут консультировать родителей и учителей, давать им рекомендации относительно организации учебного процесса, взаимодействия с детьми в условиях дистантного обучения.

Александрова Л. А. К концепции жизнестойкости в психологии. URL: <http://hpsy.ru/public/x2636.htm> (дата обращения: 04.09.21).

Двойникова Е. Ю. Особенности влияния психических состояний личности на социальную адаптацию // Вестн. Самар. гос. техн. ун-та. Сер. : Психолого-педагогические науки. 2010. № 6 (14). С. 58–63.

Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М., 2006.

Маклаков А. Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психол. журн. 2001. Т. 22, № 1. С. 16–24.

Мальшев И. В. Характеристика социально-психологической адаптации и копинг-стратегий личности в разных условиях социализации // Современные исследования социальных проблем : [электрон. науч. журн.]. 2012. № 12. (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-sotsialno-psihologicheskoy-adaptatsii-i-koping-strategy-lichnosti-v-raznyh-usloviyah-sotsializatsii/viewer> (дата обращения: 04.09.21).

Найденова Н. Ю. Организация дистанционного обучения в современных условиях : учеб.-метод. пособие. Ставрополь, 2004.

Налчаджян А. Л. Социально-психологическая адаптация личности (формы и стратегии). Ереван, 1998.

Половина детей в мире не посещают школу. Родители не готовы к дистанционному обучению. URL: https://forbes.kz/process/education/pоловина_detey_v_mire_ne_poseschayut_shkolu_roditeli_ne_gotovy_i_k_distantsionnomu_obucheniyu (дата обращения: 03.09.2021).

Розов В. И. Психологический анализ адаптивности в экстремальных ситуациях : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Киев, 1993.

Сандомирский М. Е. Состояние психической адаптации в условиях хронического психоэмоционального стресса в связи с личностно-типологическими характеристиками : автореф. дис. ... канд. мед. наук. Оренбург, 2001.

Сапоровская М. В. Детско-родительские отношения и совладающее (копинг) поведение родителей как фактор школьной адаптации первоклассников : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Кострома, 2002.

Сиомичев А. В. Психологические особенности адаптации студентов в сфере познания и общения в вузе : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1985.

Фризен М. А. Взаимосвязь субъективной оценки качества жизни личности и ее субъективной активности в плане собственного развития // Вестн. КРАУНЦ. Гуманитарные науки (Петропавловск-Камчатский). 2014. № 1 (23). С. 106–114.

Хачатурова М. Р. Жизнестойкость и ее роль в совладающем поведении личности в ситуации межличностного конфликта // Альманах современной науки и образования (Тамбов). 2010. № 12 (43). С. 166–170.

Шмурыгина О. В. Образовательный процесс в условиях пандемии // Профессиональное образование и рынок труда. 2020. № 2. С. 51–52. <https://doi.org/10.24411/2307-4264-2020-10210>

Шрейбер Т. В. Ригидность, тревожность и экстраверсия как факторы, детерминирующие особенности саморегуляции старшеклассников // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер : Философия. Психология. Педагогика. 2009. № 2. С. 74–84.

Carver C. S., Scheier M. F., Weintraub J. K. Assessing coping strategies: a theoretically based approach // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. Vol. 56. P. 267–283.

Deater-Deckard K. Parenting stress and child adjustment: Some old hypotheses and new questions // Clinical Psychology: Science and Practice. 1998. Vol. 5, № 3. P. 314–332.

Lazarus R. S., Folkman S. The concept of coping // Monat A., Richard S. Lazarus (Eds.). Stress and Coping: An anthology. 3rd ed. N. Y., 1991. P. 189–206.

Статья поступила в редакцию 04.10.2021 г.

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖЕЙ И ВУЗОВ ОБРАЗОВАНИЕМ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ*

Проблема удовлетворенности студентов средним профессиональным и высшим образованием является одной из центральных и для учащейся молодежи, и для учебного заведения. От ее решения во многом зависит социальное самочувствие студентов в каждом университете и колледже, достижение ими академической успешности. Доказывается, что удовлетворенность студентов образованием влияет на жизненные успехи студентов и их оценки возможных результатов этого влияния. Новизна материала состоит в сравнительном исследовании студенческих мнений и оценок, касающихся проблем удовлетворенности получаемым образованием.

Ключевые слова: среднее профессиональное и высшее образование; студенты колледжей и вузов; сравнительный анализ удовлетворенности студентов образованием; академические и жизненные успехи студентов

Постановка проблемы

Сравнительный анализ проблем студенчества колледжей и вузов крайне редко встречается и в отечественной научной литературе, и в имеющих место эмпирических исследованиях образования. Между тем настоятельная потребность такого анализа все больше и больше ощущается. Особенно заметной она стала в середине — второй половине 2010-х гг. Уже из прогноза Института социологии РАН, опубликованного в 2015 г. (он был дан на 2020 г. и с оценкой

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07016 «Трансфер человеческого капитала образовательных общностей: от неуспешности к успешности».

ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор-исследователь кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета (e-mail: garoldzborovsky@gmail.com). ORCID: 0000-0001-8153-0561

© Зборовский Г. Е., 2021

тенденций до 2030 г.), стало видно, что по существующим и прогнозируемым темпам развития многие показатели среднего профессионального образования значительно опережают аналогичные показатели высшего образования. Прогноз касался двух больших и основных групп показателей — численности обучающихся, педагогического и профессорско-преподавательского персонала и числа образовательных организаций Российской Федерации [Численность обучающихся...]. Суть этого прогноза состояла в показе роста темпов развития среднего профессионального образования и замедления высшего. Причем он касался обеих групп показателей.

Сегодня мы четко видим из данных статистики, что не менее 60 % выпускников основной школы (9-х классов) идут учиться в колледжи и техникумы и только порядка 40 % — в старшие классы школы. Причем после окончания 11-го класса еще не менее 10 % стремятся продолжать обучение в системе среднего профессионального образования [Индикаторы образования...].

Причин такой ситуации несколько. Во-первых, это ограниченные академические достижения значительной части школьников, которые понимают, что не «вытянут» ни старшие классы школы, ни тем более вуз. Во-вторых, это стесненные материальные условия большого количества семей при общей растущей бедности населения страны. Максимум, что могут позволить себе такие семьи, — бюджетное образование детей в колледже с последующим, спустя 2–3 года обучения, трудоустройством по полученной профессии (нередко рабочей). В-третьих, это возможность с течением времени сменить профессиональный трек на академический — при появлении соответствующей мотивации и интереса к росту человеческого капитала в продвинутом учебном заведении. В-четвертых, это отсутствие в регионе проживания благоприятных условий (как объективных, так и субъективных), связанных с наличием образовательных организаций, представляющих интерес для будущих студентов в связи с перспективой дальнейшего обучения. В-пятых, это позиция работодателей, часто заинтересованных больше в выпускниках колледжей, чем вузов, — вследствие меньшей претенциозности и соответствующих самооценок первых.

Иногда эти основные причины выступают порознь, иногда — комбинированно, что усугубляет и затрудняет ситуацию выбора дальнейшего жизненного пути. Но в любом случае — при наличии трудностей, противоречий, барьеров, рисков — колледж всегда намного ближе к выпускнику школы, чем вуз. Исходя из сказанного, становится понятно, что системы среднего и высшего профессионального образования и образовательные общности студентов колледжей и вузов переживают тенденции не столько дистанцирования, сколько сближения друг с другом.

Успешная включенность в образовательный процесс студентов колледжей и вузов и их образовательные достижения во многом зависят от удовлетворенности молодых людей образованием. Отсюда возникает вопрос: удовлетворены ли российские студенты получаемым образованием? Понятно, что ответ на него в какой-то степени проясняет острую проблему эффективности и качества российского образования. Очевидно, что студенты удовлетворены хорошим,

качественным и эффективным образованием. В то же время образование может быть эффективным и качественным в том случае, если студенты получают удовлетворение от процесса обучения и его результатов.

Существуют разные критерии оценки образования, формирующиеся в широком социальном контексте. Они корреспондируют с таким требованием, как соответствие образования экономическим, социальным, культурным тенденциям развития общества. Однако удовлетворенность студентов получаемым образованием является особым критерием оценки, поскольку от нее зависит социальное самочувствие обучающихся в университетах и колледжах, достижение студентами академической и социальной успешности.

Цель статьи состоит в анализе удовлетворенности студентов образовательным процессом и их участия в нем. Три задачи конкретизируют цель статьи: 1) изучение удовлетворенности студентов процессом и результатами обучения; 2) изучение удовлетворенности студентов различными аспектами деятельности учебного заведения, в котором они учатся; 3) анализ удовлетворенности студентов образованием как фактором их не только академических, но и жизненных успехов. Объект эмпирического исследования (и статьи как его отражения) — студенты колледжей и университетов Свердловской области.

Обзор литературы

Изучаемая проблема получила определенное отражение в зарубежной и российской науке. Исследователи разрабатывают различные модели удовлетворенности студентов образованием. В них тестируются разные переменные, влияющие на удовлетворенность, — образ учебного заведения, качество образования, различные ожидания студентов [Alves, Raposo], уровень образовательной мотивации [Ordonez, Mendez-Ulrich, Lopez], степень включенности студентов в управление образовательным процессом [Olmos-Gomez et al.] и др. В фокус исследовательского внимания попадает удовлетворенность студентов различными образовательными программами [Temesgen, Girma, Janakiraman] и видами профессионального образования [Silva et al.], дистанционным образованием [Sahin, Shelley]. Интересный контекст исследования создают работы, посвященные связи удовлетворенности образованием и мировоззрения, обустроенности студентов, их социального благополучия и самочувствия [Skea], качества университетской жизни [Нефедова]. Как показали исследования, хорошо изученной оказалась удовлетворенность получаемым образованием студентов университетов; удовлетворенность же образованием студентов колледжей осталась менее изученным вопросом.

Темой многих работ стала связь образования и жизненного успеха. По мнению А. Adler, получение образования не просто позволяет достигать профессионального успеха, но и сопряжено с обучением важным навыкам создания элементов жизненного благополучия (здоровья) [Adler]. Исследователи из Финляндии показали, что наличие разнообразных компетенций и способность распознавать их после окончания университета важны для дальнейшего успеха в карьере, а также

в решении проблем, с которыми сталкиваются выпускники в трудовой жизни [Tuononen, Parpala, Lindblom-Ylänne]. Исследование A. Duta, B. Wielgoszewska, C. Iannelli позволило проследить, каким образом образовательные траектории пересекаются с фактором социального происхождения и влияют на успехи в трудовой жизни [Duta, Wielgoszewska, Iannelli]. Очевидно, что авторы рассматривают образование как базовый элемент человеческого капитала, который можно конвертировать в жизненный успех.

Между тем российские исследования показывают иную тенденцию — уменьшение влияния образования, упорного труда и честолюбивых стремлений человека на достижение жизненного успеха. Они демонстрируют увеличение влияния таких факторов, как социальный, экономический и культурный капитал семьи, а также неправовые практики (взятки) [Тихонова]. Противоречивую связь учебной мотивации и выбора дальнейшей профессии, места трудоустройства раскрывает исследование, проведенное в НИУ ВШЭ [Малошенок, Семенова, Терентьева].

Новые ракурсы изучения данной темы открывают исследования, посвященные специфическим культурным факторам, способствующим высоким образовательным достижениям студентов [Kim, Park], влиянию преподавателей (их готовности и умения мотивировать студентов) на академическую успеваемость и студенческий отсев, а значит, и на жизненную траекторию молодых людей [Fuzi]. Некоторые авторы анализируют особенности поведения студентов различных поколений как в сфере образования, так и в сфере труда. Так, L. Licite и L. Janmereg показали успешность студентов поколения миллениалов в контексте исследования их специфических ожиданий от образования, а также связь этих ожиданий с ценностями нового тысячелетия [Licite, Janmereg].

Особое направление исследований составляют проекты, которые по-разному оценивают влияние качества онлайн-образования на жизненные шансы молодежи. В одних странах прослеживается его позитивный «след» в жизненном пути молодежи (повышение экономического и социального благосостояния, укрепление статуса занятости, уровня доходов и социально-экономического положения) [Kap Kilinc et al.]. В других странах позитивное влияние онлайн-образования на формирование компетенций, необходимых для профессионального и жизненного успеха, не столь очевидно и определяется прежде всего его качеством [Заборова, Глазкова, Маркова].

Методология и эмпирическая база исследования

Обозначим четыре основных методологических подхода к исследованию поставленной проблемы и реализации задач, определенных выше. Первый из них — общностный. Мы рассматриваем студенчество как социальную и образовательную общность, представляющую собой взаимосвязь (совокупность) учащихся, их групп и объединений в учебных заведениях среднего профессионального и высшего образования. Студенты характеризуются доминантой образовательной деятельности в их образе жизни, обуславливающей сходство

целей, задач, интересов, связанных с получением профессионального (среднего и высшего) образования, специальности и профессии, относительной однородностью состава, наличием внутренней структуры, схожих возрастных параметров, устойчивостью, стабильностью существования во времени и пространстве, способностью к взаимодействию с другими, в первую очередь образовательными, социальными общностями.

Общностный подход к студенчеству позволяет структурировать его с самых разных позиций. Для нас особое значение имеет выделение в его структуре студентов колледжей и вузов, а среди обеих общностей — образовательно успешных и неуспешных. Отсюда следует наш второй методологический подход — исследование и анализ обеих студенческих общностей в единстве.

Как уже отмечалось, в отечественной научной литературе студенты колледжей и университетов характеризуются, как правило, автономно друг от друга. Однако сегодня в России изменяются институциональные доминанты, а именно — сокращается сектор высшего образования и расширяется сфера среднего профессионального. Меняя институциональные фильтры входа в сферу профессионального образования, государство перераспределяет потоки учащейся молодежи в направлении колледжей. Цель таких трансформаций — повышение качества человеческого капитала, конкурентоспособности выпускников учебных заведений в различных сферах общественной жизни, включая рынок труда. Соответственно меняется роль среднего профессионального и высшего образования в формировании жизненных и профессиональных траекторий больших групп российской молодежи. В связи с этим становится возможным и необходимым интегрировать обе общности студентов в одном объекте исследования. Наше исследование — едва ли не первое, которое объединило обе группы студентов в единый объект исследования, в этом заключается научная новизна нашей работы, важная его особенность состоит в сравнительном анализе обеих социальных общностей студентов.

Отсюда следует третий методологический подход, являющийся продолжением первых двух. Он ориентирует исследователей на сравнительный характер изучения студентов колледжей и вузов в том спектре проблем профессионального образования, который сегодня представляется актуальным. Одно из заметных мест в нем занимает проблема удовлетворенности студентов обеих общностей получаемым образованием. При всей важности рассмотрения студенчества в единстве составляющих его общностей различий между ними никто не отменял. Причем эти различия обусловлены целым рядом факторов как объективного, так и субъективного характера, о которых далее будет сказано.

Четвертый используемый нами методологический подход связан с переходом от методологии к методике исследования и касается характера эмпирического материала. Поскольку речь идет об изучении субъективной стороны жизни студенчества — удовлетворенности получаемым образованием, было принято решение выявлять и анализировать оценки студентами различных сторон этого феномена. Отсюда становятся понятными и некоторые ограничения, связанные с использованием этого подхода и состоящие в определенной субъективной окрашенности студенческих мнений.

Эмпирическая база статьи включает результаты исследования, проведенного научной группой Уральского федерального университета под руководством автора в январе – феврале 2021 г. В онлайн-опросе участвовали студенты колледжей и университетов Свердловской области ($n = 2302$ человека, ошибка выборки не превышала 2 %). Для общей характеристики студенчества были использованы статистические данные о студентах колледжей и университетов России и Свердловской области, а также результаты вторичного анализа данных исследований, близких к теме статьи.

Далее дадим общую количественную характеристику российского студенчества, которое является одной из массовых социальных общностей в стране. Вначале приведем данные о студентах вузов. Отметим, что за последние 10 лет произошло их значительное сокращение – на 45 %. Эти количественные трансформации происходили в силу демографических и социально-экономических причин, а также изменений приоритетов государственной образовательной политики. Если в 2010/11 уч. г. по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры обучалось почти 7 050 тыс. студентов, то к концу десятилетия их осталось чуть больше 4 161 тыс. чел. От общей численности населения страны (около 146 млн чел. в 2019 г.) университетское студенчество составляет почти 3 %.

Говоря о студентах колледжей и техникумов, отметим, что в 2010/11 уч. г. по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих проходили обучение 1 млн 6 тыс. чел., по программам подготовки специалистов среднего звена – 2 млн 125,7 тыс. чел. Сегодня первых оказалось в 2 раза меньше (542,1 тыс. чел.), вторых – почти на 340 тыс. больше (2 млн 464,3 тыс. чел.). Общая численность студентов колледжей – 3 млн 6 тыс. чел., или порядка 2 % от численности населения страны. Таким образом, все студенчество, включая обучающихся в колледжах и университетах, к концу 2010-х гг. составило около 5 % населения России [Численность обучающихся...; Индикаторы образования].

Два аспекта удовлетворенности студентов получаемым образованием

Наше исследование показало, что удовлетворенность студентов получаемым образованием рассматривается ими в двух аспектах. Условно назовем их внутренним (субъективным) и внешним (объективным) аспектами. Первый из них касается удовлетворенности студентов своим участием в образовательном процессе. Он включает в себя: отношение к учебе; мотивацию к обучению; объем и качество знаний, умений и навыков, получаемых в ходе обучения; умение применять полученное знание на практике; удовлетворенность своими достижениями в учебе; выбор будущей профессии; готовность к обучению в университете или колледже (табл. 1).

Как видно из табл. 1, в ней показаны данные, свидетельствующие об удовлетворенности студентов колледжей и университетов различными сторонами учебы. Анализ этих данных позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, уровень удовлетворенности студентов колеблется в среднем в интервале 2/3 – 3/4 от общей

численности опрошенных студентов. Причем у разных групп студентов он иногда заметно дифференцирован. Но факт превышения 50 % студентов от ответивших налицо, и он свидетельствует именно об удовлетворенности (в целом) получаемым образованием.

Во-вторых, показанный уровень удовлетворенности различными аспектами учебной жизни вряд ли можно считать оптимальным, поскольку доля неудовлетворенных студентов достигает иногда 40 %. Когда в среднем 1/3 студентов неудовлетворена объемом и качеством знаний и навыков, получаемых в ходе обучения, своими достижениями в учебе, не может в полной мере применять полученные знания на практике, такую ситуацию нельзя считать вполне благополучной с точки зрения академического развития студентов.

В-третьих, из табл. 1 следует, что по некоторым показателям студенты колледжей значительно опережают студентов университетов, прежде всего по умению применять полученные знания на практике. Эти данные свидетельствуют о явно ограниченной практической ориентации университетской подготовки студентов, в противоположность ее теоретической составляющей, которая в российском высшем образовании представлена более выражено, чем практическая. Между тем именно теоретическая составляющая получаемых в университетах знаний и компетенций показывает принципиальное отличие высшего образования от среднего профессионального и его значительный потенциал.

Таблица 1

**Удовлетворенность студентов различными аспектами их учебы,
% от числа опрошенных**

Удовлетворены ли вы...	Студенты	
	университетов	колледжей
готовностью к обучению в университете (колледже)	88,6	90,5
мотивацией к обучению	62,9	58,3
выбором будущей профессии	78,0	72,3
отношением к учебе	67,2	63,5
объемом и качеством знаний, умений и навыков, получаемых в ходе обучения	63,7	67,0
умением применять полученные знания на практике	57,8	72,2
достижениями в учебе	66,3	68,2

С точки зрения удовлетворенности студентов получаемым образованием интерес представляет их отношение к образованию в целом, оценка его возможностей и социальных функций (табл. 2).

Таблица 2

Отношение студентов к образованию в целом, % от числа опрошенных*

Суждения об образовании	Студенты	
	университетов	колледжей
Образование важно само по себе, оно делает меня культурным человеком	41,2	32,2
Образование дает возможность реализовать свой потенциал	40,8	36,0
Образование сейчас потеряло свое значение, его наличие не гарантирует успеха в жизни	38,3	37,7
Хорошее образование дает уверенность в будущем	34,1	35,7
С образованием легче найти хорошую работу	33,4	40,7
Полезные знания приобретаются на практике, а образование нужно только для получения документа об образовании	33,2	34,1
Образованному человеку интереснее живется	28,8	19,5
Хорошее образование позволяет занять высокое положение в обществе	19,9	24,9
Учиться необходимо, чтобы не осложнять отношения с окружающими (родственниками, педагогами)	6,3	13,0
Учатся те, у кого нет желания работать, служить в армии	4,5	6,7
Всего**	280,5	280,6

* Коэффициент Крамера $V[0...1]$: 0,072, Вероятность ошибки (значимость): 0,000.

** Сумма ответов превышает 100 %, поскольку каждый опрошенный мог дать несколько ответов одновременно.

Обращает на себя внимание тот факт, что оценки студентов образования в целом и его места и роли в жизни человека невысоки. Это — показатель соответствующего уровня развития студенчества региональных (провинциальных) учебных заведений, не отличающихся высоким качеством школьного образования и получаемой в университетах и колледжах профессиональной подготовки. Как видно из табл. 2, уровень позитивных оценок образования не выходит за пределы 40 % опрошенных, опускаясь иногда ниже 20 %. В среднем же большинство оценок колеблется в границах 30–40 %. Вместе с тем нельзя не отметить, что третье место в приведенной таблице занимает негативная оценка значения образования в жизни («Образование сейчас потеряло свое значение, его наличие не гарантирует успеха в жизни»).

Второй аспект удовлетворенности студентов получаемым образованием назван нами внешним (объективным). Он касается работы образовательной организации и включает в себя удовлетворенность следующими показателями:

организацией образовательного процесса; соответствием получаемых знаний и навыков представлениям о будущей профессии; уровнем требований университета (колледжа) к учебе и ее результатам; требованиями дополнительных расходов на образование (покупка учебной литературы, спецодежды, инструментов, расходных материалов); готовностью учебного заведения откликнуться на потребности обучающихся; отношениями со студентами, преподавателями и управленческим персоналом (табл. 3).

Таблица 3

Неудовлетворенность студентов различными аспектами деятельности учебного заведения, % от числа опрошенных

Причины неудовлетворенности студентов	Студенты	
	университетов	колледжей
Организация образовательного процесса не оправдала моих ожиданий	25,0	16,3
Выбранное учебное заведение не соответствует моим интересам и жизненным целям	12,6	19,9
Разочарование в специальности, которая не соответствует моим профессиональным склонностям	12,6	17,2
Полученные знания и навыки не соответствуют моим идеям о будущей профессии	12,1	14,8
Необходимость дополнительных расходов на образование (покупка учебной литературы, спецодежды, инструментов, расходных материалов и т. д.)	12,0	19,3
Очень высокие требования учебного заведения	10,7	9,9

В отличие от анализа внутреннего (субъективного) аспекта удовлетворенности студентов получаемым образованием, при рассмотрении внешнего (объективного) аспекта мы пошли иным путем, выявляя неудовлетворенность студентов различными аспектами деятельности учебного заведения. При этом мы исходили из того, что факторы неудовлетворенности студентов зависят не столько от них самих, сколько от выбранного учебного заведения, профессии и специальности, приобретаемой в нем, получаемых знаний и навыков и т. д. Названные факторы, имеющие в значительной степени объективный, не зависящий от студентов характер, существенным образом влияют на субъективные аспекты их удовлетворенности получаемым образованием.

Понятно, что и в перечисленных выше объективных аспектах есть немалая доля субъективности, ведь выбор учебного заведения и профессии делал сам студент, в этом смысле выбор принадлежал лично ему. Отсюда и своеобразный «рикошет»: от субъективного к объективному и вновь к субъективному. А этот «рикошет» может обусловить уже новый выбор: оставаться в данном учебном заведении или уходить из него. В предельно лапидарной форме вопрос стоит так: что перевесит — субъективная (внутренняя) удовлетворенность получаемым образованием или объективная (внешняя) неудовлетворенность им.

Влияние удовлетворенности получаемым образованием на достижения жизненного успеха

1. Трактовка жизненного успеха российскими студентами

По данным нашего исследования, под жизненным успехом студенты понимают обладание такими ценностями, как хорошее здоровье, финансовое благополучие, собственная семья, достойная работа, возможности для самореализации, осуществления планов, достижения целей. Именно такие проявления жизненного успеха были отмечены более чем половиной опрошенных студентов. Обращает на себя внимание тот факт, что отношение к первым трем аспектам жизненного успеха совпадает у студентов и колледжей, и университетов. При этом в перечень основных ценностей и у той, и другой группы студентов не попали ни хорошее образование, ни хорошая учеба (табл. 4).

Таблица 4

Значимость проявлений жизненного успеха в оценках студентов, % от числа опрошенных

Ценности как проявление жизненного успеха	Студенты	
	университетов	колледжей
Хорошее здоровье	70,4	67,2
Финансовое благополучие	59,0	53,6
Семья	54,7	52,5
Самореализация	49,2	41,1
Хорошая работа	47,0	49,4
Осуществление своих планов, достижение своих целей	45,3	46,9
Возможность заниматься хобби, любимым занятием	40,1	44,4
Гармония, баланс в жизни	39,1	29,4
Хорошее образование	36,2	41,2
Хорошие друзья	35,8	42,9
Возможность отдыхать, путешествовать	33,9	31,1
Возможности удачной карьеры	26,1	30,2
Наличие свободного времени	25,2	37,1
Признание, уважение в обществе, востребованность	19,6	21,2
Успешная учеба	8,5	28,7
Популярность, слава	4,8	8,7

2. Значимость фактора образования в достижении жизненного успеха

Сделанный выше вывод вовсе не означает, что студенты совсем не рассматривают образование в качестве важного фактора достижения жизненного успеха. Они априори оценивают образование как атрибут личности, без которого достичь жизненного успеха скорее всего не удастся. Не случайно в перечне наиболее важных личных качеств человека, обеспечивающих жизненный успех, образование и знания занимают третье место, уступая лишь целеустремленности

и трудолюбию. При этом целеустремленность и трудолюбие являются предикторами конвертации образования в жизненный успех. Влияние образования на успех опосредовано качеством получаемых в колледже и университете знаний, профессиональной подготовки, а также такими личностными характеристиками, как инициативность и организованность. Наличие этих качеств, с одной стороны, есть необходимое условие достижения студентами образовательной успешности, с другой — ее результат, затем превращающийся в основу жизненного успеха.

Студенты уверены, что влияние образования на жизненные достижения выпускников университетов и колледжей реализуется не автоматически, а благодаря наличию у них опыта достижения академического успеха, сильной образовательной, профессиональной (трудовой) мотивации, интеллектуальных способностей. Кроме того, образование должно быть сопряжено с умением проявлять инициативу, предприимчивость, энергичность, показывать себя с лучшей стороны. Таким образом, исследование позволило сделать вывод: чем богаче человеческий капитал студентов, тем большую значимость имеет для них образование как фактор достижения жизненного успеха в основных сферах деятельности.

Рассматривая место образования среди других ценностей, качеств и факторов, которые влияют на достижение жизненного успеха, проанализируем оценки студентов того образования, которое они сейчас получают. С этой целью рассмотрим смыслы и функции образования, которые студенты придают ему как инструменту достижения успеха в жизни (табл. 5).

Таблица 5

**Смыслы и функции образования в оценках студентов,
% от числа опрошенных**

Смыслы и функции образования	Студенты	
	университетов	колледжей
Образование важно само по себе, оно делает меня культурным человеком	41,2	32,2
Образование дает возможность реализовать свой потенциал	40,8	36,0
Образование сейчас потеряло свое значение, его наличие не гарантирует успеха в жизни	38,3	37,7
Хорошее образование дает уверенность в будущем	34,1	35,7
С образованием легче найти хорошую работу	33,4	40,7
Полезные знания приобретаются на практике, а образование нужно только для получения диплома	33,2	34,1
Образованному человеку интереснее живется	28,8	19,5
Хорошее образование позволяет занять высокое положение в обществе	19,9	24,9
Учиться необходимо, чтобы не осложнять отношения с окружающими (родственниками, педагогами)	6,3	13,0
Учатся те, у кого нет желания работать, служить в армии	4,5	6,7

Многие позитивные коннотации смысла образования совпадают у студентов вузов и колледжей. Так, похожими оказались такие позиции: «Образование дает возможность реализовать свой потенциал», «Хорошее образование дает уверенность в будущем». Расхождение между студентами колледжей и вузов заметно по другим позициям: «С образованием легче найти хорошую работу» (такую формулировку отмечали в основном студенты колледжей), «Образование важно само по себе, оно делает меня культурным человеком» (эту точку зрения отмечали студенты университетов).

Вместе с тем особое внимание следует обратить на выбор студентами следующей формулировки: «Образование сейчас потеряло свое значение, его наличие не гарантирует успеха в жизни». Если смотреть в целом по массиву опрошенных, то студенты колледжей поставили ее на второе место, студенты университетов — на третье. Такая оценка образования характерна примерно для третьей части обеих групп, в связи с чем мы можем сделать вывод о значительном разбросе мнений студентов о роли и значении образования в жизни молодежи.

В связи с предыдущим выводом представляют интерес оценки студентов цели обучения (табл. 6). По этому вопросу мы видим значительное совпадение приоритетов у студентов, получающих среднее профессиональное и высшее образование (табл. 6, позиции 1–5).

Таблица 6

Цель обучения в оценках студентов, % от числа опрошенных

Учусь, потому что хочу...	Студенты	
	университетов	колледжей
получить знания, которые мне нужны для дальнейшей учебы и работы	68,0	57,9
узнавать что-то новое	54,5	48,1
быть образованным, культурным человеком	47,3	36,2
получить документ об образовании	44,7	53,1
развиваться как творческая личность	32,2	34,7
заслужить уважение родителей	16,1	17,0
заслужить авторитет среди сверстников	6,0	6,1
выполнить свой долг перед обществом	5,6	8,5
быть лучшим в классе (группе)	5,4	7,0
соответствовать требованиям педагогов	4,7	7,8

3. Факторы достижения образовательного успеха в оценках студентов

Рассматривая образование как фактор, влияющий на достижение жизненного успеха, обратимся к анализу факторов достижения успехов в самом обучении (табл. 7).

Таблица 7

**Значимые факторы достижения успеха в учебной деятельности,
% от числа опрошенных**

Факторы успеха в обучении	Студенты	
	университетов	колледжей
Способность к самоорганизации	70,7	55,2
Мотивация к обучению	62,9	58,3
Активность в учебе	42,4	47,4
Профессиональные и личностные качества педагогов	36,7	35,6
Умение общаться со студентами, педагогами администрацией	34,1	34,2
Содержание образовательных программ	28,9	22,4
Поддержка близких людей (родителей, родственников, друзей, приятелей и т. д.)	22,7	28,8
Материальные поощрения (подарки, премии, стипендии)	20,8	21,9
Возможность честно соревноваться в учебе	10,2	11,9
Наличие у родителей материальных возможностей	5,9	9,9

Данные табл. 7 показывают, что первые пять позиций у студентов университетов и колледжей занимают такие факторы образовательной успешности, как способность к самоорганизации, мотивация к обучению, активность в учебе, профессиональные и личностные качества педагогов, умение общаться со студентами, педагогами и администрацией. Этот факт — не простое совпадение оценок, а доказательство общих тенденций в развитии профессионального образования в России, вызывающих одинаковую социальную реакцию студентов.

Об этом же свидетельствует самооценка отношения студентов к знаниям, которые они приобретают в процессе обучения (табл. 8). Тем не менее мы видим, что студенты университетов выше ценят знания и занятия наукой, чем студенты колледжей. Это может быть следствием влияния различий образовательной мотивации рассматриваемых групп студентов, а также специфики образовательной среды, складывающейся в колледжах и вузах.

Действительно, исследование показало, что для студентов университетов характерен более высокий уровень мотивации на учебу. Учеба доставляет им удовольствие и повышает самооценку. Это отметили 52 % студентов университетов и только 37,3 % студентов колледжей. И наоборот, учатся по необходимости, без особого желания 53,6 % студентов колледжей и 40,6 % студентов вузов.

Несмотря на проблемы с образовательной мотивацией, многие представители рассматриваемых общностей считают себя успешными. Об этом свидетельствуют данные табл. 9. Вместе с тем студенты университетов более высоко оценивают уровень собственной успешности, чем студенты колледжей (81,5 % и 71,6 % соответственно). При этом нужно иметь в виду, что высокая оценка каждого из названных показателей успеха в той или иной мере зависит от академической успеваемости.

Таблица 8

**Самооценка отношения студентов к знаниям,
получаемым в учебных заведениях, % от числа ответивших**

Индикаторы отношения студентов к знаниям	Студенты	
	университетов	колледжей
Эти знания я высоко ценю, стараюсь не упускать возможности заниматься, в том числе наукой и самообразованием	43,3	32,6
Знания, которые я получаю, не имеют значения для моей дальнейшей жизни и работы, достаточно получить официальный документ об образовании	14,6	17,1
Мне вполне достаточно тех знаний, которые я получаю во время лекций, семинаров, практики	42,1	50,3
Всего	100,0	100,0

Таблица 9

Самооценка успешности в обучении, % от числа ответивших

Считаете ли вы себя успешными в обучении?	Студенты	
	университетов	колледжей
Скорее да	56,1	53,4
Да	25,4	18,2
Нет	2,8	5,9
Скорее нет	15,7	22,5
Всего	100,0	100,0

Заключение

В ходе исследования мы убедились в частичном подтверждении выдвинутой гипотезы о существовании различных групп студентов с несовпадающими доминанциями среди факторов (не)удовлетворенности получаемым образованием. Это позволило прийти к двум основным выводам: а) о необходимости дальнейшей проверки данной гипотезы; б) о важности концентрации усилий управленческого персонала учебного заведения на проблеме изучения и максимального удовлетворения образовательных потребностей и интересов студентов.

Особое значение приобретает второй вывод. По нашему мнению, управленческий персонал университетов и колледжей должен поставить перед собой задачу регулярного изучения уровня удовлетворенности студентов образованием, получаемым в учебном заведении. Эта задача должна рассматриваться в качестве постоянной научной и практической проблемы, персоналу же следует стремиться (на основании результатов исследований) к максимальному удовлетворению образовательных потребностей и интересов студентов. Поставленная задача

выходит за пределы исключительно проблемы учащейся молодежи в стране и требует актуализации усилий всего педагогического и управленческого персонала учебных заведений. От уровня и полноты ее решения зависит социальное самочувствие студентов и их готовность к активному участию в образовательной, исследовательской, общественной деятельности.

На основании сравнительного анализа оценок студентов колледжей и университетов роли образования как фактора достижения жизненного успеха можно утверждать, что по многим показателям оценки выше у студентов университетов, чем колледжей. В связи с этим мы выражаем сомнение в том, что государственная политика, ориентирующая значительную часть выпускников школ на продолжение образования в колледжах, повлечет за собой повышение качества их человеческого капитала, а с его помощью — достижение жизненного и профессионального успеха. По нашему мнению, это означает необходимость дальнейшего исследования поставленной проблемы, касающейся в первую очередь выработки правильной государственной стратегии и образовательной политики в отношении развития среднего профессионального и высшего образования в России.

Заборова Е. Н., Глазкова И. Г., Маркова Т. Л. Дистанционное обучение: мнение студентов // Социол. исслед. 2017. № 2. С. 131–139.

Индикаторы образования : стат. сб. / Н. В. Бондаренко, Д. Р. Бородина, Л. М. Гохберг и др. М., 2020. 496 с.

Малошонок Н. Г., Семенова Т. Г., Терентьев Т. А. Учебная мотивация студентов российских вузов: возможности теоретического осмысления // Вопр. образования. 2015. № 3. С. 92–121.

Нефедова А. И. «Качество университетской жизни»: пример адаптации методики в российском университете // Высшее образование в России. 2016. № 4. С. 91–98.

Тихонова Н. Е. Факторы жизненного успеха и социального статуса в сознании россиян // Вестн. Ин-та социологии. 2018. № 27. С. 11–43.

Численность обучающихся, педагогического и профессорско-преподавательского персонала, число образовательных организаций Российской Федерации: (Прогноз до 2020 года и оценка тенденций до 2030 года) / Ф. Э. Шереги, А. Л. Арефьев, Г. А. Ключарев, И. О. Тюрина. М., 2015. 288 с.

Adler A. Positive education: educating for academic success and for a fulfilling life // Papeles del Psicologo. 2017. Vol. 38, № 1. P. 50–57.

Alves H., Raposo M. Conceptual model of student satisfaction in higher education // Total Quality Management & Business Excellence. 2007. Vol. 18, № 5. P. 571–588.

Duta A., Wielgoszewska B., Iannelli C. Different degrees of career success: social origin and graduates' education and labour market trajectories // Advances in Life Course Research. 2021. Vol. 47. Paper no. 100376.

Fuzi B. Should we and can we motivate university students? The analysis of the interpretation of the role and the teaching methods of university teachers // 7th Teaching and Education Conference. L., 2019. P. 36–57.

Kan Kilinc B., Yazici B., Gunsoy B., Gunsoy G. Perceptions and opinions of graduates about the effects of open and distance learning in Turkey // Turkish Online Journal of Distance Education. 2020. Vol. 21, № 1. P. 121–132.

Kim U., Park Y.-S. Indigenous psychological analysis of academic achievement in Korea: The influence of self-efficacy, parents, and culture // International Journal of Psychology. 2006. Vol. 41, № 4. P. 287–292.

Licite L., Janmere L. Millennial student expectations towards higher education in Latvia // 16th International Scientific Conference: Engineering for Rural Development. 2017. P. 1440–1445.

Olmos-Gomez M. D., Luque-Suarez M., Ferrara C., Cuevas-Rincon J. M. Quality in Higher Education and Satisfaction among Professors and Students // European Journal of Investigation in Health Psychology and Education. 2021. Vol. 11, № 1. P. 219–229.

Ordonez J. L., Mendez-Ulrich J. L., Lopez A. M. Academic motivation and satisfaction among students of education: an international perspective // Educacion XXI. 2021. Vol. 24, № 1. P. 45–68.

Sahin I., Shelley M. Considering students' perceptions: The distance education student satisfaction model // Educational Technology & Society. 2008. Vol. 11, № 3. P. 216–223.

Silva J. H. D., Mendes G. H. D., Ganga G. M. D. et al. Antecedents and consequents of student satisfaction in higher technical-vocational education: evidence from Brazil // International Journal for Educational and Vocational Guidance. 2020. Vol. 20, № 2. P. 351–373.

Skea C. Student satisfaction in higher education: settling up and settling down // Ethics and Education. 2017. Vol. 12, № 3. P. 364–377.

Temesgen M. H., Girma Y., Janakiraman B. Factors Influencing Student's Satisfaction in the Physiotherapy Education Program // Advances in Medical Education and Practice. 2021. Vol. 12, P. 133–140.

Tuononen T., Parpala A., Lindblom-Ylanne S. Graduates' evaluations of usefulness of university education, and early career success – a longitudinal study of the transition to working life // Assessment & Evaluation in Higher Education. 2019. Vol. 44, № 4. P. 581–595.

Статья поступила в редакцию 25.09.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.4.087

УДК 378.046 + 37.01-053.88 + 316.477 + 331.538

П. А. Амбарова

А. Д. Стафеева

КАК СОЗДАТЬ АТЛАС «СЕРЕБРЯНЫХ» ПРОФЕССИЙ: К ВОПРОСУ О БУДУЩЕМ «СЕРЕБРЯНОГО» ОБРАЗОВАНИЯ И «СЕРЕБРЯНОГО» РЫНКА ТРУДА*

В статье обосновывается необходимость создания атласа «серебряных» профессий для «молодых» пенсионеров и предпенсионеров. По аналогии с Атласом новых профессий он рассматривается как навигатор для людей «третьего возраста» в сфере образования и на рынке труда. Современное состояние «серебряного» образования и «серебряного» рынка труда требует разработки и реализации проактивной образовательной и социально-трудовой политики, способной согласовывать тенденции развития образования, сферы труда с интересами и потребностями старшего поколения россиян. Рассматривается социальная технология проектирования «серебряных» профессий и мест занятости для людей «третьего возраста», учитывающая российский и зарубежный опыт применения данного метода социальной инженерии.

Ключевые слова: люди «третьего возраста»; «серебряное» образование; «серебряный» рынок труда; проектирование профессий; проактивная образовательная и социально-трудовая политика

Введение

Важнейшей функцией социологических исследований проблем людей «серебряного» возраста является изучение социальных условий, в которых формируется и реализуется их человеческий потенциал. Образование, труд и профессия всегда рассматривались в качестве важнейших сфер самореализации личности. Они также выступают сферами, в которых пересекаются личные и общественные интересы. «Серебряное» образование, «серебряный» рынок труда и «серебряные» профессии образуют треугольник, в котором сегодня разворачиваются жизненные коллизии старшего поколения россиян. Они требуют не только своего изучения, но и разрешения. Некоторые способы снятия этих противоречий сегодня используются в социальной практике, но подвергаются определенной ревизии и переоценке.

Для разработки взвешенных управленческих решений сложных социальных проблем и создания условий для их поэтапной реализации сегодня активно

*Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00096 «Образование как ресурс сохранения и развития социальной общности людей “третьего возраста”».

АМБАРОВА Полина Анатольевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета (e-mail: borges75@mail.ru). ORCID: 0000-0003-3613-4003

СТАФЕЕВА Анастасия Дмитриевна — магистрант кафедры социальной работы Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета (e-mail: stafeeva.anastasiaa@yandex.ru).

© Амбарова П. А., Стафеева А. Д., 2021

применяются различные методы социальной инженерии. Один из них — социальное проектирование «серебряных» профессий. Метод позволяет снять претензии к кабинетному формату развития мер поддержки образовательной и трудовой активности старшего поколения россиян, сблизить в процессе конструирования социальной реальности потребности этой социальной общности и интересы государства.

Современное состояние «серебряного» образования и «серебряного» рынка труда

Применение метода социального проектирования «серебряных» профессий базируется на четком понимании того, что сегодня представляет собой «серебряное» образование и каково состояние «серебряного» рынка труда. Проведенное в 2019–2021 гг. социологическое исследование¹ показало, что целостная система «серебряного» образования в России отсутствует [Амбарова, Зборовский]. Сложилось лишь отдельные образовательные практики для людей «третьего возраста» [Лесина; Марон, Степанова; Педагогика взрослых].

Так, в сфере высшего образования мы можем найти примеры обучения «серебряных» студентов. Но это скорее единичные случаи, чем системная практика. Между тем социологические опросы показывают, что примерно четверть россиян «третьего возраста», имеющие потребность учиться, хотели бы это делать в университете, т. е. обучаться по университетским образовательным программам. В Свердловской области, по результатам нашего исследования, 26 % людей «серебряного» возраста выразили такое желание.

Анализ готовности университетов к внедрению модели «серебряного» высшего образования позволил сделать вывод о том, что у вузов пока нет большой заинтересованности в разработке и реализации таких программ. Подобная цель отсутствует в их программах развития, нет необходимых материальных ресурсов, преподаватели не владеют специальными педагогическими методиками. В то же время зарубежные и российские исследования обосновывают перспективы, возможности и преимущества развития таких программ в сфере высшего образования [International perspectives...]. В сфере среднего профессионального образования складывается примерно такая же ситуация, что и в высшей школе.

Сегмент дополнительного профессионального образования развивается более динамично, но и в нем ситуация далеко не идеальная. Этот вид «серебряного» образования поддерживается государством (посредством государственных программ), но финансовая помощь ограничена и четко определяется интересами государства. А оно заинтересовано в том, чтобы выполнить свои социальные обязательства перед пожилыми россиянами в связи с пенсионной реформой минимальными средствами, поэтому поддерживает «серебряный» рынок труда, вливая в него наскоро переобученных предпенсионеров и пенсионеров.

¹ Исследование проведено научной группой социологов УрФУ в составе: П. А. Амбарова (руководитель), Г. Е. Зборовский, Н. В. Шаброва, Е. А. Шуклина. Активное участие в сборе эмпирического материала принимала А. Д. Стафеева, студентка УрФУ.

Наше эмпирическое исследование проводилось в масштабах отдельного региона — Свердловской области. Сравнительный анализ данных статистики и социологических опросов по изучаемой тематике по другим регионам и стране в целом показал, что в Свердловской области складывается ситуация, по основным своим характеристикам подобная общероссийской. В связи с этим мы можем экстраполировать результаты анализа уральского «серебряного» рынка труда и «серебряного» образования на другие российские регионы.

Проведенный анализ институциональных практик обучения людей «третьего возраста» в сегменте дополнительного профессионального образования показал, что они не соответствуют образовательным потребностям и интересам данной социальной группы, особенно «молодых» пенсионеров и предпенсионеров (подробно результаты представлены в работах [Зборовский, Амбарова; Шаброва]). Государство таким образом просто заполняет пустующие, часто непривлекательные ниши на рынке труда, реализуя тип реактивной государственной политики содействия занятости пожилых людей. В качестве аргумента приведем отрывок из экспертного интервью:

Безработные, граждане, желающие сменить профессию, могут обучиться не тому, чему они хотят. Вот, например, я желаю стать журналисткой, желаю стать модельером. К сожалению, у нас нет такой возможности. Это может себе позволить только очень богатое государство. Поэтому в России начиная с 1990-х гг. установка очень рациональная: отбор специальностей идет в зависимости от состояния рынка труда. Департамент по труду и занятости проводит очень серьезную аналитическую работу: какие профессии востребованы на рынке труда, анализируют наличие вакансий в разрезе отраслей и так далее... И не только изучают текущую ситуацию, но и на ближайшую перспективу. Исходя из результатов такой аналитической работы они определяют перечень профессий, которые востребованы на рынке труда. Ну и плюс, конечно же, учитывают территориальную специфику. Если, например, в Екатеринбурге нужны дизайнеры витрин, то в Таборах с витринами туговато... Прагматичный такой достаточно подход (эксперт 5).

Очевидно, что формирование «серебряного» образования в Свердловской области привязано к тенденциям ее социально-экономического и социокультурного развития. Сегмент профессионального «серебряного» образования соотносится с показателями «серебряного» рынка труда в регионе. По результатам исследования привлекательности рынка труда для пенсионеров в различных регионах России, проведенного в 2019 г. РИА Новости, Свердловская область заняла 33-е место в рейтинге среди 79 регионов (набрав 48,4 из 100 баллов²) [Рейтинг регионов...], поднявшись с 37-го места, занятого ею в 2018 г. Между тем, согласно

² Индекс привлекательности рынка труда для пенсионеров рассчитан на основе данных Росстата по занятости, условиям и оплате труда людей пенсионного возраста по каждому региону. В качестве индикаторов использованы девять показателей: уровень занятости пенсионеров, безработица среди людей пенсионного возраста, среднее время поиска работы, доля пенсионеров в общей численности населения, соотношение средних зарплат и зарплат работников пенсионного возраста, уровень зарплат работающих пенсионеров относительно стоимости продуктовой корзины, благоприятность климата, индекс развития рынка труда и средний возраст дожития. Все индикаторы оценивались в диапазоне от 1 до 100.

статистике, начиная с 2012 г. в Свердловской области постепенно снижался уровень занятости населения в возрасте от 55(60) до 72 лет³, достигнув в 2019 г. самой низкой отметки за указанный период – 24,5 % (табл. 1). Уровень безработицы среди людей данного возраста достиг наивысшей отметки за этот период в 5 % в 2017 г. При этом среднее время поиска работы занимало и занимает сейчас не менее полугода, достигнув в 2016 г. самого высокого показателя – 9,5 месяцев.

Таблица 1

Показатели, характеризующие занятость населения Свердловской области в возрасте старше трудоспособного (от 55 лет для женщин и 60 для мужчин до 72 лет)*

Год	Уровень занятости, %	Уровень безработицы, %	Среднее время поиска работы, мес.
2012	28,2	3,8	8,5
2013	30,3	3,3	8,6
2014	29,6	4,3	7,4
2015	30,7	4,2	9,0
2016	28,2	3,5	9,5
2017	25,4	5,0	6,7
2018	25,3	3,0	8,4
2019	24,5	2,4	8,8

* Составлено по: [Выборочное исследование рабочей силы...].

Что касается связи образовательного капитала, имеющегося у людей «третьего возраста», и шансов их трудоустройства, то в Свердловской области наблюдается общеизвестная тенденция: чем выше уровень образования, тем больше возможностей найти работу (табл. 2). Даже небольшое повышение квалификации или получение дополнительных компетенций («горизонтальное» профессиональное развитие) обеспечивают дополнительные шансы на трудоустройство, особенно безработных пенсионеров. Несмотря на то что курсы «серебряного» дополнительного образования, запущенные в рамках госпрограмм, не охватывают всего спектра образовательных интересов «серебряных» свердловчан, говорить об их абсолютной бесполезности было бы неправомерно. Обучение по таким программам также оказывает положительное влияние на трудоустройство людей «третьего возраста». Так, по данным Департамента информационной политики Свердловской области, в 2019 г. более 3,5 тыс. граждан пенсионного возраста, обратившихся в центры занятости, прошли профессиональное переобучение или дополнительное обучение в рамках повышения квалификации и были трудоустроены. Это составило почти 80 % от числа всех заявивших о желании найти работу жителей региона данной возрастной категории [Почти 80 % пенсионеров Свердловской области...].

³ Показатели приводятся по методике МОТ.

Таблица 2

**Структура безработных граждан Свердловской области
по уровню образования в возрасте старше трудоспособного
(данные на конец I квартала 2018–2019 гг.), %**

Год	Всего	Образование			
		высшее	среднее профессиональное	среднее общее (неполное и полное) образование	не имеют основного общего
2018	100	15,9	36,9	45,3	1,3
2019	100	17,2	41,2	40,1	1,5

Трудовая активность свердловских пенсионеров и их активность по поиску занятости весьма заметны. Оснований для ее снижения нет и не предвидится в ближайшем и отдаленном будущем. Спектр причин такой активности традиционен и не отличается от общероссийской картины [Sinyavskaya, Cherviakova, Gorvat]. По данным Свердловскоблстата, в 2018 г. доля людей пенсионного возраста в структуре занятого населения области составила 10,39 %, увеличившись по сравнению с 2017 г. на 1,32 % [Управление Федеральной службы...]. Это превысило показатели прогноза баланса трудовых ресурсов региона, согласно которому в 2018 г. численность работающих пенсионеров должна была составить 209,9 тыс. чел. [Прогноз баланса трудовых ресурсов...]⁴. В 2018 г. численность занятых женщин пенсионного возраста достигла 157,1 тыс. чел, мужчин — 57,7 тыс. чел. При этом средний возраст 2,5 тыс. работников — старше 72 лет. В целом такая ситуация сложилась на фоне повышения среднего возраста работников в Свердловской области: в 2018 г. у работающих женщин он составил 41,4 года (в 2017 г. — 41,2), у работающих мужчин — 40,6 года (в 2017 г. — 39,4).

Рассмотрим, в каких сегментах регионального рынка труда сегодня востребованы люди «третьего возраста». Прежде всего, следует разделить занятых уральских пенсионеров на две группы. Первую составляют те, кто после выхода на пенсию продолжил трудиться на прежнем месте. Статистические данные, показывающие численность представителей этой группы, отсутствуют. Однако проведенные нами исследования (анализ контента сайтов рекрутинговых агентств и экспертные интервью) показали, что области их занятости — это преимущественно государственные организации сферы здравоохранения, образования, учреждения, оказывающие муниципальные и государственные услуги, крупные производственные корпорации, придерживающиеся принципов социальной ответственности и испытывающие дефицит инженерно-технических кадров. Приведем отрывок из интервью с работодателем из коммерческого сектора:

⁴ Согласно межотраслевой Стратегии развития условий функционирования рынка труда и занятости населения Свердловской области на период до 2035 г., прогноз изменений численности работающих граждан, находящихся за пределами трудоспособного возраста, показывал увеличение со 111,1 тыс. чел. (3,8 %) в 2009 г. до 191,5 тыс. чел. (7,4 %) к 2021 г.

На нашем предприятии существует программа поддержки работников старшего возраста. Порой люди достигают этого возраста и не могут физически работать на определенных рабочих местах, соответственно, предприятие предлагает им в рамках предприятия сменить рабочее место, и достаточно часто для этого требуется изменение квалификации, изменение образования. Обучение проходит либо на территории предприятия, либо в учебных центрах, в университетах, училищах. Предприятие заинтересовано в таких сотрудниках и продолжает их удерживать, потому что очень часто эти люди обладают опытом и довольно преданы предприятию (Б. Л., руководитель производственного предприятия).

Как правило, в таких организациях трудятся работники с высоким образовательным уровнем, относящиеся к категории высококвалифицированных специалистов. Положение представителей данной группы достаточно стабильно: они имеют гарантии занятости, не потеряли в зарплате, не понизили свой социальный и профессиональный статус.

Вторая группа работающих свердловских пенсионеров образована теми, кто сменил место работы после выхода на пенсию. В отсутствие статистических данных мы можем только предположить, что они образуют большинство работающих пенсионеров. Согласно исследованиям, это самая уязвимая категория пожилых работников на рынке труда: они часто меняют место работы, снижают уровень своих запросов к вознаграждению и условиям труда, не могут сохранить прежний социально-профессиональный статус (работают на местах с низкими квалификационными требованиями либо занимаются неквалифицированным трудом).

Отчетливо проявляется тенденция движения трудовых ресурсов, образованных людьми пенсионного возраста, в непривлекательные сегменты регионального рынка труда — с невыгодными условиями труда, низким уровнем заработной платы, нестабильной занятостью. Отчасти это вызвано ситуацией, сложившей в регионе. По данным Департамента по труду и занятости населения Свердловской области, в 2017 г. потребность в специалистах высшей квалификации в общем объеме заявленных вакансий составила всего 14,5 %, в то время как доля безработных, относящихся к этой группе специалистов, достигла 25,9 %. В то же время потребность в неквалифицированных работниках была на уровне 22,9 %, а доля безработных в названной группе — всего 14,6 %.

При такой ситуации на рынке труда службы занятости и работодатели предлагают старшему поколению прежде всего вакансии из вторичного сегмента рынка труда — уборщиков, охранников, операторов колл-центров, водителей, комплектовщиков на складе, курьеров, разнорабочих, сторожей, продавцов, контролеров, дворников, консьержа [«Найти работу очень сложно»...]. Об этом свидетельствуют материалы проведенных интервью:

В наших организациях люди старшего возраста работают на разных уровнях и разных должностях. Наибольшее их количество работает в сфере обслуживания и эксплуатации зданий — горничные, электрики, сантехники, уборщики помещений, дворники. Единичные случаи сотрудников старшего возраста — в управлении. Это руководитель отеля, бухгалтера (М. А., директор управляющей компании холдинга).

Анализ направлений образовательной подготовки и профориентационной деятельности служб занятости Свердловской области свидетельствует об ориентации данной государственной структуры на заполнение рынка труда в основном специалистами рабочих профессий (квалифицированными и неквалифицированными):

Служба занятости обучает по профессиям, востребованным сегодня на рынке труда. Это, например, швеи, парикмахеры, повара, пекари, кондитеры, продавцы. Это те профессии, по которым берут на работу людей в таком возрасте. Обучаем по профессиям, которые дают самозанятость, — парикмахерскому, швейному делу (С. И., представитель службы занятости).

По стратегической направленности эту политику можно назвать реактивной, поскольку она является реакцией органов власти на сигнал с рынка труда. Такая политика определяет задачи и содержание работы с людьми «третьего возраста», обратившимися в службы занятости. Региональные органы исполнительной власти и подведомственные им учреждения не выполняют важнейшей управленческой функции, актуальной в ситуации социальной и экономической неопределенности, — они не занимаются регулированием и развитием «серебряного» рынка труда. Вектор их деятельности направлен только в одну сторону — реформирования самой общности людей «третьего возраста», ее «подгонки» под сложившийся рынок труда [Об утверждении...].

Об отсутствии эффективной стратегии в отношении исследуемой группы свидетельствует рост теневого рынка труда пенсионеров [Пенсионерам пригрозили штрафами и тюрьмой]. По оценкам экспертов, треть работающих пенсионеров в связи с невыгодными условиями индексации пенсий перешла в режим теневой занятости. Для бюджета это дало эффект, обратный ожидаемому: только в 2020 г. Пенсионный фонд России сэкономит около 400 млрд руб. на индексации пенсий, но при этом из-за сокращения официальной занятости не получит страховых взносов на сумму не менее полутриллиона рублей. По расчетам экспертов, еще по 200 млрд руб. из-за перехода в теневую занятость не получают другие внебюджетные фонды и бюджеты регионов и муниципалитетов [Биезбардис]. Для Свердловской области теневой рынок труда пенсионеров является такой же актуальной проблемой, как и для других субъектов РФ [Свердловское правительство призывает муниципалитеты...]. Его рост означает одновременно происходящий процесс девальвации образовательного капитала старшего поколения.

Таким образом, мы можем говорить, что цивилизованный «серебряный» рынок труда в Свердловской области (как и в России в целом) не развит и не регулируется государством. Ему также присуща тенденция роста теневой занятости «серебряных» людей: они работают в качестве самозанятых без договора и социальных гарантий, в качестве нянь, сопровождающих, оказывают частные услуги по ремонту, работают электриками, сантехниками, занимаются сбытом продукции со своего приусадебного участка, нанимаются охранниками на стоянки, зарабатывают частным извозом. Государство пытается регулировать такую ситуацию, периодически объявляя войну теневой занятости. Но военными методами эту

проблему не решить. К сожалению, исследований теневой занятости пенсионеров практически не проводится.

Мы видим, что сегодня сформировалась насущная потребность в переходе к проактивной образовательной и социально-трудовой политике в интересах людей «третьего возраста». В качестве аргументов сформулируем несколько тезисов:

1. Современному рынку труда в России не хватает качественных трудовых ресурсов (нужны работники, обладающие высокой квалификацией, опытом, ответственностью, временем, желанием учиться). Предпенсионеры и «молодые» пенсионеры обладают таким ресурсом. Несмотря на пандемию и безработицу, российский рынок труда продолжает испытывать дефицит качественных трудовых ресурсов. Но ни государство, ни работодатели не рассматривают в таком качестве людей «серебряного» возраста.

2. Работодатели не всегда понимают и знают, как использовать потенциал людей «серебряного» возраста. У них нет на это ни времени, ни лишних денег, ни желания. Им необходима система четких экономических стимулов для мобилизации трудовой ресурсности людей «третьего возраста». Здесь не работают штрафы, угрозы, а только система поощрений за трудоустройство, образование, адаптацию людей «серебряного» возраста к новым условиям и требованиям социально-трудовой жизни.

3. «Серебряным» работникам тоже нужна помощь. Им необходимы инструменты адаптации к современному рынку труда: новые компетенции, эффективно выстроенная система «серебряного» профессионального образования, обучение стратегиям трудоустройства и трудового поведения, новые профессии, законно прописанные в классификаторе профессий.

Все перечисленные направления и должны составить содержание проактивной государственной политики в отношении людей «третьего возраста».

Проектирование «серебряных» профессий и мест занятости для людей «третьего возраста»

Проектирование профессий представляет собой социальную технологию, особый метод социальной инженерии, позволяющий рационально разрешать противоречия, которые возникают из-за различий тенденций развития общества, рынка труда, производства и образования [Архипова]. Сегодня отдельные исследователи, эксперты [Заводчиков; Профессии будущего...] и целые «фабрики мысли» реализуют попытки проектирования профессий будущего, опираясь на футурологические прогнозы и форсайты. Один из самых известных кейсов — создание российского атласа новых профессий.

История атласа началась в 2010 г., когда эксперты в сфере образования собрались на форуме EduCamp, участники которого хотели разобраться, что будет происходить с российским образованием в последующие 15–20 лет. Так родился форсайт-проект «Образование — 2030», реализованный по методике Rapid Foresight Агентством стратегических инициатив (АСИ). В 2012 г. АСИ

и Московской школой управления «Сколково» был реализован новый проект под названием «Компетенции — 2030». В течение двух лет проводилась проработка требований к будущим специалистам новой экономики, и по материалам этого исследования в 2014 г. и был создан Атлас новых профессий. В декабре 2019 г. на пресс-конференции ТАСС была анонсирована его версия 3.0., в которой были представлены актуальные для России профессии уже на период 2030–2035 гг. Атлас разрабатывался АСИ совместно с WorldSkills Russia, МТС, Mail.Ru Group и издательством «Альпина».

Созданный Атлас новых профессий позиционируется как навигатор в мире профессий для школьников и студентов, т. е. молодежи, поэтому интересы, возможности и перспективы «серебряного» поколения, которое в структуре населения сегодня занимает примерно четвертую часть, он не затрагивает.

В этом смысле заслуживает внимания другой кейс — проект «Активная жизнь старшего поколения», реализованный в 2016 г. Высшей школой экономики при поддержке Союза пенсионеров России [Названы 20 новых перспективных профессий...]. В рамках проекта были определены шесть отраслей, которые будут активно развиваться в ближайшие 10–15 лет в Московской области, — городской туризм, торговля, строительство, транспорт, связь, образование, здравоохранение и социальные услуги. «Серебряные» профессии, отнесенные к той или иной отрасли, представлены в табл. 3.

Таблица 3

**Отраслевая структура профессий для людей «третьего возраста»,
разработанная в проекте «Активная жизнь старшего поколения»
(Московская область)**

Отрасль региональной экономики	Вид «серебряной» профессии
Туризм и торговля	Архитектор территорий Консьерж робототехники Разработчик дополненной реальности территорий
Строительство	Специалист по модернизации строительных технологий BIM-менеджер-проектировщик Проектировщик доступной среды Проектировщик инфраструктуры «умного дома»
Транспорт и связь	Проектировщик композитных конструкций транспортных средств Инженер-консультант по безопасности транспортной сети Консультант по безопасности личного профиля в сети
Образование	Разработчик образовательных траекторий Тренер по майнд-фитнесу Организатор проектного обучения Координатор образовательной онлайн-платформы
Здравоохранение	ИТ-медик Генетический консультант Архитектор медоборудования

Окончание табл. 3

Отрасль региональной экономики	Вид «серебряной» профессии
Социальные услуги	Социальный работник по онлайн-адаптации людей с ограниченными возможностями Защитник прав потребителей электроэнергии Модератор платформы общения с госорганами

За основу проектирования профессий в данном проекте был взят Атлас новых профессий (в версии 2.0). Из него были выделены специальности, которые не требуют радикального изменения профессиональной подготовки будущих пенсионеров, а также в качестве желаемых компетенций предполагают возрастную опыт. Проект был направлен на когорту профессионалов, которые начинали свою трудовую деятельность в 1990-е гг. и приближаются к пенсионному возрасту.

Это люди, которые не хотят мириться с нынешней ситуацией, когда работающие пенсионеры в основном заняты низкоквалифицированным трудом. По мнению разработчиков, их проект должен дать возможность будущим пенсионерам не потеряться профессионально в быстро меняющемся мире информационных технологий, найти для себя новую профессию и оставаться востребованными.

Проект ВШЭ является, пожалуй, первой и пока последней попыткой проектирования «серебряных» профессий в России.

Приведем еще один пример — это исследование Института Брукингса (Brookings Institute, США, 2019), которое позволило выделить 42 новые профессии для работников, потерявших места занятости вследствие автоматизации [Careers of the Future...]. Знакомство с американской версией Атласа новых профессий показало, что в ней нашла отражение тенденция старения населения, потому что среди 42 профессий некоторые были ориентированы на пожилых людей. Однако в чистом виде «серебряных» профессий разработчики не выделили.

Мы видим, что попытки прогнозирования рынка труда и развития института профессии сегодня активно предпринимаются. Правда, некоторые из них утопичны. Как сказал один из журналистов «Коммерсанта», «список новых профессий выдает в экспертах “Сколково” полет фантазии» [Лесков]. Все перечисленные профессии и сферы занятости могут появиться только в том случае, если в России изменится тип общества и его развитие действительно будет базироваться на знаниях и высоких технологиях. А пока реальность такова, что няни, дворники, охранники остаются самыми подходящими профессиями для всех безработных, включая пенсионеров. И все же потребность в создании атласа «серебряных» профессий очевидна. Его разработка может стать реперной точкой в трансформации политики в интересах людей «третьего возраста».

Технология разработки атласа включает в себя несколько этапов:

1. Проведение исследований и прогнозирование развития сферы «серебряного» образования, образовательного и профессионального капитала «серебряных» людей. Необходим организованный мониторинг динамики составляющих этого капитала. Он позволит фиксировать следующие моменты:

- изменение уровня образования людей «серебряного» возраста;
- соотношение представителей тех или иных профессий;
- багаж актуальных компетенций (профессиональных, общекультурных, общесоциальных);
- трансформацию образовательных интересов «серебряных» людей;
- динамику включенности их в практики непрерывного образования
- потребностей в профессиональном развитии (намерений сменить/сохранить профессию).

2. Проведение исследований и прогнозирование развития «серебряного» рынка труда и поведения его основных акторов, а именно:

- мотивации работодателей на работу и взаимодействие с пожилыми сотрудниками;
- трудовой мотивации и стратегий трудового поведения «серебряных» работников.

3. Конструирование продуктов и услуг, потенциальными создателями которых могут быть люди «третьего возраста».

4. Изучение ресурсности людей «третьего возраста», обеспечивающей «производство» таких продуктов и услуг. К важнейшим ресурсам рассматриваемой социальной группы относятся:

- трудовой и жизненный опыт;
- наличие свободного времени, необходимого для поэтапного выстраивания взаимодействий;
- острая потребность в общении;
- эмоциональный интеллект и гибкость социального интеллекта;
- прекрасное знание интересов и потребностей своей возрастной группы.

5. Разработка перечня профессиональных и надпрофессиональных компетенций.

6. Создание «паспорта» профессии, т. е. составление профессиограммы.

Заключение

Развитие «серебряного» рынка труда и «серебряного» профессионального образования, поддерживающего его тренды, может осуществляться по нескольким направлениям. Первое — интегративное — предполагает нивелирование различий между профессиями и местами занятости для представителей молодого, среднего и старшего поколений, выравнивание возможностей трудоустройства и профессионального развития для всех поколений. Серьезным барьером на пути реализации такого сценария является наличие объективных расхождений между компетентностным профилем каждого поколения в некоторых сегментах рынка труда (например, в IT-отрасли). Благоприятным же фактором является наличие множества других сфер занятости, где различия в образовательном и профессиональном бэкграунде поколений отсутствуют, либо незначительны, либо легко преодолеваются благодаря эффективно выстроенной системе «серебряного» образования. Устранение такого деструктивного фактора развития рынка труда,

как эйджизм, негативные возрастные стереотипы, в этом случае становится предметом специальных технологий управления общественным мнением.

Второе направление развития «серебряного» рынка труда связано с практиками квотирования мест занятости для предпенсионеров и пенсионеров. Такое направление требует не создания новых профессий, а разработки механизмов государственного регулирования и стимулирования активности работодателей по трудоустройству, удержанию, адаптации и обучению «серебряных» людей. Для «старых» сегментов российского рынка труда, включающих традиционные, сохраняющие свою актуальность профессии, этот сценарий развития приемлем и даже необходим как этап эволюции (от реактивной к проактивной) государственной политики в интересах старшего поколения россиян.

Третье направление развития «серебряного» рынка труда связано с проектированием новых «серебряных» профессий. Именно рассмотрению этого вопроса и была посвящена данная статья. Проведенное исследование «серебряного» рынка труда и «серебряного» образования в Свердловской области показало, что разработка атласа «серебряных» профессий является актуальной и привлекательной задачей для исследовательских коллективов и «фабрик мысли». Методологические и методические инструменты его разработки созданы и апробированы. Вопрос заключается в том, кто поддержит такую исследовательскую и проектную инициативу в интересах старшего поколения россиян.

Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Профессиональное образование для людей «серебряного возраста» // Образование и наука. 2019. Т. 21, № 10. С. 59–88.

Архитова О. В. Форсайт-технология как основа проектирования профессий будущего в сфере культуры и образования // Петерб. экон. журн. 2018. № 2. С. 42–50.

Биезбардис Е. Конституция и индексация: решаются ли проблемы работающих пенсионеров. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/29/01/2020/5e2ff17f9a7947a0da9d6035> (дата обращения: 14.09.2021).

Выборочное исследование рабочей силы в Свердловской области, 2019 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 20.03.2020).

Заводчиков Д. П. Проектирование профессий будущего как проблема психологии // Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании : материалы 22-й Междунар. науч.-практ. конф. (18–20 апреля 2017 г., г. Екатеринбург, РГППУ). Екатеринбург, 2017. С. 363–366.

Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. «Серебряное» образование как ресурс развития региона // Вестн. РУДН. Социология. 2020. Т. 20, № 4. С. 939–952.

Лесина Л. А. Онлайн-образование как способ повышения ресурсности людей «серебряного» возраста // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2020. Т. 26, № 4. С. 186–198.

Лесков С. Надуманные работники. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2410479> (дата обращения: 30.09.2021).

Марон А. Е., Степанова М. В. Образование пенсионеров: тенденции и опыт развития // Человек и образование. 2017. № 4. С. 86–92.

Названы 20 новых перспективных профессий для людей старшего возраста. URL: <https://www.asi.org.ru/report/2017/06/01/moskva-novye-professii-dlya-rabotayushhih-pensionerov/> (дата обращения: 29.09.2021).

«Найти работу очень сложно»: где ждут пенсионеров. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/11/18/12819056.shtml> (дата обращения: 12.09.2021).

Об утверждении Положения об организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования лиц в возрасте 50 лет и старше, а также лиц предпенсионного возраста : Постановление Правительства Свердл. обл. от 27 февр. 2019 г. № 138-ПП. URL: <http://docs.cntd.ru/document/553208481> (дата обращения: 21.03.2021).

Педагогика взрослых: организация профессионального обучения граждан старшего возраста / Л.И. Воронина, Т.И. Касьянова, Т.Е. Радченко, Т. М. Резер. Екатеринбург, 2020. 248 с.

Пенсионерам пригрозили штрафами и тюрьмой. URL: <http://pensionerrossii.ru/news/3982-pensioneram-prigrozili-shtrafami-i-turmoi.html> (дата обращения: 20.03.2021).

Почти 80 % пенсионеров Свердловской области, обратившихся в центры занятости, трудоустроены. URL: <http://midural.ru/news/style/page8/document157936/> (дата обращения: 25.09.2021).

Прогноз баланса трудовых ресурсов Свердловской области, 2016–2022 гг. URL: http://economy.midural.ru/sites/default/files/files/btr16_22.pdf (дата обращения: 11.09.2021).

Профессии будущего: от прогнозов к проектированию (материалы «круглого стола») // Университетская книга. 2016. № 4. С. 66–69.

Рейтинг регионов по привлекательности рынка труда для пенсионеров — 2019. URL: <https://riarating.ru/infografika/20191119/630142075.html> (дата обращения: 30.09.2021).

Свердловское правительство призывает муниципалитеты бороться с «теневой» занятостью. URL: <https://ekb.dk.ru/news/sverdlovskoe-pravitelstvo-prizyvaet-munitsipaliteti-borotsya-s-tenevoy-zanyatostyu-236979330> (дата обращения: 25.09.2021).

Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области (приводятся данные на конец II квартала 2017 и 2018 гг.). URL: http://sverdl.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/statistics/sverdlStat/population/ (дата обращения: 12.09.2021).

Шаброва Н.В. Государственная образовательная политика в отношении людей «третьего возраста»: проблемы и противоречия // Вопр. управления. 2019. № 3. С. 258–271.

Careers of the Future: 42 Professions of Tomorrow. URL: <https://medium.com/swlh/careers-of-the-future-42-new-professions-of-tomorrow-5d3905f8513> (accessed: 30.09.2021).

International perspectives on older adult education / Ed. by B. Findsen, M. Formosa. Cham, 2016. 519 p.

Sinyavskaya O., Cherviakova A. A., Gorvat E. S. Does job change after becoming a pensioner contribute to maintaining employment in old age? // NRU HSE. Series WP BRP. Ser. : Public and Social Policy. 2020. № 25.

Статья поступила в редакцию 30.09.2021 г.

DOI 10.15826/izv1.2021.27.4.088
УДК 37.047 + 37.018 + 371.8.06

А. В. Мальцев
Т. И. Касьянова
О. В. Закревская

ПРОФОРИЕНТАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ: ВЗГЛЯД УЧИТЕЛЯ

В статье представлены материалы по изучению мнения учителей об организации профориентационной работы в современной школе. Эмпирической базой исследования являются результаты анкетного опроса учителей Свердловской области. Объем выборки — 565 человек. В статье обоснованы выводы о том, что в современной школе нужны специальные занятия по сопровождению профессионального самоопределения; для этого должны быть отдельные специалисты по профориентации, которых нужно специально готовить в системе профессионального образования. Также доказана необходимость организации повышения квалификации и профессиональной переподготовки учителей.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение; профессиональное ориентирование; учитель; ученики; родители

Актуальность и проблема исследования

В современных условиях отмечается изменение профессий, их устаревание, преобразование, появление новых вследствие социально-экономической турбулентности; изменяется структура занятости населения, происходит интеллектуализация многих видов профессиональной деятельности, поэтому прогноз развития рынка труда затруднен. При этом успешное профессиональное самоопределение выпускников школ становится для них залогом будущей успешной профессионализации. Вместе с тем, по данным исследований Российской академии образования, около 50 % старшеклассников не соотносят выбор профессии со своими реальными возможностями; 67 % не имеют представления о сущности трудовых обязанностей, выполнение которых подразумевает избранная для продолжения обучения специальность [Чистякова]. Психологи отмечают, что для многих старшеклассников свойственен низкий уровень осмысленности своей жизни в настоящем, отсутствие целей в определении своего будущего. Для такой

МАЛЬЦЕВ Алексей Владимирович — кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии Уральского федерального университета (e-mail: a.v.maltsev@urfu.ru). ORCID: 0000-0001-8097-7863

КАСЬЯНОВА Татьяна Ивановна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления Уральского федерального университета (e-mail: tatiana.kasianova@urfu.ru). ORCID: 0000-0002-9453-9677

ЗАКРЕВСКАЯ Ольга Вадимовна — педагог-психолог МБОУ «Гимназия № 161», г. Екатеринбург (e-mail: zakrevska@e1.ru).

© Мальцев А. В., Касьянова Т. И., Закревская О. В., 2021

личности характерны неудовлетворенность собой, низкая самооценка, пессимизм относительно перспектив, неумение принимать решения, экстернальный локус контроля поведения, эмоциональная напряженность, низкая стрессоустойчивость в значимых ситуациях. Молодые люди зачастую не способны целостно воспринимать себя и мир, настороженно относятся к людям, не готовы подчиняться требованиям группы [Шевцов, с 116].

Одной из важнейших задач школы сегодня является оказание школьникам информационной и психолого-педагогической поддержки в профессиональном самоопределении.

Проблемы поиска эффективных моделей профориентации молодежи на государственном, муниципальном уровне и уровне отдельных образовательных организаций широко обсуждаются в современной литературе. В школах реализуются программы по профориентации. Появляются интересные практики на уровне региональных систем образования. Разрабатываются сайты, появляются кабинеты, уголки по профориентации, экспериментальные площадки, курсы, семинары, актуализируются диагностики по выявлению профессиональных интересов, склонностей школьников, проводятся мониторинги [Себрякова, Ильясов, Костенко].

Вместе с тем, по мнению профессионалов, профориентация в стране испытывает системный кризис, так как отсутствует единая политика в сфере организации помощи в профессиональном самоопределении на разных этапах развития личности.

К проблемам, не позволяющим решать задачи по оптимизации профориентационной работы, относятся:

- отсутствие государственной координации процесса сопровождения профессионального самоопределения обучающихся;
- научно-методическая и организационная неготовность общеобразовательных учреждений к реализации профориентационной работы со школьниками;
- недопонимание сущности предпрофильной подготовки и профильного обучения школьников должностными лицами;
- устаревшие, неэффективные подходы и имитация сопровождения профессионального самоопределения мероприятиями для «галочки»;
- слабое социальное партнерство школ с учреждениями высшего, среднего профессионального образования, предприятиями экономической и социальной сферы и службами занятости;
- неготовность социума воспринимать обучающихся в качестве субъектов территориального и общероссийского рынков труда и услуг профессионального образования;
- неготовность учителей к педагогической поддержке профессионального самоопределения школьников [Тужилкин, Носкова, Тузикова].

В 2014 г. по заданию Министерства образования и науки Федеральным институтом развития образования была подготовлена и опубликована Концепция сопровождения профессионального самоопределения обучающегося в условиях непрерывного образования, в которой с учетом современных реалий излагается

содержание и обозначены векторы развития профориентационной деятельности в Российской Федерации. В документе подчеркивается необходимость организации системного психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения учащихся, в эффективных результатах которого заинтересованы и государство, и экономическая сфера, и рынок труда, и общественность, и образовательные учреждения разных уровней, и семья (родители обучающихся), и, наконец, сами обучающиеся [Чистякова].

С 2019 г. в стране реализуется федеральный проект «Успех каждого ребенка», который направлен на создание и работу системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов детей и молодежи. В рамках проекта ведется работа по обеспечению равного доступа детей к актуальным и востребованным программам дополнительного образования, выявлению талантов каждого ребенка и ранней профориентации обучающихся.

В соответствии с ФГОС общего образования, идеальный выпускник (эталон, к которому должна стремиться школа) представлен как социально активная, ответственная личность, способная к осознанному выбору профессии. Главными участниками профессионального самоопределения школьников являются сами ребята, их родители и учителя. Учитель — один из основных субъектов профориентационной деятельности, но учителя зачастую не готовы к ней, не знают содержания данной работы, не мотивированы к ее выполнению. В связи с этим цель данного исследования — изучение мнения современного учителя об организации профориентационной работе в школе.

Эмпирическая база и методы

Опрос проводился в 2018–2019 гг. среди учителей школ Свердловской области, являющихся слушателями курсов повышения квалификации, путем очного и онлайн-анкетирования. Всего в опросе приняло 565 учителей. Возрастная структура выборки следующая: молодые учителя в возрасте до 30 лет — 12,4 %; учителя в возрасте от 30 до 55 лет (наиболее многочисленная группа) — 68,5 %; учителя пенсионного возраста, т. е. старше 55 лет, — 14,7 %. Выборка целевая, большая, но нерепрезентативная, поэтому есть определенные ограничения экстраполяции выводов на всю генеральную совокупность.

Вопросы анкеты позволяли выявить мнение учителей о необходимости и формах государственной координации профориентационной деятельности; важности занятий по профориентации в школе и целесообразности наличия в школе специалистов по профориентации учащихся. Учителя отвечали на вопросы о том, кому целесообразнее всего поручать работу по сопровождению профессионального самоопределения при отсутствии отдельных специалистов, каков наиболее оптимальный возраст ребят для начала занятий по профориентации, какие аспекты в вопросах профессионального самоопределения являются наиболее востребованными и какие наименее разработанными. Выяснялось мнение об участии родителей в сопровождении профессионального самоопределения учащихся, целесообразность и формы занятий для учителей по тематике профориентации.

Результаты и обсуждение

В современном мире возрастает значимость осознанного самоопределения для молодого человека. Одна из важнейших задач средней школы — дать выпускнику полноценное разностороннее общее образование, подготовить его к осознанному жизненному и профессиональному самоопределению. Это требует совершенствования теории и практики профессиональной ориентации, повышение ее качества. Подавляющее большинство учителей (69,0 % опрошенных) высказались за то, что в школе нужны специальные занятия по профориентации. Мнение, что такие занятия можно совмещать с уроками по предметам, поддержало чуть более четверти (26,5 %) учителей. При этом нужно иметь в виду перегрузку учащихся основной учебной деятельностью, о которой постоянно говорят и пишут как сами учителя, так и широкая общественность. Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением большинства учителей, что профориентация учащихся — это самостоятельный вид дополнительной образовательной деятельности, а значит, и осуществляться она должна в том числе и на отдельных занятиях.

О важности и необходимости профориентационной работы с учащимися как стратегической задаче в работе с молодежью указывается в нормативных документах, об этом пишут и ученые, и учителя-практики. Доказательством востребованности такой работы является мнение учителей (наших респондентов) о том, что многие ученики, заканчивающие школу, не определились со своим профессиональным выбором. Проведенный нами опрос показал, что, по оценкам подавляющего большинства учителей, более 50 % выпускников не делают своего профессионального выбора к окончанию школы.

Существенно меньшая группа учителей (22,5 %) считает, что «не определившихся» менее 30 % выпускников школ. Данные оценки хотя и отражают взгляд только со стороны учителей, однако свидетельствует об остроте данной проблемы.

О том, что учителя проявляют заботу о выборе учениками своего жизненного пути, свидетельствует широкий спектр мнений по поводу той помощи, которую они ждут от государства в этом вопросе. При ранжировании высказанных учителями предложений было выявлено, что приоритетным, по мнению учителей, является разработка общероссийской программы по профориентации учащихся для различных ступеней (классов) обучения, такое мнение высказали треть из числа опрошенных. Любой программный документ в первую очередь определяет содержание деятельности, и для многих учителей в профориентационной работе с учащимися это оказалось главным.

Это, вероятно, означает, что сущность работы по сопровождению профессионального самоопределения школьников для многих учителей малопонятна и неопределенна. Осознавая трудность данной деятельности, многие учителя ждут поддержки со стороны психологов, именно поэтому 21,4 % учителей высказались за организацию обязательного психолого-педагогического сопровождения учащихся общеобразовательных школ. Школьный психолог, не имеющий такой большой аудиторной нагрузки, как большинство учителей, действительно может

взять на себя (и в большинстве случаев берет) функцию главного организатора профориентационной работы с учащимися.

Достаточно большая группа учителей (17,2 %) видят поддержку со стороны государства в вопросах профориентации учащихся в виде организационных мер, таких как обеспечение гарантированного минимума профориентационных услуг для обучающихся и их семей независимо от места проживания и создание всероссийского и региональных центров профориентационной работы с учащимися — 16,8 % опрошенных. Поскольку образовательная деятельность законодательно введена в сферу услуг и имеется перечень образовательных услуг, гарантированных государством, и услуг, осуществляемых на платной основе, то аналогичное разделение профориентационных услуг представляется вполне оправданным. По крайней мере подготовка самого перечня профориентационных услуг была бы уже значимым шагом в создании общероссийской системы профориентации учащихся. Учителя говорят о необходимости возрождения общероссийской системы профориентационных центров, которые десятилетия назад были представлены учебно-производственными комбинатами, с обязательным прохождением в них дополнительной образовательной деятельности всех учащихся общеобразовательных школ. Вряд ли в современной системе образования возможна обязательность и централизованность посещения учащимися профориентационных центров, но увеличение их числа и, главное, их эффективная работа, бесспорно, необходимы.

Лишь немногие (7,1 % опрошенных) считают, что реализация Концепции профориентационной работы с определением основных направлений деятельности может помочь в конкретной профориентационной работе с учащимися. Вероятно, сказывается не доверие учителей к методологическим документам, а зачастую просто незнакомство с ними. Также совсем небольшая часть учителей (5,8 % опрошенных) видят поддержку в лице государства в проектной деятельности (на примере центра «Сириус») или соревнований, подобных WorldSkills, вероятно, справедливо полагая, что массового охвата всех учащихся общеобразовательных школ эта проектная деятельность не принесет. Столь же небольшая доля учителей (5,7 % опрошенных) высказалась за целесообразность создания специального органа из представителей различных социальных институтов и ведомств по координации профориентационной работы. Вероятно, учитель опасается дополнительного «обюрокрачивания» и полагает, что эффективности в данную деятельность это не добавит.

Кто должен возглавить и проводить профориентационную работу в школе?

Подавляющее большинство учителей (88,2 %) считают, что в школе должны быть специалисты по профориентации. Но при этом почти поровну разделились мнения респондентов о том, как подготовить таких специалистов. Половина таких сторонников (43,4 %) считает, что специалистов по профориентации нужно специально готовить в системе профессионального образования. Вторая половина (44,8 %) полагает, что для этого достаточно повышения квалификации или

профессиональной переподготовки самих учителей. В первом случае возникает необходимость разработки специальной образовательной программы и введение соответствующего профиля подготовки в педагогических вузах. Второй вариант требует определения ответственного за профориентационную работу в школе и связан с дополнительной подготовкой уже работающих учителей. Данный подход может быть менее затратным и предполагает желание и инициативность самих педагогов, что немаловажно для эффективности такой работы. Безусловно, качество данных занятий, их эффективность всецело зависят от личности учителя, его общей и профессиональной культуры.

Именно большинство (84,5 %) учителей среди сторонников специальной подготовки учителей-профориентологов отмечают необходимость проведения специальных занятий по профориентации с ребятами.

Важно при этом делать акцент на личности учителя, который должен стать транслятором позитивной, просоциальной системы ценностных координат, учитывать особенности организации учебно-воспитательной работы по данному направлению [Хасьянов, Погодаева]. Именно на занятиях по профориентации особенно важно создание творческой образовательной среды [Демин]. Необходимо внедрение такой модели занятий, где будет поощряться сотворчество учителя и ученика, где будет формироваться приоритет мотивации к образованию через всю жизнь.

Перед учителями был поставлен вопрос: «Кому целесообразно поручить профориентационную работу с учащимися, поскольку отдельных специалистов нет?»

Большинство учителей (48,7 %) считают целесообразным поручить профориентационную работу с учащимися школьным психологам (табл. 1). В программы подготовки психологов включены ряд специальных предметов, таких как психология труда, психодиагностика, позволяющих вести профориентационную работу на серьезной научной основе. Расширение учебной программы в области профориентации действительно могло бы сыграть положительную роль в подготовке ответственных за профориентационную работу учащихся среди школьных психологов. Вторыми в рейтинге, по мнению учителей, оказались классные руководители (32,7 % из числа опрошенных). Такое решение означало бы перенос ответственности за эту работу со школьного уровня на уровень отдельного класса, что может привести к децентрализации всей деятельности. Работа классного руководителя по профориентации учащихся может быть только частью общей системы профориентационной работы в школе, а координация этой системы должна быть централизованной в лице ответственного за эту работу по всей школе. По этой же причине несостоятельно мнение о поручении полностью всей профориентационной работы с учащимися учителям-предметникам (22,5% опрошенных), которые так же, как и классные руководители, должны быть привлечены к этой деятельности в рамках общешкольной координации.

Возможно, это мог бы быть учитель по предмету «Технология». Сторонники такого выбора составили 29,4 % от опрошенных учителей. И тогда профессиональная подготовка молодых специалистов могла бы включать два направления: профориентационная работа с учащимися и преподавание предмета «Технология».

Таблица 1

**Мнение учителей по вопросу
«Кому целесообразно поручить профориентационную работу с учащимися,
поскольку отдельных специалистов нет?», % от числа ответивших**

Категория работника школы	%
Психолог	48,7
Классный руководитель	32,7
Завуч по воспитательной работе	31,7
Учитель по предмету «Технология»	29,4
Учитель-предметник	22,5

Среди профессионалов есть и другие взгляды на выбор специалиста по профориентационной деятельности. Одним из направлений современной российской системы образования является тьюторство, направленное на удовлетворение индивидуальных запросов личности, раскрытие потенциала школьников. Значимость тьюторской деятельности в системе образования подтверждает факт наличия в профессиональном стандарте «Специалист в области воспитания» отдельного раздела, посвященного тьюторскому сопровождению обучающихся. Согласно этому документу, одним из трудовых действий тьютора является оказание консультативной поддержки обучающимся в процессе их профессионального самоопределения [Ревакина, Осетрин]. На практике для сопровождения процесса профессионального самоопределения тьюторство используется исключительно редко. Вопросы профессионального самоопределения школьников в программах дополнительного профессионального образования, посвященных тьюторству, представлены крайне слабо или не представлены вообще. Готовность тьюторов к осуществлению сопровождения профессионального самоопределения школьников является многомерным качеством. Авторы данной идеи делятся своими представлениями о готовности тьюторов для осуществления сопровождения профессионального самоопределения школьников. Ими разработан критериально-оценочный аппарат, обеспечивающий соотнесение каждым тьютором своих реальных умений с данными критериями. Пока же институт тьюторства, обеспечивающий индивидуализацию образовательного процесса, крайне редко обращается к практике и сопровождению профессионального самоопределения. По данным нашего исследования, тьюторы показали низкий уровень владения технологиями сопровождения профессионального самоопределения школьников. Это свидетельствует об отсутствии системных знаний этих технологий, психологических особенностей детей, что мешает в продвижении современной идеи индивидуализации, в том числе в профессиональном самоопределении [Там же].

В настоящее время профориентационная работа со школьниками распределена между различными педагогическими работниками, многие из них не обладают нужными компетенциями, что приводит к отсутствию у учителей заинтересованности в достижении реальных результатов, размыванию ответственности, пассивности.

Работа по сопровождению профессионального самоопределения требует использования методов активного обучения, важно, чтобы учащиеся при этом были полноправными субъектами деятельности. Необходимо использование разнообразных форм индивидуальной работы (логические задания, проблемные ситуации, творческие работы). Эффективными формами являются деловые игры, учебный диалог, «мозговая атака», дискуссии. Данные формы работы позволяют обеспечивать высокий уровень вовлеченности, раскрепощения учеников, глубокое личностное усвоение знаний, развивают навыки коммуникации. В целом важен широкий спектр возможностей развивающей образовательной среды [Александров]. Именно поэтому в нашем опросе в качестве основной проблемы профориентационной работы в школе учителя назвали недостаточное число технологий и конкретных практик — 49,7 % от числа опрошенных, тогда как на необходимость разработки методологических подходов к профориентационной работе указали только 27,3 % опрошенных учителей.

Возраст учащихся как условие профориентационной работы

Профессиональное самоопределение — длительный, многоступенчатый процесс. Выделяют различные стадии профессионального развития, принятые в возрастной психологии. Проблемам выстраивания карьеры на разных стадиях взросления индивида посвящены работы и зарубежных исследователей [Lee, Porfeli, Hirschi; Zhou, Li, Gao]. Важно мнение учителей об оптимальном возрасте для начала занятий по профессиональному самоопределению. Преобладающим оказалось мнение учителей о том, что наиболее оптимальным периодом для начала занятий является подростковый возраст (7–8-е классы), данное суждение высказали половина респондентов (49,2 %) (табл. 2).

Таблица 2

Мнение учителей об оптимальном возрасте (сроке) для начала занятий по профессиональному самоопределению, % от числа ответивших

Класс	%
Начальные классы	12,0
5–6-й	15,9
7–8-й	49,2
9–10-й	21,6
11-й	1,2

Аналогичную закономерность мы выявили в своих предыдущих исследованиях [Касьянова, Мальцев, Шкурин]. Подростковый период и начало ранней юности (7–8-й класс) — это возраст перехода от фантазий к осознанию своих интересов и способностей. Именно подростки делают попытки сравнивать свои возможности с требованиями определенных профессий и начинают осознавать

необходимость подготовки к вхождению во взрослый мир профессий — стараться осваивать определенные умения и навыки, приобретать специальные знания. Данный этап школьного обучения характеризуется включением в образовательную программу естественно-научных предметов: физики, химии, биологии, которые расширяют кругозор ребят. В этот период начинается ранняя профилизация обучения, связанная с формированием профильных классов. И хотя в большинстве случаев этот процесс происходит в 9-х классах или даже в старшей школе, подготовка к выбору профильных классов начинается именно в 7–8-х классах. Не случайно большинство респондентов (68,1 %), отвечая на вопрос «Как, на ваш взгляд, в реальной школьной жизни профилизация связана с профориентацией?», отметили, что профилизация помогает профориентации. Значительно меньшая часть (28,5 %) учителей считают эти два процесса самостоятельными, и совсем небольшая группа (3,5 %) учителей высказали мнение, что профилизация мешает профориентации. Однако если профилизация совпадает со склонностями и запросами выпускника, то следует признать успешность профориентации за счет обучения в профильном классе [Ревякина, Осетрин].

Вместе с тем пятая часть респондентов (21,6 %) оптимальным возрастом для начала занятий по профориентации считают 10–11-е классы. Возраст ранней юности — это период, когда жизненное и профессиональное самоопределение является главным психологическим новообразованием. Однако нужно иметь в виду, что подготовка к самоопределению у школьников происходит гораздо раньше. Не случайно среди учителей имеется достаточное число сторонников и более раннего начала профориентационных занятий.

Решение ключевых профориентационных задач

Задача профессионального выбора заключается в совмещении ответов «ХОЧУ», «МОГУ» и «НАДО» [Бендюков, Соломин, 55]. Респондентам был задан вопрос: «Какой из данных аспектов профессионального самоопределения должен быть основным на занятиях в школе?» Большую группу составили учителя, предпочитающие аспект «МОГУ» (46,5 % опрошенных) — осознание человеком своих собственных возможностей, способностей, особенностей, черт. Это психические свойства — наиболее устойчивые и существенные особенности, отличающие одного человека от другого. Для каждого типа профессий выделяют профессионально важные качества. Данный ответ, очевидно, продиктован тем, что, по мнению учителя, основой профессионального выбора должны быть способности. Одна из задач школьного педагога как раз и состоит в определении этих способностей и раскрытии их для самого ученика.

Вторым по рейтингу выбора оказался аспект «ХОЧУ» — 32,9 % опрошенных. «ХОЧУ» — это интересы, склонности, убеждения, ценностные ориентации. Это выбор критериев, норм оценивания себя, построение своих целей, задач. Это направленность и мотивы деятельности. Основным ориентиром в жизни человека являются ценности, т. е. идеи, идеалы, цели, к которым он стремится. Именно ценностными доминантами: ценность профессии, ценность карьерного

продвижения, ценность стабильности функционирования на социально-профессиональном поле, доминирующая ценность вне социально-профессионального поля — определяется личной стратегией выбора [Дидковская, с. 29].

Можно согласиться с мнением, что именно культурно-образовательная среда школы, где старшеклассники проводят ежедневно 8–10 часов, выступает основным институтом развития системы ценностей у молодых людей. Только творческая, высоконравственная атмосфера учебного заведения может создавать необходимые условия для личностного роста и формирования социальных ценностей [Севрюкова, Ильясов, Костенко].

Меньшую группу составили учителя, выбравшие в качестве главного аспекта профориентационной работы «НАДО», — 21,1 %. Здесь речь идет о будущей профессии. Во-первых, важно максимально глубоко знать мир профессий и прогнозы по его изменению. Учитывая высокую степень изменений профессионального поля, зарубежные и российские исследователи профессионального самоопределения и профессиональной карьеры считают, что необходимо делать акцент на так называемые навыки XXI в., к которым относят: критический анализ и решение проблем, творчество и инновации, предпринимательство, цифровые навыки, общение, сотрудничество, социокультурную осведомленность, саморегуляцию и рефлексию [Thijs, Fisser, Van Der Hoeven]. Большинство из этих качеств в значительной степени зависит от отношения, чем от практических навыков, и их развитие связано с положительной самооценкой и самоэффективностью учащихся, а также с их внутренней мотивацией обучения [Walma van der Molen, Kirschner].

По мнению учителей, исследование показало, насколько важно научить ребят различать понятия «профессия», «специальность» «квалификация», «должность». Необходимо познакомить школьников с классификациями профессий по различным основаниям (цели, средства, предметы, виды труда и т. д.), с критериями оценки профессиональной пригодности (медицинские показания, образовательный ценз, социально-психологические качества и т. д.).

Однако анализ профориентационной работы в школе позволяет говорить об очень слабой информированности школьников в мире профессий. Важно понимать, что низкий уровень информированности современных ребят о профессиональном мире, неопределенность их профессиональной идентичности обостряют проблему профессионального самоопределения.

Респондентам был задан вопрос: «По вашему мнению, профессиональное самоопределение учащихся — это решение задачи профессионального выбора или жизнеопределения?» Подавляющее большинство учителей (63,9 %) видят основную задачу профессионального самоопределения учащихся именно в жизнеопределении. Важно осознание того, что «...выбор будущей профессии, будущей деятельности для молодого человека — это во многом вопрос о смысле жизни, о жизненной перспективе. Это проблема скорее мировоззренческая, чем профориентационная, и все попытки профориентации будут во многом бесплодны, пока молодой человек не разберется в себе, пока не осознает свои потребности, способности, интересы, склонности направленности, устремления, ценности». Л. И. Божович, например, фиксирует двуплановость самоопределения, которое

осуществляется одновременно через выбор профессии и неконкретные искания смысла своего существования, т. е. профессиональное самоопределение интегрируется в самоопределение в целом как его сердцевина, смысловая ось [Божович, с.176].

Наименее разработанными аспектами деятельности по сопровождению профессионального самоопределения в школе, по мнению половины опрошенных учителей (49,7 %), являются технологии конкретных практик профориентации, т. е. инструменты и методы работы. Поскольку для учителей ближе и понятнее непосредственная профориентационная работа с учащимися, для которой как раз и нужны инструменты и методы, такой запрос с их стороны может быть вполне оправдан. 27,3 % респондентов считают наименее разработанными методологические подходы к организации работы (*каким образом?*). Меньшая часть опрошенных (18,1 %) назвали в качестве наименее разработанных вопросов «идеологическую» направленность профориентационной деятельности (*для чего?*). Можно предположить, что, отодвинув вопросы «идеологии» и методологии на второй план и отдав предпочтение технологиям, учителя дали понять, какой уровень профориентационной деятельности они готовы реализовать. В то же время данная информация очень важна для планирования обучения учителя по данному направлению.

Бесспорно, что в таком важном и непростом вопросе, как профессиональное самоопределение, существенную роль должна играть не только школа, но и семья и родители. Большинство опрошенных учителей (40,0 %) считают, что родители готовы к участию, но не согласны оплачивать помощь учащимся в профессиональном самоопределении. Меньшая часть учителей (20,9 %) полагают, что родители готовы к участию и согласны оплачивать услуги по профориентации учащихся. В этой ситуации возникает уже обсуждавшийся вопрос о минимальных гарантированных государством услугах, связанных с профессиональным самоопределением учащихся. Что совершенно неприемлемо — так это устранение родителей от участия в этом вопросе. По мнению учителей, часть родителей считают, что школьник сам должен решать вопрос своего профессионального самоопределения (20,2 % опрошенных), или еще более крайняя позиция: родители считают, что это обязанность школы (16,3 % опрошенных). И тем не менее большинство учителей уверены, что профориентационная работа с учащимися может быть эффективной лишь в том случае, если родители обучающихся являются ее полноправными субъектами. Так, по данным российских исследований, примерно половина старшеклассников делает выбор будущей профессии по совету или настоянию родителей. Отмечается возросшая внутрисемейная консолидация при профессиональном выборе молодыми людьми карьеры/профессии — в этом вопросе взаимовлияние родителей и детей усилилось [Демин, с. 858].

Без специальных знаний, получения дополнительной информации и навыков профориентационной деятельности трудно рассчитывать на успех и эффективность в работе с учащимися по профессиональному самоопределению. Именно поэтому подавляющее число учителей считают целесообразным проведение занятий для учителей по тематике профориентации — 89,3 % опрошенных (это

полезно, но должно быть бесплатно для учителя), но лишь 2,8 % из них готовы оплачивать такие занятия. И только незначительная группа учителей — 5,3 % не видят в этом необходимости, полагаясь на свои возможности: «Я сам могу получить эту информацию».

Заключение

Проведенное исследование подтвердило важность совершенствования профориентационной работы в современной школе, так как более половины выпускников не делают своего профессионального выбора к окончанию школьного обучения. При этом учителя не видят себя в качестве главных субъектов профориентационной деятельности, потому что у них нет на это ресурсов (необходимых знаний, времени, мотивации).

По мнению большинства учителей, профориентация учащихся — это самостоятельный вид дополнительной образовательной деятельности, а значит, и осуществляться она должна в том числе и в виде отдельных занятий. Сущность работы по сопровождению профессионального самоопределения школьников для многих учителей малопонятна и неопределенна. Учителя видят практическое решение проблемной ситуации:

- в усилении школы узкими специалистами по профориентационной работе;
- формировании у всех педагогов специальных компетенций (в системе педагогического и дополнительного профессионального образования);
- активизации родительского сообщества с его ресурсами (доверительные отношения с детьми, уровень влияния, а также финансовые ресурсы).

В современной школе недооценивается важность знаний о мире профессий, о прогнозах изменений на рынке труда.

Для совершенствования работы по сопровождению профессионального самоопределения в школе необходимы технологии конкретных практик профориентации, т. е. инструменты и методы работы. Наиболее оптимальным для начала занятий по профориентации, по мнению учителей, являются 7–8-е классы.

Большинство учителей видят основную задачу профессионального самоопределения учащихся именно в жизненном определении. Безусловно, важны более детальные исследования по вопросам развития профессиональной ориентации в современной школе.

Александров Е. Л. Модель развивающей образовательной среды как условие формирования личности учащихся: вклад калужских педагогов-новаторов // Вестн. ТГПУ. 2019. № 8 (205). С. 48–54. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2019-8-48-54>

Бендюков М. А., Соломин И. Л. Ступени карьеры: азбука профориентации. СПб., 2006.

Божович Л. И. Проблемы формирования личности. Москва; Воронеж, 1997.

Демин А. Н. Новые экономико-психологические факторы профессиональной ориентации молодежи // Психология развития человека как субъекта труда. Развитие творческого наследия Е. А. Климова: материалы Междунар. науч.-практ. конф., МГУ, Москва, 12–15 окт. 2016 г. М., 2016. С. 856–858.

Дидковская Я. В. Трансформация социального механизма взаимосвязи профессионального самоопределения и профессиональной карьеры в российском обществе : дис. ... д-ра социол. наук. Екатеринбург, 2016.

Касьянова Т. И., Мальцев А. В., Шкурин Д. В. Профессиональное самоопределение старшеклассников как общественная проблема // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 7. С. 168–187. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-7-168-187>

Ревакина В. И., Осетрин К. Е. Профорентация школьников: опыт прошлого и проблемы настоящего // Вестн. ТГПУ. 2015. № 5 (158). С. 244–247.

Севрюкова А. А., Ильясов Д. Ф., Костенко О. А. Развитие готовности тьюторов общеобразовательной организации к сопровождению профессионального самоопределения обучающихся // Вестн. ТГПУ. 2018. № 8 (197). С. 102–109. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-8-102-109>

Тужилкин А. Ю., Носкова Л. П., Тузикова И. В. Организационно-педагогическое сопровождение профорientационной работы со школьниками с использованием потенциала различных практик. Н. Новгород, 2014. URL: <http://www.firo.ru/wp-content/uploads/2014/10/Tujilkin.pdf>. (дата обращения: 12.06.2019).

Хасьянов В. Б., Погодаева М. В. Влияние образовательной среды на становление ценностно-смысловой сферы старшеклассников // Вестн. ТГПУ. 2019. № 8 (205). С. 21–29. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2019-8-21-29>

Чистякова С. Н. Цель Концепции определена верно // Профессиональное образование. Столица. 2015. № 10. С. 11–13.

Шевцов В. С. Трансформация ценностей и национальная безопасность Российского государства // Ценности и смыслы. 2012. № 6 (22). С. 116–121.

Lee B., Porfeli E. J., Hirschi A. Between and within-person level motivational precursors associated with career exploration // Journal of Vocational Behavior. 2016. Vol. 64. P. 125–134. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2015.11.009>

Thijs A., Fisser P., Van Der Hoeven M. Digitale geletterdheid en 21e eeuwse vaardigheden in het funderend onderwijs: een conceptueel kader // Digital literacy and 21st century skills in primary and secondary education: a conceptual framework / SLO nationaal expertisecentrum leerplanontwikkeling. Enschede, 2014.

Walma van der Molen J. & Kirschner P. Entering the labour market with the right skills]. White paper Nederlandse Vereniging voor Psychotechniek (NSvP). 2017.

Zhou X. L., Li X. X., Gao Y. M. Career Guidance and Counseling in Shanghai, China: 1977 to 2015 // Career Development Quarterly. 2016. Vol. 64, № 3. P. 203–215.

Статья поступила в редакцию 06.09.2021

DOI 10.15826/izv1.2021.27.4.089

А. А. Керимов

УДК 316.1 + 316.77 + 316.472 + 34.01 + 004.738.5

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Стремительное развитие информационных технологий привело к изменениям практик образования и самообразования, появлению новых возможностей и ресурсов для постоянного развития навыков, имеющих важное значение для повседневной жизни. Цель статьи заключается в оценке образовательного потенциала социальных медиа. В ходе исследования проведена классификация социальных медиа с точки зрения особенностей их использования в образовании. Установлено, что социальные медиа формируют новую организационную форму образовательной деятельности, характерные черты которой позволили определить ее как «соучастное образование». Проведен SWOT-анализ образовательного потенциала социальных медиа, в результате чего сделаны выводы относительно дальнейшего развития образования с использованием социальных медиа, в том числе в контексте формирования правовой культуры.

К л ю ч е в ы е с л о в а: социальные медиа; новые медиа; правовая культура; образование; соучастное образование

Развитие информационных технологий приносит новшества во все сферы жизни человека. Сфера образования не является исключением, она во многом определяет современные тренды развития различных сайтов, интернет-площадок и интернет-сервисов. Так, по данным Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), в 2016 г. 44 % интернет-пользователей в России использовали интернет «для образования, расширения кругозора, развития своего ума». Эта цель является

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00813\21 «Образовательный потенциал медиасферы как пространства развития правовой культуры и культуры прав человека в современной России».

КЕРИМОВ Александр Алиевич — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политических наук Уральского федерального университета (e-mail: kerimov68@mail.ru). ORCID: 0000-0002-5807-9810

© Керимов А. А., 2021

второй по популярности после общения и на 2 % превосходит такие цели, как работа и чтение новостей [О пользе и вреде интернета...].

Согласно материалам, подготовленным в рамках проекта «Мониторинг экономики образования», наибольшее увеличение количества людей, занимающихся самообразованием, наблюдается в крупных городах, а также среди тех, кто имеет высшее образование. В целом «с 2015 по 2019 г. уровень вовлеченности населения в практики самообразования вырос более чем в полтора раза» [Юдин, Полякова, Фурсов], а в 2019 году 60 % среди занимавшихся самообразованием респондентов использовали найденные в сети Интернет материалы или проходили онлайн-курсы.

Социальные медиа

Активное массовое распространение средств связи и интернет-технологий, произошедшее в конце XX — начале XXI в., создало условия для появления так называемых «новых медиа»: «Феномен новых медиа имеет отношение к ряду концептуальных нововведений начала третьего тысячелетия и отражает глобальные социокультурные изменения, связанные с появлением и развитием компьютерных сетей и интернет-технологий» [Носовец, с. 40].

В настоящее время понятие «новые медиа» не концептуализировано и указывает по большей части на принципиальное отличие от того, что было раньше, т. е. от традиционных медиа. Само слово «медиа» переводится с латинского (*medium*) как посредник, поэтому имеет широкое трактование, включающее в себя как техническую, так и организационную стороны, в связи с чем существует несколько подходов к объяснению феномена новых медиа.

В самом широком смысле под новыми медиа понимается все, что связано с новыми информационными технологиями. Это и новые площадки для коммуникации, и новые средства массовой информации, и новые технические устройства (цифровые носители). Что касается последней составляющей новых медиа, нам более близко понимание, в соответствии с которым техническая сторона вопроса выносится отдельно и обозначается понятием «цифровые медиа»: «Цифровые медиа — понятие, связанное преимущественно с технической стороной создания медиaproдукта, в рамках которого происходит отказ от прежних — аналоговых — носителей информации вследствие глобальной компьютеризации» [Попцов, с. 142].

Согласно узкому подходу, предложенному профессором Р. Нойманом, под новыми медиа понимается «новый формат существования средств массовой информации, постоянно доступных на цифровых устройствах и подразумевающих активное участие пользователей в создании и распространении контента» [Что такое Новые медиа...]. В данном случае из понятия «новые медиа» исключаются медиа, не являющиеся средствами массовой информации, например, Telegram и Instagram, а также различные мессенджеры (Viber, WhatsApp и т. д.). Однако Р. Нойман указывает на такую важную характеристику новых медиа, как участие пользователей.

Отечественные авторы, исследуя трансформацию медиасферы, вводят термин «новые социальные медиа», под которыми понимают «интерактивные цифровые способы доставки информации, средство коммуникации, где главным коммуникативным источником является интернет» [Шестёркина, Борченко, с. 107].

Среди ключевых характеристик новых медиа выделяют интерактивность, трансграничность, мультимедийность, личностный контакт и др. Следовательно, мы можем сделать вывод о том, что новые медиа отличаются от традиционных медиа качеством динамики обратной связи и участия, которые достигаются при помощи использования новых информационных технологий.

Тогда, на наш взгляд, при характеристике содержательной стороны вопроса, говоря о новом качестве коммуникации, достижимом с помощью современных информационных технологий, более корректным является использование термина «*социальные медиа*». При характеристике технической части вопроса, говоря о цифровых носителях и новых технологиях, следует обращаться к понятию «*цифровые медиа*».

Однако и понятие «социальные медиа» является сложным концептом, включающим в себя сервисы, блоги, интернет-площадки со множеством технических, организационных и смысловых различий.

Существует ряд классификаций социальных медиа: по степени вовлеченности аудитории (качество и количество обратной связи, возможность попробовать себя в роли журналиста), по характеру аудитории (общие и специализированные), по доступности (общедоступные и закрытые, например, Clubhouse), по степени профессиональности (профессиональные и любительские), по характеру информации (новостные, образовательные, развлекательные) и т. д. [Тулисова]. В рамках данного исследования произведем классификацию социальных медиа исходя из особенностей их использования в образовательных целях.

1. Традиционные медиа, перешедшие в сеть Интернет и имеющие каналы обратной связи. Речь в данном случае идет об официальных сайтах газет, радио, телеканалов. Данный вид социальных медиа обеспечивает наименее системное и глубокое образование, а также наименьшую включенность аудитории в образовательный процесс, который является преимущественно эпизодическим.

2. Площадки, обеспечивающие более глубокую вовлеченность и предоставляющие право аудитории участвовать в создании контента. При этом степень включения аудитории может варьироваться от предложения отдельных постов (Telegram) до ведения авторской колонки в средствах массовой информации, имеющих социальную платформу («Эхо Москвы», «Московский комсомолец», E1 и др.).

3. Площадки, направленные на монетизацию предоставляемой информации. Среди этой группы стоит отметить такие сервисы, как Instagram и YouTube. Данные площадки позволяют сделать образовательный процесс более системным. Так, с помощью сети Instagram организуются группы для участия в тренингах и марафонах на платной основе.

Мы сознательно не включили в данную классификацию такой вид социальных медиа, как мессенджеры, выполняющие функцию межличностного общения

(Viber, WhatsApp и т. д.), так как они, как правило, носят вспомогательный характер при обучении и не являются площадками для размещения образовательного контента.

Для раскрытия образовательного потенциала социальных медиа также следует обратить внимание на вопрос организационной формы образовательной деятельности. Я. Ю. Старцев, исследуя систему образования, выделяет четыре организационные формы: индивидуальное образование, семейное образование, цеховое образование, массовое образование. А также указывает на наличие такой специфической формы образования, как самообразование: «Несколько особняком стоит самообразование, осуществляемое вне образовательных институтов или через эпизодические контакты с ними. На протяжении большей части человеческой истории самообразование могло играть только маргинальную роль, но в условиях современного увеличения плотности информационной среды и повышенной мобильности оно вполне может претендовать на статус самостоятельной организационной формы образовательной деятельности» [Старцев, с. 75].

В научном сообществе существует мнение, что одна из важнейших отличительных особенностей самообразования заключается в свободе выбора изучаемого предмета и источников: «Самообразовываясь, вы самостоятельно выбираете область, в которой хотите расти и накапливать новые знания, затем составляете конкретный план и следуете ему по собственному желанию. Мотивацией здесь является не какое-то внешнее воздействие или причина, а внутренняя направленность, благодаря которой самообразование так эффективно» [Иванов, Аванесян, Горьин]. Чаще всего самообразование носит практическую направленность, а полученные в ходе этого процесса знания и навыки используются в практической деятельности.

Тогда мы можем сделать вывод, что основой образовательной деятельности посредством социальных медиа является самообразование. Во-первых, обращаясь к социальным медиа в образовательных целях, человек сам выбирает тему, которую хотел бы изучать. Во-вторых, социальные медиа представляют собой образовательный институт, к которому обучающийся обращается для получения информации. Вместе с тем, как отмечает Я. Ю. Старцев, одной из главных характеристик самообразования является отсутствие обратной связи [Старцев, с. 76]. То есть человек в ходе самообразования просматривает образовательный контент, но не имеет возможности обсудить свои вопросы или практические задания, например, просматривая открытые курсы различных университетов. Но ранее мы установили, что одной из характерных особенностей социальных медиа как раз является наличие обратной связи. Причем коммуникация может устанавливаться между всеми участниками образовательного процесса. Это значит, что образование посредством социальных медиа не сводится к такой форме образовательной деятельности, как самообразование. Тогда закономерен вопрос: какие еще формы образования используются при обращении к социальным медиа?

У субъекта образовательной деятельности возникают вопросы или суждения, которые он транслирует посредством обратной связи (комментарии под

новостями или постами, вопросы в мессенджерах, подключение к прямым эфирам и т. д.). Однако такого рода коммуникация не подходит ни под схему учитель — ученик (индивидуальное образование), ни под схему учитель — класс (массовое образование). Даже если речь идет о третьей группе социальных медиа, например, марафоны или тренинги в сети Instagram с дополнительным использованием образовательных платформ (платформа Chatium и др.) и кураторством в мессенджерах, мы не можем говорить ни о массовом образовании (учитель — класс), ни тем более об индивидуальном (учитель — ученик). Проблема в том, что при обучении посредством социальных медиа меняются привычные социальные роли, они становятся менее вертикальными и более горизонтальными. С одной стороны, размывается сам статус учителя, он превращается в некоего эксперта, наставника или куратора. С другой стороны, увеличивается личная ответственность и самостоятельность обучающегося. Однако это не значит, что при обучении с использованием социальных медиа обучающий не выполняет мотивирующую функцию. Наоборот, он заинтересован, чтобы обучающийся оставался с ним и был включен в процесс обучения как можно дольше. То есть чтобы он продолжал читать посты и новости, участвовать в обсуждениях и, конечно, проходить платные курсы, марафоны и тренинги.

Таким образом, мы пришли к выводу, что формируется новая организационная форма образования, основанная на современных информационных технологиях, в частности на социальных медиа. Отличительные черты этой формы образования заключаются в формировании преимущественно горизонтальных отношений между обучающим и обучающимся, активном участии обучающегося в обсуждениях, а также в повышении самостоятельности, ответственности и мотивированности обучающегося при сохранении функции мотивирования со стороны обучающего. Тогда в зависимости от вида социальных медиа данная организационная форма образования будет работать по схеме куратор (эксперт) — участник обучения. Принимая во внимание активную включенность обучающего в образовательный процесс, а также его участие в формировании образовательного контента, обозначим его роль таким авторским термином, как «партиципant», а саму форму организационную форму образовательной деятельности как «соучастное образование».

Таким образом, мы выделили новую организационную форму образовательной деятельности, реализуемую посредством социальных медиа по схеме куратор (эксперт) — партиципant. При этом мы отметили значимость связей между всеми участниками образовательного процесса и их влияние друг на друга. Тогда образовательная связь в этой организационной форме подчиняется принципу ризомы.

Следует отличать эту организационную форму образования от классического массового образования, переведенного в дистанционную форму с помощью таких программ, как MS Teams, Zoom, Skype и т. д. В этом случае уместно говорить о массовой форме образования с применением интернет-технологий, так как здесь не меняется характер взаимодействия учитель — класс и остаются неизменными социальные роли, выполняемые как обучающим, так и обучающимися.

Результаты исследования

Диапазон образовательных целей в рамках соучастной формы образования с помощью социальных медиа крайне широк — от теоретических вопросов (история, философия и т. д.) до практико-ориентированных тем (изучение иностранного языка, техник продаж, правильного питания и т. д.). При этом имеется тенденция преподносить образовательный контент как практико-ориентированный. Наиболее заметен данный подход на примере психологических курсов, где любая теория разбирается на конкретных жизненных примерах с учетом актуальных запросов аудитории, так как цель курсов — применение полученных знаний в повседневной жизни.

Обратимся непосредственно к понятию правовой культуры и определим, какая информация необходима для ее формирования в ходе образовательной деятельности. В. Ф. Лелюх и Л. В. Чванова, анализируя историю развития взглядов на феномен правовой культуры, приходят к следующему ее определению: «...это уровень, степень овладения правом в действии, характеризующиеся самодетерминированной, привычной реализацией требований права, ответственностью и самосознанием, творческой ориентацией на нормы национальной культуры в противоречивых правовых ситуациях» [Лелюх, Чванова, с. 266]. Выделяют следующие составляющие правовой культуры: знание правовых традиций, институтов, действующего законодательства и иных характеристик, входящих в систему права, умение пользоваться указанными знаниями на практике, соблюдение норм права в обычной жизни, а также правовая активность [Дьячкова]. Необходимость формирования правовой культуры обусловлена тем, что «высокая правовая культура является фактором достижения реальных гарантий прав и свобод человека как высшей ценности» [Керимов, с. 292].

Таким образом, под формированием правовой культуры будем понимать как развитие теоретических знаний о системе права и действующего законодательства, так и приобретение навыков, направленных на решение практических задач. При этом мы отметили, что для социальных медиа преимущественно характерна вторая задача, т. е. практическая ориентированность образовательного процесса.

Вопросы правовой культуры, являясь значимым фактором, формирующим общий уровень культуры человека и позволяющим в повседневной жизни действовать согласно нормам права, тем не менее обычно не являются целенаправленным предметом изучения в рамках соучастного образования. Обращение к правовым вопросам происходит при наличии конкретной ситуации, связанной со сферой применения права (покупка недвижимости, оформление налогового вычета, вопросы по защите прав потребителей, защита трудовых прав, раздел имущества и выплата алиментов и т. д.). Соответственно формирование правовой культуры посредством социальных медиа происходит преимущественно эпизодически. Отечественные исследователи отмечают, что на интернет-площадках «более представлен развлекательный контент, реклама, однако пользователи испытывают потребность в знании, которое позволит конструктивно решать ситуации, находящиеся в правовом поле» [О качестве контента..., с. 450].

Исходя из выделенных нами особенностей социальных медиа как новой формы образовательной деятельности, определим их потенциал с помощью метода SWOT-анализа и сделаем выводы относительно их возможностей по формированию правовой культуры.

Важнейшей характеристикой социальных медиа является активная обратная связь. Эта характеристика формирует одно из главных конкурентных преимуществ социальных медиа или, согласно методологии SWOT-анализа, — его сильную сторону. Наличие обратной связи превращает самообразование с помощью сети Интернет в соучастное образование. Это позволяет существенно повысить эффективность образовательного процесса, так как коммуникация происходит не только между куратором и участником, но и между участниками в хаотичном порядке.

К сильным сторонам социальных медиа также следует отнести доверие со стороны аудитории, так как обучающийся сам выбирает источник получения информации. В данном случае учитывается вид социальных медиа и конкретный куратор образовательного процесса. Еще одно преимущество социальных медиа — мультиформатность и развлекательный характер предоставления информации. Эти факторы способствуют снятию психологических барьеров, препятствующих получению и усвоению информации.

Многие исследователи отмечают такое преимущество образования посредством социальных медиа, как экономия времени: «Быстрый темп жизни заставляет современного человека искать такие формы обучения и образования, которые эффективны и занимают небольшое количество времени. Формат обучения в социальных сетях один из удобных легкодоступных вариантов обучения для современного человека при его большой занятости» [Гузь, Стрикатова, с. 248].

Слабые стороны социальных медиа в контексте образовательного процесса проявляются преимущественно в содержательной части. Как мы отмечали ранее, имеется дисбаланс между теорией и практикой, что ведет к фрагментированности и отсутствию системности предоставляемой информации.

Помимо этого высокая вовлеченность аудитории в создание контента и низкие барьеры для вхождения в формат социальных медиа осложняют процесс верификации информации и приводят к ее высокой субъективности, а также периодически к ее недостоверности.

Возможности развития образовательного потенциала социальных медиа связаны в первую очередь с дальнейшим развитием и распространением информационных технологий, а следовательно, и с расширением аудитории, технических возможностей социальных медиа. Прежде всего, мы имеем в виду расширение социальной базы аудитории: посредством социальных медиа в образование более активно будут включаться новые пользователи сети Интернет среди лиц среднего и пожилого возраста, а также по мере взросления к Сети массово будут обращаться представители молодого поколения в силу раннего освоения информационных компетенций.

Ограничения традиционных форм образования предоставляют возможности для развития социальных медиа. Под ограничениями подразумеваются

как организационные проблемы, обусловленные переходом на дистанционные формы в связи с противоэпидемическими мероприятиями, так и содержательные проблемы, вызванные замедленными темпами адаптации классических форм образовательной подготовки к потребностям общества.

Среди основных угроз для развития образовательного потенциала социальных медиа следует выделить технические и политические. К первой группе относятся всевозможные технические проблемы и сбои в работе интернет-сервисов. Однако действие этих угроз, как правило, ограничено во времени и компенсируется за счет использования нескольких платформ и поддержания связи со своей аудиторией путем использования альтернативных сервисов. Достаточно распространенной является практика переноса эфиров с одной платформы на другую при возникновении технических проблем.

Угрозы политического характера более долговременны и значимы. К этой группе угроз относятся действия власти, связанные с блокировкой отдельных социальных медиа (например, опыт блокировки сети Telegram в России), и действия администрации самих социальных сетей в отношении отдельных блогеров, нарушающих правила публикации материалов. Наличие данной угрозы возможно нивелировать с помощью создания базы контактов своей аудитории. Например, участники образовательных курсов, как правило, при регистрации оставляют данные своей электронной почты либо в ходе обучения подписываются на дублирующие социальные сети, а также вступают в групповые чаты в мессенджерах.

Таким образом, технические угрозы при должном уровне технического обеспечения нивелируются без особых негативных последствий. С политическими угрозами ситуация обстоит несколько сложнее. Подстраховаться можно только относительно той аудитории, с которой уже имелся непосредственный образовательный контакт. Потенциальные обучающиеся, т. е. те, кто просматривал контент общего характера, но не участвовал в прохождении образовательных курсов, при блокировке могут быть утрачены в качестве подписчиков.

Еще одна угроза — это ужесточение законодательства, регламентирующего образовательную деятельность, функционирование средств массовой информации и работу различных интернет-сервисов и площадок. Данную угрозу достаточно сложно нивелировать, однако возможно смягчить ее последствия с помощью мониторинга законопроектов и заблаговременного получения информации о потенциальном изменении регулирования указанных сфер.

Таким образом, мы проанализировали внутренние и внешние факторы, влияющие на развитие образовательного потенциала социальных медиа (см. таблицу).

Сильные стороны социальных медиа, в совокупности с современными трендами развития информационных технологий, вовлечением в интернет-пространство все большего числа людей и трудностями традиционных форм образовательной деятельности, обеспечивают высокий потенциал их развития в образовательных целях. При этом грамотный технический подход к организации образовательного процесса посредством социальных медиа позволяет нивелировать большинство из имеющихся угроз.

SWOT-анализ образовательного потенциала социальных медиа

Факторы	Положительные стороны	Отрицательные стороны
Внутренние	<p>Сильные стороны:</p> <ul style="list-style-type: none"> – наличие обратной связи – доверие аудитории – мультиформатность и развлекательный характер информации – экономия времени 	<p>Слабые стороны:</p> <ul style="list-style-type: none"> – дисбаланс между теорией и практикой – отсутствие системности – субъективность информации – недостоверность информации
Внешние	<p>Возможности:</p> <ul style="list-style-type: none"> – дальнейшее развитие информационных технологий – расширение аудитории – ограничения традиционных форм образования 	<p>Угрозы:</p> <ul style="list-style-type: none"> – сбои в работе интернета, отдельных интернет-площадок – блокировка отдельных медиа (отдельных блогеров) по политическим причинам – ужесточение законодательства

Однако использование социальных медиа в рамках формирования правовой культуры вызывает некоторые трудности. Во-первых, акцент в соучастном образовании делается на практику, соответственно формируется только одна составляющая правовой культуры, в то время как теория (правовые традиции, система права) дается достаточно поверхностно. Во-вторых, эпизодическое обращение к данной теме (по мере возникновения проблем, связанных с правом) препятствует созданию комплексных образовательных курсов, в связи с чем социальные медиа обращаются к актуальным в определенный период времени правовым вопросам.

Подводя итоги, следует отметить, что соучастное образование посредством социальных медиа является важным инструментом для формирования правовой культуры и правосознания личности. Однако для получения более системного и комплексного результата следует использовать его в совокупности с традиционными формами образовательной деятельности, увеличивая удельную долю данного образовательного контента соразмерно его популярности в социальных медиа. Это обеспечит гармоничное формирование правовой культуры.

Гузь Ю. А., Стрикатова Т. А. Обучающий потенциал социальных сетей на примере изучения иностранного языка в Instagram // АНИ: педагогика и психология. 2021. № 1 (34). С. 246–250.

Дьячкова О. Н. Правовая культура и права человека // Философский словарь по правам человека / ред. совет: А. В. Гайда и др. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2007. С. 423–426.

Иванов В. М., Аванесян А. А., Горяинов М. С. Самообразование и профессионализм как основа успешности современного человека // Концепт. 2014. № S18. URL: <https://e-koncept.ru/2014/14726.htm?view> (дата обращения: 10.10.2021).

Керимов А. А. К вопросу о роли медиасферы в распространении правовой культуры в современной России // Международные отношения в XX–XXI вв. : IV Чепаловские чтения, посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне и 75-летию окончания Второй мировой войны : сб. науч. ст. и сообщ., Екатеринбург, 17–18 дек. 2020 г. / О. С. Поршнева (отв. ред.), А. В. Антошин, Ю. М. Галкина (сост., отв. за вып.). Екатеринбург, 2020. С. 291–295.

Лелюх В. Ф., Чванова Л. В. Феномен правовой культуры личности: понятие, история и современность // Вестн. КемГУ. 2014. № 2 (58). С. 261–267.

Носовец С. Г. Новые медиа: к определению понятия // Коммуникативные исследования. 2016. № 4 (10). С. 39–48.

О качестве контента блогов в контексте формирования правовой культуры / О. Н. Тонюк, М. В. Голышева, А. Ю. Дудчик и др. // Перспективы науки и образования. 2020. № 4(46). С. 441–454.

О пользе и вреде интернета и особенностях его использования // Фонд «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/12494> (дата обращения: 29.09.2021).

Попцов Д. А. Новые медиа в контексте формирования общественного мнения // Дискурс-Пи. 2020. № 3 (40). С. 140–152.

Старцев Я. Ю. Система образования как объект государственной политики // Вопр. политологии и социологии. 2012. № 1(2), июнь. С. 74–86.

Тулисова В. А. Трансформация средств массовой коммуникации: от традиционных средств массовой информации к New Media // Вопр. теории и практики журналистики. 2017. № 2. С. 228–244.

Что такое Новые медиа, или Digital-глобализация // AMDG. URL: <https://amdg.ru/blog/new-media> (дата обращения: 29.09.2021).

Шестёркина Л. П., Борченко И. Д. Основные характеристики новых социальных медиа // Учен. зап. ЗабГУ. Сер. : Филология, история, востоковедение. 2014. № 2. С. 107–111.

Юдин И. Б., Полякова В. В., Фурсов К. С. Практики самообразования среди взрослого населения России / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2020. URL: https://www.hse.ru/data/2020/12/03/1354266184/release_39_2020.pdf?fbclid=IwAR3gQ93oLL4WUpfGMiPbtdY2qm f5AKFsRIFiDetBb_Q2Sn6YFUWtrqbpCKpE (дата обращения: 29.09.2021).

Статья поступила в редакцию 11.10.2021 г.

МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КОНТЕНТА: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ*

В статье рассматриваются динамика медийной культуры во взаимосвязи с современными трендами медиапотребления и цифрового потребления культурно-образовательного контента в России. Акцент сделан на востребованности книги и чтения в повседневной культуре россиян (включая аудио- и электронные версии книг на интернет-ресурсах). Сегодня все, что находится за пределами медиапространства, для многих пользователей интернета практически не существует — есть только то, что «считано», освоено в медиаформате. Литературные предпочтения наших современников в период пандемии рассматриваются в статье в соотношении с популярными формами досуга с учетом влияния процессов цифровизации. Обращено внимание на то, что, с одной стороны, идут процессы активизации использования открытых ресурсов, с другой — производства нового типа контента культурно-досуговой деятельности и социального взаимодействия. Об этом свидетельствуют показатели потребления цифровых образовательных ресурсов и сервисов, онлайн-новых подкастов, трансляций в условиях пандемии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: медиапространство; медиапотребление; книжная культура; культурный контент; цифровое потребление; новый образовательный контент; онлайн-новые подкасты; нормы дистанцированного мира

Введение

Смена парадигм в образовании эпохи цифровых трансформаций повлекла за собой изменение основных его функций, переход от традиционной просветительской функции к доминанте игровой, от общества массового потребления вещей и услуг к обществу потребления энергии впечатлений средствами, прежде всего, цифровых коммуникаций и современных медиаплатформ [Глобальная нестабильность...]. Процессы конвергенции, переместившись в культурное

* Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

САЙКО Елена Анатольевна — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории культуры и искусства Государственного академического университета гуманитарных наук; главный научный сотрудник Научного и издательского центра «Наука» РАН, г. Москва (e-mail: sayko13@list.ru). ORCID: 0000-0001-7088-1630

ШЛЫКОВА Ольга Владимировна — доктор культурологии, профессор, профессор кафедры теории и истории культуры и искусства Государственного академического университета гуманитарных наук; профессор кафедры ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва (e-mail: olgashlykova@yandex.ru). ORCID: 0000-002-256-83-624

© Сайко Е. А., Шлыкова О. В., 2021

и образовательное пространства, фиксируют изменения, которые произошли как в образовании, так и в других направлениях, таких как медиакомпетенция, техническое оснащение, обучение персонала и т. д. Это принципиально иная цифровая сфера социокультурного человека, это деятельность, раскрывающая ранее неизвестные формы изменения ролей пользователей и статусов институций. Появление новых сред качественно изменило как конфигурацию медиaproстранства, так и процессы, происходящие в нем. Это определенным образом повлияло и на формат медиапотребления как способа социализации, формы саморазвития.

В целом закономерно, что активный рост медиапотребления во всех сегментах культурно-образовательных услуг, творческих индустрий, книжного рынка в 2020 г. был обусловлен отсутствием у россиян возможностей удовлетворять свои потребности в офлайн-режиме из-за пандемии COVID-19.

Методы исследования

Так как исследование носит междисциплинарный характер, то методологическим основанием статьи стал комплексный, системный подход, позволивший использовать как общенаучные, так и социально-аналитический, контекстно-компетентностный, историко-сравнительный методы исследования. Эмпирической базой работы стали статистические данные и результаты соцопросов, представленные в разных медиаисточниках: сайтах учреждений культуры и искусства, данных информагентств, мониторинга СМИ и соцсетей и др.

Основные данные исследования

Основным результатом исследования стал тот факт, что эпоха пандемии изменила как производство, так и потребление нового типа контента культурно-досуговой деятельности, трансформировав также способы социального взаимодействия.

По данным Национального агентства финансовых исследований (НАФИ), локдаун большинства социальных и образовательных возможностей раскрыл потенциал иных, прежде не освоенных и менее востребованных ресурсов и услуг. Курсы, образовательные подкасты и различные марафоны по саморазвитию приобрели особую актуальность и значимость [Новая нормальность, с. 53].

Широко открыли свои виртуальные двери библиотеки. Три четверти национальных библиотек в мире обновили свои цифровые сервисы. Государственная библиотека Нового Южного Уэльса провела опрос публичных библиотек штата относительно их онлайн-активности во время карантина, отметив, что доля библиотек, предлагающих онлайн-курсы программирования, возросла с 12 до 86 %. Спрос на электронные ресурсы вырос в первые недели пандемии на 100–120 % [COVID-19 и глобальная библиотечная сфера].

Каждый третий россиянин на самоизоляции занимался учебой или саморазвитием (36 %). Обучению больше других посвящают время молодые россияне 18–24 лет (59 % против 36 % в среднем по стране) — группа населения с наиболее экономически активным поведением, для которой свойственны высокий

уровень адаптации и обучаемости. Чаще всего на самоизоляции изучали иностранные языки, на втором месте — чтение книг (54 %) и повышение цифровых компетенций — пользование специальными программами или сервисами [Новая нормальность, с. 53].

В 2020 г. выросла доля пользовательской активности в интернете, при этом наибольший рост показали прослушивание подкастов: с 37 до 53 % [Образовательные подкасты...]. Наиболее подготовленными с этой точки зрения оказались литературные порталы, демонстрирующие высокий уровень потребления в сегменте аудио- и электронных книг отечественного издательского рынка. Показательно, что в период карантина и по сей день новинки «fiction» и «non fiction» представляются первоначально в аудиоформате, затем — в электронной и, наконец, в «бумажной» версии.

Период пандемии характеризуется противоречивостью, когда население намного чаще, чем обычно, обращалось к СМИ за актуальной информацией по теме коронавируса, официальным сводкам заболевших, вводимым мерам безопасности, но при этом декларировало низкий уровень доверия этим данным. В целом это характерная ситуация для любого кризисного периода [Новая нормальность, с. 60].

Медиапотребление во время самоизоляции существенно изменилось. Показатели телепросмотра в апреле — мае 2020 г. достигли небывалого роста: жители российских городов с населением более 100 тыс. человек в возрасте 4+ лет каждый день смотрели передачи по телевидению в среднем 4 часа 29 минут. Такая динамика коснулась аудитории всех возрастных групп (от подростков и молодежи до старшего поколения). Примкнули к потребителям медиаинформации и те, кто практически не обращался к телевидению и онлайнным средствам массовой информации. Обращение к видео в период карантина выросло на 30 %. Увеличилось и время, проводимое в сети, оно стало на 19 % больше, чем прежде. Выросла аудитория ресурсов, посвященных образованию и госуслугам, новостных ресурсов, ТВ- и видеоресурсов, социальных сетей [Ачкасова].

А. А. Лисенкова отмечает, что «...социальные сети становятся не только новой платформой для коммуникации, но и пространством конструирования идентичностей, местом создания персонализированного нарратива, опосредованного новыми цифровыми технологиями. В пространстве сети человек удовлетворяет потребности в принадлежности, самовыражении, общении, признании, одобрении, а виртуальное пространство позволяет размывать границы между реальными статусами и социальными ограничениями, позволяя нарабатывать публичный капитал с “чистого листа”, вне зависимости от социальной принадлежности пользователей в реальном мире» [Лисенкова, с. 108].

Это доказывает, что социальные сети выступили современной формой мозаичного конструирования личности, рефлексии каждого индивида. Возможности социальных сетей проявились в открытии культур друг другу и равного сосуществования в цифровом пространстве.

Результаты анализа рынка отечественного книгоиздания и книгораспространения указывают на расширение аудитории платных подписчиков на книжных сервисах (150–190 % в течение марта — апреля в 2020 г.).

Кроме того, издательства «Азбука», «Эксмо», «Альпина» и другие начиная с марта 2020 г. применяют эффективные технологии продвижения с целью поддержать интерес читателей. «ЛитРес» предоставлял скидки пользователям, что увеличило объем продаж на 31 % по сравнению с 2019 г. Сервис «MyBook» в марте — апреле 2020 г. увеличил численность целевой аудитории на 194 % по сравнению с тем же периодом 2019 г. В рейтинге среди 10 литературных порталов в мае 2020 г. первое место занял «ЛитРес», а последнее — «СамИздат Мошкова» [#STAYHOME].

Пандемия не только повлияла на технологии книгораспространения и практики чтения, но и трансформировала вкусы пользователей. К примеру, в 2018–2019 гг. художественная литература занимала в предпочтениях пользователей первое место (71 %), на втором месте была научная и научно-популярная литература (29 %), на третьем — учебная литература (26 %), на четвертом — литература о хобби и развлечениях (21 %), на пятом — бизнес- и деловая литература (16 %), на шестом — документальная проза и мемуары (10 %) [Книжный шопинг в России]. В числе наиболее популярных современных отечественных писателей (сентябрь 2018 г.) читатели в социологических опросах указывали Гузель Янину, Захара Прилепина, Бориса Акунина, Людмилу Улицкую, Виктора Пелевина (Рейтинг компании «Медialogия») [Мониторинг СМИ и соцсетей...].

Рейтинг любимых книг россиян, по результатам опроса (2019 г.), выглядел следующим образом: книги для детей (31 %); произведения классической литературы, русской или зарубежной (26 % общего числа респондентов, 36 % из них — с высшим образованием); фантастика (22 %); научная и профессиональная литература (21% из общего числа респондентов, 30 % из них — с высшим образованием); учебные пособия и справочная литература (20 %); художественные произведения современных авторов (10 %); поэзия (10 %) [Любимые книги...].

В свою очередь, о динамике интереса россиян к литературной классике свидетельствуют результаты опроса, проведенного ВЦИОМ в июне 2019 г. В целом исследователей интересовало: что перечитывают респонденты, окончив школу? Есть ли у них любимые стихотворения? Хорошо ли знают россияне писателей — классиков русской литературы, а также творческое наследие А. С. Пушкина.

Рейтинг книг, перечитываемых нашими соотечественниками в 2019 г., также апеллирует к русской классике: А. С. Пушкин (28 %), Л. Н. Толстой (27 %) (для сравнения — в 2014 г. произведения Пушкина и Толстого перечитывали только 13 % респондентов), Ф. М. Достоевский (18 %), М. Ю. Лермонтов (13 %), Н. В. Гоголь (9 %), А. П. Чехов (11 %), М. А. Булгаков (9 %), И. С. Тургенев (7 %), С. А. Есенин (7 %) [Я помню чудное мгновенье...].

Среди самых популярных классических произведений у респондентов оказались: «Война и мир» Л. Н. Толстого (83 %), «Руслан и Людмила» (75 %) и «Евгений Онегин» (73 %), А. С. Пушкина, «Мертвые души» (71 %) и «Ревизор» (54%) Н. В. Гоголя, «Герой нашего времени» (48 %) М. Ю. Лермонтова.

Таким образом, если в 2018–2019 гг. лидировала классика, то к июню 2020 г. ситуация резко изменилась: первую позицию в рейтинге жанров занимает фэнтези, затем следуют книги по психологии (в основном «практикумы»), на третьем

месте — фантастика. Топ-5 книг на litrus.ru выглядит так: В. Гайдукевич «Расширить сознание легально»; Г. Яхина «Зулейха открывает глаза»; Дж. Оруэлл «1984»; Джен Синсеро «НИ СЫ» [#STAYHOME]. По результатам опроса международного сервиса аудиокниг Storytel, среди предпочтений российских читателей — слушателей аудиокниг по-прежнему лидируют фэнтези.

В июне — июле 2020 г. детективы вернули свою популярность (любителей этого жанра стало на 35 % больше) и заняли второе место в рейтинге, на третьем месте расположилась художественная литература, на четвертом — классика, а литература по психологии разместилась на пятом месте — читателей, склонных к саморазвитию, стало на 40 % меньше по сравнению с периодом карантина [Россияне в пандемию...]. В топ-10 лучших книг (Storytel) вошли: Элизабет Гилберт «Город женщин», Никлас Натт-о-Даг «1793. История одного убийства» и «1794», Борис Акунин «Просто Маса», Дэн Браун «Происхождение», Джордж Оруэлл «1984».

Выбор читателей во многом отражает их эмоциональное состояние. Популярные книги — это своего рода символ эпохи пандемии. В соответствии с опросом, проведенным «My book», для многих читателей литературными символами года стали антиутопия Джорджа Оруэлла «1984» (20 % пользователей), «Вонгозеро» Яны Вагнер (12 %), «Пандемия» Франка Тиле (11 %), «451 градус по Фаренгейту» Рэя Брэдбери (9 %), «Любовь во время чумы» Габриэля Гарсиа Маркеса (8,8 %) [Роман «1984» стал символом...].

Очевидно, что медиатехнологии в последние десятилетия используют многие издательства, в том числе детские, как эффективный инструмент управленческих стратегий и механизм влияния на читательскую аудиторию. Поле детской литературы предоставляет для этого достаточно широкие возможности, поскольку апеллирует не только к детям, но и взрослым, и к семейным ценностям в целом. Этот потенциал используют около 100 сайтов, претендующих на роль навигатора литературного вкуса подрастающего поколения россиян. На сайтах анализируются реалии детской литературы, предоставляются списки книг, рекомендуемых для детского чтения: от классики до современных произведений; позиционируются наиболее востребованные сегодня книги и авторы. Тем не менее спрос и предложение в данной, безусловно, сложной нише не только отечественной, но и мировой книжной индустрии пока не достигли консенсуса.

Детская литература, как и литература в целом, существует ныне в трех измерениях: в формате печатной книги, e-book и аудиокниги. В последние годы появилось немало интересных идей и медиапроектов. В их числе — кинокини, основанные на мультфильмах (из отечественной анимационной классики), которые могут эффективно использоваться и в образовательном процессе — в изучении русского языка и литературы, истории, мировой художественной культуры в школах [Сайко, с. 241–248].

Стоит также отметить, что пандемия, наряду с аудио- и электронными изданиями, вызвала интерес и к «Книге 2.0» (издательство «Чтиво»), которая ранее не была востребована в пространстве российского книжного рынка.

Таким образом, благодаря информационным технологиям книга заново обретает свое особое место в нашей жизни, возрождая традиционный для России

тип «читателя-почитателя» (А. Белый). Об этом свидетельствуют и результаты ежегодного Всероссийского конкурса «Самый читающий регион». В 2020 г. его победителем стала Якутия [Подведены итоги VI Всероссийского конкурса...]. Кроме того, появляются интересные проекты, ориентированные на формирование интереса к истории книги и издательского дела в России и за рубежом, к книге как артефакту и к ее бытию в информационную эпоху. Так, в Библиотеке иностранной литературы открылся мультимедийный центр «Вселенная Гутенберга» — интерактивная среда, способствующая реализации исследовательской, образовательной, просветительской деятельности [Центр редкой книги...].

Подчеркнем, что востребованность книги и чтения в повседневной культуре современных россиян во многом обеспечивают и медиатехнологии продвижения изданий (взаимосвязь книг и экранизаций — кадр на обложке для печатных изданий, аудио- и электронные версии книг — на интернет-ресурсах). Не случайно для многих читателей все располагающееся за пределами медиапространства — «считано» в медиа, освоено в медиаформате.

Что же касается индустрии досуга, то атрибутивные для россиян виды отдыха явно проигрывают в период пандемии различным формам медиапотребления в пространстве книжного рынка. Как упоминалось ранее, социальные сети стали не только платформой для коммуникации, но и основой формирования различных познавательных пространств: от международного и регионального до локальных, национальных; способствовали преодолению однородных барьеров и однородного развития в сторону культурного разнообразия и глобального диалога, что позволило говорить о трансформации социокультурной и образовательной среды, где соцсети выступают ядром генерации и распространения в воспроизводстве новых типов контента.

В социальных сетях культурно-образовательный контент предстает в разнообразных формах и видах: это могут быть тематические сообщества, посвященные образованию или литературе, творческие объединения, опубликованные пользователем посты/подборки, подкасты и т. д.

По результатам социологического опроса в августе 2020 г., многие россияне в период карантина открыли для себя новый вид интеллектуального досуга — виртуальные туры в музеи: 82 % респондентов были информированы о прогулках по музеям, 32 % проявили к ним интерес [День рождения музеев...].

С конца марта 2020 г. французский музей Лувр, который является наиболее посещаемым в мире (до 10 млн посетителей в год — цифра 2018 г.), благодаря проведению онлайн-выставок столкнулся с четырехкратным увеличением онлайн-подключений, число которых возросло до 400 тыс. в день [Как коронавирус меняет сферу культуры...]. В то время как Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина зафиксировал увеличение посетителей на главной странице сайта на 65 %, а длительность посещений — на 38 %. Только за первый карантинный месяц обращение к виртуальным турам музея составило 1521 % в сопоставлении с допандемийным периодом [Культура в условиях пандемии..., с. 28].

Востребованность виртуальных туров в музеи оказалась значительно выше в Москве и Санкт-Петербурге (94 %), городах-миллионниках (89 %), а в сельской

местности респонденты хотя и знали об этом, но не посещали музеи онлайн (74 %) [Я помню чудное мгновенье...]. Самым популярным интернет-порталом музея стал Эрмитаж (23 %), на втором месте — Третьяковская галерея (19 %), на третьем — ГМИИ им. А. С. Пушкина (7 %), на четвертом — Русский музей (6 %). В числе зарубежных виртуальных туров по-прежнему лидирует Лувр (26 %) [День рождения музеев...].

Особый интерес россияне проявили к историческим музеям, а на последнем месте в их предпочтениях оказались литературные музеи [Там же]. Однако и у них появляются заманчивые медиаперспективы. В их числе, к примеру, мобильное приложение «Достоевский. Омск», включающее памятные в историко-культурном и литературоведческом измерении места, связанные с именем Ф. М. Достоевского и др.

Если до карантина музеи занимали в досуге россиян лишь 4-ю позицию (24 %), после праздничных массовых мероприятий (48 %), кинотеатра (41 %), театра (27 %), опережая зоопарк и библиотеки (по 18 %) [Культурная жизнь россиян...], то с середины 2020 г. конкурентоспособность музеев на рынке культурных услуг значительно выросла.

В настоящий период именно медиапространство детерминирует культурные потребности населения, формируя и трансформируя художественный вкус читателя, слушателя, зрителя. Поэтому особенно важной становится проблема интеллектуальной, в том числе эстетической, «навигации» современного интернет-пользователя.

В этом смысле показательна динамика доминирующей лексики наших современников, которая отражается в так называемых «словах года». По версии поисковиков «Яндекс», в 2015 г. ими стали «тверк», «кек», «слипоны»; в 2016 г. — «гироскутер», «петиция», «вейп»; в 2017 г. — «спиннер», «майнинг», «криптовалюта»; в 2018 г. — «слайм», «каршеринг», «сквиши»; в 2019 г. — «рецессия», «постирония», «люстрации», а в 2020 г. — «карантин», «пропуск», «конституция» [Названы слова года...].

В свою очередь, словарь Collins English Dictionary в качестве слова 2020 г. выбрал «lockdown» (локдаун) как «состояние, которого люди боятся в нынешнем году больше всего» [Словарь Collins выбрал...].

Отметим, что потребление цифровой информации, по данным Mediascope, в период пандемии значительно увеличилось. В крупных городах с населением более 100 тыс. человек наблюдается некий всплеск медиапотребления. Время обращения к новостным лентам интернета выросло на 73 % [Ачкасова]. Однако если в первые недели пандемии люди готовы были потреблять всю имеющуюся информацию в больших количествах (независимо от источников), то в последующие этапы пандемийного периода пользователи научились отсеивать нужную информацию [Шлыкова, с. 160–169].

Молодежь, представляя собой активную, гибкую социально-демографическую группу, с легкостью стала осваивать новые технологии и подстраиваться к постоянным изменениям и обновлениям цифровой среды. «Именно молодежь, — подчеркивает А. А. Лисенкова, — легче адаптируется к качественно новым

социальным условиям, а потому является лидером процессов социокультурных изменений» [Лисенкова, с. 132].

Выводы

Подводя итоги исследования, следует отметить, что заметным стало разнообразие мобильного и интерактивного потребления, расширение границ и круга пользователей за счет онлайн-взаимодействия, получение новых знаний и навыков овладения цифровыми компетенциями как у учреждений, транслирующих новые типы контента, так и у публики. Сам контент является смыслообразующим звеном в информационно-коммуникационной среде, от которого зависят ценностные ориентиры пользователей. Сегодня, в условиях глобального и непрерывного потока информации и доминирования развлекательного контента, необходимо, чтобы процессы производства и генерации культурного контента, направленного на трансляцию знаний, нравственных ценностей, культурных благ, на развитие творческого потенциала, обеспечивали актуализацию и мобильные формы трансляции культурного и научного наследия.

Библиотеки, музеи, образовательные учреждения также проявили высокий уровень мобильности в кризисных условиях и удержали своих пользователей, расширив границы распространения своих сервисов за счет онлайн-коммуникаций, формирования нового контента, отвечающих потребностям времени. Помимо заметного тренда к получению новых знаний и навыков овладения цифровыми компетенциями, метанавыками будущего, пользователи стали осваивать способы выживания и эффективной адаптации к реалиям времени для успешного интегрирования в будущее.

Ачкасова К. Об изменениях медиапотребления на Digital Brand Day 2020. URL: <https://mediascope.net/news/1177564> (дата обращения: 10.05.2021).

Глобальная нестабильность и цифровые технологии: реалии XXI века : междунар. конф., 27 нояб. 2020 г., РУДН. URL: https://www.youtube.com/watch?v=wxMbpR8Rctg&feature=emb_logo (дата обращения: 12.05.2021).

День рождения музеев онлайн. URL: <http://www.wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-muzeev-onlajn> (дата обращения: 18.09.2021).

Как коронавирус меняет сферу культуры: балет онлайн и аплодисменты миллионов невидимых зрителей. URL: <https://ach.gov.ru/news/kak-koronavirus-menyaet-sferu-kultury-balet-onlajn-i-aplodismenty-millionov-nevidimykh-zriteley> (дата обращения: 10.08.2021).

Книжный шопинг в России. URL: <https://www.picodi.com/ru/mozhno-deshevle/knizhnyj-shopping-v-rossii-i-mire> (дата обращения: 27.12.2021).

Культура в условиях пандемии Covid-19 : дайджест подгот. Департаментом междунар. и регион. сотрудничества. М., 2020. 49 с.

Культурная жизнь россиян: динамика основных показателей. 2018. 29 нояб. URL: <http://www.wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kulturnaya-zhizn-rossiyan-dinamika-osnovnykh-pokazatelej> (дата обращения: 01.07.2021).

Лисенкова А. А. Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве : монография. Пермь, 2021. 286 с.

Любимые книги: что читают россияне? URL: <http://www.wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/lyubimye-knigi-chto-chitayut-rossiyane> (дата обращения: 21.06.21).

Мониторинг СМИ и соцсетей. «Медиалогия». URL: <http://www.mgl.ru> (дата обращения: 24.10.2020).

Названы слова года по версии поисковика «Яндекс». 2020. 18 дек. <https://godliteratury.ru/articles/2020/12/18/nazvany-slova-goda-po-versii-poiskovika-iandeks> (дата обращения: 21.12.2020).

Новая нормальность. Образ жизни, рынки, инфраструктура и коммуникации после пандемии : анализ. спецпроект. М., 2020. 76 с.

Образовательные подкасты: в чем сила звука? URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iKalqНуЗам4&t=144s> (дата обращения: 19.08.2021).

Онлайн- и офлайн-образование. Методология и принятие решений : материалы круглого стола на филос. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова // Проблемы современного образования. 2019. № 4. С. 9–49.

Подведены итоги VI Всероссийского конкурса «Самый читающий регион». 2020. 27 окт. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2020/10/27/literaturnym-flagmanom-rossii-nazvana-respublika-saha-iaakutiia> (дата обращения: 7.11.2020).

Роман «1984» стал символом 2020 года у россиян. 2020. 15 дек. URL: <http://godliteratury.ru/articles/2020/12/14/roman-1984-stal-simvolom-2020-goda-u-rossiian> (дата обращения: 16.12.2020).

Россияне в пандемию предпочли Акунина и Кинга книгам-мотиваторам. URL: <https://www.rbc.ru/society/08/12/2020/5fcf556b9a7947563ad240da> (дата обращения: 16.12.2020).

Сайко Е. А. Книжная культура: императивы коммуникации в информационную эпоху // Научная периодика: проблемы и решения. 2017. Т. 7, № 4. С. 241–248.

Словарь Collins выбрал слово 2020 года. 2020. 10 нояб. URL: <https://www.interfax.ru/world/736388> (дата обращения: 21.12.2020).

Шлыкова О. В. Цифровое потребление культурного контента в условиях «новой нормы» дистанцированного мира // Вестн. МГУКИ. 2020. № 5 (97). С. 160–169.

Центр редкой книги и коллекций «Вселенная Гутенберга». URL: <https://libfl.ru/ru/department/centr-redkoj-knigi-i-kollekcij/> (дата обращения: 16.12.2020).

Я помню чудное мгновенье... URL: <http://www.wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ya-romnyu-chudnoe-mgnovenie-> (дата обращения: 09.07.2021).

COVID-19 и глобальная библиотечная сфера. URL: <https://www.ifla.org/node/93042> (дата обращения: 03.07.2021).

STAYHOME. Бонусы самоизоляции для книжного онлайн // Книжная индустрия. URL: <https://www.bookind.ru/categories/market/9881> (дата обращения: 09.09.2021).

Статья поступила в редакцию 16.09.2021 г.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОБЛЕМ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЙНОЙ ПОВЕСТКЕ ДНЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Показано, как наиболее популярные в Республике Татарстан русскоязычные медиа раскрывают проблемы в сфере образования. Используются методы проблемно-тематического, лексико-стилистического и сравнительно-сопоставительного анализа массмедиа за два предыдущих года (было проанализировано 570 публикаций). В результате исследования выявлено, что авторы статей при описании многочисленных конфликтов между учителями, учениками и их родителями придерживаются эмоциональной точки зрения, желая увеличить количество просмотров своих статей и рейтинг конкретного медиа, что не способствует формированию положительного медийного образа учителя.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Республика Татарстан; образование; массмедиа; повестка дня; школа; учитель; ученик; конфликт; оценка; эмоция

Информационные поводы, связанные со сферой образования, в повестке дня СМИ возникают почти ежедневно. К так называемым «долгоиграющим» проблемам (попытки найти причины снижения качества образования, подготовка и проведение ЕГЭ, поступление в вузы вчерашних школьников и трудоустройство выпускников, уровень подготовки учителей, необъективность отдельных учителей и преподавателей в оценивании качества знаний обучающихся и т. д.) некоторое время назад добавились и связанные с криминалом проблемы взяток и поборов в школах, применения силы со стороны учителей по отношению к ученикам и прежде всего трагедии в учебных заведениях. Для Татарстана последняя тема особенно актуальна: 11 мая 2021 г. в казанской гимназии № 175 в результате стрельбы погибли 9 человек и 23 человека пострадали. Событие вызвало всероссийский резонанс, его обсуждение продолжается до сих пор. Следует напомнить, что столица Республики Татарстан — студенческий город, здесь имеется несколько десятков учебных заведений среднего и высшего звена, более 217 лет работает классический университет, получивший статус федерального, ежегодно сюда приезжает учиться большое число первокурсников, а с ними переезжают и некоторые из родителей. Таким образом, в регионе есть не только те, о ком можно рассказать в рамках тематического направления или рубрики в СМИ, но и большое количество людей, которым регулярное освещение данной темы может быть потенциально интересно.

БАКАНОВ Роман Петрович — кандидат филологических наук, доцент кафедры национальных и глобальных медиа Высшей школы журналистики и медиакоммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета (e-mail: rbakanov@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-1097-8390

© Баканов Р. П., 2021

Объектом нашего исследования стала современная повестка дня региональных СМИ Республики Татарстан (далее – РТ), а *предметом* – репрезентация проблем в сфере образования в современной медийной повестке дня РТ.

Эмпирической базой исследования стали четыре русскоязычных общественно-политических издания разных форм собственности:

– государственная газета «Республика Татарстан» – печатный орган правительства РТ, где долгое время существует постоянная рубрика «Наука и образование»;

– деловая электронная газета Татарстана «БИЗНЕС Online» (<https://www.business-gazeta.ru/>), по документам частное издание, на практике – весьма лояльное к деятельности мэра Казани и всей администрации города;

– негосударственное онлайн-издание «KazanFirst» (<https://kazanfirst.ru/>);

– частное онлайн-издание «Вечерняя Казань» (<https://www.evening-kazan.ru/>).

Указанные СМИ вошли в топ-20 подготовленного компанией «Медialogия» индекса цитирования по РТ за 2-й квартал 2021 г. [Татарстан...] и имели хорошие показатели посещения в рейтинге компании Liveinternet.ru в сентябре 2021 г. [Новости...].

Хронологический период исследования ограничен двумя годами: с 1 октября 2019 г. по 1 октября 2021 г. Это время характеризуется не только включенными в региональную повестку дня многочисленными сообщениями о достижениях и неудачах в области образования, но и экстренными изменениями в его системе, начавшимися в середине марта 2020 г. после объявления Всемирной организацией здравоохранения пандемии COVID-19. В нашу жизнь вошло понятие «дистанционное образование» («дистант»), а современных школьников и студентов в обществе начали называть «поколением дистанта» (по аналогии с «поколением ЕГЭ»). Информационный поток в рамках интересующей нас темы был плотным: медиатексты публиковались если не каждый день, то с периодичностью один текст в три-четыре дня.

Выполняя исследование, мы применяли следующие *методы*:

– *сплошной мониторинг* публикаций, в которых освещались или обсуждались связанные с системой образования темы или вопросы. Из четырех изученных нами СМИ только в газетах «Республика Татарстан» и «Вечерняя Казань» имелись соответствующие рубрики: «Наука и образование» и «Образование». В «БИЗНЕС Online» и «KazanFirst» их не было, потому тексты, как правило, публиковались в общей ленте и/или под другими рубриками;

– *проблемно-тематический анализ* медиатекстов на тему образования, позволивший установить, что конкретно интересовало авторов изданий, в чем они видели социальные проблемы и почему полагали, что они должны быть интересны целевой аудитории изданий, в которых работают;

– *лексико-стилистический анализ* медиатекстов. С его помощью мы, во-первых, выявили слагаемые формирования той или иной оценки или авторской позиции по отношению к описываемой ситуации; во-вторых, смогли установить наличие или отсутствие средств художественной выразительности, используемых авторами медиатекстов для усиления привлечения внимания аудитории

или придания важности конкретной проблеме или ситуации, а также определить функциональный стиль подачи темы;

— *сравнительно-сопоставительный анализ* публикаций, задачей которого было, во-первых, определить, о каких проблемах в сфере образования изученные нами СМИ писали регулярно / эпизодически / редко, а о чем не писали вовсе; во-вторых, выявить полярные мнения (самые отрицательные и самые положительные) о ситуации в сфере образования в Республике Татарстан СМИ; в-третьих, установить, какие способы применялись авторами в каждой из редакций, чтобы закрепить тот или иной информационный повод в текущей повестке дня.

У редакции каждого издания был свой уровень вовлеченности в тематическую повестку дня. Регулярнее других данная тема освещалась в государственной газете «Республика Татарстан» (321 публикация). Далее следует онлайн-издание «Вечерняя Казань», количественные показатели которой гораздо скромнее (101 публикация), на третьем месте «KazanFirst» (82), меньше всех тема образования была представлена в повестке дня «БИЗНЕС Online» (66). Всего мы изучили 570 медиатекстов, в той или иной степени освещающих тему состояния современного образования в РТ, качество сопровождения учебно-образовательного процесса. Лидирующий показатель официального СМИ мы можем объяснить тем, что его авторам необходимо было освещать не только и не столько проблемы в области образования, сколько информационные поводы, связанные с вниманием к этой теме первых лиц региона, например, с участием президента РТ, премьер-министра и/или председателя Госсовета региона в каких-либо мероприятиях или посещением ими определенных объектов науки и образования. Редакция газеты обязана освещать любую деятельность первых лиц региона, тогда как авторы трех других изданий такой «нагрузкой» обременены не были.

Также можно объяснить и небольшое количество текстов на тему образования, опубликованных в деловой электронной газете «БИЗНЕС Online»: в центре внимания данного СМИ — деловая среда, возможности ведения бизнеса в РФ и связанные с этой деятельностью проблемы. Тема образования там освещалась тогда, когда ее можно было встроить в бизнес-контекст: скажем, разработан образовательный проект, который способен привлечь значительные инвестиции в регион, или учащийся (ученый) из РТ хорошо / плохо проявил себя в стране или за рубежом и т. д. Однако авторы этого издания (как и трех других) не смогли игнорировать то небольшое количество срочных информационных поводов, которые были связаны с криминалом (стрельба в казанской гимназии № 175 и ее последствия; несколько претендующих на статус резонансных событий, связанных с судебными процессами над директорами школ, детских садов или уголовным преследованием отдельных должностных лиц управленческого состава вузов РТ). Ежедневно в ленте новостей каждого из сайтов размещалось как минимум одно информационное сообщение о чем-либо из сферы среднего или высшего образования в РТ, но такие медиатексты в силу их однотипности, отсутствия авторских оценок, стандартизации оформления заголовков нами не изучались. Во-первых, они вряд ли могли оказать определенное воздействие на сознание аудитории (кроме информационного). Во-вторых, по каждому потенциально

значимому или резонансному информационному поводу авторы всех четырех изданий старались оперативно написать отдельные объемные тексты с фотографиями, в которых подробно рассказывали о том, что произошло, давали слово заинтересованным в конкретных спорных или конфликтных ситуациях сторонам и/или очевидцам событий, иногда экспертам и представителям органов исполнительной власти в зависимости от уровня их значимости и компетентности в конкретных ситуациях.

Приведем топ-5 тематических направлений раздела «Образование» изученных нами СМИ:

— экстренный перевод обучения школьников и студентов в дистанционный формат и его влияние на качество обучения и здоровье людей;

— поборы в школах и выявленные случаи платной сдачи отдельных зачетов и экзаменов в вузах;

— недостаточный (по мнению родителей учеников) уровень охраны школ и детских садов, несмотря на указание усилить организацию безопасности нахождения детей в образовательных учреждениях разного уровня;

— случаи превышения учителями, воспитателями и директорами школ или детских садов своих должностных полномочий;

— подготовка школьников к ЕГЭ, нестандартные ситуации его проведения и связанные с этим последствия.

Также актуальной была тема качества жилищно-бытовых условий проживающих в общежитиях студентов казанских вузов. Корреспонденты «Республики Татарстан», «KazanFirst» и эпизодически «Вечерней Казани» откликнулись и на тематические информационные поводы: День знаний, День учителя, начало каникул, День российской науки, проведение ЕГЭ. Информационных поводов для обращения к интересующему нас тематическому направлению за два года исследования было много. А вот каким образом они получали освещение или обсуждение в СМИ — вопрос другой. В качестве примера обратимся к подаче сообщений об оперативном переводе образовательного процесса в школах и вузах нашего региона в дистанционный формат во второй половине марта — начале апреля 2020 г. Возьмем по три публикации изученных нами СМИ, так как по одному материалу вряд ли можно составить даже общее впечатление о стилистике подачи и возможной авторской позиции.

Газета «Республика Татарстан»: «Карантин — не каникулы: студентов Татарстана отправляют по домам, но не освобождают от учебы» [Чеснокова, 2020б, с. 3]; «Есть повод отработать передовые технологии: что ждет школьников и студентов в ближайшие недели» [Чеснокова, 2020а, с. 5]; «Университет к переходу на “дистанцию” готов» [Университет..., с. 2].

«Вечерняя Казань»: «Вирус наступает, компьютеры дорожают: родители школьников в Татарстане готовятся к дистанционному обучению детей» [Васильева, 2020а]; «“Да пошло оно это ДО!”: первый день на дистанционке вогнал в истерику казанских школьников и их родителей» [Васильева, 2020б]; «Лучше ужасный конец... Выпускники казанских школ и их родители на нервах из-за неопределенности с ЕГЭ» [Васильева, 2020в].

«KazanFirst»: «Рафис Бурганов: “До 12 апреля детей в школах быть не должно”» [Кадырова]; «Рафис Бурганов: “Полгода назад мы даже морально не были готовы к дистанционному обучению”» [Ляпунов]; «Для школьников Татарстана выпустили памятку по организации дистанционного обучения» [Для школьников...].

«БИЗНЕС Online»: «“Нормальной организации не будет, показуха!”: как вузы Татарстана переходят на “удаленку”» [Городнова и др.]; «Рамиль Халимов: “Мы переходим на дистанционное обучение ради безопасности наших детей”» [Невская]; «Рафис Бурганов: “Сказать, что наши школы не готовы к “дистанционке”, я не могу”» [Ерофеев].

Как видим, СМИ не смогли пройти мимо данной темы, быстро принявшей статус социальной проблемы. Авторы «Республики Татарстан» и «KazanFirst» за счет использования имеющих положительное для потребителей значение лексико-стилистических конструкций и обращения к экспертам (прямая речь министра образования и науки РТ Рафиса Бурганова) старались успокоить аудиторию, дать ей коммуникативный посыл: ничего неприятного не произошло, все под контролем профильного министра и республиканского руководства.

Авторы «БИЗНЕС Online» и «Вечерней Казани» не только в этом, но и во многих других случаях обращения к теме образования использовали прием вынесения в заголовки провокативных цитат. По замыслу редакции, аудитория, почувствовав интригу, должна была ознакомиться с текстом. Мы считаем, что привлечению внимания аудитории способствуют и разговорный стиль заголовочной цитаты, и используемая лексика с выраженным отрицательным значением («показуха», «истерика», «да пошло оно»). Если в «БИЗНЕС Online» такой прием применялся время от времени (вероятно, при наличии соответствующих цитат), то в «Вечерней Казани» он носил регулярный характер, а цитаты авторы текстов часто брали из открытых родительских групп в соцсетях (например, «Поборы в школах» или «Родительское сообщество в Татарстане») и чатов в мессенджерах. Эмоциональное воздействие на аудиторию в каждом тексте усиливалось за счет использования одинаково экспрессивно окрашенных подзаголовка и лида. Примеры: «Не ждите и не надейтесь: КФУ не даст поблажек абитуре, измученной самоизоляцией» [Васильева, 2020г]; «“Мальчик из третьего класса с молотком вышел на митинг против Путина”: в казанской школе разгорелся скандал из-за беседы учительницы с детьми о протестах» [Васильева, 2021]. «Наказать учительницу за то, что она во время урока “самовольно взялась влиять на развитие детей в области политики”, потребовала родительница ученика 4-го класса казанской школы № 130, — читаем мы лид данного сообщения. — Мама в соцсетях обвинила учительницу в том, что та на уроке русского языка прочитала детям “политическую лекцию” о Навальном, Путине и мальчике-третьекласснике, который якобы вышел на митинг с молотком. В школе по заявлению родительницы провели проверку и пришли к выводу, что наказывать педагога не за что» [Там же]. Данная часть текста претендует на объективность: в общем виде представлены позиции двух сторон конфликта, а экспрессивное воздействие на аудиторию осуществляется не только с помощью двух имеющихся здесь цитат, но и слов «наказать» и «наказывать».

Мы выявили, что несмотря на то, что авторы публикаций трех изученных нами изданий (кроме газеты «Республика Татарстан») старались «погрузить» свою аудиторию в проблему или конфликт уже в первых строках повествования (включая заголовок), знакомя читателей с позициями сторон конфликта, цитируя их единомышленников, они все же пытались сохранить свою нейтральную позицию. Мы считаем, что им это часто удавалось.

Изложив мнения сторон (часто эмоциональные), авторы медиатекстов не комментировали ситуацию, не организовывали интерактивов, часто не обращались и к экспертам. Если для понимания сути произошедшего необходим был комментарий представителей районных отделов образования, Управления образования г. Казани или Министерства образования и науки РТ, редакции направляли запросы в эти организации, цитируя ответы по мере их поступления. В «БИЗНЕС Online» комментарии экспертов (постоянный их круг насчитывал восемь персон, среди которых директор казанской школы «Солнце» П. Шмаков, почетный работник профессионального образования РТ Р. Гузенфельд, представители общественности и управленческого аппарата профильных ведомств) публиковались регулярно и оперативно, причем редакция старалась дать аудитории разные мнения экспертов. Весной и летом 2021 г. обращение к экспертам постепенно сошло на нет, и такой подход редакции мы выявили не только в публикациях на тему образования, но и на другие темы. К экспертам там стали обращаться только в случае рассказа о горячих событиях или проблемах в области политики и экономики.

А вот в газете «Республика Татарстан» о серьезных проблемах в области образования старались не писать. Конечно, там сообщали о психологических и социальных последствиях, которые испытали на себе ученики казанской гимназии № 175, находившиеся во время трагедии в классах, рассказывали о некоторых оказавшихся в сложной жизненной ситуации учениках школ РТ. Но большинство объединенных в рубрику «Наука и образование» публикаций данного издания — расширенные заметки, протокольные интервью, отчеты или эпизодические репортажи о посещении первыми лицами республики образовательных учреждений, научных лабораторий, их встречи с известными учеными или одаренными обучающимися школ или вузов РТ, участие в торжественных заседаниях по случаю конкретных памятных дат. Авторам таких медиатекстов почти не нужны были эксперты, потому что речь о проблемах, как правило, не шла, а если вдруг между делом о них и упоминалось, то, как правило, в докладах и речах официальных лиц. Даже если у корреспондентов была необходимость дать комментарий той или иной ситуации, то всегда цитировались речи первых лиц региона, конкретно тех, кто был героем конкретных статей. Мы полагаем, что стратегической целью таких медиатекстов является формирование положительного общественного мнения о деятельности местной власти, о том, что у нее (власти) все под контролем, она в курсе всех дел и проблем. Достижению указанной цели способствует и стилистика текстов: «...Республика не только строит, но и серьезно ремонтирует учебные заведения. Так, в рамках федерального проекта “Современная школа” национального проекта “Образование” сейчас в 42 сельских школах идет большое обновление материально-технической базы. 45 учебных заведений в этом году

прошли через капитальный ремонт. А в рамках федерального проекта “Успех каждого ребенка” завершен ремонт спортивных залов сельских школ в двух районах республики» [Чеснокова, 2021]. В данном тексте положительное общественное мнение о деятельности власти формируется за счет статистики. Примеры можно продолжить.

Таким образом, в результате изучения медиатекстов на тему образования мы установили, что в 59 % (336 единиц) от общей их численности не преобладала определенная авторская оценка описываемой в медиатексте ситуации. Авторы «БИЗНЕС Online», «Вечерней Казани» и «KazanFirst», применяя прием драматизации конфликта за счет эмоционально окрашенной лексики и подробно описывая все, вплоть до деталей случившегося, почти всегда старались избежать оценки ситуаций, предоставляя аудитории право самостоятельно их оценить и сделать для себя выводы. Исключением стала гибель детей и учителей в казанской гимназии № 175 11 мая 2021 г., эту ситуацию авторы всех четырех изученных нами изданий оценили резко отрицательно (39 текстов или 6,8 %). Остальные 195 текстов (34,2 %), опубликованных в основном в газете «Республика Татарстан», содержали положительную авторскую оценку описываемых ситуаций или фактов.

Проведя исследование, мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, освещение темы образования на страницах изученных нами изданий имело разные повестки дня. Темы для разговора и акценты в их подаче проявлялись в разных СМИ неодинаково. Если в «KazanFirst», «Вечерней Казани» и «БИЗНЕС Online» в основном писали о конфликтных ситуациях, возникавших, как правило, в сфере обеспечения образовательного процесса (учитель и ученик, ученик и дистанционное образование, ученик и социальные сети, родители и администрация школы), то в газете «Республика Татарстан» чаще речь шла о системе высшего образования, некоторых достижениях местных ученых и результатах деятельности академических институтов, крупных вузов и профильных учреждений (например, Академия наук РТ). Мы считаем, что игнорирование социальных проблем в данной области (как и пристальное к ним внимание) может способствовать получению аудиторией не всегда объективной и достоверной информации, что может привести к формированию у аудитории искаженного понимания о существующих достоинствах и недостатках в данной тематической области.

Во-вторых, в освещении ситуации, связанной с обеспечением качества среднего и высшего образования (о ситуации в сфере среднего специального образования в РТ речь в СМИ не шла), корреспонденты «Вечерней Казани» и отчасти «KazanFirst» сделали акцент на криминализации тематической палитры. Так, серия репортажей из зала суда, в которых ответчиками по обвинениям со стороны родителей в получении финансовой выгоды или незаконном присвоении денежных средств являются директора школ или детских садов, а также освещение журналистами случаев применения силы со стороны взрослых по отношению к учащимся, и наоборот (сначала эти случаи обсуждаются в соцсетях, затем тиражируются корреспондентами СМИ), видимо, направлены на привлечение внимания аудитории к данной теме ради формирования резонанса в обществе.

Где сильнее резонанс, там может быть дороже реклама. Таким образом, авторы всех редакций, составивших эмпирическую базу исследования, использовали ситуацию в сфере образования для создания выгодных условий функционирования своих СМИ: положительное мнение власти о деятельности коллектива редакции («Республика Татарстан») или возможное увеличение своих доходов за счет привлечения дополнительной рекламы.

В-третьих, во всех изученных нами СМИ подача сообщений на тему образования и формулирование их в качестве социальных проблем сопровождалось апелляцией авторов публикаций к чувствам людей, их способности эмоционалировать, но не логически рассуждать о чем-то. Сильнее это проявлялось в «Вечерней Казани» и «KazanFirst» (использование провокативных заголовков, наличие разговорной лексики в них), слабее — в «Республике Татарстан» и «БИЗНЕС Online». У авторов статей зачастую не было времени (а может, желания), чтобы ответить на вопросы: «Что нужно сделать для того, чтобы урегулировать конфликт?», «Как исправить ситуацию?» и т. д. Эксперты, к которым обращались корреспонденты «БИЗНЕС Online», высказывали личное мнение о случившемся, пытались дать прогноз, к чему это может привести, но не предлагали конкретных способов преодоления конфликтов или противоречий. Аналитический анализ аудитории не проводился.

В-четвертых, актуальным для массмедиа является поиск положительного героя в сфере образования. Где как не в ее рамках регулярно формировать медийный образ человека труда (например, из числа учителей), передающего свой опыт и знания молодому поколению. Думается, что делать это нужно не только ко Дню учителя (и тогда подобных публикаций мы насчитали единицы), но и на протяжении всего года. После трагедии в гимназии № 175 в каждом из СМИ были публикации о двух учителях, которые погибли, защищая детей. Была идея представить их к награде. Через несколько дней эта тема ушла из повестки дня и до сих пор новостей нет. В газете «Республика Татарстан» периодически можно встретить такие публикации, но они нерегулярны. Единственный положительный герой на страницах указанного СМИ — собирательный образ региональной власти, создающей условия для успешной работы представителей всех направлений.

В-пятых, указанные тенденции в целом соответствуют сложившейся практике освещения проблем в сфере образования в СМИ федерального уровня. Например, так же, как и в «Российской газете», в официальном СМИ РТ сообщалось о некоторых достижениях школьников, студентов и ученых, публиковались отчеты о деятельности власти по строительству и капитальному ремонту школ и детских садов. В то же время связанные с осуществлением качественного образовательного процесса вопросы и проблемы оставались вне повестки дня. По аналогии с негосударственными федеральными медиа в частных изданиях РТ ситуация с обучением школьников и студентов часто драматизировалась и даже криминализировалась. Внимание корреспондентов было направлено на случаи превышения педагогами и администрацией учебных заведений своих должностных полномочий, для нагнетания напряжения использовались провокативные цитаты, экспрессивно окрашенная лексика, разговорный стиль подачи

материала, цитирование гневных родительских комментариев из соответствующих групп соцсетей и чатов в мессенджерах. Вероятно, это делалось в целях так называемого «заигрывания с аудиторией», исходя из желания удовлетворить ее запросы на сиюминутные эмоции. Ни на федеральном, ни на республиканском уровнях авторы публикаций не стремились предложить обсуждение и решение описываемых ситуаций и проблем. Регулярно создаваемые журналистами мнимые сенсации, конечно, могут вывести медиатексты и издание на верхние позиции новостных интернет-агрегаторов (периодически так и случается), вследствие чего значительно увеличить аудиторию. Однако, на наш взгляд, имеющееся копирование (а то и подражание) региональными СМИ принятых на федеральном уровне принципов и тенденций освещения темы образования повлечет дальнейшее снижение уровня доверия аудитории к массмедиа РТ и ее оттоку в социальные сети.

Мы считаем, что в качестве поиска современных социальных ориентиров СМИ необходимо больше обращать внимание на людей, ежедневно совершающих небольшие трудовые подвиги на своих рабочих местах. Насущным является формирование медийного образа работника среднего и высшего образования прежде всего как творческой разносторонней личности, а не как преступника и алчного человека.

Васильева Н. Вирус наступает, компьютеры дорожают: родители школьников в Татарстане готовятся к дистанционному обучению детей // *Вечерняя Казань*. 2020а. 26 марта. URL: <https://www.evening-kazan.ru/articles/virus-nastupaet-kompyutery-dorozhayut-roditeli-shkolnikov-v-tatarstane-gotovuyatsya-k-distancionnomu-obucheniyu-detej> (дата обращения: 03.10.2021).

Васильева Н. «Да пошло оно это ДО!»: первый день на дистанционке вогнал в истерику казанских школьников и их родителей // *Вечерняя Казань*. 2020б. 6 апр. URL: <https://www.evening-kazan.ru/articles/da-poshlo-ono-eto-do-pervyy-den-na-distancionke-vognal-v-isteriku-kazanskikh-shkolnikov-i-ih-roditeley.html> (дата обращения: 03.10.2021).

Васильева Н. Лучше ужасный конец... Выпускники казанских школ и их родители на нервах из-за неопределенности с ЕГЭ // *Вечерняя Казань*. 2020в. 10 апр. URL: <https://www.evening-kazan.ru/articles/luchshe-uzhasnyy-konec-vypuskniki-kazanskikh-shkol-i-ih-roditeli-na-nervah-iz-za-neopredelennosti-s-ege.html> (дата обращения: 03.10.2021).

Васильева Н. Не ждите и не надейтесь: КФУ не даст поблажек абитуре, измученной самоизоляции // *Вечерняя Казань*. 2020г. 15 мая. URL: <https://www.evening-kazan.ru/articles/ne-zhdite-i-ne-nadeytes-kfu-ne-dast-poblazhek-abiture-izmuchennoy-samoizolyaciyey.html> (дата обращения: 03.10.2021).

Васильева Н. «Мальчик из третьего класса с молотком вышел на митинг против Путина»: в казанской школе разгорелся скандал из-за беседы учительницы с детьми о протестах // *Вечерняя Казань*. 2021. 1 марта. URL: <https://www.evening-kazan.ru/articles/malchik-iz-3-go-klassa-s-molotkom-vyshel-na-miting-protiv-putina-v-kazanskoj-shkole-razgorelsya-skandal-iz-za-besedy> (дата обращения: 03.10.2021).

Городнова А., Вильданова Э., Исламов Д., Ахкиямова Л. «Нормальной организации не будет, показуха!»: как вузы Татарстана переходят на «удаленку» // *БИЗНЕС Online*. 2020. 17 марта. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/461557> (дата обращения: 03.10.2021).

Для школьников Татарстана выпустили памятку по организации дистанционного обучения // *KazanFirst*. 2020. 4 апр. URL: <https://kazanfirst.ru/articles/515151> (дата обращения: 03.10.2021).

Ерофеев К. Рафис Бурганов: «Сказать, что наши школы не готовы к “дистанционке”, я не могу» // БИЗНЕС Online. 2020. 24 марта. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/462463> (дата обращения: 03.10.2021).

Кадырова Л. «Рафис Бурганов: “До 12 апреля детей в школах быть не должно”» // KazanFirst. 2020. 18 марта. URL: <https://kazanfirst.ru/articles/513779> (дата обращения: 03.10.2021).

Ляпунов Д. «Рафис Бурганов: “Полгода назад мы даже морально не были готовы к дистанционному обучению”» // KazanFirst. 2020. 24 марта. URL: <https://kazanfirst.ru/articles/514254> (дата обращения: 03.10.2021).

Невская А. «Рамиль Халимов: “Мы переходим на дистанционное обучение ради безопасности наших детей”» // БИЗНЕС Online. 2020. 23 марта. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/462292> (дата обращения: 03.10.2021).

Новости и СМИ [Казань, 31 день] : [сайт Liveinternet.ru]. URL: <https://www.liveinternet.ru/ga-ting/ru/media/#period=month;geo=ru/843;group=media> (дата обращения: 03.10.2021).

Татарстан: рейтинг СМИ за II квартал 2021 г. : [сайт «Медиалогия»]. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/8640/> (дата обращения: 03.10.2021).

Университет к переходу на “дистанцию” готов // Республика Татарстан. 2020. 23 марта. С. 2.

Чеснокова Е. Есть повод отработать передовые технологии: что ждет школьников и студентов в ближайшие недели // Республика Татарстан. 2020а. 20 марта. С. 5.

Чеснокова Е. Карантин — не каникулы: студентов Татарстана отправляют по домам, но не освобождают от учебы // Республика Татарстан. 2020б. 18 марта. С. 3.

Чеснокова Е. Школа, мы скучали... // Республика Татарстан. 2021. 31 авг. URL: <https://rt-online.ru/shkola-my-skuchali/> (дата обращения: 03.10.2021).

Статья поступила в редакцию 04.10.2021 г.

SUMMARY

JOURNALISM AND MASS COMMUNICATION

- Oleshko V. F., Mukhina O. S.* The Role of New Media in the Agenda Setting (on the Example of the Topic of Coronavirus)5
- The coronavirus pandemic is the most relevant topic that has engulfed the entire world's media in the last two years. The next round of this issue's related narrative is centred around the vaccination against COVID-19. The users of the new media conduct active discussions, exerting a direct influence on the agenda, including the use of manipulative techniques. The authors explore the methods used by both sides of the controversy by means of content analysis and online-survey.
- K e y w o r d s:** COVID-19; vaccination; manipulation; social networks; messengers; new media
- Glebovich T. A., Novopashina S. S.* Small Media on Instagram: Forms of Promotion and Interaction with the Audience (the Experience of the Regional Newspaper "Rodniki Irbitskie").....13
- The article discusses the practical experience of upgrading of district newspaper's Instagram account: the results of the work of an SMM specialist are presented, the applicability of SMM tools on the scale of small media is investigated, and an algorithm of work is formed considering the specifics of the platform and publication format. In addition, the network needs and audience' preferences were analysed, and the most probable points of emotional interaction and preference for interactive cooperation were identified.
- K e y w o r d s:** district newspaper; SMM; promotion; account; Instagram
- Ponomareva A. N.* Tinkoff's Social Media Communication Activities28
- The article analyses Tinkoff's bank communication strategies in social networks. These platforms are a promising avenue for advertising and promotion in the context of rapid development of information technology. Meanwhile we can talk about transitions of the companies to social networks to promote their products. There is an increasing focus on content marketing and blogging in the new media. The study aims to show which platforms and formats the bank chooses, what content it publishes and how it communicates with the audience.
- K e y w o r d s:** promotion; social media; marketing communications; digitalisation; banking; new media
- Raspopova S. S.* Fact-Checking as a Format for Self-Regulation of the Media Community36
- The article examines the features of the functioning of mass communication, the number of participants in which has significantly expanded in recent years. New realities demanded a revision of the previously established norms of regulation of mass communication. The currently existing ethical documents, which basically represent the standards of professional behaviour of a journalist, cannot act as a full-fledged ethical regulator for all participants in mass communication due to the multidirectional nature of their activities. The agenda for media researchers today is the development of new approaches to the regulation of mass communication, one of which can be considered fact-checking.
- K e y w o r d s:** mass communication; self-regulation; subjects of information activity; network; fact-checking
- Konkina K. M.* The Coronavirus Theme Coverage Contexts on the Television News Agenda Following the Announcement of the Emergency42
- The paper presents the results of a study that examined the contexts of the coronavirus theme coverage on Russian TV news. In addition, the article considers the thematic diversity of the agenda for the period from February 1

to February 29, 2020. The study focuses on TV channels Russia 24, Moscow 24, OTR, Mir, and Euronews. Thus, the paper processed in all 4,930 original news stories, 869 of which were devoted to the topic of coronavirus. The aim of the study was to find out how TV journalists constructed the agenda at that time and how they were dealing with the topic of coronavirus. The collected data demonstrated that the television channels covered the themes at an equal rate. Moreover, the topic of coronavirus often constructed as the news of public interest, with more attention being paid to its coverage from an economic and political point of view, while a scientific explanation is the least common.

Key words: coronavirus; television; TV news; agenda setting

Sabirova L. R. Speech Features of the Interview Genre in Modern Tatar-Language Journalism.....52

Changes in language are largely a process of loosening the old norm and gradually creating a new one. It is believed that the media contribute to the preservation of the norm and the maximum slowdown of changes. Newspapers and magazines fix the graphic appearance of the word, and radio and television — sound. Together they set grammatical, syntactic and other patterns, which guides the people who read and listen to them. The author of the article studied the speech features of the interview genre in modern Tatar journalism. Namely 3012 fragments were analysed and the following conclusions were made: due to the interview genre, phonetic, morphological, lexical, syntactic, orthoepic enrichment of the language occurs; many modern elements borrowed from the Internet are used in print magazines in the Tatar language; there is a tendency to reduce words, use abbreviations, typed language constructions, phraseological units, borrowings, terms, professionalisms, dialectisms, slang expressions, and it is also observed that in different printed publications in the Tatar language, different variants of using common terms are offered in interviews.

Key words: Tatar language; journalism; modern media; interview genre

Popovich D. A., Bochegova N. N. Actual Concepts of Latin American Media (on the Example of Argentine “Clarín”, Venezuelan “El Nacional” and Chilean “La Tercera” dated May 2021)60

The article is devoted to the analysis of current concepts of the Latin American media on the example of the headlines of three major newspapers. The purpose of the paper is to identify the content of a number of concepts of Latin-American media by means of the definition and contextual analysis of the lexical units representing these concepts. The procedure makes it possible to understand the meanings that are conveyed to the Spanish native speakers of the Latin American cultural background by the headlines of their media. The novelty of the study is related to the description of the ethnocultural specificity of a number of universal concepts of media discourse.

Key words: concept; Latin-American media; ethnocultural specifics; coronavirus; freedom; elections

Antoshin A. V. Press of British West Africa in the Final Stage of the Colonial Era.....66

The article is devoted to the final stage in the history of the colonial press of British West Africa. The publication is based on materials from newspapers published in the 1940s — 1950s in Nigeria and Gambia. These publications are stored at the Library of Congress. The authors argue that periodicals are an important historical source for characterizing the processes of political, economic and socio-cultural modernization of Tropical Africa.

Key words: press; West Africa; Nigeria; Gambia; colonialism

LITERARY STUDIES

Popova M. Yu., Ermolenko S. I. «Empathetic Speakers of the Age»: the Work of Women Writers of the 1850s72

The article is devoted to the little-studied phenomenon of «women’s» prose of the 1850s — the most mature period in the creative evolution of female writers. The authors’ attention is focused on the issue of the emergence of this phenomenon, as well as on the problem of the artistic originality of the works of fictional women. The study attempts to characterize the prose of female authors in the genre aspect. The corpus of the works studied in the article may be of particular scientific interest — many of them have not been reprinted since the publication.

Key words: 1850s; writers-women; prose; genre; novella; novel

Trakhtenberg L. A. N. V. Leontiev's Fables Adapted from J. La Fontaine 81

Nikolai Leontiev is a Russian 18th-century fabulist, esteemed by contemporaries but later forgotten. The paper shows that seven of his fables are based on J. La Fontaine's examples. There are two patterns of reception. In one of them the plot and personae are the same as in the source text, while in the other pattern they are changed. The moral usually stays the same, but in some cases, Leontiev makes certain changes, which reflect his ideology. Among his fables *The Three Kings* is especially interesting. It is based on la Fontaine's fable *The Frogs Who Desired a King*, but the plot is transformed so as to express an opposite idea: unlike the pessimistic French poet, Leontiev optimistically believes in the reality of a good social order.

Key words: 18th-century Russian literature; Russian-French literary connections; translation; imitation

CULTURE STUDIES

Kirillova N. B. Communication Technologies of Media Sphere as the Basis for the Development of Legal Media Culture 90

The object of the research is the educational potential of the media sphere in the development and dissemination of legal culture and human rights culture in modern Russia. This is due to the strengthening of the role of the information factor in the formation of civil society. The purpose of the work is to consider the communication technologies of the media sphere as the basis for the transformation of legal culture into legal media culture.

Key words: media culture; media sphere; legal culture; communication technologies; media text; media education; legal media culture

Kapkan M. V., Likhacheva L. S. Festive Demonstrations in the Soviet Culture: on the Problem of the Typology of Technologies, Methods, and Instruments of Civic Engagement Formation 98

The paper analyses festive demonstrations in the Soviet culture as an effective technology for civic engagement construction of Soviet people. Civic engagement is considered a systemic characteristic of a person indicating the degree of harmony in the combination of personal and public interests in consciousness, moral and political qualities, and behaviour. Soviet festive demonstrations are analysed on the basis of the typology of technologies, methods, and instruments for civic engagement formation developed by the authors. The authors trace the interaction of the technologies, methods, and instruments for civic engagement formation during the demonstrations accompanying the Soviet public holidays.

Key words: Soviet culture; civic engagement; ideological education of the masses; technologies; methods; instruments; celebration of public holidays; festive demonstrations of workers

Nikolaev R. M., Popov E. A. The Literary Jubilees in The USSR and Commemoration Practices in the Stalinian Culture 106

The article is devoted to the specifics of the use of commemorative practices in the Soviet culture of the 1930–1950s. Using the example of the Pushkin jubilee of 1937 and the Gogol jubilee of 1952, a commemorative (appropriative) mechanism is shown that ensured the appropriation of a number of outstanding cultural figures of the previous period by Soviet culture. Thus, the iconic figures of Russian culture of the 19th century turned out to be an iconic part of the new Soviet culture, an element of its symbolic capital.

Key words: commemoration practices; Stalinist culture; Pushkin; Gogol; Russian literature of the 19th century

Bystrova T. Yu., Pevnaya M. V., Asoyan L. A. Place of Youth Initiatives in the Cultural Landscape of Gyumri 115

The article analyses the characteristics of the cultural landscape of one of the largest Armenian cities — Gyumri — in terms of youth participation in its formation. The research is based on the case study conducted by the authors in the spring of 2021. Following the analysis of documents, the results of participant observation, expert and group interviews, an assessment was made of the historical foundations of the cultural landscape of the city, potentially expanding the prospects of urban projects with youth participation, included or excluded from their practice of organizing them in the “cultural capital of Armenia”. The features of the relationship of the cultural landscape of Gyumri as a city that survived not only the Genocide of 1915–1923, but also the earthquakes of 1989 and 1999, with the level and focus of youth initiatives of the 2020s were revealed.

Key words: cultural landscape; socio-cultural environment; youth participation; urban culture; social participation management; case studies; Gyumri

Devyatova O. L. Polish Music Culture in the Life and Work of the Composer Sergey Slonimsky 129

The article is devoted to the problem of cultural relations between Poland and Russia in the second half of the 20th and early 21st centuries, which are studied using the example of musical culture and Russian-Polish relationships in the creative life of the St. Petersburg composer Sergei Mikhailovich Slonimsky. The significance of the genealogical and genetic roots and musical and creative contacts of the greatest master of modern culture with Poland and Polish music, both in the 19th and 20–21-th centuries, is proved. It is concluded that it is musical culture, represented by its outstanding creative figures, that is capable, despite political differences, to establish strong, fruitful creative and friendly relations between the two Slavic countries.

Key words: cultural relationships; musical culture; Polish music; composer; genealogy; musical creativity

Shcherbakova T. L. Innovations in Ornamental Culture as a Process of Loss of the Sacred (on the Example of Russian Textile Ornament of the XVIII — Early XX Centuries) 139

The article examines the process of interaction between tradition and innovation in the culture of textile ornament. The stability of the tradition of ornamental elements is investigated from the point of view of the ontology of an archaic society, its inextricable connection with the ritual. The process of shifting the cultural significance of the phenomenon of ornament from the sacred to the decorative is considered as a mechanism for the formation of innovations on the material of the ornament of Russian embroidery and printed pattern on fabric of the 18th — early 20th centuries.

Key words: ornament; ornamental structures; textile ornament; tradition; innovation; embroidery; printed textile pattern

PSYCHOLOGY

Zinnatova M. V., Glushkova M. S. Psychological Features of Anxiety and Motivations of Medical Personnel During the COVID-19 Pandemic..... 149

Medical workers, in comparison with specialists in other fields, are more susceptible to the negative impact of the current situation of the spread of coronavirus infection. The new working conditions pose a threat to the mental and psychological well-being of healthcare workers of all levels. The article presents the results of an empirical study of anxiety and motivation of nurses during the COVID-19 pandemic in relation to their assessment of the quality of life. The research was carried out based on GAUZ SO SOKB No. 1, Yekaterinburg. The sample consisted of nursing staff of the department of anaesthesiology and intensive care; the number of participants — 62 people, including 6 men and 54 women aged from 23 to 65 years. Research methods: Scale of Reactive (Situational) and Personal Anxiety” (Ch.D. Spielberger, Yu.L. Khanin); Motivation of Professional Activity (K. Zamfir, modification by A. A. Rean); the short questionnaire for the assessment of quality of life (WHOQOL). The results showed that during the COVID-19 pandemic, increased indicators of quality of life characterized nurses. It was also confirmed (but not for all indicators) that an increased level of motivation to work and a reduced level of anxiety characterize participants during the COVID-19 pandemic, with a positive assessment of the quality of life. The results obtained can be used in organizing a system of psychological support and accompanying medical workers in the process of performing professional activities in a situation of the COVID-19 pandemic.

Key words: anxiety; motivation; the quality of life; nursing; COVID-19 pandemic

Tokarskaya L. V., Cheremnih M. N. Comparative Analysis of Personal Characteristics of Adolescents with Hearing Impaired and Adolescents Without Health Disabilities..... 157

The article describes the results of a study of a number of personal characteristics (hardiness, coping strategies, self-regulation, and professional self-determination) in adolescents with hearing impairments and adolescents without impairments. A total of 36 male adolescents from 14 to 17 years old took part in the study. Methods were used in the work: “Modified test of hardiness by S. Maddi” (D. A. Leontiev, E. I. Rasskazova), “Questionnaire for coping with stress” (T. O. Rasskazova, E. N. Gordeeva), the questionnaire “Style of self-regulation of behavior” (V. I. Morosanova), “Five-factor personality questionnaire” (A. B. Khromov) and “Methods

of studying the status of professional identity” (A. A. Azbel, A. G. Gretsov). The results obtained by all five methods were similar in the two groups of adolescents; for most of the indicators, the average level of severity was noted. Correlation analysis revealed the presence of links between the personal characteristics of adolescents with hearing impairment. The data obtained will supplement the ideas of researchers about the personal characteristics of adolescents with disabilities, and can form the basis of psycho-correctional programs designed by psychologists of educational organizations.

Key words: hearing impaired adolescents; hardiness; coping strategies; self-regulation; professional self-determination; boarding school

Leonova I. E., Ershova I. A. Personal Characteristics of Parents with Different Self-Reported Measures of Adaptation Towards Distance Learning Conditions of Their Children166

The article presents the results of the study of personal characteristics (resilience, anxiety, rigidity and extraversion) and coping strategies of two groups of parents of primary school students — with high and low self-reported measures of adaptation towards distance learning conditions of their children. To identify the factors, that may contribute or impede the adaptation of the parents to the new format their children’s education, the new questionnaire was developed and used in this study. The following methods were used: «Resilience test» (S. Maddy), «Coping behaviour in stressful situations CISS» (adapted by T. L. Kryukova), «Method of self-measure of anxiety, rigidity and extraversion» (following D. Maudsley). The study established that there are differences in levels of resilience and emotionally oriented coping between groups of parents.

Key words: adaptation; parents; primary school students; distance learning; resilience; coping strategies; personal characteristics

EDUCATION: CHALLENGES OF THE MODERN WORLD

Zborovsky G. E. Satisfaction of College and University Students With Education: a Comparative Analysis177

The problem of student satisfaction with secondary vocational and higher education is one of the central ones for both students and educational institutions. The social well-being of students at each university and college, their achievement of academic success largely depends on its solution. It is proved that students’ satisfaction with education affects the students’ life success and their assessment of the possible results of this influence. The novelty of the material consists in a comparative study of student opinions and assessments concerning the problems of satisfaction with the received education.

Key words: secondary vocational and higher education; college and university students; comparative analysis of student satisfaction with education; academic and life success of students

Ambarova P. A., Stafeeva A. D. How to Create an Atlas of «Silver» Professions: on the Future of «Silver» Education and the «Silver» Labour Market.....193

The article substantiates the need to create an Atlas of «silver» professions for «young» pensioners and pre-retirees. Similar to the atlas of New Professions, it is considered as a navigator of the «third age» people in the education and labour market. The current state of «silver» education and the «silver» labour market requires the elaboration and implementation of a proactive educational and socio-labour policy capable of coordinating the trends in the development of education, the sphere of labour with the interests and needs of the older generation of Russians. The social technology of designing «silver» professions and places of employment for the «third age» people is considered, taking into account the Russian and foreign experience of using this method of social engineering.

Key words: «Third age» people; «silver» education; «silver» labour market; designing professions; proactive educational and socio-labor policy

Maltsev A. V., Kasyanova T. I., Zakrevskaya O. V. Proforientations in a Modern School: a Teacher’s View.....206

The article presents materials on the study of teachers’ opinions on the organization of vocational guidance work in a modern school. The empirical basis of the study is the results of a questionnaire survey of teachers in the Sverdlovsk region. The sample size is 565 people. The article substantiates the conclusions that a modern

school needs special classes to support professional self-determination. There should be individual vocational guidance specialists who need to be specially trained in the vocational education system, as well as organize advanced training and professional retraining of teachers.

Key words: professional self-determination; professional orientation; teacher; students; parents

AT THE SCHOLAR'S LABORATORY

- Kerimov A. A.* The Educational Potential of Social Media in the Context of the Formation of Legal Culture in Modern Russia.....219
- The rapid development of information technology has led to changes in the practices of education and self-education, the emergence of new opportunities and resources for the continuous development of skills that are important for everyday life. The purpose of the article is to assess the educational potential of social media. In the course of the research, the classification of social media in terms of the features of their use in education was carried out. It was found that social media make a new organizational form of educational activity, the characteristic features of which made it possible to define it as «participate education». A SWOT analysis of the educational potential of social media was carried out, as a result of which conclusions were drawn regarding the further development of education using social media, including in the context of the formation of a legal culture.
- Key words:** social media; new media; legal culture; education; participate education
- Sayko E. A., Shlykova O. V.* Media Consumption of Cultural and Educational Content: Modern Realities229
- The article examines the dynamics of media culture in relation to modern trends in media and digital consumption of cultural and educational content in Russia. The emphasis is placed on the demand for books and reading in the everyday culture of Russians (including audio and electronic versions of books on Internet resources). Everything that is outside the media space practically does not exist for many Internet users — there is only what is “read”, mastered in a media format today. The literary preferences of our contemporaries during the pandemic are considered in the article in relation to popular forms of leisure, taking into account the influence of digitalization processes.
- Attention is drawn to the fact that, on the one hand, there are processes of activating the use of open resources, on the other — the production of a new type of content of cultural and leisure activities and social interaction. This is evidenced by the indicators of consumption of digital educational resources and services, online podcasts, broadcasts in the context of a pandemic.
- Key words:** media space; media consumption; book culture; cultural content; digital consumption; new educational content; online podcasts; norms of the distanced world
- Bakanov R. P.* Representation of Problems in the Field of Education in the Modern “Agenda Setting” Media of the Republic of Tatarstan248
- The article examines how the most popular Russian-language media among the audience of the Republic of Tatarstan talk about problems in the field of education. The author of the article used methods of problem-thematic, lexicostylistic and comparative analysis of mass media for the previous two years (570 articles were analysed). As a result of the investigate we found the authors of the articles talked about numerous conflicts between teachers, students and their parents from an emotional point of view, wanting to increase the number of views of their articles and increase the rating of a particular media, without forming a positive media image of a teacher.
- Key words:** the Republic of Tatarstan; education; mass media; “agenda setting”; school; teacher; student; conflict; assessment; emotion

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 1
Проблемы образования, науки и культуры
2021. Т. 27. № 4

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию

Редактор и корректор *Н. В. Чапаева*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48319 от 27.01.12.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».
Адрес учредителя: 620002, Свердловская обл., г. Екатеринбург, ул. Мира, 19.

Дата выхода в свет 20.12.2021. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 21,5. Усл. печ. л. 20,91. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Цена свободная. Заказ 277.
Издательство Уральского университета.
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра УрФУ.
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-58-20, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–48319 от 27.01.2012 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 28.03.2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227–2275;
- электронно-сетевая версия журнала зарегистрирована в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации 01.12.2017 г. с присвоением международного стандартного номера сериального издания ISSN 2587–7151;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук;
- в соответствии с рекомендациями Президиума Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, журнал публикует статьи по двум отраслям науки: 10.00.00. **Филологические науки** (группа специальностей 10.01.01. **Русская литература**, 10.01.10. **Журналистика**); 24.00.00. **Культурология** (24.00.01. **Теория и история культуры**, 24.00.03. **Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов**).
Решение по публикации научных материалов по другим отраслям принимается индивидуально, в каждом конкретном случае;
- включен в объединенный каталог «Пресса России». Индекс 43138;
- материалы журнала включены в информационную систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета: <http://urfu.ru/science/proceedings/>

О порядке предоставления и рецензирования рукописей

1. Автор высылает в редакцию по электронной почте (izvestia_1@urfu.ru) **текст статьи, не публиковавшийся ранее (представленный только в наше издание)** (см. ниже требования к оригиналу) и **анкету статьи** (см. на сайте журнала <http://izvestia1.urfu.ru>). Статьи без анкеты не рассматриваются.

2. Статья передается одному из рецензентов, включенному в редакционный список рецензентов по основным научным направлениям, освещаемым в журнале. Назначенный редакцией рецензент в течение 10 дней готовит мотивированный отзыв на статью и передает его в редакцию.

3. Редакция на основании представленной внешней рецензии и заключения назначенного рецензента выносит решение либо о принятии статьи к опубликованию, либо о повторном рецензировании (после исправления автором текста в соответствии с замечаниями рецензента), либо об отказе в публикации. Все рецензии на статьи хранятся в архиве редакции в течение 5 лет.

4. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.

5. Редколлегия обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки РФ при поступлении соответствующего запроса.

6. Редакция согласовывает с автором исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.

7. Статьи, одобренные редколлегией, печатаются бесплатно.
8. Отправка статьи для публикации в журнале означает согласие автора на обработку персональных данных и размещение статьи в открытых интернет-источниках.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

а) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в т. ч. сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес. Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук они выступают соискателями ученого звания;

б) инициалы и фамилия автора на русском языке;

в) заголовок статьи на русском языке;

г) краткая, 5–7 строк, аннотация к статье на русском языке (ГОСТ 7.9.–95; включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций);

д) ключевые слова по исследуемой проблеме;

е) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке (обращаем внимание авторов на необходимость представления качественного перевода, неадекватный перевод может стать основанием для отклонения статьи);

ж) основной текст статьи с отсылками на затекстовые библиографические ссылки;

з) список затекстовых библиографических ссылок в алфавитном порядке (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

После написания статьи автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5–2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила составления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Для публикаций, имеющих DOI, необходимо указывать соответствующую ссылку. Например:

Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г.: [сайт Президента РФ]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 14.02.2007).

Герцен А. И. С того берега // Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3. С. 58–112.

...

Коробкин М. Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27. С. 8–10.

Куропаткин А. Н. Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. Санкт-Петербург ; Варшава, 1906–1907. Т. 1.

Николаев И. А., Марушкина Е. В. Бедность в России // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbк.ru> (дата обращения: 12.01.2012).

Шацлло К. Ф. Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000. С. 56–64.

Smyth A. Nationalism and modernism. URL: <http://www.e-bookspdf.org/download/nationalism-and-modernism-anthony-d-smith-pdf.html> (accessed: 02.09.2014).

Walker B. M. No more heroes any more: the 'older brother' as role model. <https://doi.org/10.1080/03057640701706169>

б) во внутритекстовых ссылках в квадратных скобках указываются фамилии авторов (если документ создан 1–3 авторами) или заглавие (4 и более авторов, коллективные сборники), при цитировании — номер страницы. При ссылке на многотомное издание в скобках после фамилии автора ставится номер тома и номер старницы. Год издания указывается лишь в том случае,

если есть ссылки на другие книги этого автора. Если один и тот же автор опубликовал в одном году несколько работ, на которые делаются ссылки, то и в тексте и в списке к году добавляется литера. Если в квадратных скобках нужно указать несколько источников, то фамилии авторов разделяются точкой с запятой.

Примечание. При цитировании электронных ресурсов страницы не указываются.

в) отсылки на архивные документы в тексте оформляются аналогично: в квадратных скобках, между элементами отсылки ставится точка (возможен вариант: ссылки на архивные документы даются только в тексте, в круглых скобках, между элементами отсылки ставится точка). Ссылки на архивный источник за текстом — по правилам оформления затекстовых ссылок. Название архива, если оно не является общепринятым, расшифровывают:

ГАСО (Гос. арх. Свердлов. обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14—14 об.

РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14—14 об.

3. Работы докторантов (до 0,5 а. л., 20 000 знаков с пробелами) и аспирантов (до 0,4 а. л., 16 000 знаков с пробелами) должны содержать основные совокупные, а не фрагментарные результаты проведенного научного исследования.

4. Диаграммы, графики и схемы в тексте должны быть доступны для редактирования (редакторами Word или Exel), рисунки прилагаются к основному тексту отдельными файлами в формате .jpg.

Адрес редакции: 620000, Свердловская обл., г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51. УрФУ, ИПЦ
Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры».
Главному редактору *Амирову Валерию Михайловичу*.

Материалы принимаются в Издательстве УрФУ:
Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, Издательство УрФУ
(для *Ларисы Александровны Хухаревой*).
Электронный адрес журнала: izvestia_1@urfu.ru

Анкета статьи

ФИО автора (полностью)	
Ученая степень, звание (полностью)	
Должность	
Организация (кафедра, департамент, институт, вуз)	
Страна	
Город	
E-mail:	
ORCID (если есть)	
Соавтор (соавторы) (аналогичные сведения о соавторе (соавторах))	
Наименование статьи	
Код УДК	
Аннотация	
Ключевые слова	
Список библиографических ссылок	

На английском языке:

Author 1	
Organization	
Country	
City	
Author 2	
Organization	
Country	
City	
Title of article	
Abstract	
Key words	